АКАДЕМИЯ ВОЕННЫХ НАУК
АССОЦИАЦИЯ АНАЛИТИКИ

В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий

«ПОМНИ ВОЙНУ»

(доклад российскому интеллектуальному клубу)

«**Мир кажется таким несправедливым, когда с Россией никто не воюет!**»
Генри Джон Темпл Пальмерстон.
Премьер-министр Великобритании

«**Никакое богатство не сможет перекупить влияние обнародованной мысли»**
А.С.Пушкин

2015г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

1. За что будут воевать в XXI веке 33

2. Дестабилизирующие факторы мировой политики 54

3. Что день грядущий нам готовит? 64

3.1 Смена курса и раскол элиты 64

3.2 Возможности атаки на общественное сознание 70

3.3 Деградация экономики и вызовы новой индустриализации 75

3.4 Угрозы и риски России. Краткий анализ сложившейся ситуации 79

3.5 Угрозы и риски для России в динамике их актуализации 81

4. Завтра война ? 84

5 «Большая война» - глобальный вызов России 101

5.1 Дескриптивный анализ проблемы 101

5.2 Зачем Америке нужна «Большая война» ? 123

6. ЧТО ДЕЛАТЬ? 133

6.1 Исходный дескриптивный анализ проблемы 133

6.2 «Мягкая сила», как внешнеполитический ресурс и специфический инструмент «латентного» управления 175

6.2.1 «Goodwill» - как «нематериальный актив» государства 175

6.2.2. Дескриптивный анализ конструкта «Мягкая сила» 178

6.2.3 Пора бы снова «к штыку приравнять перо» 183

6.2.4 Проблемные вопросы работы в информационной сфере 194

6.2.4.1 Почему мы проигрываем информационные войны? 194

6.2.4.2 «Как день грядущий мы готовим?» 198

6.2.4.6 Информационный комплекс России – проблемы и перспективы 206

6.3 «Жесткая сила» как ресурс действия 213

6.3.1 Исходный дескриптивный анализ 213

6.3.2 Проблема управления процессами модернизации в военной сфере в условиях неопределенности представлений о военных конфликтах 227

будущего
6.3.2.1 Общее состояние проблемы 227
6.3.2.2 Можем ли мы предугадать будущее? 237
6.3.2.3 Войны и оружие завтрашнего дня 240
6.3.2.4 «Хорошо забытое старое» («неядерное» ОМП как дестабилизирующий фактор безопасности России) 252
6.3.2.5 Стратегическая конъюнктура для развития ВС РФ 270
6.3.2.6 Что и как делать? 275
7 Ядерное оружие и безопасность России в 21 веке 294
8. Что делать России, чтобы не распасться как Советскому Союзу? 319
8.1. Кризис элит как фактор дестабилизации 319
8. 2. Устойчивость социальных систем 326
8.3. Особенность современной эпохи 333
8.4. От Мир-системы к Мир-организму 335
8.5. Что делать? 341
Вместо заключения. «Вектор России» 344
Библиография 351
Приложение А 371
Методическое обеспечение процедуры стратегического планирования 371
1. Методическое обеспечение разработки стратегических документов 371
1.1. Исходные положения 371
1.2. Определение состава показателей контролируемых процессов 376
1.3. Оценка достижения целей и задач, изложенных в документах стратегического планирования и управления 380
1.4. Использование статистических и экономико-математических моделей для стратегического планирования и управления 381
2. **Предложения по процедуре стратегического планирования** 392

«Помни войну!»
С.О.Макаров

«В грядущем новом мировом порядке будут побежденные и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не представят».

Жак Аттали
(первый президент Европейского банка реконструкции и развития, член Бильдербергского клуба)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время человечество совершает, вероятно, самый крутой поворот в своей истории. И в этот период стремительно развиваются неустойчивости, растут риски, и война оказывается совсем близко.

На этом рубеже очень важно осознать сущность переживаемой эпохи, её вызовы и технологические императивы и сущность войн, в которых, возможно, придется участвовать России. Чем яснее мы их будем понимать, чем лучше будем готовы к отражению и парированию возникающих угроз, тем больше вероятность того, что события для нашего Отечества и для мира в целом будут развиваться не по худшему сценарию.

В настоящее время наука и технологии «сдают карты будущего», меняют формат войн и их сущность. Достаточно напомнить создание ядерного оружия и стратегических ядерных сил, которые определили историю и геополитику нашего времени. Наличие таких средств сдерживания позволило более 70 лет обходиться без мировых войн.

Анализ «коридора возможностей» человечества и отдельных цивилизаций, вариантов будущего, представляет собой фундаментальную

задачу, непосредственно связанную с оценкой риска военных столкновений. Одной из ключевых сфер стратегического анализа становятся *технологии проектирования будущего*, исследование тех небольших изменений в сегодняшнем дне, которые могут кардинально изменить траекторию регионов, государств, отраслей промышленности в 20-30 летней перспективе.

Эта проблема имеет и большое прикладное значение. Для того, чтобы иметь научно обоснованную дальновидную программу развития системы вооружений, надо заглядывать как минимум на 30 лет вперед. Чтобы проектировать и создавать оружие надо хорошо понимать, какие задачи и на каких театрах военных действий должна быть в состоянии решать армия, кто будет союзниками, а кто возможными противниками, и каким – облик боя. В самом деле, опыт показывает, что между началом финансирования создания нового оружия и временем, когда оно поступит в войска, проходит почти 10 лет. Ещё, по крайней мере 20 лет, должно стоять на вооружении и сдерживать существующие и перспективные системы противника (которые сегодня он только планирует создать, используя достижения науки и техники. Очень многое в этой области следовало бы моделировать, прогнозировать и предвидеть. Мир стал намного сложнее, чем 30 лет назад, поэтому «отмерить на глазок», «положиться на обычный здравый смысл» – здесь не является лучшим решением.

Одним из ключевых понятий науки XXI века стало понятие *бифуркации* (от французского – раздвоение, ветвление). Формально, математически, это изменение числа и/или устойчивости решений рассматриваемых уравнений при изменении параметра. Однако, это понятие вышло за рамки математики и стало использоваться и в гуманитарных науках, вошло в массовое сознание. В более широком смысле под бифуркацией понимается потеря устойчивости прежней траектории, по которой она развивалась, и появление новых возможностей (или исчезновение тех, которые были). Именно в точке бифуркации система

«определяет своё будущее». В этой точке малые воздействия могут задать сценарий дальнейшей эволюции (или революции) объекта.

Наша цивилизация, Россия, система вооружений находятся сейчас в точке бифуркации! Наше будущее определяется тем, как она будет пройдена. Как это обычно бывает в таких ситуациях, возникает множество неопределённостей, неожиданностей, и решения приходится принимать в условиях неполной информации.

Однако стратегический прогноз, проектирование будущего, анализ предстоящих войн настолько серьёзны, что (помимо исследователей еще остающихся в разгромленном военно – научном комплексе) отдельные группы энтузиастов в России продолжают заниматься этими проблемами. Некоторые из важных результатов в данной области мы и обсудим в этой книге.

Чуть более полутора тысяч лет отделяет нас от того события, когда римский гражданин Сидоний Апполинарий написал свое в последствие ставшее знаменитым письмо другу. Он не был ни влиятельным сенатором, ни популярным военачальником, ни ученым, но (в отличие от миллионов своих сограждан) вошел в историю и закрепился в ней. А стал он знаменитым в том числе благодаря одному дошедшему до наших дней письму, в котором он (с точностью до смысла) писал следующее: что вот сидит он на берегу Тибра, солнышко светит, птички поют, и как же хорошо жить в Риме, таком безопасном для жизни городе. Через несколько месяцев варвары захватили и разграбили Рим. Вот это свойство человека в упор не замечать нависшей угрозы стали называть «синдромом Сидония Апполинария».

Как представляется, сейчас в России ему подвержены не только почти поголовно все либеральное «экспертное сообщество», но и определенная часть основных базовых элементов системы принятия военно – политических решений.

Чего только стоят заявления на широко транслировавшемся 31.03.2015г. по телевидению «круглом столе» с присутствием довольно

значимых фигур Российского политического истеблишмента, где практически все участники (за исключением К.Г.Шахназарова) выступали с «убаюкивающих» позиций о невозможности втягивания России в «Большую войну» с участием Запада.

В этой связи уместен еще один исторический пример.

«Помни войну!» — этот лозунг повесил адмирал С.О.Макаров в своем кабинете, засыпал руководство докладными о необходимости срочно укреплять Порт-Артур и готовить тихоокеанский флот к войне. От него просто отмахивались. И только начавшаяся русско-японская война подтвердила полную правоту адмирала. Но было уже поздно. Нам надо помнить уроки истории, которая строго наказывает за их игнорирование, а не озабочиваться какую «оценку» поставит стране западное рейтинговое агентство.

Сегодня Россия фактически находится в состоянии «втягивания» в «Большую войну», организуемую Западным блоком, составляющим т.н. «Ядро» Мир – системы (по Валлерстайну) и, прежде всего, США.

Выдвигая вышеозвученный тезис, авторы в своей книге идентифицируют используемый термин «большая война».

Как следует из предлагаемых материалов, содержание понятия «война» есть сложный в научном отношении концепт. В первую очередь это связано с его многоаспектностью, не позволяющей сформулировать универсальное определение, обладающее операциональной значимостью.

Авторы исходят из того, что такое предельно широкое и емкое понятие невозможно выразить через другие более частные понятия и установить его исчерпывающее содержание в виде одной логической синтагмы. Вероятно, и стремиться к этому нет особой необходимости.

Согласно Б. Г. Лиддел – Гарту (его еще на Западе называют «Клаузевицем 21века») состояние войны характеризуется тем, что выживание противостоящего «актора» конфликта не рассматривается как

ограничивающее условие при использовании против него совокупности «средств направленного воздействия».

Таким образом «Большая война» рассматривается авторами в первую очередь как способ разрешения конфликтных противоречий, связанных не в последнюю очередь с неравномерностью распределения ресурсов, как правило, сконцентрированных не в «богатых» странах, а на полупериферии и периферии Мир-системы, с неограниченным применением средств направленного воздействия на противостоящих «акторов» конфликта. Она, как будет показано ниже, происходит на переходе от «понижательной» к «повышательной» волне «Большого кондратьевского цикла», составляющем период значительных геополитических и геоэкономических сдвигов.

Авторы не утверждают, что в день «Ч» сразу же последует прямое крупномасштабное военное нападение на нашу страну на Западном ТВД с неограниченным применением средств из гиперкласса «оружие» (включая «экстремальные» типы оружия). Как и полагается (в соответствии с концепцией «непрямых действий» Б. Г. Лиддел Гарта и новой концепцией «Умной обороны НАТО»), в современных войнах «пушкам» полагается «молчать» до определенного момента «Х», когда слаженная машина задействования средств из подклассов «информационное» и «организационное» оружие (всевозможные санкции, подрыв экономики и др.) вкупе с изнурительной «криптовойной» доведет страну – объект агрессии до состояния хаоса и невозможности нанесения адекватного ответного удара, т.е. беспомощной и беззащитной жертвы.

Сказанное выше прямо вытекает из концепции «Умной обороны». Так сейчас называют начавшуюся крупномасштабную военную реформу альянса, ход и направленность которой задается США. На майском 2012 г. саммите НАТО в Чикаго конструкт «умная оборона» официально введен в профессиональный лексикон.

Как утверждал (в беседе с испанским послом во Франции Искьердо) Шарль Морис де Талейран «слова нужны, чтобы скрывать мысли». На протяжении уже трехсот лет данный принцип неуклонно используется в

политической практике. В этом мы еще раз можем убедиться во время ознакомления со всевозможными информационными и аналитическими материалами по рассматриваемому вопросу, как зарубежными, так и российскими /9…17/. Они, как правило, представляют собой «особый вид художественной литературы» с той лишь разницей, что западные аналитики в своих «сочинениях на заданную тему» реализуют стратагему «увода на ложный объект» («Пусть сливовое дерево засыхает вместо персикового» - 11-я стратагема по Харро фон Зенгеру) /19/, а представители так называемого российского экспертного сообщества в этом им усердно «помогают». После прочтения российских аналитических материалов по рассматриваемой теме вроде «Не очень умная оборона» (журнал «Россия в глобальной политике» 17 мая 2012г.) /17/ голова может стать «чистой как после рыбалки».

Хотя есть и исключения. В информационную среду прорываются отдельные материалы, позволяющие усомниться в адекватности внушаемого нам видения «картины явления» (по рассматриваемому аспекту), комментирующие, например, создание киберцентра НАТО в Таллине. Но эти материалы «теряются» в потоке комментариев на тему планируемой НАТО «оптимизации военных расходов» и им подобным.

Вместе с тем (даже беглый) профессиональный анализ происходящего дает возможность усмотреть помимо указанной «оптимизации», как минимум, три уровня целей Планировщика проводимых изменений определяющих конфигуратор предметной области «умная оборона».

- 1й уровень отражает начало фазы перехода к очередной «микрореволюции» в военном деле, которую можно образно определить следующей формулой - **«От стратегии Клаузевица к Сунь-Цзы»**
- 2й уровень есть отражение политических процессов, которые можно идентифицировать, как начало создания «новой Антанты».
- 3й уровень заключается в организационном и военно-технологическом обеспечении новой стратегической концепции НАТО.

Если ограничиться рассмотрением (через «концептуальную лупу») только первого уровня целей, то здесь можно высказать следующие суждения.

Суть реализации указанного 1-го целевого уровня состоит в развитии военной организации Запада (т.е. в усложнении всей совокупности ее атрибутов) в том числе за счет перехода к новым технологиям управления международным конфликтом с задействованием «силового фактора». Провал НАТО в Ираке и Афганистане, когда дело доходило до того, что сухопутные войска «победителей» вынуждены были находиться в укрепрайонах и платить за то, чтобы их «не трогали» вызвал необходимость пересмотра основных положений военной политики Запада.

В основу изменений положена новая «побеждающая стратегия» войны рассматриваемой как один из способов разрешения международного конфликта. Необходимость и направленность данных изменений связана с разрешением следующей проблемной ситуации.

Достаточно длительное время в основе западных представлений о военной стратегии лежали идеи Карла фон Клаузевица. Основной целью войны по Клаузевицу было вовлечь армию противника в «решающее сражение» и затем выиграть его. Современный ответ на то, как это сделать давался Д.Бойдом на основе обобщения опыта германского «блицкрига» и действий израильской армии на ранних этапах ее существования, предложившим известную цепочку «наблюдение – ориентация – решение – действие» (цикл OODA). Цикл Бойда позволил захватить один из главных стратегических ресурсов – время.

Западные Вооруженные силы, организующие свои действия по «циклу OODA», да еще со всякими «наворотами» вроде использования технологий рефлексивного управления противником продемонстрировали внешнюю эффективность на начальных этапах вооруженной фазы межгосударственного конфликта против заведомо более слабой стороны.

Вместе с тем становится все более очевидной ограниченность указанной «побеждающей стратегии». Данный факт уже давно отмечался в циклах публикаций в журнале «Информационные войны», издаваемом Академией Военных наук совместно с РАН /21…27/.

Переход от (модифицированной Д.Бойдом) стратегии Клаузевица к стратегии «Сунь-Цзы» видится западными военными руководителями в качестве выхода из сложившегося концептуального тупика. Сунь Бинь также как и Клаузевиц стремился достичь победы в войне, но предпочтительно спровоцировав коллапс (дезорганизацию) армии противника еще до начала

решающего сражения: «одержать сто побед в ста сражениях – это не вершина превосходства. **Подчинить армию врага, не сражаясь – вот подлинная вершина превосходства».** По Сунь-Цзы война из чисто материально-вещественной сферы «перетекает» в информационную /18, 19/.

При этом от «цикла OODA» и технологий рефлексивного управления на Западе не отказываются. Он реализуется в рамках трех базовых концепций:

1. Концепции единого геоцентрического ТВД.

2.Концепции «быстрого глобального удара».

3.Концепции адаптированного планирования боевого применения стратегических наступательных сил.

В целом же процесс управления межгосударственным конфликтным противоборством организуется на основе сквозных функциональных технологий, позволяющих реализовать в системе управления указанным противоборством все виды (механизмы) выработки управленческих решений /21…27/.

Как было указано выше, в рамках организации многоуровневого процесса управления межгосударственным конфликтом «цикл OODA» реализуется на «тактическом» уровне управления, в то время как на стратегическом уровне ведется подрывная деятельность (по «Сунь-Цзы») с задействованием технологий «управляемого хаоса», «информационных войн 2го поколения» (по терминологии корпорации РЭНД) и т.наз. «организационного оружия».

В свете вышесказанного приобретает особый смысл наметившаяся во время президентства Б.Обамы тенденция ставить во главе Пентагона профессиональных разведчиков и не просто разведчиков, а специалистов по тайным операциям.

Предпоследний министр обороны (до конца 2011 г.) Роберт Гейтс начал свою работу в госорганах США в 60-х годах прошлого века, когда его как специалиста-советолога пригласили на работу в ЦРУ. В сентябре 1989 г. Гейтс создал «сверхсекретную группу» из 5 человек для «планирования на случай чрезвычайных происшествий в России». Помимо Гейтса, в группу входила также Кондолиза Райс, занимавшая позже пост госсекретаря США при президенте Дж. Буше-мл. По свидетельству самого Гейтса, **группа разрабатывала рекомендации, что делать с Россией после того, как**

рухнет Советский Союз, в то же время, работая над организацией контролируемого разрушения СССР.

Иначе говоря, предпоследний глава Пентагона был одним из главных разработчиков плана по разделению России. Интересно отметить, что Б.Обама после прихода к власти оставил Гейтса (несомненно, человека Дж. Буша) на ключевом посту министра обороны! И только в конце 2011 его сменил Леон Паннета – **бывший директор ЦРУ**! Как можно видеть, «умная оборона» фундируется «специально обученными» кадрами.

Сама по себе стратегия «умной обороны» не нова. Еще в 1943 г. в Лондоне известный ученый–физик О.У. Ричардсон, «вдохновленный» немецкими бомбардировками, выдвинул и научно обосновал парадигму «новой войны» - целесообразности **упреждающего разрушения военно–промышленного потенциала государства - потенциального противника**, с тем, чтобы избежать прямого военного столкновения /18/. Что и было сделано впоследствии применительно к СССР, а сейчас активно и успешно применяется по отношении России.

Но еще до Ричардсона «новую оборону» на практике реализовала нацистская Германия, которая успешно использовала теорию «блицкрига» совместно с упреждающими действиями в информационно – психологической сфере**.** В этой связи любопытно отметить следующий исторический эпизод. Когда в 1938 г. на одном из совещаний А. Гитлеру льстиво заметили: «вы положили Чехословакию в карман как скомканный платок», тот ответил, указывая на Вильгельма Канариса: «А скомкал его он» /20/.

Таким образом, напрашивается вывод, что в настоящее время на Западе происходит своеобразная «реинкарнация» успешно апробированных на практике военно–стратегических концепций нацистской Германии с поправкой на современное развитие военно–технологической базы. В рассматриваемом случае авиационно–танковый «блицкриг» заменяется на «быстрый глобальный удар» на едином геоцентрическом ТВД организованный по «циклу OODA» и «усиленный» к тому же использованием технологий рефлексивного управления противником. Одновременно «запускаются» стратегии из «Сунь-Цзы», «36 Стратагем» /19/ и др.. Еще до перехода к военной фазе конфликта, государства – потенциальные противники «доводятся до кондиции» с использованием

различных технологий «внешнего» управления (информационного управления, институционального управления, организационного управления и др.) в том числе и «технологий управляемого хаоса», о которых много говорится, но, как представляется, мало кто в России (из тех кому положено) вдумчиво читал Стивена Манна для реализации на практике ответных мер.

Все происходящие изменения можно объяснить только одним. Запад готовит «побеждающую стратегию» для планирования и ведения будущей «большой войны» в том числе и против России.

Навязываемая нам Западом (и, в первую очередь, США) война носит имперский характер, поскольку направлена на сохранения сложившейся Мир – системы и своего положения в ее «ядре», позволяющего поддерживать жизненный уровень за счет других стран («полупериферии» и «периферии» Мир – системы). Развязывание этой войны происходит сейчас на пространстве «Большого Ближнего Востока» и на Украине, следуя логике имперского давления США на Россию и другие государства, противившиеся имперскому диктату.

Авторы заранее отметают возможные обвинения в «алармизме». И, в первую очередь, это утверждение может быть обосновано также тем, что они в значительной мере ушли от чисто дискурсивных рассуждений «на тему», а стремятся «объективизировать» свои выводы и суждения в стиле Г.Лейбница: «Давайте вычислим, господа». В настоящей работе мы предлагаем в духе основателя «Римского клуба» Аурелио Печчеи: «чем спорить, давайте подсчитаем». Вследствие этого настоящая работа (в отличие от большинства конфликтологических и политологических) не представляет собой «особый тип художественной литературы». Точка зрения авторов в значительной мере базируется на результатах математического моделирования, проводившегося в том числе в процессе многолетней работы в рамках научной программы РАН «Комплексный системный анализ мировой динамики» и последующих программ.

Анализируя глобальные процессы в Мир – системе, нельзя не обратить пристальное внимание (кроме всего прочего) на действия США в

энергетической сфере, в определенной мере подтверждающие выдвинутое положение о подготовке Америки к «Большой войне».

Как отмечается в /1/: «К началу марта хранилища нефти в США, Европе и Японии достигли рекордного за 80 лет уровня заполненности. Нефть, по сути, некуда девать. Значительная часть запасов приходится на различного рода государственные резервы. Решения об этом принимались в Вашингтоне и в столицах его союзников по согласованию с США. Американцам требовалось время, чтобы отработать систему кредитования производителей физической, прежде всего, сланцевой нефти, при дальнейшем падении цен на нефть».

В этой связи интересно отметить, что США для организации накопления запасов нефти идут на абсолютно нерыночные меры. В соответствии с информацией опубликованной в /1/: «..в конце февраля состоялась встреча руководства крупнейших уолл-стритских банков, представителей Казначейства с топ-менеджментом и ключевыми акционерами ведущих сланцедобытчиков. ….По результатам встречи можно сделать однозначный вывод, что американское руководство и завязанные на ФРС крупнейшие банки будут кредитовать практически на беспроцентной основе американских сланцедобытчиков столь долго, сколько это потребуется для реализации американских политико-экономических целей». Если же, как полагают многие аналитики, Америка просто ведет игру на обрушение цен на нефть, то почему до сих пор действует запрет на ее экспорт (и это при переполненных хранилищах?).

По нашему мнению (в общем, не отвергая в принципе высказываемую в цитированных материалах гипотезу об обрушении цен), дело может быть также и в следующем.

Как писал в 1943 году видный советский учёный-химик Я.Т. Эйдус: «Если мотор является сердцем современной машины, то жидкое топливо представляет её кровь… Потому из всех материальных средств, жизненно необходимых для ведения современной войны, жидкое топливо – одно из

самых важных». Без «чёрного золота», а, вернее, без чёрной крови невозможна победа в военном конфликте.

Ещё раньше, в1925 году, на XIV съезде ВКП(б) об этом же говорил И.В. Сталин: «…вопрос о нефти есть жизненный вопрос, ибо от того, у кого больше будет нефти, зависит, кто будет командовать в будущей войне. От того, у кого больше будет нефти, зависит, кто будет командовать мировой промышленностью и торговлей. Нефть, после того как флот передовых стран переходит на моторные двигатели, является жизненным нервом борьбы мировых государств за преобладание как во время мира, так и во время войны».

Таким образом, действия США (и Запада) в энергетической сфере можно рассматривать также и как возможный разведпризнак форсированной подготовки к войне.

Может быть, в этом и кроется объяснение отмечаемого рядом аналитиков феномена не вполне рыночного поведения цены нефти. При переизбытке нефти цена на нее не продолжает резко падать, а «осциллирует» в некотором диапазоне. Не исключено, что все дело в наличии ожиданий ее будущей резкой востребованности.

Что касается других признаков подготовки к «большой войне» с Россией, то нельзя не обратить внимание на внезапное решение американского руководства (в 2014г.) нарастить в Европе потенциал тактического ядерного оружия. Предполагается оснастить истребители F-16 и Tornado ВВС пяти стран НАТО оборудованием, позволяющим применять ядерные бомбы B61-12. Что весьма показательно, им предполагается оснастить самолеты ВВС стран, которые являются сегодня неядерными: Бельгии, Нидерландов, Турции, Германии и Италии. Переоборудование самолетов предполагается завершить к 2018 году.

«Модель 12», под которую переоборудуется авиация указанных стран это «тактическая» бомба переменной мощности в четырех вариантах – 0,3,

1,5, 10, 45 килотонн, которую планируется принять на вооружение как раз в 2018 году.

Это высокоточное ядерное оружие. Хвостовой отсек указанной бомбы оснащен управляемыми аэродинамическими поверхностями и системой наведения по спутниковой навигации GPS. КВО (круговое вероятное отклонение) нового оружия должно по расчетам составить менее одного метра.

Таким же оборудованием для применения ядерного оружия предполагается оснастить все поступающие на вооружение перспективные истребители F-35.

Необходимо отметить, что упомянутые выше страны (имеющие безъядерный статус!) в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия не имеют право эксплуатировать и размещать на своей территории ядерное оружие. Совершенно очевидно, что решение о радикальном усилении потенциала тактического ядерного оружия в Европе – это признак начавшейся подготовки США к войне с Россией. Больше в Европе тактическим ядерным оружием воевать не с кем.

Здесь важно понимать, что применительно к указанным системам вооружений «тактическое ядерное оружие» - вводящий в заблуждение термин. По своей досягаемости и, следовательно, возможностям поражения целей на территории России это оружие является очевидно стратегическим. Вот так «изящно» происходит подготовка к «обходу» положений нового Договора о СНВ (ДСНВ).

Говоря о других действиях США по «обходу» положений нового ДСНВ, необходимо также отметить, что они «не заморачиваются» имеющимися в Договоре ограничениями на число носителей, которые (по замыслу их авторов) должны ограничить «контрсиловой» потенциал стратегических неядерных сил. Просто в США не только тяжелобомбардировочная и стратегическая авиация, но и **«тактическая»** авиационная компонента Вооруженных сил (ВС), а также ударные средства

размещаемые на морских платформах, модернизируются под обеспечение возможности поражения **«критичных по времени целей»** и, таким образом, приобретают способность к нанесению эффективного, в том числе «экологически приемлемого», «**контрсилового» удара** по СЯС России.

Таким образом, помимо часто упоминаемых систем «стратегической» и так называемой «нестратегической» ПРО, в качестве новых существенных дестабилизирующих факторов «кризисной стабильности» на предполагаемый период действия заключенного ДСНВ могут быть указаны следующие:

1. Разрабатываемые в США базовые военные технологии создания высокоскоростных сверхзвуковых и гиперзвуковых высокоточных ударных средств большой дальности в «обычном оснащении», размещаемые в тактической авиационной компоненте, а также на морских платформах относящихся к четвертому поколению (вроде кораблей класса «Орли Бёрк»), а также к пятому поколению, включая эсминец нового поколения Zumwalt.

> **Справочно.** Эсминцы типа Zumwalt, разрабатывались в США последние годы как основа для ряда перспективных надводных кораблей. Они значительно крупнее существующих кораблей аналогичного класса и спроектированы с применением технологии «стелс».
> Основная задача кораблей нового типа – **нанесение ударов по сухопутным объектам,** хотя они также могут поражать морские и воздушные цели.
> Корабль оснащен, помимо всего прочего, 20-ю установками вертикального пуска Mk-57, которые рассчитаны, в том числе, на использование 80 ударных ракет большой дальности.

2. Разрабатываемые и принимаемые на вооружение в США **ударные беспилотные летательные аппараты** (БЛА) различного типа (в том числе выполненные с применением технологии «стелс»), включая **платформы для противоракет** /7, 8/. Фактически в США создается принципиально новая ударная система вооружения, которую по дальности можно отнести к стратегическому наступательному и оборонительному оружию, не попадающему под ограничения Договоров о СНВ.

Интеграция технологий высокоскоростных сверхзвуковых и гиперзвуковых управляемых ракет (УР) «воздух-земля» с разрабатываемыми тактическими авиационными системами нового поколения, отличающимися сверхзвуковой скоростью полета, универсальностью базирования (морское,

наземное, в том числе и с неподготовленных площадок), малой заметностью, большим радиусом действия и боевой нагрузкой, а также их размещение на морских платформах позволит США создать в так называемом «тактическом звене» своих ВС эффективную и, главное, **не подпадающую под договорные ограничения контрсиловую компоненту**. Технические характеристики разрабатываемых систем вооружения позволяют сделать вывод, что указанная компонента способна не только эффективно поражать объекты СЯС России в так называемый «безъядерный период» ведения боевых действий (на «нижних» ступенях эскалации военного конфликта), но будет представлять собой «тактическую» группировку, способную к нанесению внезапного контрсилового и «обезглавливающего» удара по объектам Российских СЯС и органам управления. Договорные ограничения на число стратегических носителей (т.е. потенциальных целей) могут еще больше обострить данную проблему.

Россия не имеет и в обозримом будущем не сможет иметь аналогичные по возможностям (включая приближенность к объектам США) «тактические» группировки ударных средств. Таким образом, возникает все более и более увеличивающийся **дисбаланс в боевых возможностях СЯС** России и США, связанный с неучетом влияния разрабатываемых базовых военных технологий, составляющих перспективу развития ударного авиационного и морского компонента сил общего назначения США, что резко подрывает «кризисную стабильность».

В качестве еще одного настораживающего момента можно указать на планируемое усиление ударного потенциала Вооруженных Сил так называемых (в последнее время) «прифронтовых» государств – членов НАТО направленного на придание ему «контрсиловых возможностей».

Так, например, ВВС Польши планируют приобрести новые «тактические» крылатые ракеты JASSM-ER с увеличенной дальностью полета и повышенным «коэффициентом доставки» (вероятностью

преодоления ПРО/ПВО). Ракеты предназначены для оснащения истребителей F-16C/D, приобретенных Польшей в 2006 году.

> **Справочно.** Ракета оснащена проникающей и осколочно-фугасной боевой частью и предназначена для поражения как стационарных, так и мобильных целей (комплексов ПВО, ракетных комплексов, бункеров, больших зданий, легкобронированных и сильно защищенных объектов, мостов) в простых и сложных метеоусловиях, ночью и днем. AGM-158 JASSM представляет собой малозаметную крылатую ракету (со «стелс-характеристиками») **с максимальной дальностью стрельбы до 1300 км.** В качестве носителей данной ракеты используются стратегические бомбардировщики B-52H (12 ракет), B-1B (24 ракеты), B-2 (16), F-15E (3), а также тактические истребители F-16C и D (2), F/A-18 (2), F-117 (2), F-35 JSF.

И это происходит под «стенания» об «угрозах» исходящих от ракетных комплексов «Искандер», которые имеют максимальную дальность стрельбы менее 500км.

Любопытно отметить, что к приобретению «тактических» крылатых ракет JASSM-ER стремится также и Финляндия (ну этим то зачем?!).

Таким образом, США и страны НАТО активно готовятся к обеспечению «справедливого» с точки зрения Премьер-министра Великобритании Генри Джона Темпла Пальмерстона мира, который утверждал, что: «**Мир кажется таким несправедливым, когда с Россией никто не воюет**!».

Достаточно очевидно, что Россия не должна им в этом «помогать», помня уроки истории, которые хоть «ничему не учат», но строго наказывают за их игнорирование.

Что касается структуры изложения материала данной работы, то здесь необходимо отметить следующее.

Условно предлагаемую работу можно разделить на две относительно независимые части, в которых дана попытка ответа на два вопроса:

а) завтра война?

б) что делать? («второй извечный русский вопрос»).

Основная цель авторов – дать ответ на «второй извечный русский вопрос», не акцентируясь на «первом» извечном вопросе (кто виноват?).

Данному ответу посвящены шестой – восьмой разделы работы.

Предлагая свой ответ на «второй извечный русский вопрос», авторы исходят из того, что сегодня вопрос о вхождении России в Западный мир пусть в качестве «младшего партнера» уже не может стоять даже теоретически (представляется бессмысленным). Как не старалась определенная часть российской властной «элиты» уподобиться «треневской Дуньке» (известный персонаж пьесы Тренева «Любовь Яровая», которая упрашивала: «пустите Дуньку в Европу») она не смогла этого добиться. Нам совершенно однозначно дали понять, что России уготована участь побежденной страны, сформулированная влиятельным деятелем мировой политики, президентом Европейского банка реконструкции и развития Жаком Аттали в своей книге "На пороге нового тысячелетия" следующим образом: "В грядущем новом мировом порядке будут побежденные и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят».

Таким образом, говоря о рациональных поведенческих стратегиях, **речь сегодня может идти только об эффективной организации управляемой конфронтации** нацеленной в первую очередь на то, чтобы выиграть время для овладения «ресурсами действия» (в том числе создания «экономики Победы»), необходимыми для неучастия России в «военной фазе Большой войны», куда ее планомерно и целеустремленно втягивают (задача – максимум), либо предотвращения поражения в «Большой войне.

Вместе с тем, в настоящее время в быстроменяющейся внешнеполитической обстановке мы стали часто наблюдать явление возникновения когнитивного диссонанса у некоторых базовых элементов государственной системы принятия решений (включая ЛПР).

> **Справочно.** Когнитивный диссонанс — психологическое состояние, вызываемое противоречием между имеющимся устоявшимся представлением и свежей поступающей информацией, фактами.

В указанной ситуации важно не употребиться водителю из «первого сна кадета Биглера», который выбирал маршрут движения по принципу: «Однако для меня важно только одно - **хорошее шоссе,** чтобы не пострадали шины, господин генерал... Если мы уклонимся в сторону, в поле, у нас лопнет шина.....Вернуться обратно мы также не можем, господин генерал!» (Я.Гашек. «Похождения бравого солдата Швейка»).

Но шоссе, как известно, **привело прямо на неприятельские батареи**, со всеми вытекающими для участников поездки последствиями! Поэтому важно не забывать, что езда по «хорошему шоссе» (проторенному «либеральной мыслью») может «подвести под неприятельские батареи» всю страну.

Данный эпизод из великой книги приходит на ум, когда начинаешь знакомиться с организацией работ по подготовке проекта «стратегии 2030».

В июле сего года премьер Дмитрий Медведев поручил создать рабочую группу по подготовке стратегии социально-экономического развития России до 2030 г. Поручение дано по итогам встречи премьера с участниками экспертного совета при правительстве, посвященной развитию экономики и финансов на среднесрочную перспективу. Ответственным за создание рабочей группы назначен министр по вопросам открытого правительства Михаил Абызов «совместно с заинтересованными» министерствами. Рабочей группе предстоит до 12 октября внести в правительство предложения по структуре, ресурсному обеспечению и плану подготовки Стратегии-2030. В группу войдут как представители экспертного совета, так и чиновники Минэкономразвития, Минфина, отраслевых министерств.

Во встрече с премьером участвовали в том числе научные руководители Стратегии-2020 – члены экспертного совета при правительстве ректор РАНХиГС Владимир Мау и ректор НИУ ВШЭ Ярослав Кузьминов. По всей видимости, они останутся идеологами и Стратегии-2030, но непосредственной ответственности за выводы рабочей группы нести уже не будут.

Проблема в том, что Стратегия-2020, на разработку которой было потрачено большое количество времени и денег, по словам самих же ее создателей, использована на 20-30%[1]. Это и не удивительно. Тогда упомянутые научные руководители Стратегии-2020 считали, что Россия должна стремиться стать эффективной **ресурсодобывающей страной** (как Австралия, Канада или **Нигерия**). Реалии таковы, что этот путь, в целом, ведет в «ловушку сырьевых стран», консервирующую технологическую отсталость страны[2], а в случае России ведет к утрате суверенитета и государственности. События последнего года ярко показали, что именно зависимость России от экспорта сырья используется ее геополитическими противниками для экономического и политического давления.

Похоже, что в отношении Стратегии-2030 ситуация повторяется. Формально Я.Кузьминов «изменил» позицию и в интервью РБК[3] заявил, что **приоритетом экономической политики должно быть развитие сельского хозяйства, легкой промышленности, строительства**. Однако это ведет в очередную ловушку, которая широко обсуждается специалистами и получила название "ловушки среднего дохода"[4]. Кроме того хотелось бы задать г-ну Кузьминову «наивный» вопрос: «а на базе чего мы будем создавать «экономику Победы»?!»

То есть "хрен редьки не слаще": и то и другое - для России тупик и в перспективе - гибель. Без стратегии прорыва России не выжить. Но поскольку Стратегия-2030 дана на откуп чиновникам и экспертам типа Я.Кузьминова, надеяться на то, что стратегия прорыва будет сформулирована и станет программой развития страны, увы, не приходится.

---

[1] http://m.vedomosti.ru/economics/articles/2015/07/21/601430-dlya-rossii-napishut-novuyu-strategiyu-razvitiya-do-2030-g

[2] Э.Райнерт Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными.- Издательский дом Государственного университета - Высшей школы экономики, 2011.

[3] http://daily.rbc.ru/interview/politics/07/08/2015/55c381589a79477d4bc9baaa

[4] А. Ослунд Почему могут снизиться темпы роста в странах с развивающейся рыночной экономикой? // Экономическая политика, 2014, № 1, с. 7-34.

В этой связи любопытно отметить, что как при формировании «Стратегии-2020» так и «Стратегии-2030» мнением РАН «забыли» поинтересоваться.

Вместе с тем в настоящее время в условиях «пересдачи карт истории» Россия имеет (пусть небольшой) шанс избавиться от статуса «побежденной страны» и войти в число «победителей», тем самым изменить свое статусное положение в Мир – системе. Если же мы упустим этот шанс, то будем не просто отброшены из «полупериферии» в «периферию» Мир – системы, а, скорее всего, будем поделены на ряд доминионов. И это не просто алармистское преувеличения Авторы в своих работах показали осуществимость такого сценария на уровне строгости приближающимся к логико – дедуктивному. Более подробно данный вопрос рассмотрен в восьмом разделе настоящей книги («Что делать России, чтобы не распасться как Советскому Союзу ?».

Таким образом, сегодня Россия стоит перед принципиальным выбором рациональной поведенческой стратегии в условиях начавшейся организации против нее «большой войны». И здесь пока просматриваются два варианта возможной стратегии.

Первый - «квазиконсервативная» стратегия. Ничего не менять по существу. По максимуму (как это будет возможно) сохранить существующие социально – экономические реалии.

В указанном случае мы скорее всего попадаем в состояние близкое к «военно – политическому цугцвангу» (когда все «ходы» плохие»). При этом наиболее «плохим» ходом представляется следование поведению указанного выше водителя кадета Биглера.

В рамках данной стратегии можно попытаться «законсервировать» свое статусное положение на «полупериферии» Мир – системы, но для России данное состояние будет неустойчивым (по Ляпунову). Весьма велика вероятность того, что нас может «затянуть» в «аттрактор» периферийного положения в Мир – системе. Чтобы этого не произошло, требуется

организация (многоконтурного) интенсивного управления в экономико – социальной сфере. Бытовой аналог – езда на велосипеде. Чтобы не упасть, надо интенсивно крутить педали и управлять рулем. Но это, кстати, выходит за рамки либеральной парадигмы. Если же продолжать ей упорно следовать, то в современных условиях Россия попадает в «ловушку развивающихся стран» и «невидимая рука рынка» может «затащить ее в болото».

Кроме того для **минимизации ряда возможных рисков** при следовании рассматриваемой стратегии представляется необходимым стремиться не наступать на «грабли истории», отчетливо понимая, что на трех основных стратегических направлениях:

- Западном: (НАТО, Евросоюз)+ Украина,
- Южном: ИГИЛ +Аль Каида+ «Восставшая Азия»,
- Восточном: Китай, Япония («пороговое» ядерное государство),

Россия реально при задействовании одних только сил общего назначения (СОН) не способна вести сколь - нибудь длительную крупномасштабную (безъядерную) региональную войну даже в условиях доведения ее Вооруженных Сил до «образца 2020г.» Это чревато повторением 1917г. тем более, что сегодня сил и возможностей для разложения ее армии и ОПК «5-я» и «6-я» «колонны» имеют поболее, чем во время Первой Мировой.

Основная опора страны в условиях наметившегося втягивания ее в «большую войну» при общем следовании «квазиконсервативной» стратегии – ядерное оружие.

«Боевая триада» (комплекс средств направленного действия) из стратегических ядерных сил, «нестратегических» ядерных сил и стратегических «неядерных» сил, усиленная технологиями ведения информационных войн «3-го поколения» («интеллектуальных» информационных войн /28…30/) может стать тем своеобразным «мечем – кладенцом», который даст возможность России (при определенных внутренних условиях) достаточно эффективно противодействовать

коллективному «Доктору зло». В.И.Якунин в своей блестящей лекции «Глобализация и капитализм» для обозначения этого противостоящего России сверхсообщества использует понятия "новый политический класс", "мировой финансовый олигархат", "мировой бенефициариат".

Иначе говоря, эффективно воздействовать на противостоящих «акторов» международных военно – политических конфликтов (управлять конфликтными взаимодействиями), не доводя дело до крупномасштабного военного столкновения, можно только опираясь на адекватную (обладающую требуемым боевым потенциалом) «Боевую триаду» и «овеществленный» в форме организационно – технической системы комплекс технологий ведения информационной войны 3го поколения.

Если власть хочет в существующих условиях перехода межгосударственных отношений к конфронтационной фазе конфликта («демонстрационной» фазе «новой холодной войны») по максимуму сохранить **российскую версию капитализма** («рыночной» экономики) то представляется целесообразным:

1. Всемерно и ускоренно развивать ядерный потенциал с приданием ему способности реального массированного боевого применения в условиях комплексного противодействия противника, включая в том числе оснащение высокоточными боезарядами малой и сверхмалой мощности (как это сделано, например, в новой американской ядерной бомбе В-61 модель 12) интегрированными с дальнобойными гиперзвуковыми высокоточными средствами доставки, создание ЯО 3-го поколения и др..

2. Разрабатывать и внедрять технологии ведения интеллектуальных информационных войн, включая развертывание соответствующих организационных структур.

3. Активно работать над созданием прорывных военных технологий на базе технологий 6-го и 7-го (по В.Лепскому) технологических укладов.

4. Быть готовыми к быстрому воспроизводству **современного** химического и бактериологического оружия.

И опять же целесообразно всемерно уклоняться от прямого вооруженного противоборства. Основная цель – выиграть время, основная политика – стратегическое сдерживание (не путать с малопонятным конструктом «ядерное сдерживание») как **динамический процесс управления** конфликтным взаимодействием. А если же переход в «оружейную фазу» противоборства неизбежен, то быть готовыми (технически и психологически) к **быстрой эскалации** военного конфликта вплоть до решительного ядерного поражения противника на ТВД и организации адаптивного деэскалационного применения СЯС при сохранении возможности нанесения «неприемлемого ущерба».

Несмотря на кажущуюся «жесткость» предлагаемых мер (и надо сказать их возможную непопулярность) надо отдавать себе отчет, что альтернативой им может быть только возврат в бессубъектное состояние 90-х, но **на существенно более худших условиях.** Мы тогда должны будем смириться с неминуемыми внешними аннексиями и контрибуциями (уже давно сформирована очередь желающих их «получить» с России), то есть взять на себя роль «зайца» в надежде, что «товарищ волк» может быть нас «в последствии ха – ха…помилует» (М.Е.Салтыков-Щедрин). Но, имея дело с «волками», надо помнить завет дедушки Крылова о том, что с ними можно договариваться только «на псарне» (И.А.Крылов, «Волк на псарне»). Так что реальной альтернативы предлагаемым мерам в фактически складывающихся военно–политических условиях и, находясь в рамках «квазиконсервативной» стратегии нет.

Второй базовый вариант поведенческой стратегии можно условно назвать «ускоренная модернизация».

Указанная стратегия нацелена не просто на «выживание» России в условиях «большой войны», но и на занятие (в быстроменяющемся мире) достойного места в формирующейся Мир – системе (вряд ли в условиях протекающих глобальных процессов может сформироваться Мир – организм). Но для этого России потребуется радикальная модернизация в

экономико – социальной сфере. Основные контуры указанной модернизации намечены в шестом разделе настоящей работы.

Одним из важнейших конечных результатов реализации данной стратегии является решение проблемы обеспечения соответствующей «годности человеческого материала» к сверхнапряжениям военного времени.

В этом случае «Армия 2020» приобретает способность успешно и достаточно продолжительно воевать в крупномасштабных войнах, имея предельно высокий «фактор Л.Н.Толстого» (подробнее см. раздел 7 настоящей работы). По крайней мере, он будет существенно выше, чем у западных вооруженных сил и не ниже, чем у Народно Освободительной Армии Китая и «исламистов».

Решение указанной проблемы может быть обеспечено только путем обретения субъектности в том числе (помимо прочего) и через идеологию, адекватную системе ценностей российской цивилизации. Это сложно; такую идеологию надо создавать по-умному, чтобы она соответствовала современной ситуации и запросам сегодняшнего дня. Но без ее создания будущего у России не будет. Самое интересное, что такая идеология будет востребована во многих странах мира в условиях завершившейся глобализации как альтернатива идейно вырождающемуся либерализму. Создание такой идеологии – миссия и шанс России. Справимся ли?

Предлагая и обосновывая рациональные поведенческие стратегии по обеспечению готовности России к «Большой войне» авторы хотят обратить внимание на то, что в рассматриваемой проблемной области принципиально недостижимо получение результатов на уровне строгости приближающимся к логико – дедуктивному.

В этой связи представляется целесообразным при обосновании решений в рассматриваемой проблемной области основываться на принципе рациональных рассуждений Д.Пойа [2].

Данный подход позволяет сформировать систему предпочтений лиц принимающих решение (ЛПР), дающую возможность проводить

целенаправленный выбор решения из множества вариантов на основе введения и обоснования **«системы положений достаточного основания»,** вытекающих из дискурсивного анализа рассматриваемого объекта [3]. Таким образом обеспечивается **объективизация** принимаемых решений в рамках базовой парадигмы когерентной теории истинности /4,5/, согласно которой истинность любого положения состоит в его «когерентности» с некоторым определенным базовым множеством «правильных» (по Д.Пойа) утверждений.

При этом представляется целесообразным сформулировать и положить в основу невербальных подходов (количественной оценки альтернатив) к принятию решений базовую **систему принципов «достаточного основания»,** позволяющую объективизировать нормативную деятельность в рассматриваемой сфере.

Она может быть получена на основе использования упоминавшегося выше принципа «правильных рассуждений» Д.Пойа на базе одной из программных (доктринальных) статей В.В.Путина (публикация в «Российской газете») - "Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России" и «когерентного» ей «Закона П.Б.Струве» сформулированного и обоснованного им в работах «Великая Россия» и «Интеллигенция и народное хозяйство». Он определен автором как «верховный закон бытия всякого сложившегося государства» и сформулирован следующим образом»:

«Всякое здоровое и прочное государство, фактически самим собой держащееся, желает быть МОГУЩЕСТВЕННЫМ и непременно обладать ВНЕШНЕЙ МОЩЬЮ» /6/.

Развивая указанную мысль, П.Струве отмечает следующее.

«Оселком, мерилом всей политики, как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует **«внешнему могуществу государства» [6].**

«Великий народ не может под угрозой упадка и вырождения сидеть смирно среди растущего **в непрерывной борьбе мира» [6]**.

«Столкновения государств между собой в основе вытекают из конфликтов интересов и из **соотношений могущества**, а не из-за международного бреттерства правительств» [6].

«Политика… и должна начать с того, чтобы на всех пунктах государственной жизни **противогосударственному духу, не признающему внешней государственный мощи** и с нею не считающемуся,…противопоставить **новое** политическое и культурное сознание» [6].

«Государство должно быть прогрессивно, когда и поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть прогрессивным, когда и поскольку это подрывает его могущество» [6].

Применительно к анализируемой проблеме «когерентная» (закону П.Струве и Плану В.В.Путина) система принципов достаточного основания в предлагаемой работе сформулирована следующим образом.

Для решения стратегических задач (формирования и реализации «побеждающей стратегии») России надо решить следующие базовые проблемы:

1. Овладеть четырьмя основными ресурсами действия:

- **«Мягкой силой»** (*«soft power»),* адекватной современному состоянию международных конфликтных взаимоотношений как внешнеполитическим ресурсом и специфическим инструментом «латентного» управления.
- **«Жесткой силой»** («hard power», включающей Вооруженные силы, экономику, обеспеченность ресурсами и др.), потенциал которой достаточен для обеспечения стратегической (и кризисной) стабильности, деэскалации всех типов военных конфликтов на границах России, обеспечения победы в локальной и региональной войне.

• **Деньгами** – особым видом энергии, используемой для организации управления как в материально – вещественной, так и в ментальной сферах.

• **Временем.**

1. **Сформировать новый модальный тип личности,** способный эффективно функционировать в условиях перенапряжений военного времени и адекватный задачам обеспечения **безопасности и развития** России, позволяющий в том числе обеспечить появление «субъектов стратегического действия».

2. **Провести радикальные институциональные решения,** направленные на:

а) формирование «концептуальной власти», а также создание «элитных команд» нового типа, нацеленных (в том числе) на обеспечение «зловещего интеллектуального превосходства» (по К.Поланьи) над элитами (включая лидеров и VIP- менеджеров), противостоящих «акторов» внешнеполитических конфликтов;

б) крупномасштабную смену экономического менеджмента в государственном секторе экономики, нацеленную на «повышение личной годности человеческого материала» (по П.Б.Струве) и отстранение от руководства оборонной промышленностью, энергетикой, транспортом, связью и др. так называемых «эффективных менеджеров»;

в) решение проблемы «неоадаматов» (особый вид «заложников»);

г) совершенствования законодательной базы в направлении адекватном «особому периоду», например, принятие Закона о военном положении.

д) построение новой модели общества и экономики (формирование «экономики Победы»).

Вместе с тем, предлагая ответ на вопрос «Что делать?», авторы понимают, что на бумаге всё, или почти всё из предлагаемого кажется

правильным и выполнимым. Реальность, наверно, несколько иная. Мир бывает не всегда таков, каким нам хотелось бы его видеть. За каждой задачей скрывается на самом деле несколько задач, каждая из которых упрятана в другую, но вырастает до гигантских размеров, как только добираешься до неё. Причём решение этой задачи гарантирует лишь одно - возможность решать следующую. А вот неудача означает очень неприятную вещь - конец игры.

А этой связи необходимо отметить следующее. Всякая предлагаемая стратегия подготовки к войне (и ее ведения) связана с наличием феномена, который К.фон Клаузевиц определил как «трение войны» («туман войны»). «Трение войны» связано со структурными нелинейностями процессов, которые могут вызвать долгосрочную непредсказуемость результатов и неожиданное проявление феноменов посредством усиления воздействий непостижимо маленьких различий и непредвидимых событий (или, наоборот, производить ничтожно малые результаты от больших воздействий).

Однако, высказанное сомнение не может служить обоснованием отказа от выработки рациональных поведенческих стратегий в условиях быстроменяющегося мира, тем более опирающихся, как уже было сказано, на объективные основания. Ведь следование пусть плохой стратегии лучше отсутствия всякой стратегии. По мнению Сунь Бина (трактат «Искусство войны»): «***Стратегия без тактики - это самый медленный путь к победе. Тактика без стратегии - это просто суета перед поражением».***

Тем более, что в определенной мере разрешить указанную выше проблему, неизбежно встающую перед любым Планировщиком (на стратегическом уровне планирования), можно основываясь на «принципе планирования Дж. Патона»: «Нельзя планировать, а потом подгонять обстоятельства под свой план. Нужно планировать так, чтобы подстраиваться

под обстоятельства. Я считаю, что успех или провал высшего командования зависят от наличия или отсутствия умения делать именно это».

Иначе говоря, все стратегическое планирование должно быть адаптивным, а стратегическое управление должно быть не «жестким» («функциональным») т.е отслеживающим отклонения от стратплана, а «терминальным» , цель которого заключается в переводе объекта управления в заданное конечное состояние в заданный момент времени

Отвечая на вопрос «Что делать?», авторы осознают, что далее потребуется отвечать на вопрос «Как делать?». Для этого необходимы усилия многих команд специалистов – профессионалов по частным вопросам. Разработка соответствующих предложений есть прерогатива организации управления на «тактическом» и «оперативном» уровнях.

В заключение необходимо отметить следующее.

Предлагая читателю данную работу, авторы рассчитывают на то, что «влияние обнародованной мысли» (по А.С.Пушкину) и определит в конечном счете ее значимость. Кроме того известное римское изречение гласит: «Тот, кто предупрежден, тот вооружен». В нынешней реальности это справедливо более, чем когда либо – огромные преимущества получает тот, кто может «просчитать будущее» лучше своих оппонентов. И кроме того, само предупреждение, доведенное до основных базовых элементов системы принятия военно – политических решений или обращенное в массовое сознание, может стать важным фактором, **меняющим** это будущее. А это очень важно в контексте рассматриваемой проблемы, поскольку (как это отмечалось в солидном издании «Американская национальная безопасность»): «…В истории сохранилось множество воспоминаний об обломках государств и империй, которые осмелились игнорировать старые уроки о значении силы в мировой политике».

Война слишком серьёзное дело, чтобы доверять её военным.

Ш.М. Талейран

1. За что будут воевать в XXI веке.

В опубликованном в 1832 году трактате «О войне» выдающийся военный теоретик Карл фон Клаузевиц дал несколько чеканных формул, вошедших в историю: «Война есть не что иное как продолжение государственной политики иными средствами… *Итак война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить вашу волю.»* Логика этого трактата приводит к выводу, что «целью войны является мир, лучший, нежели довоенный»[5].

Поэтому, прежде чем давать ответ на «второй исконный русский вопрос» («что делать?»), следует сосредоточиться на *целях*, на ключевых противоречиях, лежащих в основе политики, которая и может приводить к войнам в XXI веке.

В начавшемся столетии человечеству предстоит совершить поворот, равного которому в истории не было. Будущее определится тем, удастся ли и каким образом в наступившем веке нашей цивилизации **осуществить *демографический, технологический и ресурсный переходы.***

В XIX веке английский экономист, священник, профессор Ост-Индской компании, математик, теолог, историк Томас Мальтус (1766-1834) выдвинул

[5] Клаузевиц К. фон. О войне. В 2 т. Т. I. – М.: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ»; СПб.:Terra Fantastica, 2002. – 558с. – (Классическая военная мысль).

теорию роста народонаселения Земли. В соответствии с ней численность людей на планете растет в геометрической прогрессии – в равное число раз за равные промежутки времени. Объём производства растет медленнее, в соответствии с арифметической прогрессией. В этом он видел серьёзную опасность, связывая грядущие войны с перенаселенностью Земли.

Этого не происходит. Очень быстро – на протяжении времени жизни одного поколения – человечество меняет алгоритм своего развития. Происходит *глобальный демографический переход*. Это переход от репродуктивной стратегии «высокая смертность – высокая рождаемость» к императиву «низкая смертность – низкая рождаемость».

Что же выделило наш вид среди всего живого? Это технологии – «*обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей, поставленных обществом*, в том числе и таких, которые никто, приступая к делу, не имел в виду.»[6] Мы – техногенная цивилизация. И именно благодаря этому нам удалось не только использовать все открывавшиеся возможности, как другим видам, но и постоянно расширять ареал своего обитания.

Нам удалось, в отличие от всех остальных, наладить *информационное взаимодействие* – передачу в пространстве (из региона в регион) и во времени (от поколения к поколению) сведений о созданных *жизнеобеспечивающих технологиях*, которые повышают рождаемость и снижают смертность.

Отсюда понятен главный сюжет, определяющий противостояние одних сообществ людей по отношению к другим – обретение и использование технологий, которыми не обладает противник (военных, управленческих, производственных, социальных и прочих), чтобы навязать ему свою волю.

[6] Так определял технологии замечательный польский фантаст и футуролог Станислав Лем в книге «Сумма технологии», (Лем С. Собрание сочинений, том тринадцатый, дополнительный. – М.: Текст, 1996. – 464с.), которая стала «библией техногенной цивилизации».

Глобальный демографический переход связан со многими неустойчивостями и кризисами, которые могут разрешиться войнами. Вероятно, многие из них пока не поняты и не осознаны.

Обратим внимание только на одну, наиболее очевидную. Анализ статистики и прогноз на основе математических моделей показывают, что глобальный демографический переход в развивающихся странах происходит гораздо позже, чем в развитых. Поэтому прирост населения в государствах третьего мира будет многократно превосходить этот показатель в первом мире (развитых капиталистических государствах). При огромной разнице в уровне жизни это делает реальной перспективу столкновения «богатого Севера» и «бедного Юга» и новую волну переселения народов.

Второй переход, который определит будущее, связан с *переходом от линейной к циклической экономике*. Выдающиеся экономисты XVIII века – Адам Смит (1723-1790), Томас Мальтус (1766-1834), Давид Риккардо (1772-1823) считали, что численность человечества в целом и отдельных стран в частности ограничивается объёмом доступных сельскохозяйственных угодий.

Эту проблему удалось решить благодаря разработанной Фрицем Хабером (1868-1934) технологии прямого синтеза аммиака из воздуха. Сейчас этот процесс входит в школьный курс химии $3H_2 + N_2 \leftrightarrow 2NH_3 + Q$. Иногда это открытие называют «главной инновацией XX века». Нобелевская премия по химии была получена Фрицем Хабером в 1918 году «За получение из азота и водорода на осмиевом катализаторе под давлением жидкого аммиака, который можно использовать для производства удобрений и взрывчатых веществ».

Благодаря азотным удобрениям удалось снять проблему посевных площадей. В течение XX века численность жителей Земли увеличилась впятеро. До этого в истории не было ничего подобного. В линейной экономике замыкается положительная обратная связь: *увеличение объёма производства* $\rightarrow$ *рост потребления* $\rightarrow$ *развитие науки и технологий* $\rightarrow$

снижение стоимости производства благодаря инновациям и эффекту масштаба → увеличение объёма производства. Этой схеме идеально соответствует финансовая система, в основу которой положен ссудный процент. В этой системе дают в долг, чтобы получить б*о*льшую сумму – значит, производство в целом должно расти.

При этом, как и писал век назад в книге «Империализм как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин, финансовый капитал подминает промышленный и выходит на первый план: «Итак, XX век – вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала».

И действительно, при нынешнем валовом глобальном продукте примерно в $ 80 трлн. объём финансовых инструментов превысил $ 1200 трлн. Финансовая система, призванная обслуживать производство, начала жить собственной жизнью и многократно превысила по своим масштабам обслуживаемую. Хвост начал вилять собакой. К примеру, треть внутреннего валового продукта США, по оценкам экспертов, производится в финансовом секторе этой страны. Системы электронных платежей, позволяющие мгновенно переводить миллиарды долларов со счёта на счёт, из страны в страну, ещё более увеличили неустойчивость всей системы и создали возможность ведения масштабных *финансовых* войн. Огромный долг США, превысивший $18 трлн., с которым эта страна никогда не сможет расплатиться, приводит к мысли об острых, комбинационных вариантах, на которые она сможет решиться, вплоть до войны, которая «всё спишет».

Казалось бы, всю эту систему, в конце концов, можно было бы отладить и привести виртуальное финансовое пространство в соответствие с реальным производством. Однако возникшая системная проблема гораздо глубже – она касается самой основы хозяйствования, а не его формы.

Голоса математиков, экологов, системных аналитиков, утверждавших, что есть пределы роста, что уже виден конец «эры потребления» не были слышны на фоне технологической эйфории[7].

В XX веке человечество прошло несколько важных вех, не заметив и не осознав их. В 2002 году американский исследователь Матис Вакернагель оценил нагрузку на окружающую среду со стороны человека – *экологический след* – и сравнил его с поддерживающей способностью планеты. Исследователи определили экологический след как земельную территорию, необходимую для получения нужного количества ресурсов (зерна, продовольствия, древесины, рыбы, площадей под городскую застройку и т.п.) и «переработки» выбросов, производимых мировым сообществом (прежде всего CO_2). Сравнив полученные значения с территориями, доступными на планете, учёные показали, что человечество уже расходует на 20% больше, чем допускает уровень самоподдержания»[8] (см. рис. 3).

Пределы роста превышены. Мир продолжает жить не по средствам. Мы удивительно быстро расходуем ресурсы, принадлежавшие нашим детям, внукам и правнукам. При этом уровень потребления ресурсов между странами-лидерами и «кончеными государствами» отличается в сотни раз. Если весь мир захочет жить по стандартам Калифорнии, то всех разведанных на Земле запасов по одним полезным ископаемым хватит на 2,5% года, по другим на 4. Есть всего несколько видов ресурсов, которых человечеству хватило бы на больший срок. По оценкам экспертов, к 2025 году более 1 млрд человек будут испытывать большие трудности с питьевой водой. Край совсем близко.

Если бы страны БРИКС начали жить по американским стандартам, то экологический след от их деятельности превысил бы поверхность пяти таких

---

[7] Пионерские работы были выполнены по заказу Римского клуба в 1970 году: Дж. Форрестер. Мировая динамика. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – 379с. – (Philisophy). Эта работа стала классикой, её не опровергли, но всерьёз ни её, ни других исследований, касающихся мира XXI века, не приняли.

[8] Медоуз Д.Х., Рандерс Й, Медоуз Д.Л. Пределы роста: 30 лет спустя. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. 2012. – 358с.

планет, как Земля. Потребляя почти 40% мировых ресурсов, США дают вклад в глобальный продукт около 20%. Иными словами, американец работает вдвое хуже, чем «средний гражданин мира». Статистика утверждает, что треть американцев страдает от ожирения. В то же время один житель США в год потребляет столько продовольствия, сколько 32 кенийца. Америка потребляет 20% мировых энергоносителей и 15% всего производимого в мире мяса.

В условиях **неравномерности развития** (математические модели сегодня позволяют разобраться, с чем она связана и откуда берется), характерной для разных регионов мира, в условиях капиталистической экономики **создается основа для глобальных геополитических и геоэкономических конфликтов, для мировых войн**. Чтобы поддерживать эту неравномерность в уровне потребления между «винерами» и «лузерами», первым нужна сверхмилитаризация. В течение многих лет военный бюджет СЩА превышал общие расходы всех других стран мира вместе взятых. Да и сейчас имеет место схожая ситуация. Отсюда понятно, что для многих стран защита национальных интересов в условиях однополярного мира и подавляющей военной мощи США является очень сложной задачей. Отсюда понятно растущее применение в мире террора – «оружия слабых».

Есть ли выход из этой, опасной для всего мира, ситуации «технологического кризиса»? На смену линейной экономике должна прийти циклическая. Её принципы: «Не ремонтировать то, что не сломалось»; «Не выбрасывай то, что можно починить»; «Делай так, чтобы можно было чинить и модернизировать». В Европейском обществе развитие элементов такой экономики называют «новым технологическим курсом». Переход от «общества потребления» к такому курсу, к «цивилизации старьёвщика» представляется неизбежным.

И здесь возникает ещё одно острое противоречие современного мира. Почему одни страны и регионы должны экономить и жёстко ограничивать себя (что на начальном этапе требует больших усилий и средств), в то время

как другие продолжают жировать, бездумно растрачивая общий ресурс? И поднимающиеся центры силы вновь и вновь будут ставить этот вопрос, в то время как США и сейчас всеми доступными им силами будут удерживать нынешнее положение вещей и однополярное мироустройство.

Существующие высокие технологии уже сейчас позволяют во многом кардинально уменьшить использование невосполнимых природных ресурсов, сократить экологический след человечества и привести в соответствие потребности нашей цивилизации с возможностями планеты. Именно это и является содержанием *технологического перехода.* Перед наукой, техникой, промышленностью, всем мировым сообществом стоит грандиозная задача – в течение ближайших 10-20 лет создать и внедрить набор ключевых технологий (производство энергии, получение продовольствия, рециклинг ресурсов, алгоритмы нахождения компромиссов в обществе и т.д.), которые, в отличие от существующих, позволяли бы существовать на нынешнем уровне потребления не десятилетия, а хотя бы века.

Следующий этап развития связан с *ресурсным переходом*. Теорию этого перехода развивает Л.Л. Каменик из Санкт-Петербургского технического университета. Перед неолитической революцией технологии охоты и собирательства достигли такого совершенства, что ресурсов перестало хватать на выросшее в численности человечество. Дело в том, что экологический след этих технологий также был очень велик – на территории нынешней Москвы (примерно 1000 км^2) хватало места всего для 50 семейств охотников и собирателей. В ходе разразившегося кризиса, по оценкам историков, погибло от 2/3 до 9/10 всех людей, живших на Земле. Но оставшиеся нашли технологии, которые открыли двери в будущее – это выращивание зерновых культур и одомашнивание животных.

Сейчас мы столкнулись с аналогичной ситуацией – надо решать проблему ресурсов. Вероятно, придется отказаться или свести к минимуму добычу полезных ископаемых и переориентировать промышленность на возобновляемые ресурсы. Это вопрос не отдельных стран, а согласованное

решение всего человечества. Но удастся ли добиться этого общего понимания без следующих мировых войн? Ответ на этот вопрос должен дать XXI-й век.

Подводя итоги, можно сказать, что будущее определится тем, насколько успешно человечество сумеет в XXI веке миновать демографический, технологический и ресурсный переходы. В случае успеха мы окажемся в новом мире с промышленностью, намного более эффективной, чем нынешняя, с иным социальным устройством, с другим отношением к планете и к будущему. В этом случае о войнах говорить не придется.

Но есть и иная, весьма вероятная альтернатива, обрисованная американским политологом С. Хантингтоном в его концепции *столкновения цивилизаций.* Эта теория приводит к выводу, что XXI век пройдет в беспощадной борьбе цивилизаций за тающие ресурсы.

Оглянемся на историю XIX века. Центральные события этой эпохи связаны с войной государств. Например, Наполеон характеризует войну с Россией в следующих словах: **« Я не только не опасался этой войны, но чувствовал, что она со временем будет необходима и только хотел начать её в удобное для меня время. Я видел в этом единственное средство окончить долгую борьбу, в которой протекала вся моя жизнь. Всякий мог ясно видеть, что Россия была слишком сильной, чтобы войти в новую, преобразованную мной систему Европы, во главе которой была Франция.**

Здание моей империи слишком отдалилось от своего основания, Россия всей тяжестью давила на его вершину. Александр был моложе меня, исполнен сил и жизни, он пережил бы меня, и моя империя распалась бы на части. Мне надо было вытеснить Россию из Европы, чтобы она не нарушала единство моей системы и дать этому новому политическому образованию сильные границы, чтобы противостоять могуществу российской державы, когда масса моей империи со всеми

моими союзниками будет достаточно сильна, чтобы предпринять подобное насильственное действие»[9].

Итак, здесь мы имеем столкновение двух государств с одинаковым политическим строем, с одинаковой идеологией.

Однако прошедшие 200 лет, две разрушительные мировые войны, стремительное технологическое развитие кардинально преобразили «великую шахматную доску», на которой будет твориться история XXI века. Главное в произошедшем – «игроками», главными действующими силами, стали не государства, а цивилизации, и у самой «шахматной доски» появилось ещё несколько измерений.

Видимо, стоит уточнить значение, в котором мы будем использовать это понятие в данном тексте. Оно происходит от латинского – civilia – государственный, гражданский. И выше мы использовали его, характеризуя всё человечество, находящееся на стадии развития, пришедшей на смену эпохе первобытного варварства. Такая трактовка восходит к американскому антропологу Л.Г. Моргану (1818-1881).

Позже, в XX веке цивилизации начали трактовать как замкнутые общественные организмы, развитие и взаимодействие которых и определяет ткань истории. Такой подход развивали Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л.Н. Гумилёв., Ф. Бродель, С. Хантингтон. По мнению последнего, «центральным и наиболее опасным аспектом зарождающейся глобальной политики станет конфликт между группами различных цивилизаций». Он считает, что мир после 1990-х оказался разбитым на Западную, Латиноамериканскую, Африканскую, Исламскую, Синскую, Индуистскую, Православную (к которой он относит и мир России), Буддистскую и Японскую цивилизации.

Каждая из них, по мысли американского политолога, несёт свои смыслы, ценности, свой культурный код, компромисс между ними

[9] Мемориал 1812 года. Война глазами Наполеона. – М.: Изд-во «Классика», 2012. – 288с. Великий полководец постарался быть максимально объективным, трезво и самокритично оценивая и свои действия, и героизм русского народа.

невозможен и «Глобальная политика начала выстраиваться вдоль новых линий – культурных»[10]. И в этом смысле наша глобальная Цивилизация представляется совокупностью взаимодействующих и соперничающих цивилизаций.

В контексте войн будущего важно и то, какую роль в мировом разделении труда играют цивилизации и какие технологии лежат в их основе . И здесь точным и глубоким представляется деление цивилизаций на те, которые относятся к Первой, Второй и Третьей волне, введенное американским политологом Олвином Тоффлером: « Мы мчимся к полностью иной структуре власти, которая создаст мир, разделенный не на две, а на три четко определенные, контрастирующие и конкурентные цивилизации. Первую из них символизирует мотыга, вторую – сборочная линия, третью – компьютер.

Термин «цивилизация» звучит несколько претенциозно, особенно для американского уха, но нет другого термина достаточно всеобъемлющего, чтобы он охватывал такие разные вопросы, как технологии, семейная жизнь, религия, культура, политика, экономика, иерархическая структура, руководство, система ценностей, половая мораль и эпистемология.

В разделенном натрое мире сектор Первой волны поставляет сельскохозяйственные и минеральные ресурсы, сектор Второй волны дает дешевый труд и массовое производство, а быстро расширяющийся сектор Третьей волны восходит к доминированию, основанному на новых способах, которыми создается и используется знание.

Страны Третьей волны продают всему миру информацию и новшества, менеджмент, культуру, передовые технологии, программное обеспечение, образование, профессиональное обучение, здравоохранение, финансирование и другие услуги. Одной из этих услуг может оказаться военная защита,

[10] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603с. – (Philosophy)

основанная на владении превосходящими вооруженными силами Третьей волны»[11].

Естественно, каждая цивилизация будет отстаивать свои интересы доступными ей средствами, вести свою войну. Например, можно напомнить Нефтяной шок 1973 года, в ходе которого оружием цивилизаций Первой волны стали цены на нефть.

Сейчас разные цивилизации пробуют силу, нащупывают новую конфигурацию международных отношений в ходе локальных конфликтов. Схожие процессы шли перед Первой и Второй мировыми войнами.

И в этой связи интересны наиболее опасные сценарии, которые видел С. Ханттингтон: «Глобальная война, в которую будут втянуты стержневые страны основных цивилизаций мира, хотя и крайне маловероятна, но не исключена. Подобная война, как мы предположили, может произойти в результате эскалации идущей по линии разлома войны между группами, принадлежащими к различным цивилизациям, и наиболее вероятно, что с одной стороны в ней будут участвовать мусульмане, а с другой – не мусульмане…

Более опасная причина глобальной межцивилизационной войны – изменение расстановки сил между цивилизациями и их стержневыми странами. Если этот процесс будет продолжаться, то возвышение Китая и растущая самоуверенность «самого крупного игрока в человеческой истории» окажет огромное влияние на международную стабильность в начале двадцать первого века…

Короче говоря, чтобы избежать в будущем крупных межцивилизационных войн, стержневые страны должны воздерживаться от вмешательства в конфликты, происходящие в других цивилизациях. Несомненно, с этой истиной некоторым государствам, в особенности США, будет трудно смириться.»

---

[11] Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивойна. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2003. – 482с. –- (Philosophy).

Последнее десятилетие показало, что США с этим смириться не удалось. Проект переформатирования Большого Ближнего Востока с очевидностью означает столкновение Запада с миром ислама.

Очевидно, Украина является важной частью мира России. И попытки оторвать её от России под лозунгом «Украина-це Европа», организованные США, создают ещё один очаг межцивилизационного противостояния, повышая вероятность ещё одной войны между цивилизациями.

По-видимому, одним из ключевых слов науки XXI века станет термин «самоорганизация», – спонтанное возникновение упорядоченности в открытых, далёких от равновесия системах. Одно из проявлений самоорганизации – «языковые войны» – увеличение доли людей, говорящих на самых популярных языках (китайском, испанском, английском и др.) и уменьшение числа людей, говорящих на редких языках вплоть до полного исчезновения последних. Эксперты ЮНЕСКО утверждают, что до начала российских реформ русский язык называли родным 350 млн. человек, в настоящее время – 280 млн.

Другое проявление самоорганизации – объективного процесса, противостоять которому очень и очень трудно – формирование всё более крупных социальных организмов, являющихся субъектами истории. Племена, княжества, монархии, империи, цивилизации… Проект глобализации, в результате которого должен остаться один социальный организм во главе с «мировым правительством», с «четкой специализацией регионов» тоже можно рассматривать как патологический вариант самоорганизации, который может привести к катастрофе и откату человечества на много веков назад.

И, тем не менее, весьма возможно, что мир XXI века окажется совсем не таким, как его рисовал С. Хантингтон. Уинстон Черчилль с изрядной долей цинизма заявлял, **что крупные государства ведут себя на международной арене как бандиты, а мелкие как проститутки**. Однако возможно, что действующими лицами на исторической сцене в наступившем

веке станут не цивилизации, а более крупные стратегические субъекты. Их характерные параметры – объем валового внутреннего продукта, составляющий более $ 20 трлн.в год и внутренний рынок, превышающей 400 млн. человек. К таким выводам пришли исследователи из Академии геополитических проблем.

Пока мы видим три кандидата на роль таких геополитических субъектов. Это США с их фактическими провинциями – Мексикой и Канадой. Это Европейское сообщество, в случае, если ему удается преодолеть его нынешнюю бессубъектность. Это огромный и продолжающий стремительно расти Китай.

Может ли нынешняя Россия войти в число главных игроков, сидящих за великой шахматной доской в первой половине XXI века? Допустим, что нынешнее трудности и проблемы в отношениях государств на постсоветском пространстве преодолены и евразийский проект удалось успешно реализовать. Однако и в этом случае и внутренний рынок, и объем экономики этого геополитического субъекта будет недостаточен.

Напомним, что Президент РФ В. В. Путин назвал распад СССР самой большой геополитической катастрофой XX века. И действительно, до разрушительных реформ Горбачева – Ельцина ВВП СССР составлял более 60% американского и впятеро превышал китайский. Наша страна имела вторую экономику и лучшую армию мира. Нынешнее положение вещей предоставляется иным.

Поэтому для того, чтобы быть стратегическим субъектом, а не объектом XXI века, России нужны стратегические союзники. Таковыми может стать, например, Индия, цивилизационный код который во многом близок к смыслам и ценностям мира России.

Если в индустриальную эпоху союзники не должны были быть расположены слишком далеко друг от друга в географическом пространстве, то в нынешней реальности все может быть иначе. Поэтому одним из

союзников России может быть сообщество государств Латинской Америки, готовых проводить сильную и активную внешнюю политику.

Однако необходимым условием таких долговременных стратегических союзов является самоидентификации России, предъявление миру своих целей, ценностей, проекта будущего и их поддержка российским народом и элитой. К сожалению, всего этого пока нет. Но, как известно, самые блестящие тактические успехи не могут восполнить отсутствие стратегического курса или неверные ориентиры. Российская история XIX века, в ходе которой империя боролась с революциями в Европе, это наглядно показывает.

В случае правильного решения некоторой задачи, как правило, существует несколько путей, приводящих к тому же результату. То же относится к сделанному выводу о точке бифуркации, в которой находится современный мир, о предстоящем сломе социально-технологических оснований цивилизации, о переходе в новую эпоху. Поэтому стоит обратить внимание и на другие аргументы.

Индустриальная эпоха потребовала всеобщей занятости и вовлечения в производственную деятельность практически всего трудоспособного населения, включая женщин. Сейчас мы имеем дело с другой реальностью. Характерная структура занятости в постиндустриальном обществе представляется следующей. Из 100 человек 2 работает в сельском хозяйстве и снабжают продуктами питания себя и всех остальных, 10 – в промышленности, 13 – в управлении. Чем должны заниматься остальные 75?

Это принципиальный вопрос, в полный рост вставший в нашу эпоху. В концепции «многоэтажного» мира, или «золотого миллиарда» предполагается, что эти люди не очень нужны, и к ним следует относиться как к «накладным расходам» – «лузерам», которых «винеры» готовы терпеть и позволять им обеспечивать себе минимальный допустимый уровень жизни. Можно, например, полагать, что человечество уже стала единым и одни страны и регионы должны выполнять функцию «мозга» планетарного

социального организма, другие – рук, третьи – взять на себя роль менее престижных органов. В радикальной постановке, которой придерживается часть американской элиты, наша планета рассчитана на миллиард человек, и всех остальных следует «стряхнуть», например, а в результате череды глобальных и региональных конфликтов, или иным способом.

Этому взгляду противостоят идеологии, опирающиеся на *традиционные ценности*, утверждающие принципиальное равенство в главном – в праве на жизнь. Это христианство, утверждающие, что «для Бога нет еллина и иудея», ислам, ставящий во главу угла справедливость, коммунистическая идея, декларирующая «свободу, равенство, братство».

Президент РФ, заявляет о приверженности нашей страны традиционным ценностям и большой опасности внушать каким либо странам или народам представления о своем превосходстве или, тем более, исключительности, по сравнению с остальными.

При таком подходе 75% населения – это люди, имеющие возможности для творчества, развития. Это огромный, крайне важный для человечества потенциал. И тогда возникает другие вопросы, связанные с мироустройством, с тем как, накормить 7 миллиардов человек, и обеспечить в этом случае приведение потребностей и технологий обитателей планеты в соответствие с её возможностями. Вопросы XXI века.

Естественно, все это немедленно находит отражение в идеологиях, которые формулируют цели развития и дают долгосрочный прогноз. Либерализм ставил во главу угла интересы собственников, ориентированных на создание капитала, основных фондов, средств производства, на индустриальное развитие. Коммунистическая идеология защищала интересы рабочих, пролетариев, подчеркивая, что именно трудом этих людей создается все главное в экономике.

Но нынешняя реальность иная. И основные фонды, овеществленный труд становятся и по роли в экономике, и по стоимости вровень со знаниями и умениями, интеллектуальным капиталом. И в производстве

непосредственно заняты очень и очень немногие. В некоторых странах большая удача – занять позицию на хорошем рабочем месте. В современной экономике принципиальным становится уровень потребления и распределения в обществе невосполнимых ресурсов. На первый план выходит понятие ***справедливости.*** Мы совсем не так, как виделось классикам марксизма, но двигаемся в разных странах с разной скоростью к воплощению коммунистического принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Альтернативой социальному государству является общество с высокой степенью социального расслоения, которое в условиях серьезных ресурсных ограничений требует жестких силовых инструментов и тем самым теряет в устойчивости и в способности выявлять и продвигать наиболее талантливых людей независимо от их социального происхождения.

Ряд важных граней переживаемый человечеством бифуркации был выявлен и проанализирован санкт-петербургским сообществом, объединившимся вокруг проекта «Знаниевый реактор» под руководством Сергея Переслегина.

В основу картины происходящего этого сообщества положено понятие *социосистемы*, понимаемой как «*специфическая экосистема, способной к переработке информации в другие формы ресурсов в частности в пищу*, которая с самого момента своего появления воспроизводит четыре базовых процесса, а именно: образование, познание, управление, производство»[12].

Для социосистем характерны *фазы развития*, которые отличаются буквально всем: типами деятельности, господствующими социальными институтами, характерными используемыми энергиями, характерными скоростями, демографической динамикой, местом Человека в трофической пирамиде, соотношением между социосистемой и окружающими экосистемами.

[12] У этого сообщества есть несколько интересных книг, но обсуждая их подход и прогнозы, мы будем опираться на последнюю. Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего. Форс-мажор для человечества. – М.: Алгоритм, 2015. – 480с. – (Каким будет мир).

Среди них выделяются архаическая фаза (человек находится на вершине трофической пирамиды, на позиции абсолютного хищника и занимается охотой и собирательством), традиционная фаза (в неё человечество вошло после неолитической революции), индустриальная фаза (в который человечество преобразует глобальную экосистему и подчиняет ее своим потребностям). Однако: «Мыслима и следующая – *когнитивная фаза* развития, отличающаяся широким распространением человеко-машинных организованностей и созданием/уничтожением разнообразных эко и социосистем с заранее заданными свойствами, транспортной и энергетической независимостью территорий, хаотической демографической динамикой. Характерные энергии соответствует термоядерному синтезу, скорости определяются масштабами солнечной системы и близлежащих звезд».

Переходы от фазы к фазе связаны *фазовыми кризисами*, в ходе которых приходят в упадок все базовые социосистемные процессы. Такие переходы требуют преодоления так называемых *фазовых барьеров.*

Фазовый барьер сначала проявляется просто как торможение развития. Затем, по мере погружения в него, – как нарастание, вроде бы случайное, неблагоприятных ситуаций и катастроф. Потом начинают сбоить столетиями работавшие экономические, политические, социальные механизмы. Затем понижается социальная устойчивость. И на этом фоне продолжают развертываются тренды, несовместимые с текущей фазой развития.

Важно выделить признаки и угрозы, связанные с прохождением фазового барьера. Их понимание позволяет ясно увидеть, как и какие проблемы следует решить, чтобы *локально* (для данного государства или цивилизации и в определенный период) стабилизировать или смягчить ситуацию и не допустить катастрофы.

Среди них, по аналогии с экосистемами имеет место

- нарастание общественных противоречий;

· суверенизация системы (отдельные системы перестают вести себя как части целого, эффективность общественной структуры падает);

· всплытие реликтов (появление ранее эволюционно вытесненных признаков и отношений);

· упрощение с падением разнообразия, своеобразная стандартизация;

· маргинализация системы (низшие, маргинальные части социосистемы и стратегии вытесняют высшие).

Всё это не является принципиально новым. Лев Николаевич Гумилёв, рассматривая рождение, развитие и закат этносов, Арнольд Тойнби, обсуждая траектории различных цивилизаций, обращали внимание на те же кризисные явления, характерные для *фазы надлома* и последующей деградации рассматриваемых систем. Более того, известны исторические примеры, в которых умелое государственное управление позволяло стабилизировать ситуацию и отсрочить катастрофу на несколько веков. В качестве такого примера ряд историков приводят Византию, которая просуществовала на 4 века дольше, чем если бы был реализован «типовой сценарий».

Отличие нынешней ситуации в масштабе. Раньше цивилизации и этносы давали свои Ответы на Вызовы в разное время в разных регионах, что повышало устойчивость планетарной социосистемы в целом. Сейчас перед фазовым барьером стоит все человечество и цена возможных ошибок намного выше.

Фазовая катастрофа на переходе Античность – Средневековье ввергла человечество в целую череду «темных веков», отбросила его, с точки зрения социального, культурного, технологического развития, на много столетий назад. Важно, чтобы этого не произошло с нами и нашими потомками, чтобы фазовый барьер был преодолен с наименьшими издержками, без гигантских мировых войн или планетарного одичания. (И такие примеры тоже есть – это

барьер Средневековье – Новое время или традиционное общество – индустриальный социум).

В экономической области переживаемый нами постиндустриальный кризис проявляется как:

· постоянное снижение производительности труда;

· кризис «старых отраслей» экономики, соответствующих прежним технологическим укладам, и регионов, которые с ними связаны.

· неустойчивость «новых» секторов экономики;

· разорение среднего класса и снижение его влияния на общественные процессы ;

· кризис и обесценивание мировой валюты (доллара США);

· кризис валютных механизмов, отсутствие надежных инструментов для сохранения денег и объектов для инвестирования с низким риском;

· кризис глобализации;

· кризис биосферы;

· кризис «инновационного сопротивления».

Особенно ярко и наглядно переживаемый кризис проявляется в сфере управления. Здесь среди ведущих тенденций:

· резкое увеличение количества субъектов, участвующих в принятии решений, как внутри государства, так и на международной арене ;

· рост совокупных общественных затрат на функционирование механизма управления;

· повышение информационного сопротивления управленческих систем;

· рост всех типов сопротивления принятым управленческим решениям;

· снижение характерных длительностей социальных, экономических и политических процессов, подлежащих управлению;

· повышение характерного времени принятия решений во всех социосистемных институтах;

· переполнение паразитной информацией всех каналов управления;

· возникновение сверхбольших административных систем, имеющих замкнутые траектории движения управленческого сигнала, неустойчивых, имеющих непредсказуемую динамику, высокую степень закрытости и не способных решать все задачи, ради которых они создавались;

· кризис международных политических и экономических организаций;

· кризис выборной демократии как формы правления, соответствующей индустриальной фазе развития;

· рост противоречий между государствами и негосударственными структурами, и, в частности, транснациональными корпорациями (ТНК);

· рост терроризма и невозможность справиться с ним в рамках существующих управленческих государственных структур;

· рост влияния в рамках отдельных государств и мира в целом теневых структур управления.

Опыт прежних эпох показывает, что на границе фазового кризиса происходят очень важные перемены в системах образования. Они продолжают готовить, следуя традиции, «людей прошлого», не способных справиться с вызовами новой реальности. Все чаще в обществе добиваются больших успехов люди, не имеющие адекватного образования. Нечто подобное происходит и сейчас. Среди признаков кризиса индустриальной фазы в сфере образования можно обратить внимание на следующие:

· «девальвация образования» – аттестат зрелости потерял всякое значение, (бакалавриат соответствует в лучшем случае уровню техникума или средней школы 1960-х годов и гимназии 1900-х годов);

· снижение ценности и социальной значимости образования;

· снижение социального и экономического статуса учителей, преподавателей, профессоров;

· увеличение времени получения обязательного образования;

· резкое снижение возраста первичный потери познавательной активности (с15-16 до 10-11 лет);

· отсутствие у граждан сколько-нибудь цельной и связной картины мира;.

· распространение функциональной неграмотности.

Кризис очень остро проявляется в сфере науки. Среди его наглядных признаков можно выделить следующие:

· снижение статуса научной деятельности, прежде всего в области естественных наук;

· падение связности науки, что проявляется во все более узкой специализации (до 72 тысяч научных дисциплин на 2004 год) и фактическом игнорировании междисциплинарных подходов;

· отсутствие механизмов эффективного междисциплинарного взаимодействия;

· резкое замедление выработки и создания новых смыслов (по некоторым оценкам, до уровня «темных веков»);

· отсутствие рефлексии оснований науки и научного метода исследования;

· «ритуализация» процесса исследования и опубликования полученных результатов;

· тенденция объединения научного сообщества в целом и представителей отдельных дисциплин в касты, свободные от всякого общественного контроля;

· отсутствие эффективного управления исследованиями;

· господство «грантовой» системы финансирования, придающей науке **сервисный статус**;

· возрастание нетерпимости и рост расслоения в научной среде;

· использование авторитета науки в целях рекламы и пропаганды;

· потеря связности научного, вненаучного и трансцендентного познания, возврат архаических форм трансценденции.

В дополнение к этому теряется связность и эффективность взаимодействия между экономикой, управленческой, образовательной и научной сферами. И этот дисбаланс стремительно нарастает.

В подтверждение каждой из этих тенденций наши читатели могут найти многочисленные свидетельства и факты. Однако важно то, что все они являются общемировыми тенденциями, со своими особенностями и разной интенсивностью проявляющимися в разных странах мира. Они не случайны, а закономерны для всего периода, предшествующего фазовому переходу. Кроме того, они являются долговременными, действующими в течение многих десятилетий «мегатрендами» (следуя выражению Дж. Нейсбита)[13].

Именно они непосредственно влияют на политику, задают поле возможностей, на котором делается выбор стратегий. Последние и определяют решение поставленных задач с помощью войн того или иного формата.

«Крупные государства ведут себя на международной арене как бандиты, а мелкие как проститутки»

У.Черчиль

2. Дестабилизирующие факторы мировой политики.

[13] Нейсбит Дж. Мегатренды. – М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380с. –(Philosophy). Эта работа представляет итог использования методов

Любой политически неангажированный аналитик легко придет к заключению, что «международный фон» в настоящее время крайне неблагоприятен для безопасности и развития России. Это связано со следующими особенностями протекания глобальных процессов в Мир-системе.

Во-первых, после начавшегося разрушения Западом Ялтинско-Постдамской политической системы сущность нового мирового порядка составляет состояние «глобальной турбулентности». Мир-система находится, говоря языком синергетики, в «перемешивающем слое» /4/.

Мы сейчас живем в «эпоху быстрых перемен».

Как отмечено в /5..7/, наиболее драматичной «эпохой перемен» является современная эпоха, о чем свидетельствует «взрывной» рост ключевых демографических и экономических показателей в последние полтора столетия (рисунок 2.1).

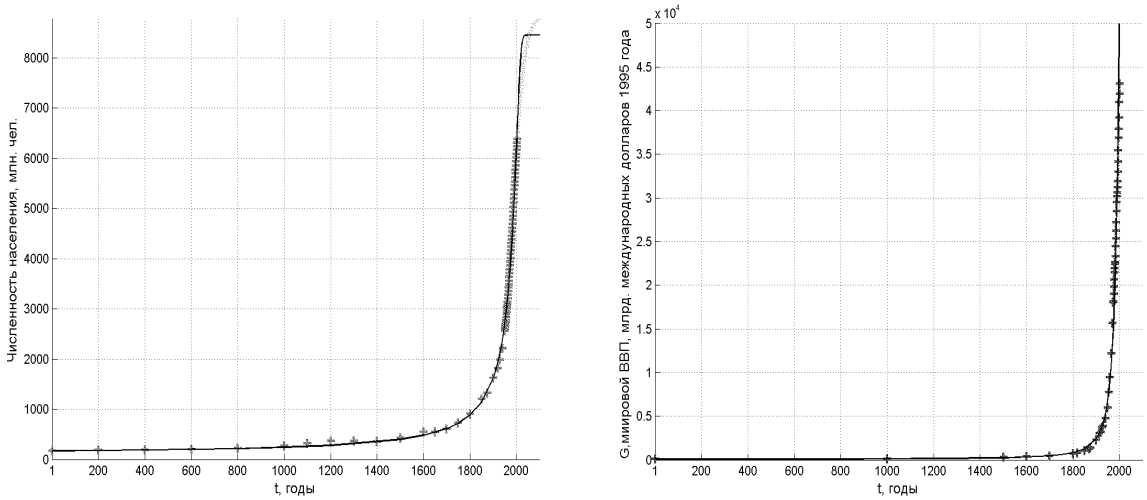
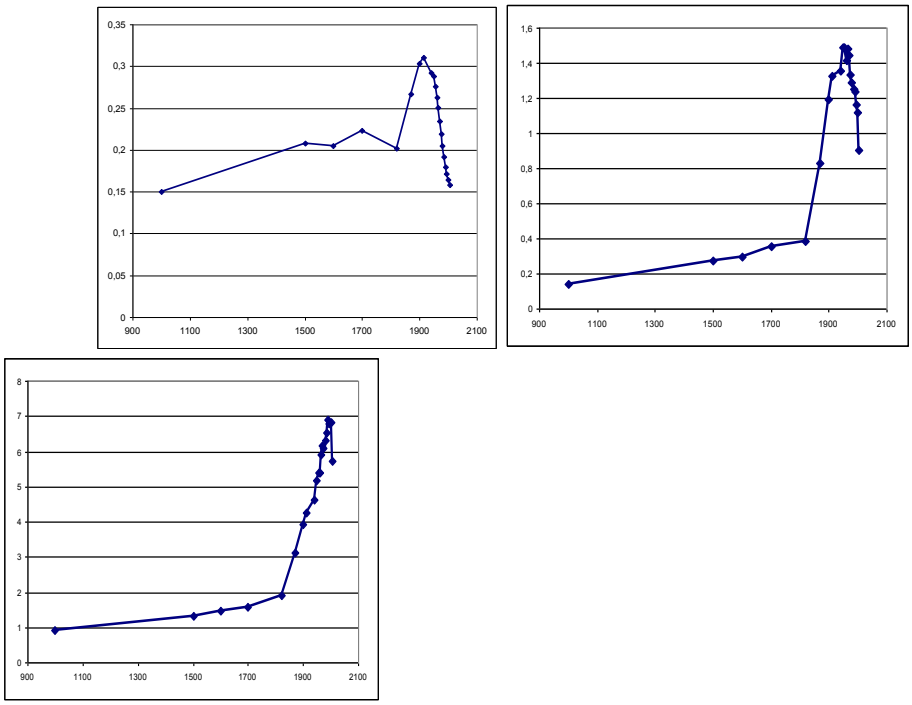


Рисунок 2.1 – Динамика численности населения Земли (млн. чел.; левый график) и мирового ВВП (млрд. долл. США 1995 года; правый график) [7].

При этом в последние десятилетия происходит слом тенденций, формировавшихся в индустриальную эпоху, Запад начинает довольно быстро утрачивать неоспоримое лидерство (рисунок 2.2) /7/.



а) б) в)

Рисунок 2.2 – Динамика изменения за последние 1000 лет соотношения демографических и экономических показателей стран Запада и остального мира: а) соотношение численности населения, б) соотношение величины ВВП, в) соотношение величины ВВП на душу населения

Несмотря на то, что в начале пятого цикла Кондратьева третья мировая «холодная» война между лидером США и претендентом на лидерство СССР (возглавлявших, соответственно, Западный и Восточный политические блоки) закончилась поражением СССР и, казалось бы, установилось неоспоримое господство либерально-рыночной модели мироустройства («конец истории» по Ф.Фукуяме), именно в это время данная модель стала давать сбои /5…7/.

Дело в том, что устойчивость либерально-рыночной экономики, основанной на конкуренции, возможна только при наличии притока

дополнительных ресурсов («игра с положительной суммой»). Именно получение дополнительных ресурсов являлось целью политики *глобализации,* проводимой западными странами. Однако, будучи реализованной, глобализация ставит предел возможностям роста, основанным на внешней экспансии. По завершению глобализации неизбежен переход к «игре с нулевой суммой», а это в свою очередь приведет к необходимости коренного переустройства Мир-системы.

Период экстенсивного роста заканчивается. Об этом, в частности, свидетельствует разразившийся в 2008 г. финансово-экономический кризис, являющийся продолжением кризиса 2000 г. На очереди – следующая, более серьезная фаза кризиса, которая будет иметь уже не только экономический, но и политический характер.

Вторая особенность протекания глобальных процессов в Мир – системе состоит в том, что развал Бреттон-Вудской системы и экономический кризис привели к тому, что главный инструмент власти США на международной арене – доллар, уже не обеспеченный золотом, - поддерживается исключительно военной мощью, регулярно задействуемой в разных точках мира.

В-третьих, существенно обостряются негативные мировые процессы, связанные с **циклическими тенденциями /5…7/.**

В последние десятилетия неоднократно звучали мнения известных западных экспертов о вступлении развитых стран в "бескризисную" эпоху, о "конце истории", о поступательном ходе прогресса и т.п. Однако реальная динамика событий показывает, что кризисы и волны в развитии общества не исчезают, а лишь модифицируются /5…7/. Наиболее важными из глобальных циклических тенденций являются длинные волны экономического и социально-политического развития, исследованные выдающимся русским экономистом и социологом Н.Д. Кондратьевым, а затем многими другими учеными /5…7/ (см. рис 2.3).

Важно подчеркнуть, что **кондратьевские циклы описывают не только экономическое, но и социально-политическое развитие /5…7/**. Иными словами, длинные волны тесно связаны не только с экономикой, но и с политикой и социальными процессами. На это четко указывал сам Н.Д.Кондратьев .

Иными словами, из анализа динамики развития Мир-системы вытекает, что общая закономерность при переходе от одной волны к другой состоит в резком усилении социально-политической напряженности в мире, которая приводит к войнам и революциям (см. рис.2.4) /5/.

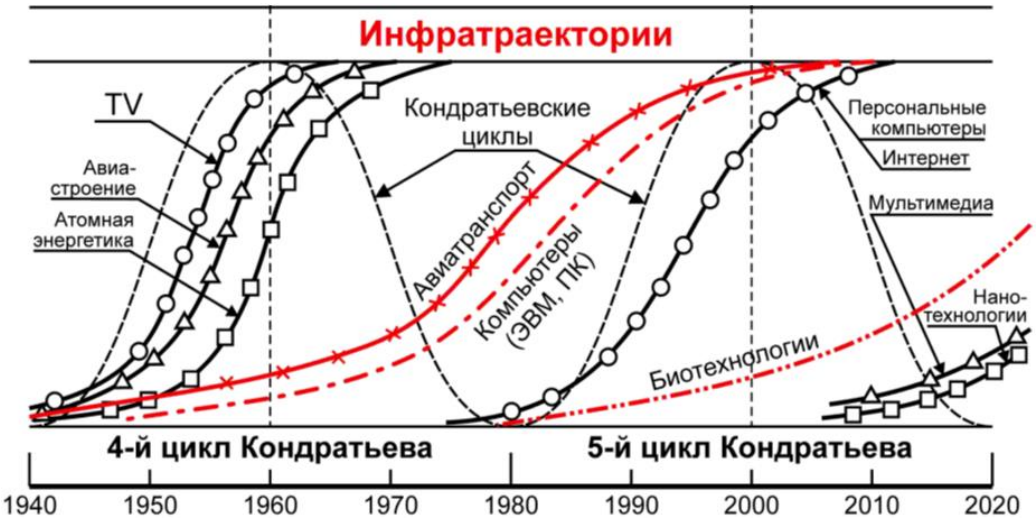
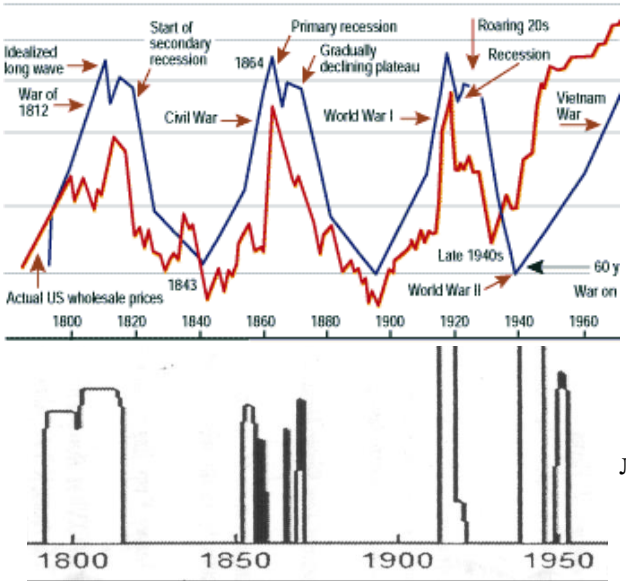


Рис. 2.3 - Динамика кондратьевских циклов /5/



Экономика
(индекс оптовых цен в США)

Войны
(людские потери в войнах в логарифмическом масштабе, Дж. Голдстейн)

Рис.2.4 - Взаимосвязь экономических и политических циклов /5/

Исходя из данных тенденций можно определить следующие перспективы. Во-первых, выход из глобального кризиса 2008 – 2010 гг. скорее всего не приведет к стабильному росту, и уже в 2015 – 2016 гг. весьма вероятен новый мировой экономический кризис /5….7/. Этот вывод следует из структурного подобия нынешней понижательной волны и понижательных волн предшествовавших кондратьевских циклов (К-циклов)

График спадов и подъемов мировой экономики на «понижательной» волне пятого К-цикла (фаза «великих потрясений»), рассчитанный В.Пантиным и А.Айвазовым (еще в 2005г, т.е до начала «первой фазы» кризиса) представлен на Рис.2.5. /5/.

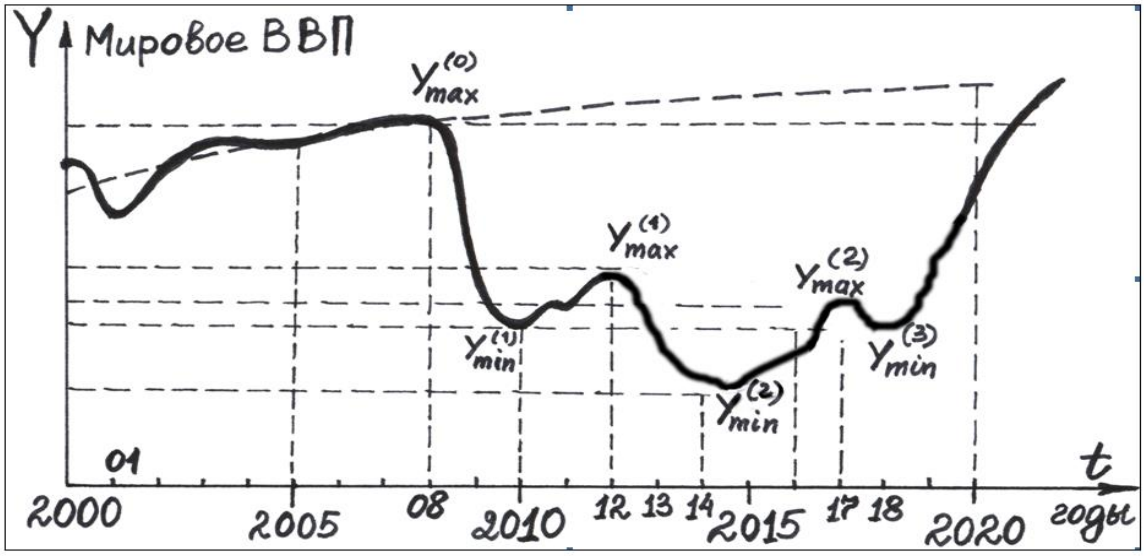


Рис. 2.5 - График прогнозируемых спадов и подъемов мировой экономики на «понижательной» волне пятого К-цикла (фаза «великих потрясений»

Как следует из результатов расчетов Пантина и Айвазова, вторая волна глобального кризиса зримо проявится уже как «новая великая депрессия» в 2015 –2016 годах. А третья волна – в 2017-2019гг..

В свете вышесказанного можно сделать вывод, что период 2015 – 2020 гг., подобно периоду 1939 – 1949 гг. и периоду 1975 – 1983 гг., скорее всего будет насыщен социальными и военно-политическими конфликтами. Масштабные конфликты, о которых идет речь, как и в предшествовавших циклах, инициируют важные геополитические и геоэкономические изменения, которые в итоге, могут привести к становлению нового мирового порядка и новой модели глобализации

Четвертым дестабилизирующим фактором мировой политики, способным оказать существенное влияния на будущее формирование геополитической конфигурации, по мнению ряда экспертов, является возможность резкого изменения климата Земли. Климатические изменения на Земле могут носить не только постепенный характер. Возможен и катастрофический сдвиг, который потребует чрезвычайных, в том числе военных, мер реагирования. Таков, в частности, основной вывод доклада

"**Сводка погоды: 2012-2020",** подготовленного профессиональными футурологами по заказу министерства обороны США. Как утверждают эксперты, ожидаемые **глобальные климатические изменения способны полностью дестабилизировать политическую обстановку на планете.**

В качестве **пятого** дестабилизирующего фактора мировой политики можно указать на переход к постиндустриализму и формирование нового баланса сил в военно-политической области /10/.

Осознание выхода из-под контроля Запада ряда социально-политических и экономических процессов в настоящее время (на Западе) оформилось в «Концепцию Восстания Азии», которая все чаще используется в политическом дискурсе как заменяющая концепцию «столкновения цивилизаций».

По мнению сторонников указанной концепции, распад СССР привел к тому, что «Восстание» народов Азии, начавшееся после Второй мировой войны, перешло в новую стадию. Оно может в обозримом будущем получить в качестве своего «глобального лидера» Китай. Уже намечается ряд «состоявшихся региональных лидеров» - Иран, Турция, а также претендующих на лидерство стран (Пакистан, Египет).

Как утверждают сторонники концепции «Восстания Азии», оно фактически стало локомотивом международного движения под лозунгом «Освобождения народов всего мира от удушающей хватки Европейской империи». Его целью является повсеместное изгнание европейцев - не только в Азии, но везде! - в свои исконные земли, в места первичного расселения, где они жили, по крайней мере, до 15-го века /10/.

Необходимо отметить, что концепция «Восстания Азии» против ядра Мир-системы не нова. Но стратегическое поражение, которое потерпела Европейская империя в Азии к началу 2009 г., заставило Запад обратить на эту концепцию самое пристальное внимание и принять ее в качестве теоретической базы реальной политики. В настоящее время политический истеблишмент Западного мира, несмотря на наличие определенных

противоречий между властными элитами, объединен в позиции, что Запад должен бороться с «восставшей Азией».

В настоящее время наряду с подготовкой к возможному военному противостоянию с «полупериферией» и «периферией» Мир-системы в военно-технической (создание системы «быстрого глобального удара») и институциональной (принятие новой стратегической концепции НАТО) сферах реализуется так хорошо себя зарекомендовавшая ранее стратегия **«непрямых действий»** на основе использования технологий «**управления хаосом».**

В рамках реализации стратегии непрямых действий Запад стремиться использовать исламистские движения против тех стран Арабского мира, которые хотели бы вести «свою игру» в экономике и политике.

Это мы наблюдали и сейчас наблюдаем в Египте, Ливии, Сирии и др. странах Азии и Магриба.

В связи с противостоянием «Центра» и «периферии» Мир-системы возникает вопрос: вчера - Ирак, сегодня – Тунис, Египет, Ливия и Сирия, а кто будет «демократизирован» завтра?

В свете вышесказанного становятся понятны происходящие изменения в НАТО.

После принятия новой стратегии НАТО изменятся в сторону **глобализации** своей деятельности и при этом **существенно расширяет трактовку** базовой статьи №5 Североатлантического договора, определяющей условия применения альянсом военной силы.

Условия, требуемые для выполнения основного обязательства НАТО, изложенного в статье 5 Североатлантического договора, согласно положениям «Стратегии» принимают «новую форму». Введение понятия **«новые угрозы»** позволяет весьма расширенно трактовать, «что же является нападением в рамках статьи 5» (Часть вторая. Глава 1. «Условия безопасности»).

В контексте изменений в стратегии НАТО возникает вопрос - с чем это связано? Являются ли они результатом циклических изменений в мировой политике, переходом от интравертности к экстравертности, или за всем этим стоят более глубокие фундаментальные основания. На этот вопрос выше уже частично был дан ответ, связывающий изменения с ожидаемыми геополитическими процессами. Его можно расширить с позиции Мир-системного анализа на основе математического моделирования глобальных процессов, т.е. не на уровне гуманитарного дискурса, который, как правило, приводит к бесконечной дискуссии между сторонниками и противниками партнерства с НАТО, а на уровне строгости, приближающейся к логико-дедуктивному.

Использование динамических методов моделирования макроэкономических процессов показывает, что в условиях рыночной конкуренции экономическое равновесие, существование которого является краеугольным камнем классической экономической теории, имеет неустойчивый характер, чреватый кризисными явлениями /5…7/. Для стабилизации равновесия необходимо:

либо перейти к регулированию экономики, отказавшись от рыночных принципов (как это делали в СССР и других социалистических странах), или существенно ограничив рыночную стихию (как это делают во всех странах во время экономических кризисов);

либо (если нет желания ограничивать рыночную конкуренцию) обеспечить приток **дополнительных ресурсов** в экономическую систему, который позволяет выжить неудачникам в конкурентной борьбе и делает возможным сглаживание социальных противоречий. В этом случае возникает «игра с положительной суммой»: это уже не равновесие, идет постоянный экономический рост. И этот рост ни в коем случае не должен остановиться, иначе рыночная система дестабилизируется.

Таким образом, как показывает моделирование /5…7/, экономическая система в условиях рыночной конкуренции может стабильно существовать

только при постоянном вливании дополнительных ресурсов извне. То есть **для стабильного существования такой системы необходимо наличие периферии, из которой можно черпать дешевые ресурсы**.

В этих условиях **НАТО является инструментом поддержания устойчивости системы «центр-периферия»**, в которой только и может существовать Западный мир. В этом и состоят новые функции альянса. Фактически современное НАТО после принятия новой стратегической концепции есть объединение государств Западного мира, составляющих центр Мир-системы, для силового обеспечения эксплуатации периферии. Это наглядно проявилось в марте 2011г в Ливии.

Принятие новой стратегической концепции НАТО вкупе с использованием концепции подавления «восстания Азии» как инструмента реальной политики Запада являются сильными дестабилизирующими факторами мировой политики.

Причины гибели больших империй
– неадекватность восприятия
правящих элит.

А.Тойнби

3. Что день грядущий нам готовит?

3.1 Смена курса и раскол элиты.

Исторический анализ показывает, что важнейшим фактором для революционной смены власти и обычно следующих за ними войны является *раскол элит*. Различные группы элиты, преследуя свои узко понимаемые корпоративные интересы и не представляя масштабы предстоящих перемен, оказываются готовы поставить на кон судьбу государства. И народное недовольство «низы не хотят», и экономические неурядицы, и паралич государственного аппарата «верхи не могут», как правило, оказываются следствием этой «элитной неустойчивости». Ситуация ухудшается, если эти группы ориентируются на поддержку и отстаивание интересов других государств в собственной стране. (Вспомним перехват власти на Украине в

2014 году, в ходе которого американские советники руководили и властью, и оппозицией). Хрестоматийными примерами здесь могут служить Великая французская революция (1793); вступление Российской империи в Первую мировую войну (1914); предопределившее ее распад, Февральская революция (1917); катастрофа Советского Союза (1991).

Внешне это выглядит как странные немотивированные решения, очевидные ошибки, нежелание прислушиваться к мнению профессионалов. Но в их основе «шизофрения элиты», разные группы которой стремятся «перетянуть канат» в свою сторону. Стратегические решения принимаются, как правило, узким кругом руководителей, поэтому роль первых лиц государства, когда решаются вопросы войны и мира, может быть очень велика. Государственная машина при этом может выступать и как инструмент защиты общества и государства, и как усилитель трагических ошибок.

Показательно начало Первой мировой войны, которая вызревала в Европе в течение десятилетий, и которую породили глубокие политические и экономические интересы ведущих держав того времени. «Какая-нибудь проклятая глупость на Балканах станет причиной новой войны», – предсказывал «железный канцлер» Отто фон Бисмарк, который внёс исключительный вклад в становление германской государственности. Этот выдающийся политик заклинал немецкую элиту *никогда* не воевать с Россией, однако он был отправлен в отставку воинственным императором Вильгельмом II.

Мир стоял на пороге мировой войны в 1909 году, когда Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, и Николай II согласился объявить мобилизацию в трех пограничных с Австрией округах. Тогда премьер-министру П.А. Столыпину удалось удержать царя от этого решения. «Сегодня мне удалось спасти Россию от гибели», – говорил он об этой беседе жандармскому генералу А.В. Герасимову. Однако 1го сентября 1911 года Столыпин был застрелен в Киеве.

В 1914 году роковые решения были приняты под влиянием «ястребов» – великого князя Николая Николаевича, мечтавшего о лаврах полководца, взятии Берлина и Вены, министра иностранных дел С.Д. Сазонова, ориентировавшегося на интересы Англии, и начальника Генерального штаба Н.И. Янушкевича. По свидетельствам современников, последний якобы разбил телефон, чтобы царь не мог отменить начало войны…

В течение, по крайней мере, первых 10 лет новой России основная часть отечественной элиты активно встраивалась в западный мир, уничтожая ряд отраслей отечественной экономики, демонтируя армию, образование, науку, превращая страну в поставщика углеводородов для развитых стран. Капиталы, жены и дети перевозились в Великобританию и США.

В качестве российской доктрины реализовывалось утверждение: «Россия войдет на Запад как государство». Этот императив внутренне противоречив, – Западу не нужно вхождение в него России, что им и было неоднократно продемонстрировано. Одна часть элиты проводила прозападный курс, в конечном итоге ведущий к ликвидации нашей страны. Другая работала на отстраивание государства, на то, чтобы поднять страну с колен.

Ситуация изменилась, давление на Россию усилилось, ряд ведущих геополитических игроков последние 7 лет вели нашу страну к роли изгоя, ослабляя ее влияние на происходящее в мире. Однако сменить ориентацию элитным группам достаточно трудно. Поэтому мы пока имеем **раскол правящей элиты, что в военной ситуации крайне опасно.**

Наглядный пример, – отношение к глобализации. В исходном понимании этого слова под *глобализацией* понимается свободный поток товаров, капиталов, людей, идей, технологий и информации, свобода конкуренции и отсутствие барьеров, мешающих торговле. Поэтому участие в процессе глобализации на общих основаниях, установленных Всемирной торговой организацией (ВТО), гибельно для России. И это прекрасно понимается на Западе. Известна крылатая фраза бывшего британского

премьера Маргарет Тэтчер о том, что на территории России в условиях глобализации экономически оправдано проживание 15 (пятнадцати!) миллионов человек, очевидно, необходимых для обслуживания нефтегазовой трубы.

Причины такого положения дел – экстремальные географические условия Российской Федерации. Более 2/3 территории нашей страны находится в зоне вечной мерзлоты. Отсюда следует очень высокая энергоемкость производства, дорогая рабочая сила (которую надо хорошо кормить, тепло одевать и постоянно обогревать значительную часть года), а это означает неконкурентоспособность большинства товаров, выпускаемых в нашей стране, по сравнению с их аналогами, произведенными в более благоприятных условиях[14].

Поэтому естественный выбор экономической политики страны – протекционизм, позволяющий скомпенсировать «климатическое неравенство». Это было осознано, просчитано и активно проводилась в жизнь ещё во времена Екатерины Великой. И эффективно использовалось в советской экономике.

Отсюда следует, что в долговременной перспективе на мировых рынках (если они нам нужны) Россия должна выступать с высокотехнологичной продукцией, с тем, что не умеют делать другие. Это не является ни для кого откровением, а соответствующие данные приводятся в школьных учебниках физической географии. Однако Россия в течение многих лет вела переговоры о вступлении в ВТО и, наконец, стала членом этой организации, приняв множество губительных для отечественной экономики ограничений. Разумеется, «санкции», наложенные на Россию в 2014 году, сделали очевидными все иллюзии о «свободе торговли», которую ВТО, как бы, должна была бы обеспечивать. Тем не менее, сам факт достаточно показателен.

---

[14] Всё это было подробно описано в книге А.П. Паршева. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь – М.: АСТ, Астрель, 2006. – 352с.

Переориентация прозападный части российской элиты на интересы собственного государства (без которого она и на Западе теряет смысл) – трудный, болезненный, если вообще возможный, процесс.

Еще до начала российских реформ получили известность слова, приписываемые западному политику З. Бжезинскому: «В XXI веке Америка будет развиваться против России, за счет России и на обломках России». Нужно прилагать очень большие усилия, чтобы не осознавать сказанное им и не видеть в нынешней реальности реализации этого императива.

То, что сейчас именно элита является главным «окном уязвимости», «болевой точкой» российского общества, прекрасно понимается западными политиками. Тот же З. Бжезинский заявлял, что он не видит ни одной ситуации, в которой Россия могла бы воспользоваться своим ядерным оружием, поскольку $500 млрд., принадлежащих российской элите, находятся в западных банках.

Поэтому одним из наиболее опасных форматов разрушения России являются «элитные войны». Реально страной руководит около 80 человек. Достаточно иметь возможность манипулировать этими людьми, создавать у них неадекватную картину реальности или внушить им неоправданные надежды, чтобы достичь своих целей без разрушительных кровопролитных войн. «Достать» этих людей в одних случаях можно через их собственность и банковские вклады в зарубежных государствах, в других – через родных и близких людей, создавая угрозы их жизни и благополучию, в-третьих, – через компроментирующую информацию.

Опыт ряда войн последних десятилетий (Ирак, Ливия и др.) показывает, что «элитные войны» в одних случаях предваряют «горячую» стадию конфликта, в других вообще позволяет обойтись без использования вооруженных сил.

В своё время И.В. Сталин, как утверждают эксперты, имел сильную политическую разведку, систематически и достаточно детально изучавшую западные элиты. Это позволяло зачастую предвидеть шаги партнёров или

оппонентов и действовать точно и эффективно. Подобная структура была разрушена Н.С.Хрущевым, не видевшим в ней пользы и полагавшимся на применение или угрозу использования силовых факторов в международной политике.

С тех времен научно-техническое обеспечение «элитных войн» ушло далеко вперед. Здесь и достижения прикладной психологии, позволяющие очень точно реконструировать личности лидеров, выявлять их сильные и слабые стороны и наиболее вероятные способы их действий. В частности, в разработке тактики ведения переговоров между Р. Рейганом и М.С. Горбачевым в Рейкъявике по сокращению стратегических вооружений, на которых были «сданы позиции» СССР по ряду ключевых направлений, важную роль сыграл выдающийся советско – американский специалист по рефлексивному управлению В.Л. Лефевр[15].

Глобальные компьютерные сети, информационные технологии и «перехват» конфиденциальной информации руководителей десятков государств, военных, предпринимателей, других лиц, причастных к принятию стратегических решений, реализованный спецслужбами США, многократно расширили возможности ведения «элитных войн».

С 2007 года Российская Федерация взяла курс на осознание и отстаивание национальных интересов. Этот поворот требует новых людей во власти либо переориентации части элиты на решение новых задач. Но с 1990-х годов основная часть российской власти и олигархов была ориентирована на иное, на встраивание в западный мир и обслуживание интересов западных центров силы в России. Поэтому раскол российской элиты был неизбежен.

Естественно, поворот во внешней политике вызвал сопротивление Запада и, в конечном итоге, привел к организации США «украинского кризиса». Это еще более обострило внутриэлитные противоречия.

---

[15] Исследования по рефлексивному управлению, начинавшиеся в СССР, активно продолжаются на Западе. Например, под началом В.Л. Лефевра (Лефевр В.Л. Рефлексия. – М.: «Когито-Центр», 2003. – 496с.) много лет шел большой проект, направленный на разработку мер, не позволяющих террористам доставлять оружие массового уничтожения на территорию США.

На эту проблему можно посмотреть еще с одной стороны. Самое совершенное оружие и ядерный потенциал бесполезны, если руководители в принципе не способны отдать приказы об их применении. За 20 с лишним лет западные политики свыклись с параличом власти в России и подчиненным положением нашей страны. Поэтому никакие заявления российских руководителей, идущие вразрез с западным мировидением, ими всерьез не воспринимались. Ситуацию начало менять вхождение Крыма в состав России. Заметим, что российское руководство, комментируя свои действия, обращало внимание на возможность использования в этом случае и ядерного оружия.

Однако западные политики, вероятно, пока не воспринимают всерьёз нового курса России и стремятся «наказать» нашу страну санкциями, как провинившегося ученика западной школы. Поэтому весьма вероятна следующая «проба сил» и проверка серьезности намерений российской элиты и попытки организовать очередную «элитную войну» в России.

3.2 Возможности атаки на общественное сознание.

«Крупная роль, принадлежащая общественному мнению, роль все более и более возрастающая, заставляет политику даже при самом настойчивом преследовании своих национальных интересов по возможности избегать всего того, что может восстановить против неё другие народы. Беспощадно эгоистическая в своих побуждениях, она должна облекать свои действия в законную внешнюю форму», – писал в конце XIX века офицер Генерального штаба Е.И. Мартынов. С тех пор возможности влиять на общественное сознание, возросли многократно.

Американский политолог С. Хантингтон рассматривал мир России как самую слабую цивилизацию и предрекал её уход из истории в течение 10-15 лет. Для этого есть определенные основания. В стране сменился социальный строй. Вместо новой исторической общности людей – советского народа – на

постсоветском пространстве возникло множество государств, трактующих и отстаивающих под руководством местной буржуазии свои «национальные интересы». Огромное пространство Евразии стало ареной соперничества различных государственных и цивилизационных проектов.

В основе идеологии лежит долгосрочный прогноз, формулировка целей, которые общество и государство стремятся достичь в исторической перспективе. Однако Россия пока не имеет своего большого проекта, идеология запрещена конституцией, и всё это является существенным фактором риска.

В самом деле, в последние десятилетия, да во многом и в настоящее время, у нас нет разумной, дальновидной, научно обоснованной политики в большинстве сфер жизнедеятельности.

Политики нет, потому что отсутствует стратегия, фиксирующая цели управления страной, критерии его успешности и средства, с помощью которых будут решаться поставленные задачи.

Стратегии нет, потому что не сформулированы национальные интересы. Последние отсутствуют, так как нет понятого и принятого обществом и элитами образа желаемого будущего.

Этот образ вырабатывает всё общество, политические партии, общественные организации с одной стороны, и исследователи, которые очерчивают коридор возможностей, пространство целей, которые могут быть достигнуты в обозримой перспективе, риски, которые связаны с различными вариантами развития, и цену, которую обществу придётся заплатить за решение поставленных задач. Пока этого нет. Но для корабля, порт назначения которого неизвестен, нет попутного ветра…

Социологические опросы показывают, что в отсутствие ясных представлений о будущем (которые всегда были очень важны для мира России) граждане оглядываются на прошлое или смотрят на настоящее. Более 60% опрошенных считают, что со временем должны возрождаться советские смыслы и ценности и 10-15% ориентируются на либеральный

выбор и готовы быть «американцами второго сорта». Именно этот раскол лишает общества единства, а также открывает огромный простор для манипуляции массовым сознанием. Переход от сильного антикоммунизма и антисоветизма 1990-х годов к их мягкому варианту 2010-х приводит к когнитивному диссонансу и не способствует консолидации общества.

Социология, социальная психология, высокие технологии, средства массовой информации, интернет многократно расширили возможности управления обществом. «Оранжевые революции», в ходе которых огромные массы людей «ведутся» на ложные смыслы и символы, и совершают действия, противоречащие их объективным интересам и потребностям, стали эффективным инструментом войн нового формата[16]. Концепция «мягкой силы», выдвинутая Джозефом Каель и развитая Джином Шарпом, направленная на дестабилизацию или смену неугодных режимов, приобрела большую популярность. Императивы «Хвост виляет собакой», «Сначала победа, потом война» определяют форматы действий подразделений информационной войны.

Огромную эффективность такого образа действий показал украинский кризис. Несмотря на интернет, действия альтернативных средств массовой информации (СМИ) на Украине удалось создать «альтернативную реальность». Эта картина реальности – системная, масштабная и самосогласованная – разительным образом отличается от того, что рассказывают жители Луганска и Донецка, от информационного потока, представленного в российских СМИ. Несмотря на очевидные нестыковки, абсурдность некоторых утверждений (например, о том, что разрушения городов вызваны тем, что ополченцы обстреливают свои дома и близких сами) созданная украинскими СМИ картина во многом определяет восприятие этой гражданской войны десятками миллионов украинцев.

[16] На гуманитарном уровне эти социальные технологии описаны и проанализированы, осмыслен опыт «оранжевых революций», например, в книге Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 736с. Однако здесь возможен более глубокий междисциплинарный уровень понимания, опирающийся не только на качественные, но и на количественные данные и социологический мониторинг.

Известен феномен «пятой колонны», – возникновение части общества, желающей поражения своему Отечеству, его армии или правящему режиму. О распространении подобных настроений в русском обществе писал ещё А.С. Пушкин и активно боролся с ними. Значительная часть российской интеллигенции и буржуазии желала поражения русской армии в Русско-японской войне 1905 года. «Такое отношение образованных классов к армии… оказывает очень вредное влияние на офицерскую корпорацию… общественность в наше время представляет огромную силу. Она подрывает в офицерах желание серьёзно заниматься своей специальностью, ослабляет в них боевой дух, готовность жертвовать собой ради общих интересов», – писал офицер Генерального штаба Е.И. Мартынов[17]. В значительной степени революции в России подготавливались русской литературой, критически настроенной по отношению к действительности, действиям власти и углублявшей социальную пропасть «мы – они». Такой настрой афористично выразил кинорежиссер С.Говорухин в названии фильма, популярного в годы перестройки, «Так жить нельзя». И сейчас мы стали свидетелями митингов протеста против вхождения Крыма в состав России.

Схожый феномен активности «внесистемной оппозиции» имеет место во многих странах. Политические силы, не способные пробиться к власти в рамках существующих правил и не имеющие достаточный поддержки в обществе, стремятся сменить сами правила, а также заручится помощью извне. Последний украинский майдан (2014) – наглядный пример успеха подобные тактики.

Большие успехи «пятой колонны» в России связаны с историческими и географическими реалиями нашей страны.

– очень небольшой прибавочный продукт в стране, по необходимости делал образованную и правящую прослойку весьма узкой в

[17] «…хорошо забытое старое» ./ Сб. статей . – Е.И. Мартынов, А.А. Свечин, С.Ф. Ахромеев. – М.: Воениздат, 1991. – 192с. – (Из истории отечественной военной мысли).

огромной крестьянской стране. Она оказывалась оторванный от основной массы народа, живущей другой жизнью и имеющей другие интересы;

– узость этой прослойки и недостаток свободных ресурсов снижают возможности конкуренции в целом, и в частности политической, что приводит к периодически возникающей структуре власти «хороший царь – плохие бояре», в которой победы и достижения приписываются первому лицу, а провалы и поражения – его окружению;

– огромная разнообразная территория, требующая централизованного управления и большого госаппарата. При этом социальное и материальное положение людей, причастных к использованию «властного ресурса», и не причастных к структурам власти оказываются кардинально различным, что приводит к радикализации оппозиции;

– небольшой прибавочный продукт, в сравнении с другими развитыми странами, приводит значительно более низкому жизненному уровню интеллигенции, чем странах-лидерах, в условиях эрозии смыслов и ценностей это создает условия для коррупции.

Отсюда следует, что один из перспективных и опасных форматов войн будущего, применения «мягкой силы» – дискредитация власти в глазах населения, как собственной страны, так и других государств. Большие усилия, вкладываются оппонентами России именно в эту сферу.

Следует признать, что борьбу за массовое сознание Россия пока проигрывает. Опрос, проведенный в 69 странах мира, до вхождения Крыма в состав России, показал, что к США хорошо относится 62% опрошенных, к Китаю – 50%, а к России – 34% (и плохо 39%). Более того, с 2007 года отношение населения многих крупных стран к нашей страны существенно ухудшалось (см. рис. 10). Оппоненты России, действуя в сфере массового сознания последовательно и настойчиво, вели её в число стран – изгоев, что уменьшает возможности проведения активный и конструктивный внешней политики, подрывает доверие к инициативам нашего правительства.

3.3 Деградация экономики и вызовы новой индустриализации.

В течение первых 20 лет новой России наша страна в целом встраивалась в экономику Запада в качестве источника энергоресурсов (в памяти живы слоганы тех времен про «энергетического гаранта», «энергетическую сверхдержаву», «либеральную империю», «штрафной батальон Запада в борьбе с Востоком»). При этом происходила форсированная деиндустриализация страны, потеря рынков, разрыв складывавшихся десятилетиями экономических связей и производственных цепочек. В огромных масштабах был организован вывоз капитала (эксперты дают разные оценки от 1 до 7 трлн. долларов за первое 20-летие новой России). В итоге проводившейся экономической и финансовой политики удалось уничтожить основную часть отечественной обрабатывающей промышленности и не удалось создать «эффективных собственников» и суверенную банковскую систему.

Обрабатывающая промышленность выживает, когда проценты по кредиту не превышает 12% годовых, а высокотехнологичный и инновационный сектор, когда 3-4%. К сожалению, в течение многих лет ставки кредита в отечественных банках были существенно выше, что приводило к тому, что взять кредит за рубежом или произвести в Китае оказывалось гораздо выгоднее, чем вести дела в России.

Парадоксальная политика финансово-экономического блока привела к сворачиванию экономики страны, сделала Россию заложницей мировых цен на нефть и газ. В настоящее время около половины доходов бюджета дает нефтегазовый сектор экономики. Располагая, по оценкам экспертов, около 30% всех минеральных ресурсов мира, вклад России в глобальной валовой продукт составляла около 2,9% в 2012 году; 2,6% в 2014; и, видимо, будет 2% в 2015. Её доля на мировом рынке высокотехнологичной продукции в 10 раз меньше около – 0,2%.

В начале мы писали о ресурсных проблемах, с которыми столкнулось человечество, поэтому остро встал вопрос об освоении и использовании арктических природных богатств. Началась борьба ведущих стран мира за Арктику, в которую непосредственно оказывается вовлечена Россия.

Многие эксперты, экономисты, сотрудники Российской академии наук (РАН) в течение десятилетий показывали и доказывали, что именно экономическая слабость России будет использоваться ее оппонентами как инструмент для шантажа, как средство давления, как способ сместить нынешнее руководство и заменить его на другое, более покладистое. Санкции Запада, объявленные России в 2014, ознаменовавшие начало масштабной экономической войны, подтвердили эти оценки.

Данные Росстата по импорту в России в 2013 году наглядно показывают, насколько зависима российская экономика от импорта, и каковы вероятные направления последующих экономических атак на Россию (см. рис.3.1).

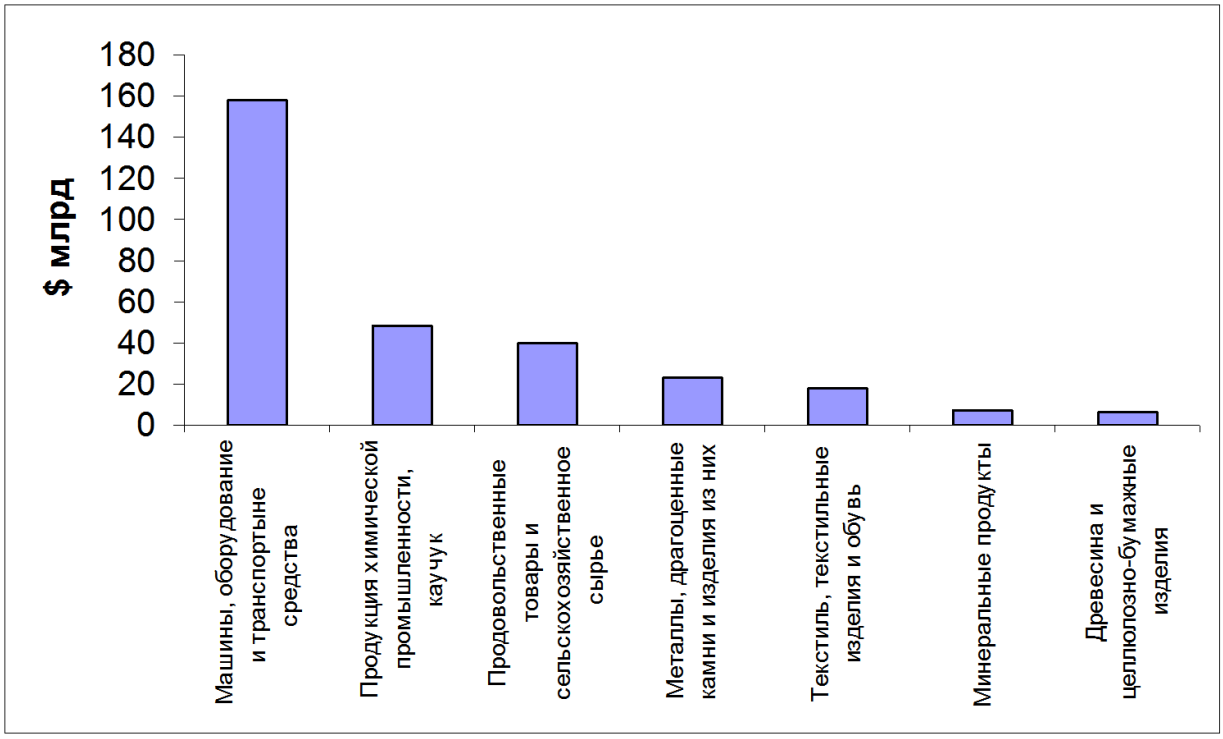


Рис. 3.1 Зависимость российской экономики от импорта.

Крупнейшей статьей импорта стало машиностроение. СССР был машиностроительной «сверхдержавой» – в 1990 году в нашей стране выпускалась более 70 тысяч станков с числовым программным управлением; в настоящее время – менее 3 тысяч. По оценкам экспертов Государственной Думы, более 70% станков, закупаемых российским компаниями, можно отнести к устаревшим образцам техники. Такая структура закупок закладывает технологическое отставание на десятилетия вперед. Произошедший развал химической промышленности заставил закупать синтетический каучук и другую продукцию этой отрасли почти на $50 млрд. Наша страна имеет огромные земельные угодья и все возможности полностью обеспечивать себя продовольствием, но и с этим сектором связан огромный объем импорта.

Общий объем импорта – своеобразный «налог на развал» отечественной экономики – составил $300 млрд. Это бюджет огромного государства!

Большую тревогу вызывает не только объем импорта, но и его структура. Производство оружия, телекоммуникационная инфраструктура, авиационная и космическая промышленность критическим образом зависят от импортных закупок (см. рис.3.2).

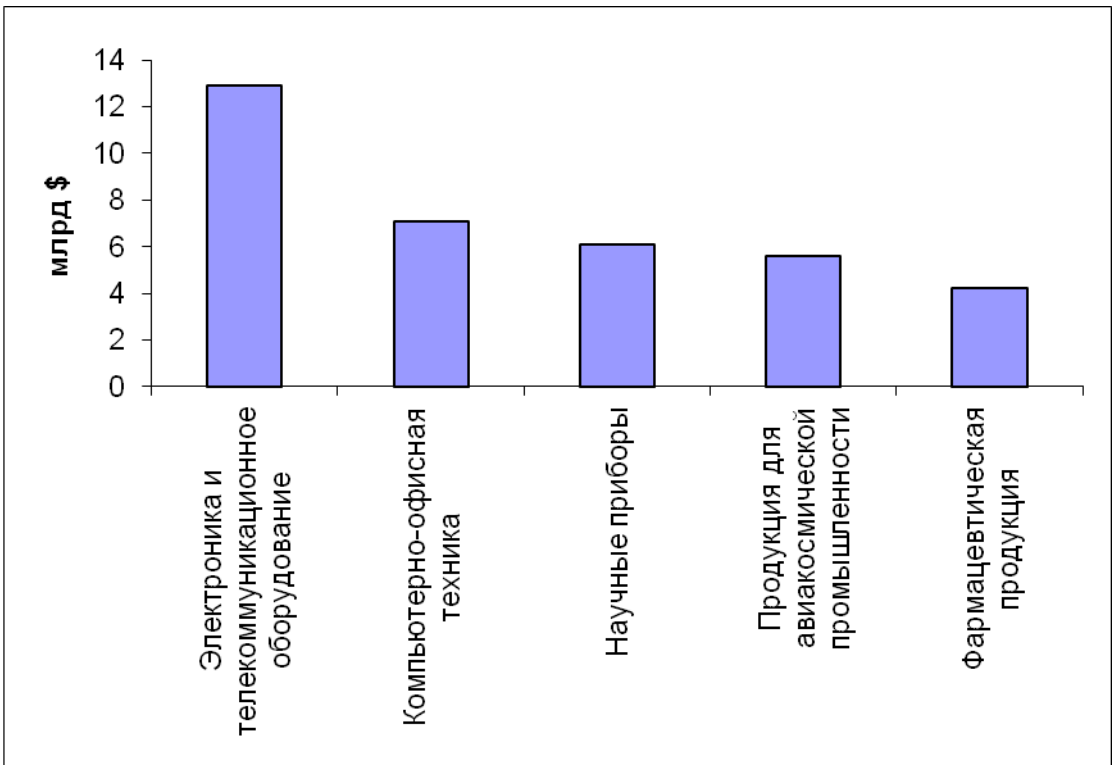


Рис. 3.2 Зависимость от импортных закупок

Нынешняя тяжелая ситуация требует мобилизации, смены экономического курса, форсированного развития ряда отраслей обрабатывающей промышленности, опоры на отечественного производителя и внутренний рынок. Нет худа без добра – многие товары в условиях санкций и падения курса рубля сейчас оказывается дешевле производить в России, чем закупать в Китае.

Ситуация санкций, на быструю отмену которых трудно надеяться, предполагает усиление плановых начал в экономике, сильную и точную государственную промышленную политику. Вполне возможно, что воссоздание таких структур как Госплан, Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ), координирующий проведение всех научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в стране и внедрение их результатов, Госснаб и Госкомцен, оправдано в нынешней критической ситуации.

Формат экономической войны, которая ведётся Западом против России, предъявляет достаточно высокие требования к системе

государственного, отраслевого, регионального и корпоративного управления. В самом деле, в распоряжение руководителя есть пять инструментов – *финансы*, *ресурсы* (санкции еще раз показали, что многое из необходимого купить просто не удастся), *организация*, *кадры* и *информация*. В течение десятилетий российским правительством акцент делался на использовании первого инструмента. Но при слабых остальных, только использование финансовых рычагов в принципе не может обеспечить решение ряда стратегических задач. Кроме того, деньги с неизбежностью будут тратиться нерационально – многое в стране стоит в разы, а иногда и в десятки раз дороже, чем в среднем в мире. И главное – без должного целеполагания средства с неизбежностью будут распыляться и вкладываться во второстепенные направления.

В настоящее время распространена иллюзия высокой эффективности «ручного управления», (которое в недоброй памяти годы перестройки называли «командно-административной системой»). Опыт войн, в том числе и экономических, показывает, что на современном уровне, даже в сложных ситуациях, следует проектировать, настраивать и опираться на *систему управления*. Недопонимание этого может быть связано с высокими рисками и большими издержками.

3.4 Угрозы и риски России. Краткий анализ сложившейся ситуации

Под влиянием внешних и внутренних обстоятельств Россия оказалась в ситуации испытания на прочность. Только принятие срочных и решительных мер может позволить избежать серьезных последствий для страны. К сожалению, ранее принятые решения о преодолении внутренних проблем (переход на инновационный путь развития, модернизация и т.д.), так пока и не выполнены. На это наложились внешние проблемы, связанные с событиями на Украине, санкциями Запада, падением цен на нефть, а также кризисные явления, характерные для современного этапа развития мировой

системы. Это кризис перехода от пятого к шестому технологическому укладу а также более фундаментальный кризис взаимодействия Центра мировой системы (стран Запада) и ее Периферии (остальных стран) на текущем этапе исторического развития. Усилившаяся конкурентная борьба между государствами еще более обостряется в связи с тем, что глобализация в рамках пятого технологического уклада дошла до своих естественных пределов и перестала быть стимулом развития мировой экономики. В связи с этим, к упомянутым кризисам добавился кризис глобализации, назрела необходимость кардинальной перестройки мировой экономической, финансовой и политической системы.

Дестабилизация мировой ситуации породила следующие глобальные риски /59/:

риск затяжного мирового *финансово-экономического кризиса* (типа «Великой депрессии»), связанного со снижением нормы прибыли и исчерпанием потенциала развития в рамках текущего технологического уклада;

риск краха мировой *финансово-валютной системы*, основанной на использовании доллара США в качестве резервной валюты;

риск *глобальной войны* вследствие разрушения существующей системы международной безопасности, роста числа региональных военных конфликтов, перекраивания границ, расширения и переформатирования военных союзов;

демографические и социальные риски в связи с массовыми миграциями населения, рост социальной напряженности, угроза революций и гражданских войн.

В условиях названных рисков стратегия США и их ближайших союзников направлена на то, чтобы сохранить (и по возможности усилить) свои позиции и ослабить геополитических конкурентов. В этой стратегии России отведена роль сырьевого придатка, рынка сбыта западных товаров, страны, не обладающей политической субъектностью. Страны Запада

(прежде всего, США) поставили себе приоритетной целью социально-экономическую и политическую дестабилизацию России, по сути, ведя против нее информационную, политическую, экономичесую и финансовую войны и пытаясь втянуть ее в «горячую войну». При этом в РФ существуют серьезные нерешенные внутренние проблемы, осложняющие противостояние внешнему давлению. Указанные проблемы связаны с сырьевым характером экономики, слабостью отечественной промышленности, отсталостью и изношенностью инфраструктуры, недостаточным спросом на отечественные инновации в обществе и, как следствие, недостаточным финансированием науки, системы образования и здравоохранения, отсутствием единства внутри элиты и ее ответственности за страну, общим снижением социокультурного капитала нации и ее элиты. Существующая модель экономического регулирования тормозит экономический рост, ведет к сжатию кредитного рынка, к зависимости крупного бизнеса от иностранных кредитов, к высокому уровню имущественного расслоения.

В этой связи, если Россия не только стремится выжить как суверенное государство, но и хочет реализации альтернативной модели мира, основанной не на диктате одного центра силы, а на кооперативных началах с согласованием интересов всех стран, ей нужно выработать стратегию действий, парирующую краткосрочные и среднесрочные угрозы стране и ориентированную на достижение долгосрочной цели по формированию указанного альтернативного миропорядка.

Для выработки стратегии парирования угроз необходимо понимать динамику их нарастания (актуализации угроз во времени).

3.5 Угрозы и риски для России в динамике их актуализации

1. В краткосрочной перспективе (на протяжении 2015 г.) наиболее значимыми для РФ будут ***бюджетно-финансовые*** и ***экономические*** риски:

снижение и последующее резкое колебание курса рубля в результате падения цен на нефть и целенаправленных действий внутренних и внешних валютных спекулянтов, нехватка валюты для расчетов по долгам российских предприятий иностранным банкам, ухудшение экономических условий для бизнеса, экономический кризис вследствие западных санкций, утечки капиталов, инфляции, демонетизации /59/. При этом имеет место низкий уровень исполнения принимаемых решений, что резко снижает возможности парирования рисков, способных привести к экономической дестабилизации.

2. В краткосрочной и среднесрочной перспективе (в период 2015-2017 гг.) серьезными будут ***внутриполитические*** и ***социальные*** риски, связанные с последствиями экономического кризиса и попытками США и других западных стран дестабилизировать социальную и внутриполитическую ситуацию в России, вызвать раскол элит, добиться «майдана» или «цветной революции» в РФ.

3. В среднесрочной перспективе (в период 2017-2020 гг.) наиболее серьезными станут ***геополитические*** и ***военные*** риски. Эти риски включают столкновение с США и странами ЕС из-за Украины и Сирии, а также с талибами и исламскими боевиками в странах Центральной Азии. Масштабы вовлеченности стран НАТО в конфликты на территории стран СНГ и исламских боевиков, финансируемых Саудовской Аравией и Катаром, в Центральной Азии могут резко возрасти после 2016 г., когда новым президентом США с высокой вероятностью станет республиканец-неоконсерватор. Зоной риска могут стать стратегически важные для РФ Белоруссия и Казахстан в случае смены лидеров в этих странах. Возможности мирного урегулирования конфликтов будут падать вследствие снижения действенности международных институтов безопасности и ухудшения глобальной управляемости. В этот период эскалация локальных конфликтов может создать реальную угрозу Большой гибридной войны стран НАТО с Россией, включая прямую военную конфронтацию между ними.

4. В долгосрочной перспективе (до 2025 г.) наиболее серьезными рисками для России станут, во-первых, риски ***технологического отставания*** в связи с массовым введением новых технологий передовыми странами и, во-вторых, ***демографические*** риски (падение рождаемости и увеличение смертности, нехватка рабочей силы и кадров для армии, малое количество молодежи в возрасте 18-30 лет). Эти риски могут наложиться на сохраняющиеся внутренние угрозы национальной безопасности, вызванные длительным периодом стагнации общего развития страны (прежде всего, социально-экономического) и продолжающимся оскудением социокультурного капитала нации и ее элиты.

Кроме того, отдельно необходимо выделить угрозы и риски в *информационной* и *идеологической* сферах:

в краткосрочном плане угрозы связаны с возможностью утраты контроля над СМИ и Интернетом, с кибер-атаками зарубежных государств;

в среднесрочном плане серьезен риск дезинтеграции общества (раскола элит) в случае, если не будет выработана общенациональная идеологическая платформа;

в долгосрочном плане возможна утрата значимости России как авторитетного игрока на международной арене, если она не предложит привлекательной для других стран концепции нового мироустройства, основанного на принципах кооперации и мирного взаимодействия разных народов и культур, развития цивилизационного и культурного многообразия, а не на принципах конкуренции и унификации, насаждаемых странами Запада.

«Поговорив в течение нескольких лет о вечном мире и разоружении, помечтав о братстве народов и едином человечестве, Россия стоит в настоящее время накануне новой жестокой войны».

Е.И. Мартынов, 1904

4. Завтра война ?

Сегодня Россия фактически находится в состоянии «втягивания» в «Большую войну», организуемую Западным блоком, составляющим т.н. «Ядро» Мир – системы (по Валлерстайну) и, прежде всего, США.

Выдвигая вышеозвученный тезис, авторы считают необходимым уточнить используемый здесь термин «большая война».

Содержание понятия «война» есть сложный в научном отношении концепт. В первую очередь это связано с его многоаспектностью, не позволяющей сформулировать универсальное определение, обладающее операциональной значимостью.

В современной науке существует достаточно много различающихся между собой определений и трактовок этого понятия, которые, однако, не выходят за пределы демонстрации его буквального содержания и обладают очевидной неполнотой. Все они лишь более или менее адекватно отражают его различные аспекты. Попытки дать исчерпывающее всестороннее определение пока не принесли конструктивных результатов. Мы будем исходить из того, что такое предельно широкое и емкое понятие невозможно выразить через другие более частные понятия и установить его исчерпывающее содержание в виде одной логической синтагмы. Вероятно, и стремиться к этому нет особой необходимости.

С практической точки зрения его следует признать открытым, непрерывно развивающимся понятийным объектом, не определяемым исчерпывающим образом, в рамках каких бы то ни было логических построений.

Для придания операциональной значимости (повышения «эвристического потенциала») определение войны данное, например, Клаузевицем требует своего дальнейшего раскрытия. Если исходить из очевидного положения, что всякая деятельность должна быть целесообразной (т.е. сообразной некой цели), то давайте вспомним - зачем мы обсуждаем проблему «Большой войны». В первую очередь, чтобы дать ответ на «второй исконный Русский вопрос» - «что делать?». А для этого может оказаться вполне достаточным учет лишь **«оружейного» аспекта** концепта «война».

В данном случае для определения рассматриваемого понятия можно несколько видоизменить определение войны, данное Б. Г. Лиддел – Гартом /2/ и представить его следующим образом:

ВОЙНА – это такой **способ разрешения конфликта**, при котором ОТСУТСТВУЮТ ОГРАНИЧЕНИЯ НА МАСШТАБЫ, НОМЕНКЛАТУРУ И ТИПЫ СРЕДСТВ НАПРАВЛЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УЧАСТНИКОВ КОНФЛИКТА.

Иначе говоря, по Б. Г. Лиддел – Гарту (его еще на Западе называют «Клаузевицем 21века») состояние войны характеризуется тем, что выживание противостоящего «актора» конфликта не рассматривается как ограничивающее условие при использовании совокупности «средств направленного воздействия».

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее.

Предметная область концепта «война» в общем случае включает следующие три гиперкласса методов направленного воздействия**,** охватывающие, по существу, все известные формы движения материи /1/:

•гиперкласс «Оружие»: совокупность методов*, предназначенных для реализации искусственного разрушения или прекращения функционирования объектов и комплексов объектов;

•гиперкласс «Метаоружие»: совокупность методов искусственного создания с использованием технических и иных средств условий для реализации (инициирования) природных явлений и сами природные явления, вызывающие разрушение объектов и комплексов объектов или нарушающие (прекращающие) их функционирование;

•гиперкласс «Квазиоружие»: совокупность методов искусственного создания с использованием технических и иных средств условий для

развития экономико-социальных явлений и сами экономико-социальные явления, вызывающие деградацию, нарушение или прекращение функционирования экономико-социальных комплексов объектов (в том числе государства и его институтов).

Примечание: *«Метод» здесь понимается как «средство воздействия» + «способ его применения».

Каждый гиперкласс является совокупностью огромного числа методов. Структура такой совокупности сложна и многомерна.

Методы из первого гиперкласса («Оружие») наиболее близки к традиционному пониманию сути оружия как средства силового воздействия на противника. Принципиальной отличительной особенностью этих методов является искусственное происхождение практически всех частных процессов, составляющих механизм порождения поражающих факторов и механизм разрушения (или подавления функций) объекта поражения. С энергетической точки зрения важен тот факт, что почти вся энергия на реализацию указанных процессов черпается из «искусственного источника» - взрыва химического ВВ, ядерных реакций в ядерном боеприпасе и т.д. (см. процессные схемы на рис. 4.1).

Во втором гиперклассе («Метаоружие») процессы искусственного происхождения составляют только часть механизма порождения поражающих факторов. Они служат для возбуждения (инициирования) природных процессов, которые могут идти и при определенных условиях идут в природе без вмешательства человека. Роль искусственных процессов - это роль "спускового механизма", обеспечивающего развитие природного процесса в нужное время в нужном месте с определенной целью. С энергетической точки зрения отличие второго гиперкласса от первого принципиально: подавляющая часть энергии черпается из эксплуатируемых природных явлений, то есть запасена в природе без вмешательства человека (см. процессные схемы на рис.4.1).

Методы из третьего гиперкласса («Квазиоружие») схемно подобны методам из второго гиперкласса за исключением того, что вместо «природных» явлений эксплуатируются «экономико-социальные». Основная

энергия на развитие поражающих факторов здесь черпается также не из инициирующих искусственных процессов, а из инициированных экономико-социальных явлений. При этом различение «природных» и «экономико-социальных» явлений может осуществляться по следующим признакам: если хотя бы часть процессов данного явления протекает в ментальной сфере и эти ментальные процессы являются составной частью процессов функционирования институтов государства, на которое оказывается воздействие, то данное явление интерпретируется как экономико-социальное /1/

Каждый из названных гиперклассов может детализироваться по многим аспектам /1/:

(1) - природа поражающих факторов;

(2) - механизм порождения поражающих факторов;

(3) - механизм разрушения (подавления функций) объекта поражения;

(4) - конструктивно-технологическая реализация указанных выше механизмов в используемых средствах поражения;

(5) - требования к средствам доставки средств поражения;

(6) - системные эффекты, порождаемые разрушением (подавлением функций) объектов поражения;

(7) - влияние внешних условий на эффективность применения различных методов;

и т.д.

В качестве иллюстрации на рис.4.2 /1/ дано графическое представление структуры совокупности методов направленного воздействия, детализированное только по первому аспекту (в таблицах ему соответствуют первые две колонки). Приведенный граф качественно иллюстрирует существенное многообразие возможных видов методов даже при условии, что для «видообразования» используются только два признака – «форма движения материи в первичном процессе механизма порождения

поражающих факторов» и «тип первичного процесса», раскрывающие первый аспект.

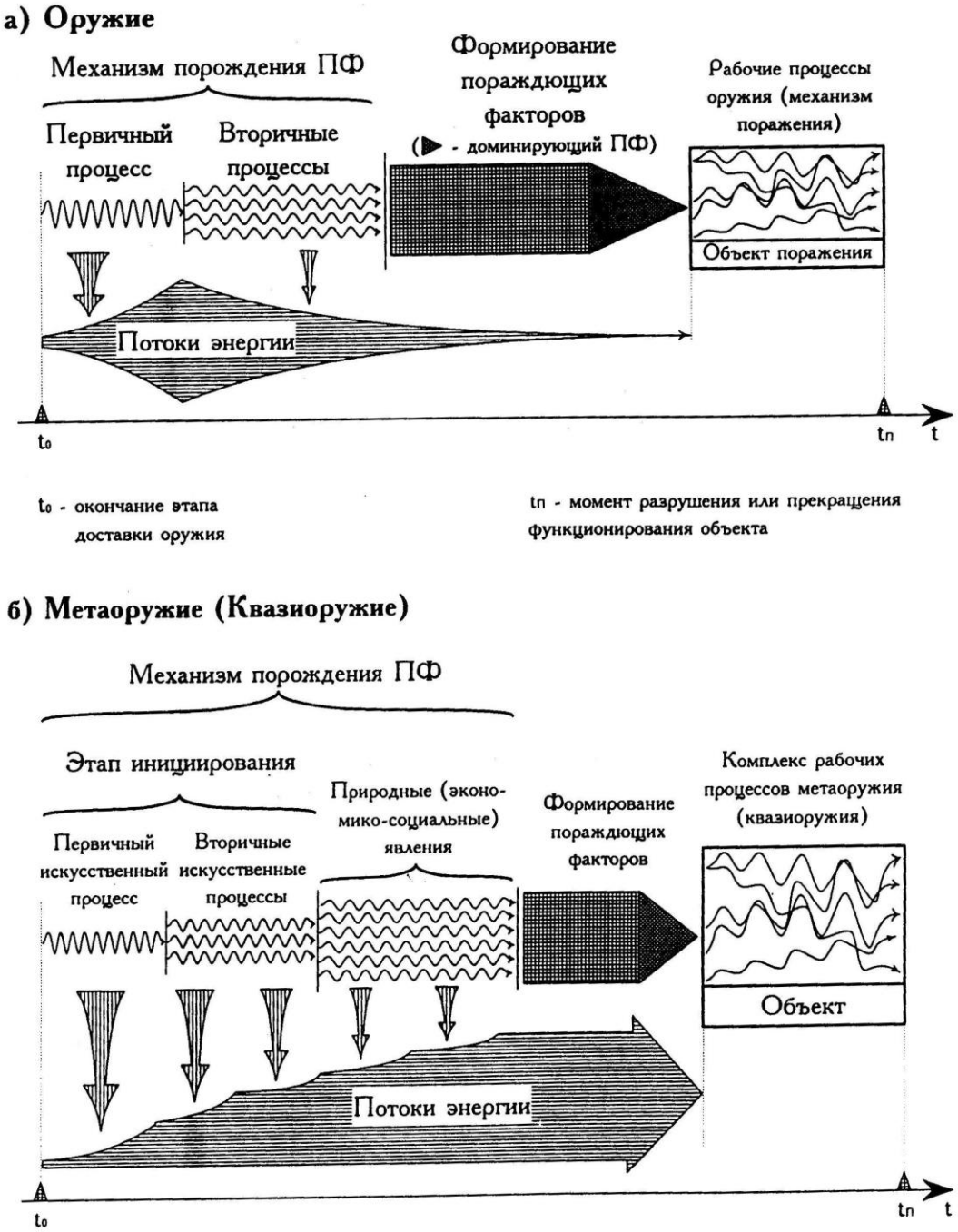


Рис 4.1 - Качественные линейные схемы процессов применения методов (средств) направленного воздействия (t-время).

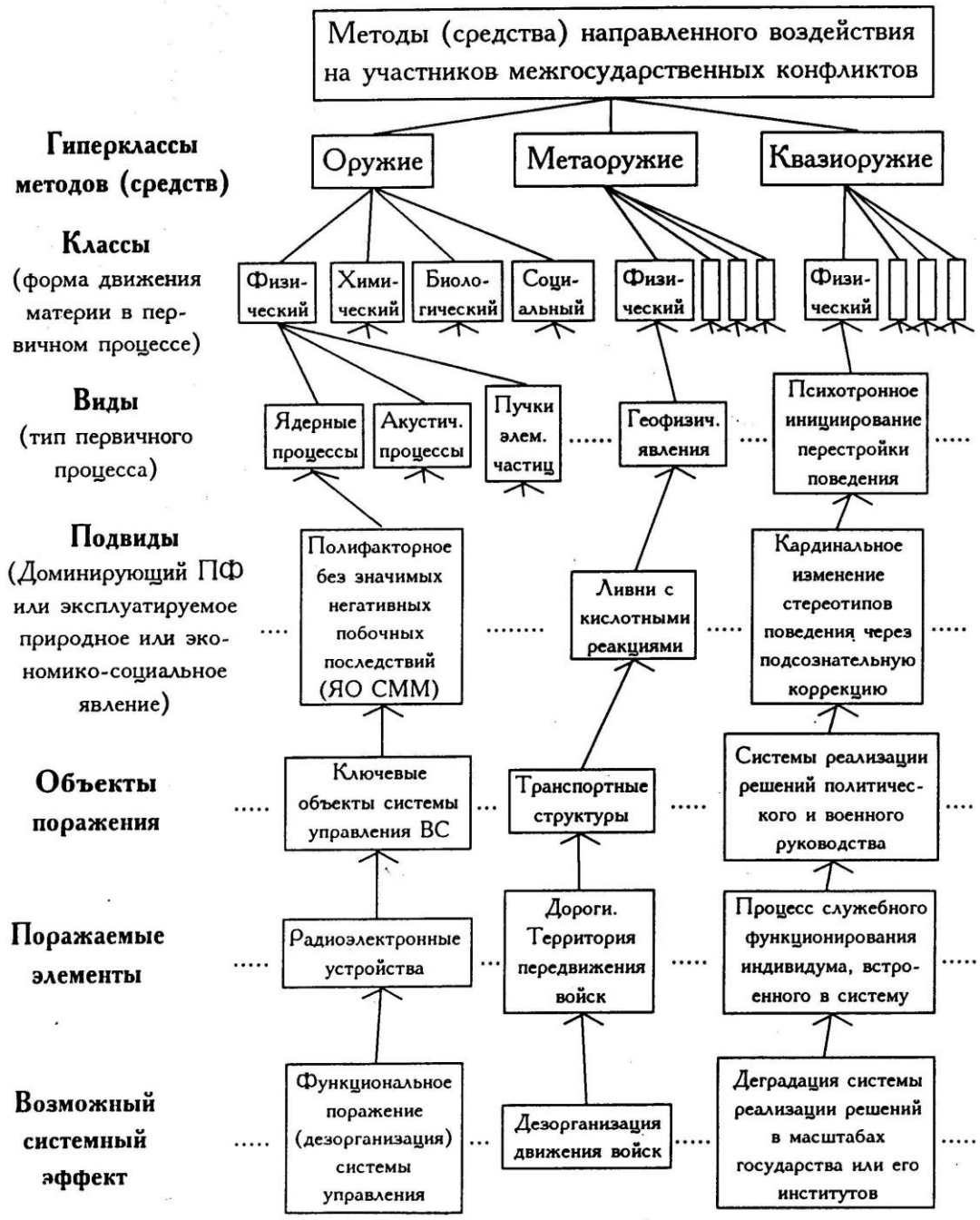


Рис. 4.2 - Граф – иллюстрация структурной сложности предметной области проблемы (на «иллюстрации» раскрыты только некоторые ветви графа).

Таким образом «Большая война» рассматривается нами в первую очередь как способ разрешения конфликтных противоречий, связанных не в последнюю очередь с неравномерностью распределения ресурсов, как

правило сконцентрированных не в «богатых» странах, а на полупериферии и периферии Мир-системы, с неограниченным применением средств направленного воздействия из указанных гиперклассов. Она, как было сказано выше, происходит на переходе от «понижательной» к «повышательной» волне «Большого кондратьевского цикла», порождающим значительные геополитические и геоэкономические сдвиги.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее.

Мы часто употребляем конструкт «холодная война» в кавычках, тем самым, как бы, допуская определенную образность данного термина. Но нет. В свете приведенного выше определения «холодная» война была именно **войной.** И это не риторичское преувеличение. Она велась на основе следования новой парадигме войны, составляющей суть «Теории непрямых действий» Б. Г. Лиддел Гарта /2/. Ее особенностями было неограниченное применение основными «акторами» средств направленного воздействия из гиперкласса «квазиоружие» и ограниченное применение средств составляющих гиперкласс «оружие».

Здесь также уместно вспомнить поучение классика китайской стратегии Сунь Бина о том, что «война есть бесконечный путь хитрости», а «высшее искусство войны есть победа без применения оружия».

Для тех, кто еще сомневается в том, была ли холодная война «настоящей» войной, напоминаем, что в наградной системе США есть медаль, на аверсе которой нанесена надпись: «Холодная война»! На реверсе представлены даты: «**2 сентября 1945 – 26 декабря 1991».** Очень характерные даты! Напомним, что 2 сентября – официальная дата окончания Второй мировой войны. А это может означать только то, что для Америки (и Англосаксов), фактически, Вторая мировая либо не закончилась 2го сентября, либо сразу «перетекла» в Третью, которая закончилась в конце 91г. победой над СССР! Между прочим, указанная медаль входит в число американских наград за войны на иностранной территории. К сказанному необходимо добавить, что инициатором учреждения медали являлась сенатор Х. Клинтон.

Таким образом, авторы не утверждают, что в день «Ч» сразу последует прямое крупномасштабное военное нападение на нашу страну на Западном

театре военных действий (ТВД) с неограниченным применением средств из гиперкласса «оружие» (включая «экстремальные» типы оружия). Как и полагается (в соответствии с концепцией «непрямых действий» Б. Г. Лиддел Гарта /2/), в современных войнах «пушкам» полагается «молчать» до определенного момента «Х», когда слаженная машина задействования средств из гиперкласса «квазиоружие» вкупе с изнурительной «криптовойной» доведет страну – объект агрессии до состояния хаоса и невозможности нанесения адекватного ответного удара, т.е. беспомощной и беззащитной жертвы. И это не просто «беллетристическое» утверждение. Авторы специально провели анализ содержания новой концепции «умной обороны НАТО» и идентифицировали наличие фазы перехода к очередной «микрореволюции» в военном деле, которую образно определили в форме «От стратегии Клаузевица к Сунь-Цзы». В результате сделан вывод о том, что в основу концепции «умной обороны НАТО» положена новая «побеждающая стратегия» войны (рассматриваемой как один из способов разрешения международного конфликта), в рамках которой происходит переход к новым технологиям управления международным конфликтом с задействованием «силового фактора».

В условиях новой концепции войны на стратегическом уровне управления международным конфликтом «высокой интенсивности» (начальная фаза войны) ведется активная подрывная деятельность (по Сунь-Цзы) с неограниченным задействованием технологий из гиперкласса «квазиоружие», включая технологии «информационных войн 2-го поколения» (по терминологии корпорации РЭНД), организационного оружия» и др.

Мы, разумеется, не превзошли Кантора и не нашли «точку Алеф», т.е конкретное будущее нам не ведомо. Будущее вообще невозможно «знать», но, поскольку все мы являемся его творцами, его можно понимать и проектировать. Мы (как «разведчики будущего»), полагаем, что «Большая война» с Россией, например, после ее существенной «денуклеаризации» (или «деактивации» СЯС) может начаться не с прямого крупномасштабного военного нападения, а с неограниченного применения средств направленного действия из гиперкласса «квазиоружие» и сравнительно ограниченного применения средств из гиперкласса «оружие» («макрополицейская» операция «Крымская война -2»; к этому в настоящее время «готовят» в том

числе и Украину), а также и посредством резкого усиления террористической активности на нашей территории в форме «насыщающего террористического нападения» /12, 13/. Через определенный промежуток времени все это «естественным образом» «каналируется» в непрерывную цепь локальных войн (по периметру России), перерастающую в «большую войну».

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо также отметить следующее.

Невозможно не замечать очередную (уже третью) попытку превращения «Европы» в «унитарную империю», (1-я - "наполеоновская", 2-я - "гитлеровская»), которая всякий раз оканчивалось для нас «большой (отечественной) войной». Со всей очевидностью напрашивается вывод, что в настоящее время идет неуклонное превращение Европы в некое «сверхгосударство» с единой централизованной системой управления, со сплошным военно-политическим пространством, с едиными правилами, а теперь и с едиными Вооруженными силами т.е. по сути с унитарной в потенции военно-полиитической силой.

Если объективно сравнить ситуацию на юге России и на западе от нее, то можно сделать следующий вывод: после «европоглощения» Украины у России появляется потенциальный **«второй фронт» на западе, т.е. на границе с Евросоюзом, помимо (традиционного) «южного фронта».**

Это позволит осуществлять (так «популярное» на Западе) «адаптивное планирование» «большой войны» против России, гибко перебрасывая (в зависимости от складывающейся ситуации) усилия (активность) с «Западного» на «Южное» направление и наоборот.

Нельзя исключить также, что наличие этих двух «фронтов» даст возможность Западу эффективно действовать в соответствии с «шестой китайской стратагемой» (по фон Зенгеру): **«поднять шум на востоке – напасть на западе».** Иначе говоря :

- Будут «шуметь на Украине», а «бить на Большом Ближнем Востоке». В этом случае Украина может оказаться в определенном смысле «ложным объектом», отвлекающим

внимание от процессов формирования НОВОГО ХАЛИФАТА (после победы исламистов в Сирии, Ираке и Афганистане), активность которого достаточно просто «каналируется в северном направлении» т.е. в сторону России

- Будут «шуметь на Большом Ближнем Востоке», а «бить на Западе» - через Украину.

В любом случае, основная цель «большой» войны против России – окончательное решение «Русского вопроса», дальнейший развал России (вторая «глобальная геополитическая катастрофа») и появление на ее пространстве ряда зависимых государств – доминионов, находящихся под «жестким» внешним управлением.

Как уже отмечалось выше, навязываемая нам Западом (и, в первую очередь, США) война носит имперский характер, поскольку направлена на сохранение сложившейся Мир – системы и своего положения в ее «ядре», позволяющего поддерживать жизненный уровень за счет других стран («полупериферии» и «периферии» Мир – системы

По мнению известного российского историка, писателя-публициста и аналитика А.И.Фурсова /3/ для России «Крымская война – 2» – вполне реальна. Результаты ее могут быть намного более плачевными, чем таковые предыдущих войн и ордынского господства. Это в XIX-XX вв. слабых били. В XXI в. – веке глобализации – слабых будут просто «стирать» - из Истории, Мир – системы и навсегда.

Очевидно и не требует каких либо особых доказательств, что **для Запада совершенно неприемлемы риски, связанные с распадом мощной ядерной державы**. Отсюда можно сделать вывод, что США активно готовятся к будущему возможному (в том числе и организованному извне) распаду России. Соответствующие сценарии уже «вывешивались» на сайте ЦРУ. В рамках политики «денуклеариизации» («ядерный гамбит большой геополитической игры» /1/) решается задача **минимизации соответствующих рисков**. В свете вышесказанного необходимо отметить

очень настораживающий факт, что сценарии распада России (см. /1/) подтверждаются результатами математического моделирования на основе использования теории борьбы условных информаций /14/. Хотя, как уже указывалось выше, возможны (см. /1/) и другие сценарии – **сценарии Евразийского объединения** /14/, которые фундируются высоким геополитическим статусом России, **недостижимым без сохранения (усиления) ее ядерной мощи!**

Без сильной ядерной России и сверхусилий народа и элит нашей страны Евразийский союз нереализуем, к чему так активно и стремятся США. Обладание мощным ядерным потенциалом должно дать России «окно возможностей» в процессе протекающих геополитических сдвигов.

Как было отмечено А.И.Фурсовым (в работе /3/): «Два фактора гарантируют пока относительную безопасность России в современном мире: ядерное оружие и образование. Именно по этим двум целям наносятся и будут наноситься удары.

Не надо демонизировать Запад. Он стремится убрать конкурента – ничего личного. Он просто делает свою работу……. И ответ должен быть симметричным – тоже ничего личного.

Не надо винить Запад за то, что он разрушил оказавшийся в кризисе СССР, а сейчас «вытирает ноги» об Россию – сам и с помощью своих «шестерок». Vae victis. На то и противник, чтобы не жалеть, а бить. При прочих равных (об этом свидетельствует опыт Югославии и Ирака), как только появится возможность безнаказанно использовать для устранения России из истории военные средства, это будет сделано в ходе «макрополицейской войны», как это Запад уже пытался сделать посредством Крымской войны. Тем более что ныне впервые за все века Запад получил реальную, не идущую в сравнение с наполеоновским и гитлеровским вариантами, возможность «стереть» Россию «ластиком истории», уничтожить – метафизически и навсегда» /3/.

В этой связи необходимо напомнить стратегическую аксиому, согласно которой "при прочих равных условиях государство, ведущее войну, всегда победит своего противника, который войны не ведет". Поэтому из истории человечества в первую очередь исчезают именно те государства и народы, которые, даже погибая в ней, упорно не замечают или не хотят замечать ведущейся против них войны. Именно так погиб СССР, и все еще может погибнуть Россия.

Проводя идентификацию концепта «война» необходимо также отметить следующее.

В условиях глобализации возникает совершенно новый феномен – **«сетецентрические» войны.**

В одном из своих выступлений после 11.09.2001 г. бывший МО США Рамсфельд признал, что “мы наблюдаем появление нового поля боя, конфликтов иного типа”. По мнению Рамсфельда, США в ближайшее время должны осуществить подготовку к совершенно другой войне – «***войне, разительно отличающейся не только от войн прошлого столетия, но и от той новой войны с терроризмом, которую США ведут в настоящее время».***

Сетевая война – новая концепция ведения войн (emerging theory of war), разработана начальником Управления реформирования ВС США (Office of Force Transformation) вице-адмиралом **Артуром Цебровски (Cebrowski).**

С сентября по октябрь 2001 г. тематика сетевой войны, так или иначе, обсуждалась практически на всех конференциях и семинарах, проходивших с привлечением специалистов Пентагона. Анализу различных аспектов данной ***оперативной концепции*** были посвящены ряд исследований ведущих аналитических центров МО США.

Она активно внедрялась в практику ведения боевых действий США в Ираке и Афганистане, проходит обкатку на учениях и симуляторах.

Данное направление в развитии оперативного искусства было положено в основу новой концепции строительства американских ВС «Единая перспектива 2020» (Joint Vision 2020) и связано с трансформацией взглядов на характер угроз в новом веке и эффективных способов их парирования.

Ключевым понятием концепции является термин «сеть».

Смысл сетевого принципа состоит в том, что главным элементом всей модели является «обмен информацией» – максимальное расширение форм ее производства, доступа к ней, ее распределения, обратной связи.

Сеть представляет собой новое пространство – информационно-психологическое, в котором и развертываются основные стратегические операции, как политического, так и разведывательного и, наконец, военного характера, включая их медийное, дипломатическое, организационное политическое, экономическое и техническое обеспечение.

Смысл военной реформы в США в рамках «новой теории войны» информационной эпохи состоит в создании мощной и всеобъемлющей сети, которая концептуально заменяет ранее существовавший подход к боевому (политическому) пространству.

В новую единую сетевую структуру ведения войны (противоборства) включаются как боевые подразделения, так и система связи. Информационное обеспечение операций, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение и т.д. все это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой сети**,** между которыми должен осуществляться постоянное информационное взаимодействие

Центральной задачей преследуемой в рамках создания новой сетевой концепции является разработка инструментария, позволяющего

осуществлять «совокупность действий, направленных на формирование «**модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны**», с **целью *установления полного и абсолютного контроля* над всеми участниками актуальных или возможных боевых (политических) действий, тотальное манипулирование ими во всех ситуациях, и тогда, когда война уже ведется, и тогда, когда она только назревает, и тогда, когда царит мир.**

В результате внедрения интегрированной информационно-психологической сети государственные структуры, гражданское общество, армия, правоохранительные органы противника, партнера и нейтрального государства полностью лишаются какой бы то ни было самостоятельности, суверенности и субъективности, превращаются в жестко управляемые, запрограммированные механизмы, что означает прямой планетарный контроль – мировое господство нового типа, когда управлению подлежат не только сами субъекты истории, но и их личная жизнь, ее содержание, мотивы, намерения и желания и т.д. И враги, и занимающие нейтральную позицию силы, по сути, заведомо подчиняются навязанному им сценарию, начинают действовать не по своей воле, а если и по своей, но при этом, не понимая, что их воля есть результат манипуляции их сознанием. Это предпосылки выигрыша любой битвы задолго до ее начала.

Таким образом можно сделать вывод, что «сеть» – более гибкое средство направленного действия на участников межгосударственных конфликтов, чем просто военная сила. Она опирается на насилие только в необходимых случаях, ее основные результаты достигаются влиянием на широкую совокупность факторов – информационных, психических, социальных и т.д.

«Геостратегическое управление геополитическими интересами» – рассматриваемое З.Бжезинским в качестве основной технологии достижения мировой гегемонии США, требует создания сети правительственных и неправительственных организаций, находящихся под контролем США.

Суть такого глобального управления состоит в запуске по сетевой структуре требуемых достаточно слабых управляющих воздействий, которые, «срезонировав» в нужный момент в нужном месте, создают управляющий эффект несравнимый по мощности с прямым силовым принуждением. При этом управляемый не понимает, что им манипулируют, а если и понимает, то не знает из какого центра оно было осуществлено.

Психологической задачей сетецентрических войн для США является «внушение всем мысли об отказе и бессмысленности военной конкуренции с США».

Сетевую войну ведут именно США **и ведут ее против всех остальных стран** и народов – как против **врагов, так и против друзей** и **нейтральных сил.** Установление внутреннего контроля и внутреннего управления мыслями и поступками есть порабощение, которое в эпоху постмодерна оформлено в иные образы, нежели в индустриальную эпоху.

Таким образом, можно сделать вывод, **что «сетевая война» уже ведется против России и направлена, как и всякая война, на ее покорение и подчинение** в каких бы терминах это ни преподносилось.

Нынешние российские спецслужбы, политические институты, силовые министерства и ведомства в настоящее время не способны не только эффективно справиться с вызовом постмодернистских сетевых организационных технологий, но и корректно распознать сам факт их применения.

Используемые сетевые технологии слишком тонки и рафинированы и не фиксируются устарелыми подходами, которыми руководствуются в настоящее российские спецслужбы.

Сегментами глобалистской сети, используемой США для разрушения РФ, выступает как прямое проамериканское лобби экспертов, политологов, аналитиков, политтехнологов, которые окружают власть плотным кольцом, так и многочисленные американские фонды, а также **представители крупного российского капитала и**

высшего чиновничества, которые естественным образом интегрируются в западный мир, хотя бы в силу того, что хранят там свои сбережения и вывезли и натурализовали свои семьи (см. «проблема адаматов»). К ним также относятся и СМИ, которые массированно «облучают» читателей и телезрителей потоками визуальной и смысловой информации, выстроенной по американским лекалам.

Большинство этих процессов невозможно квалифицировать как традиционные действия «внутренней агентуры», как это было в индустриальную эпоху.

Технологии информационного века, с помощью которых создается и целенаправленно используется внутреннее сетевое деструктивное в отношении РФ сетевое сообщество не улавливаются классическим методами, которыми пользуются российские спецслужбы.

В этой связи стоит задача **очищения российского государства и общества от сегментов американской сети, направление усилий на создание адекватной сетевой структуры,** способной хотя бы частично противодействовать американскому сетевому вызову, перевод ее в экстраординарный режим работы, наделение ее представителей специальными полномочиями и др.

Это возможно потребует создания специальной группы, куда должны войти отдельные высокопоставленные чиновники, лучшие пассионарные кадры различных спецслужб, интеллектуалы, ученые, инженеры, политологи, корпус патриотически настроенных журналистов и деятелей культуры.

Задачей этой группы должна стать разработка модели евразийской сети, вобравшей в себя основные технологические достижения информационной эпохи, но направленной симметрично против вектора американского сетевого воздействия.

Это значит, что необходимо произвести срочную и чрезвычайную «модернизацию» российских ВС, спецслужб, политических институтов, информационных систем, коммуникаций и т.д.

Это невероятно трудная задача, но, не решив или хотя бы не поставив ее, Россия обречена на поражение от «оранжевых» сетевых технологий. Сетевую войну можно выиграть только сетевыми средствами, адаптировав к собственным условиям и целям эффективные и стремительно развивающиеся технологии.

Аналогичная задача стоит и в сфере военной безопасности РФ.

«Помни войну!» — начертано на памятнике Степану Осиповичу Макарову, украшающему центральную площадь Кронштадта, некогда главной морской крепости Российской державы. Этот лозунг он повесил в своем кабинете, засыпал руководство докладными о необходимости срочно укреплять Порт-Артур и готовить тихоокеанский флот к войне. От него просто отмахивались. И только начавшаяся русско-японская война подтвердила полную правоту адмирала. Но было уже поздно. Нам надо помнить уроки истории, которая строго наказывает за их игнорирование, а не озабочиваться, какую «оценку» поставит стране западное рейтинговое агентство.

В этой связи необходимо отметить, что в современных условиях сокращения в сфере СЯС и ТЯО – это обеспечение условий для «большой войны» и втягивания в нее Россию на невыгодных для нас условиях.

Пока у нас есть мощный ядерный потенциал, мы всегда будем для Америки врагом, если же его не будет - мы станем «Югославией».

> «Я не только не опасался этой войны, но чувствовал, что она со временем будет необходима и только хотел начать её в удобное для меня время…. Всякий мог ясно видеть, что Россия была слишком сильной, чтобы войти в новую, преобразованную мной систему Европы, во главе которой была Франция».
>
> Наполеон

5 «Большая война» - глобальный вызов России.

5.1 Дескриптивный анализ проблемы

Один из авторов концепции «циклов лидерства» американский политолог Дж. Модельский утверждает, что война «оправдывает и узаконивает международную систему статусов, на вершине которой находятся великие державы; в свою очередь, статусная система рассматривает войну как средство своего самосохранения» [15]. В рамках этого подхода глобальные процессы, которые происходят в системе современного мира, с неизбежностью ведут к существенным трансформациям его статусной структуры, которая представляет собой три базовых элемента: *центр*, *полупериферию* и *периферию*. Эти изменения представляется возможным рассматривать как потенциальный источник крупномасштабных военных конфликтов.

Системный кризис, соединив в себе разбалансированность пиратствующей финансовой системы при исчерпании модели экономического роста на основе кредитного стимулирования потребления, подвел страны Запада во главе с США к черте стратегического ресурсного голода, увеличив тем самым риск военного разрешения конкурентных противоречий. Положение усугубляется и духовным кризисом современного Запада, который в свое время, поддавшись торгашескому азарту, променял Библию на кодекс прав и свобод человека, истощив в итоге до последнего предела и свой духовный ресурс.

В последнее время активно обсуждается тезис о том, что сегодняшний мир находится накануне масштабных геополитических и технологических сдвигов. Мир переживает фазу «великих потрясений» в мировом эволюционном цикле, который начался в 1980-х годах и предположительно закончится к середине XXI века [4…9, 18].

Как было уже отмечено ранее при проведении исследований в рамках комплексной научной программы РАН «Моделирование и прогнозирование мировой динамики», Мир-систему ожидает нарастание экономической, политической и социальной нестабильности, которая, по мнению экспертов [5…7], приведет ко второй волне глобального экономического кризиса. Этот этап кризиса может стать историческим рубежом в развитии мирового политического устройства. При этом ожидается дестабилизация мировой финансово-экономической и политической системы, которая породит

небывалый рост социальной, а также внутри- и внешнеполитической напряженности в большинстве стран мира.

Вторая волна кризиса поставит основных игроков G-20 перед необходимостью найти альтернативы слабеющему доллару, оптимизировать механизмы регулирования финансовых рынков, сбалансировать условия международной торговли, искать способы стабилизации цен на продовольствие.

Политические и финансово-экономические кризисы 2013 – 2015 гг. могут стать прелюдией к драматическим событиям предполагаемой третьей, завершающей части (2015 – 2018 гг.) «великих потрясений». Эти события могут определяться неконтролируемым и непредсказуемым распадом нынешних геополитических и социальных структур. Таким образом, в период с 2015 по 2018 гг. мир может стать свидетелем важнейших геополитических трансформаций.

Согласно оценкам экспертов РАН итогом нынешнего финансово-экономического кризиса неизбежно станет кардинальное изменение расстановки сил на политической карте мира /5….7/. Завершается единоличное военно-политическое господство США в мире, а также их мировое экономическое лидерство, продолжавшееся целое столетие. США не выдержали испытания монополярностью, в последнее десятилетие истощив себя непрерывными войнами на Ближнем и Среднем Востоке. У США сегодня недостаточно ресурсов, чтобы оставаться мировым лидером. «Роль США как сверхдержавы заканчивается», - заявляет Федеральный министр финансов Германии П. Штайнброк [16].

Реальная многополярность предполагает более сбалансированное международное распределение богатств, а также трансформацию международных институтов – ООН, МВФ, ВБ и других. Утратили адекватность глобальные институты управления мировой экономикой – МВФ, ВБ и др. В них сегодня курс определяют США и Западная Европа и слабо представлены интересы стран с быстро развивающимися экономиками. Недавно даже руководство МВФ на своей очередной годичной сессии 2011 г. признало, что «Вашингтонский консенсус» окончательно рухнул, и призвало создать такую глобальную экономику, в которой станет меньше рисков и неопределенности, финансовый сектор будет регулироваться государством, а доходы и блага будут распределяться «по справедливости» [16].

В последнее десятилетие активно обсуждаемой в экспертном сообществе темой является предположение о том, что центр мирового экономического развития переместится с Запада, где он находился с начала промышленной революции, на Восток – в Азию. Указывается, что совокупная доля Восточной Азии и Южной Америки в мировом ВВП достигнет уже к 2020 году порядка 60%, из которых 45% будут приходиться на одну только Азию [5…7].

Следуя такой логике, политологи выдвигают гипотезу о том, что экономический рост неизбежно приведет к повышению самостоятельности и политического веса Азиатско-Тихоокеанского региона. Возможно именно таким образом может быть положен конец отжившей свой век геополитической структуре с центром на Западе. В рассматриваемом случае Китай и Индия как две великие державы с самым многочисленным населением в мире определят основные направления и темпы будущего мирового экономического развития. Утверждается бесспорность тезиса о том, что главная битва за мировое лидерство развернется между США и Китаем, которая и определит социально-экономическую модель постиндустриального мира, а также доминирующий тип политической системы XXI века.

Политологи, которые придерживаются подобного подхода, могут сколько угодно программировать общественное мнение и гипнотизировать себя рассуждениями о скорой утрате политического лидерства Западом. Но, говоря словами американского классика, «слухи об этом сильно преувеличены». При всех известных противоречиях правящих элит «золотого миллиарда», при всех проблемах нынешнего экономического кризиса и возможных будущих мировых потрясений Запад консолидирован и преисполнен мессианской решимости осуществлять свою экспансионистскую доминантную политику в планетарном масштабе на основе своих идейно-догматических оснований при «руководящей и направляющей роли» англо-американского протестантизма. Именно англо-американский тип мировоззрения и мышления, в основе которого лежат незыблемые догматы протестантизма, способен добиваться невиданных практических результатов в политике и экономике в сравнении с *подражательным* типом мышления в языческих цивилизациях Китая, Индии и проч. [17, 18].

В свое время ещё М. Вебер, изучив буддизм, индуизм, конфуцианство, пришел к выводу, что ни одна из этих религий не обеспечила и не могла обеспечить основ капитализма западного типа с его уникальными возможностями осуществлять все виды экспансии [19].

Казалось бы, Китай, Индия, Индокитай, весь полуторамиллиардный исламский мир, а также и экваториальная Африка, составляющие абсолютное большинство человечества должны представлять собой главенствующую основу мирового сообщества и задавать ему направление развития. Однако в этом аспекте о них даже не может идти речи, несмотря на очевидные успехи того же *языческого* и потому *бессубъектного* Китая, лидерские и гегемонистские амбиции и потенции которого, по мнению ряда аналитиков, преувеличены /18/.

Реальными господами современного глобального мира выступают ментально структурированные и весьма малочисленные *субъектные* политические образования, опирающиеся на основы протестантского ментально-догматического мышления. Они способны, в отличие от всех остальных, осуществлять *проектные* функции в геополитике, проводя при этом антихристианскую политику как в постхристианском мире, как и за его пределами /18/.

США в качестве государства существуют немногим более двух столетий и составляют весьма небольшую часть в населении планеты. Но как реальное ментальное образование они опираются на свои унифицированные истины *a priori*, которые они догматически предписывают всем иным государствам мира.

Вместе с тем, Китай, который существует четыре тысячи лет и по количеству населения многократно превосходит Соединенные Штаты, в силу своего *языческого* и потому недогматического и *бессубъектного* менталитета ни на какую общезначимую истину *a priori* для предъявления ее всему миру не претендует и претендовать не может. Как следствие, вместо «строительства коммунизма» он ускоренными темпами под руководством КПК строит буржуазное общество потребления по заёмному образцу, но с китайской спецификой, принимая извне, *копируя* экономические, правовые, этические и ментальные нормы и стандарты /18/.

Индия и всё дальневосточное язычество также представляет собой хотя и густонаселенные, но ментально *инертные* образования. Это позволило им

сохраниться, несмотря на разрушение других языческих культур ментальной экспансией евроатлантического протестантизма. В результате этой экспансии и на Дальнем Востоке, и в Индии установка *языческой* ментальности на *подражание* природным и космическим процессам заменяется установкой на *подражание* стандартам западной цивилизации, прежде всего в ее англо-американском варианте /18/.

В процессе глобализации происходит дальнейшее нарастание кардинального расслоения человечества еще по одному принципу. Лидирующие *субъекты* передовых научно-технических, опытно-конструкторских, технологических разработок, ноу-хау и пр. неизменно воспроизводятся в США, в Западной Европе и в России, выражая *технократическую* экспансию европейского, *субъектного*, т.е. *креативного* типа менталитета [19]. При этом, что вполне закономерно, основные производственные мощности и обслуживающее технику население сосредоточено в *бессубъектных*, т.е. *адаптивного* типа политических образованиях, относящихся главным образом к тем менталитетам, где утвердилась и получила развитие многотысячелетняя языческая традиция *заимствования* и *подражания*. Прежде всего, это Дальний Восток, выполняющий *объектную* роль в АТР и в глобальном «разделении труда» в целом [20].

В 60–70-е годы и позже мир поражался рывку тихоокеанского региона во главе с Японией. Но тихоокеанская эпопея, если не брать во внимание одни только технико-экономические показатели, на самом деле весьма банальна. Речь идёт всё о том же эпигонстве, заимствовании, языческом *заимствовании* и *подражании* евроатлантической модели, которая насаждалась не только во время, но и после американской военной оккупации Японии в 1945 г. [18, 21].

Тем не менее, все успехи, очевидные и несомненные достижения современного Китая в ментальном плане построены на основе традиции *заимствования* и *подражания* стандартам и достижениям *субъектных* и *креативных* цивилизаций в лице США, Европы и России. А теперь уже и Японии.

В связи с этим мы вправе поставить простой, но фундаментальный вопрос – как может *подражательно-адаптивная* китайская цивилизация, повторяющая «зады» первопроходцев современной цивилизации,

претендовать на роль лидера в стремительно глобализирующемся мире, где первенство давно захвачено, утверждено и поделено *креативными* цивилизациями? /18/

Как в *качественном* и *креативном* плане может претендовать на мировое лидерство страна, где вся наука, техника, современное промышленное производство, освоение космоса, организация армии и флота, даже военная форма выполнены по западным, а в недалеком прошлом по советским образцам?

Для китайцев наивысшей ценностью был и остается сам Китай, а не лидерство, и, тем более, не мировое господство. Идея тотального доминирования и расширяющейся экспансии – отличительная черта англо-саксонского мира, руководимого духом морских разбойников и торговцев, как метко заметил О. Шпенглер. Вместе с тем Пекин в локальном плане отчетливо претендует на главную роль в пределах Евразии и едва ли откажется от своих претензий. Этим целям служит реализуемая Китаем концепция «мягкой силы», проводимая через культурное влияние, совместные проекты и финансовое участие /18, 22/.

В отличие от Китая операторы власти однополярного мира и элита «золотого миллиарда» агрессивно, последовательно и тотально утверждают свои ценности и стандарты в процессе глобализации в качестве общеобязательных требований ко всему миру как неотъемлемые условия своего лидерства. Действуют они, говоря словами А.С. Панарина, в духе мессианской самоуверенности, догматически-репрессивными, тоталитарными методами [23]. Они не останавливаются перед угрозой применения военной силы и, собственно, её применением. Достаточно вспомнить о ядерной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., о трёх миллионах вьетнамцев, погибших в результате американской агрессии в 60-е – 70-е годы XX в. Не будем также забывать о многочисленных государственных переворотах, организованных спецслужбами США, наконец, о бомбардировках Югославии с последующим её расчленением, разрушении Ирака, Афганистана, Ливии, о скрываемой, но реальной агрессии против Сирии, событиях на Украине.

Для того, чтобы понимать и прогнозировать происходящие в мире глобальные процессы, необходимо иметь в виду императив, лежащий в основе национальной стратегии Соединенных Штатов – догмат

неприемлемости для Америки потери мирового лидерства. Как показывает анализ американских декларативных документов, главенство в мировой геополитической иерархии рассматривается американским правящим режимом и политической элитой как необходимое условие процветания и развития страны в XXI веке./1/

Результаты математического моделирования геополитической динамики, которое проводили аналитики Академии военных наук совместно с РАН, позволяют сделать вывод о том, что победная война, причем обязательно «конвенциональная», является практически единственным инструментом США для нейтрализации риска утраты геополитического лидерства [1,54, 55].

При этом мы должны понимать, что лидерство, как таковое, имеет для слабеющего мирового гегемона по-американски чисто прагматический характер. В первую очередь, оно необходимо для обеспечения потребительских интересов «золотого миллиарда», следовательно оно прямо или косвенно направлено против остального человечества. Глобальное лидерство – это своеобразный и довольно надёжный сертификат на право безраздельного владения, распоряжения и пользования всеми ресурсами планеты.

Способ поддержания доминирования посредством инициирования крупномасштабного вооруженного столкновения давно известен в политической теории и практике. На основе этого можно постулировать следующую закономерность: кардинальное изменение геополитической конфигурации мира, в том числе и обусловливающее возможность смены лидера, реализуется только при соответствующих радикальных изменениях геополитических качеств ведущих стран мира. Крупномасштабная война как раз и приводит, как показывает история, к таким изменениям. Существует, конечно, и «холодный» способ нейтрализации геополитических противников – по типу того, что произошло с Советским Союзом. Отработка и «доводка» такой технологии продолжается и сейчас в рамках так называемой «арабской весны» и событий на Украине. Но она не может пока рассматриваться как универсальная, поскольку, например, сейчас эта технология неприменима к Китаю, Ирану и др.

Интересно отметить, что США уже как минимум трижды пользовались военным способом кардинального геополитического возвышения. Как

показывает анализ политической конфигурации мира после двух мировых войн, США всегда получали в итоге существенную геополитическую выгоду, повышая свой статус, изменяя в свою пользу «геополитическую дистанцию» между мировым лидером или другими претендентами /1/.

Указанное положение хорошо иллюстрируется следующими результатами оценок геополитических статусов (ГС) основных стран – лидеров /54, 55/.

В геополитической динамике Мир-Системы в рассматриваемом периоде (1900-2035 гг.) можно выделить шесть периодов («геополитических фаз»), которые отличаются радикальным изменением ГС ведущих стран и, как следствие – геополитической конфигурации мира в целом.

Первая геополитическая фаза (1900-1913 гг.)

Эта фаза, представляющая собой период перед Первой мировой войной и показанная на рис.5.1 , характеризуется наличием трех основных групп стран-«иерархов» того мира.

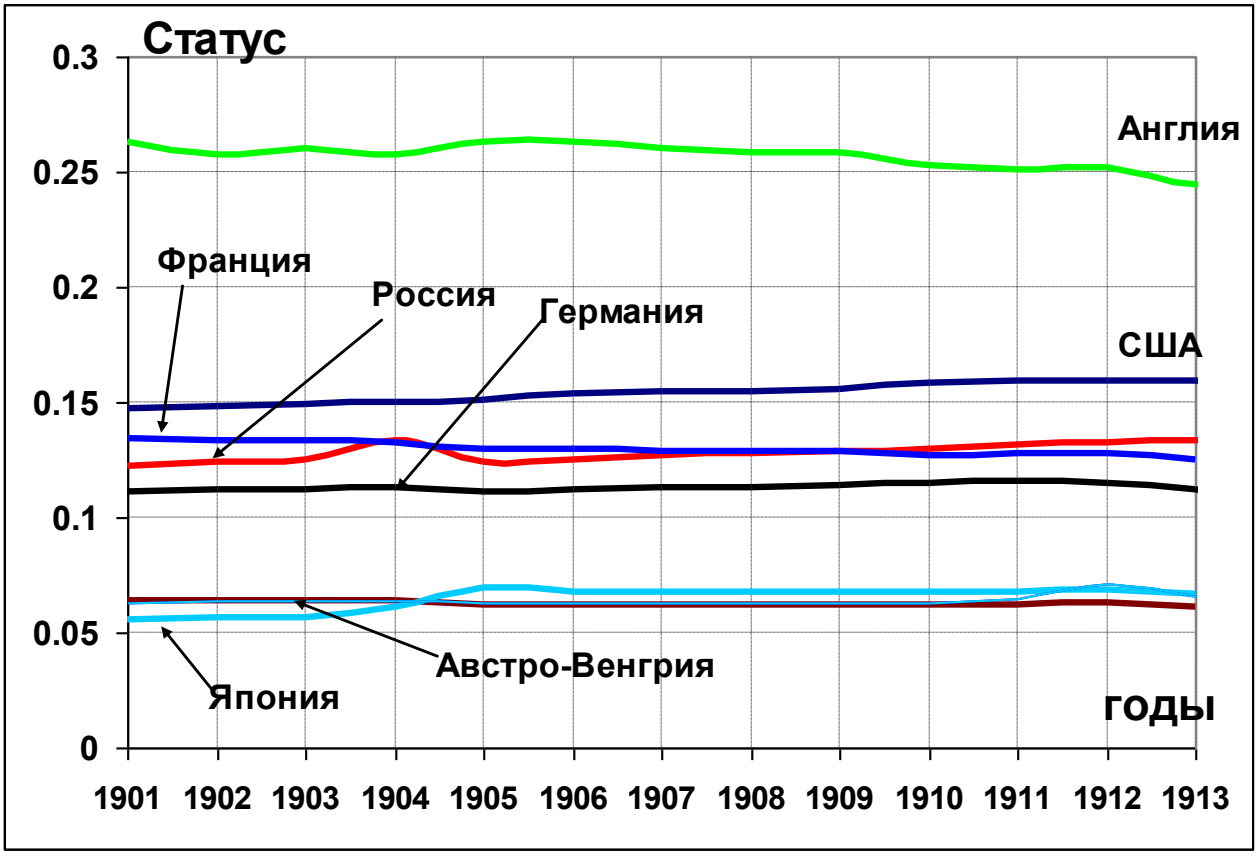


Рис 5.1. – Статусы ведущих стран перед Первой мировой войной /54/

Во-первых, это безусловный лидер – Британская империя, на территории которой «никогда не заходит солнце», геополитический отрыв которой от других стран достаточно велик. Вторую группу составляли ближайшие «претенденты» на мировое лидерство в лице Соединенных Штатов и европейских стран – Германии, России и Франции, имеющие достаточно близкие статусы. И, наконец, «третьеразрядные» державы – Австро-Венгрия и выходящая в региональные лидеры после войны с Россией Япония. При этом, как видно, мировая геополитическая конфигурация была относительно устойчива, существенных изменений положения государств не происходило.

Вторая геополитическая фаза (1914-1922 гг.)

Эта фаза приходится на период Первой мировой войны (рис. 5.2) и последовавшие за ней события, которые существенно трансформировали мировую иерархию.

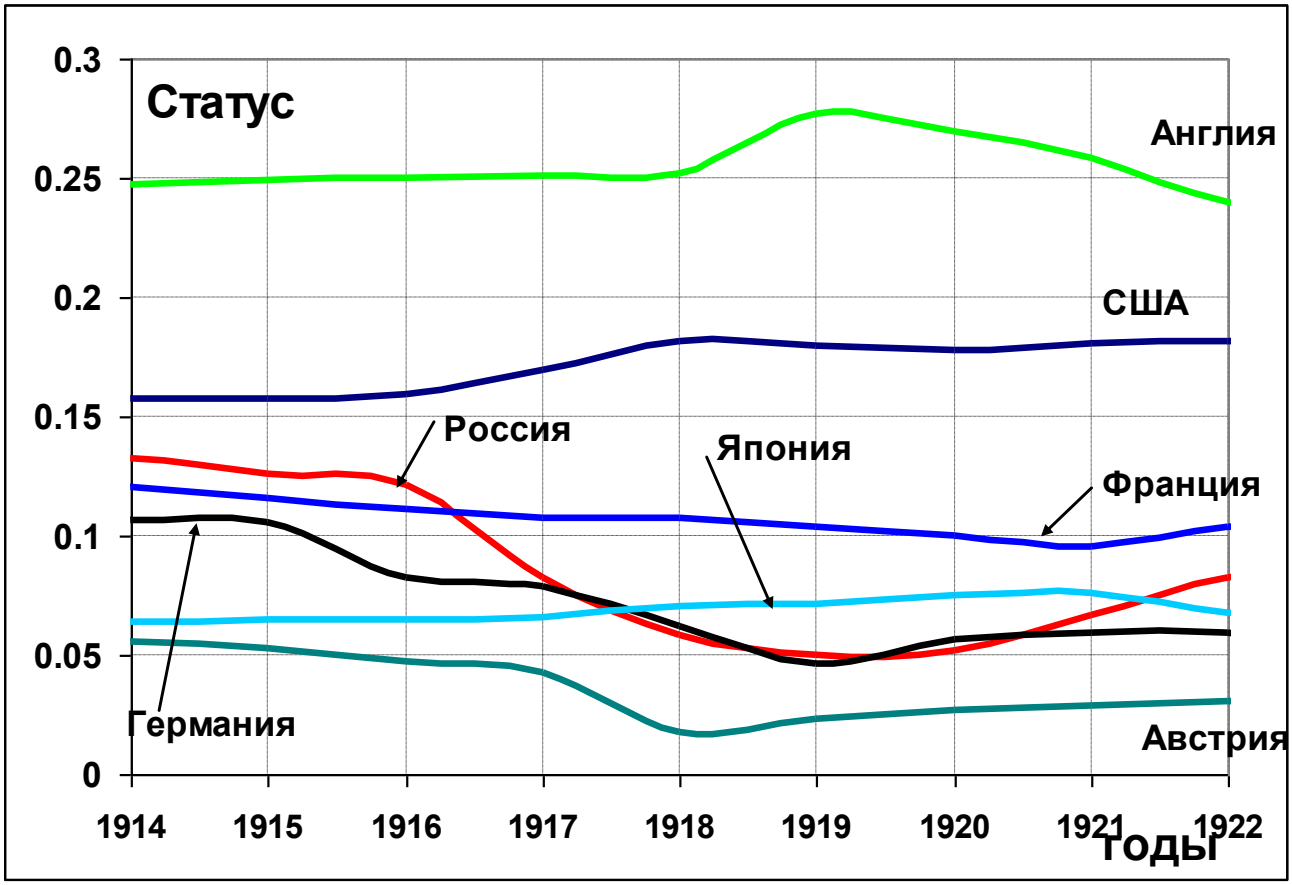


Рис 5.2 – Статусы ведущих стран в период 1914-1922 гг. /54/

При этом, как видно, в итоге в «статусном» проигрыше оказались все европейские страны, даже победители (!), не говоря уже (что естественно) о проигравших войну, включая Россию, находившуюся, к тому же, в состоянии гражданской войны. (Интересно отметить, что даже графически видно, как тесно «переплелись», на время, позиции Советской России и веймарской Германии, что обусловило их известное сближение, выразившееся в Раппальском договоре и последующих соглашениях). Единственной страной, получившей геополитическую выгоду от войны, оказались Соединенные Штаты, которые к 1922 году (момент окончательного формирования Версальско-Вашингтонской схемы мироустройства) сократили примерно на треть довоенную геополитическую дистанцию с Англией.

Третья геополитическая фаза (1923-1938 гг.)

Эта фаза приходится на период до начала Второй мировой войны (рис. 5.3) и характерна двумя этапами.

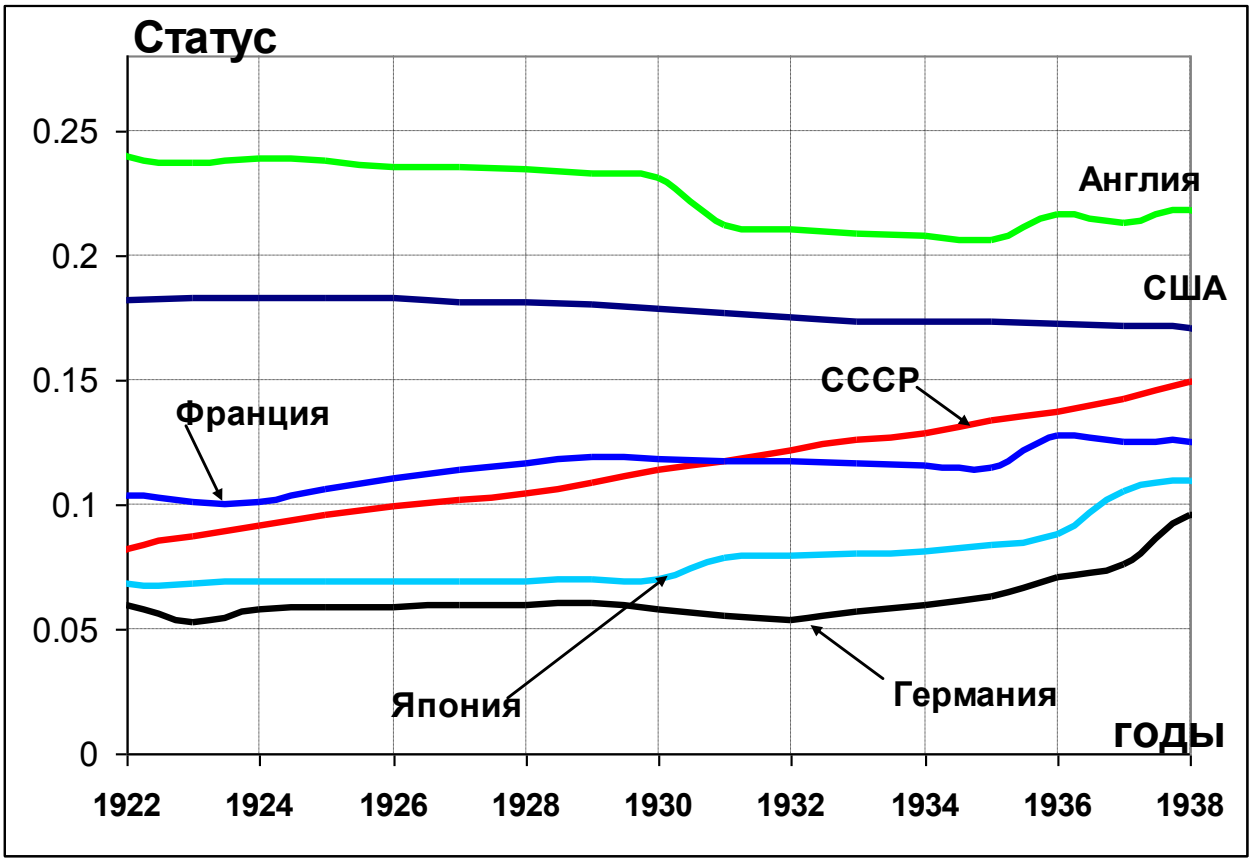


Рис 5.3 – Статусы ведущих стран в период 1922-1938 гг /54/.

Первый определяется относительно стабильной (примерно до 1930-31 гг.) динамикой статусов ведущих стран (за исключением СССР). Второй этап, непосредственно предшествующей войне, характеризуется резким возрастанием статусов Германии и Японии, вызванный радикальным увеличением военной мощи этих стран и начавшееся вооруженной экспансией (соответственно, «аншлюс» и японо-китайская война). «Проседание» статуса Англии было вызвано, помимо «Великой депрессии» (как и падение статуса США), официальным отделением от нее бывших доминионов. Наша страна, демонстрирующая невиданные на тот момент темпы экономического роста и постоянно увеличивавшая свой военный потенциал, в итоге вышла на третье место, опередив, как и перед Первой мировой войной, Францию.

Четвертая геополитическая фаза (1939-1945 гг.)

Эта фаза приходится на период Второй мировой войны, которая еще более радикально, чем предыдущая, изменила геополитическую конфигурацию мира (рис 5.4).

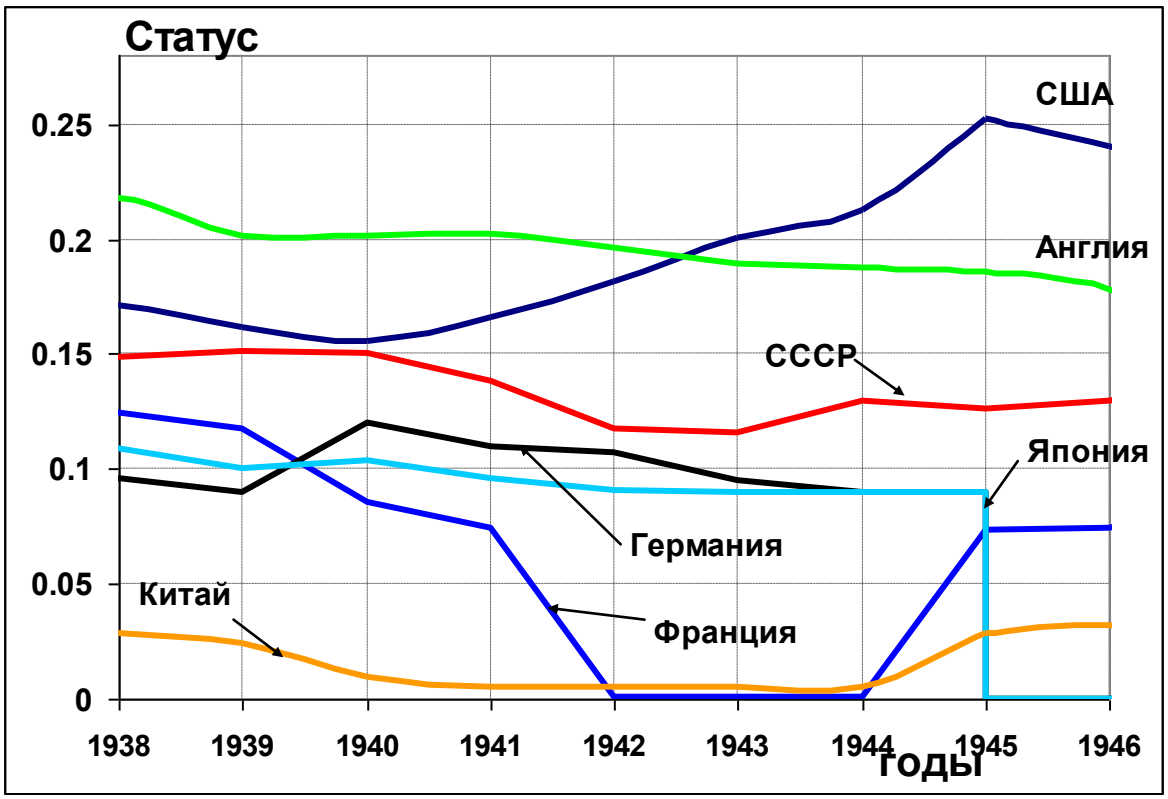


Рис 5.4 – Статусы ведущих стран в период 1938-1946 гг /54/.

Во-первых, мировым лидером впервые, опередив Англию, стали Соединенные Штаты. А страны фашистского блока, в итоге, практически полностью утратили свой статус. Начал подниматься досоциалистический Китай. Продолжил медленную деградацию статус Англии.

Пятая геополитическая фаза (1946-1991 гг.)

Эта фаза является наиболее длительной (около 45 лет) и приходится на период «холодной войны» (после Второй мировой войны до момента дезинтеграции СССР) (рис 5.5).

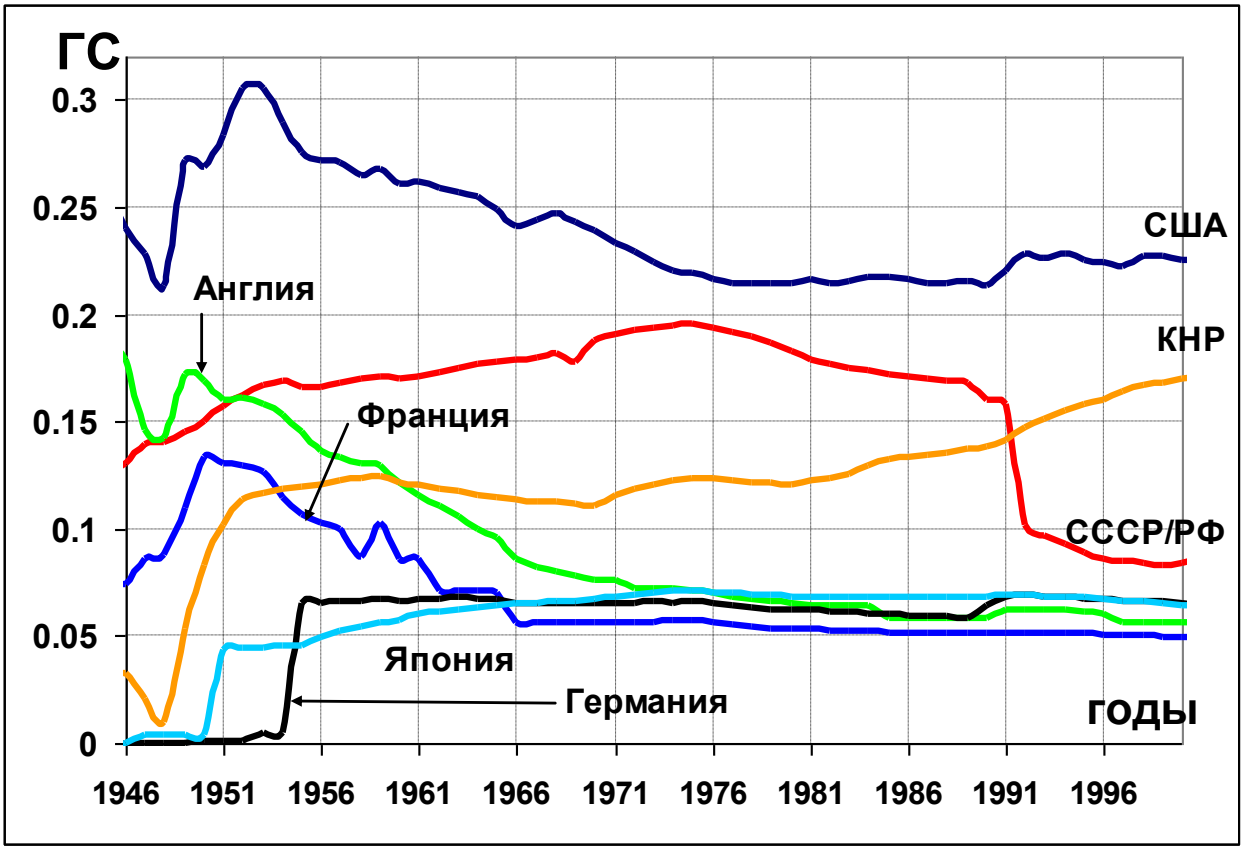


Рис 5.5– Статусы ведущих стран в период 1946-2000 гг. /54/

Послевоенная, «потсдамская» конфигурация мира характерна тем, что вновь образовались три основные группы стран. Первую группу составляли США и СССР – лидеры новой биполярной системы. Наша страна впервые в своей истории вышла на второе место в мире, которое было утеряно только с распадом СССР в 1991 году. Причины такого геополитического подъема СССР, как показал анализ структуры модельных результатов, были обусловлены существенным ростом его экономического и военного (в первую очередь, ядерного) потенциалов. При этом геополитическая дистанция (разность статусов) между нашей страной и США была минимальна примерно в середине 70-х годов, в период переговоров по СНВ и ПРО, Хельсинкского акта и др. Впервые в своей истории наша страна настолько близко приблизилась к мировому лидеру, что и демонстрирует приведенный ранее график динамики геополитической дистанции между ней и лидерами (см. рис. 5.5).

Вторую группу образуют ведущие европейские страны (Англия, Франция, Германия) и Япония, статусы которых практически сравнялись и находятся сегодня в некотором «геополитическом коридоре», «геополитической колее». При этом интересно отметить, что втягивание в этот коридор Англии и Франции происходило «сверху», (вследствие распада колониальной системы), а Германии и Японии – «снизу» (причина - обретение политического суверенитета и, затем, высокие темпы экономического роста).

Наконец, третьим «центром силы» послевоенного мира стал Китай, который с победой коммунистической революции стал демонстрировать (особенно с начала 80-х годов) высочайшие темпы экономического развития и в итоге вышел сегодня на второе место в мире. Правда, при этом надо иметь в виду, что подобное могло произойти только при условии распада СССР.

Данный распад, названный, в свою очередь, геополитической катастрофой века, привел к тому, что наша страна в статусном отношении существенно приблизилась к второразрядным мировым державам. Ей, так же, как в свое время Франции и Англии, грозило втянуться в указанный «геополитический коридор» («аттрактор»?), покинуть который без кардинальных мировых потрясений (типа мировой войны), как показывает анализ модели, практически невозможно. Однако, несмотря на политический хаос начала-середины 90-х годов, России все же удалось стабилизировать динамику своего статуса (см. рис 5.6.).

Шестая геополитическая фаза, включающая в себя период после момента дезинтеграции СССР (1991 год), рассматривается в прогнозном сценарии.

Прогнозная иерархия

Смешанная ретроспективно-прогнозная геополитическая динамика Мир-Системы за 50 лет представлена на рис.5.6.

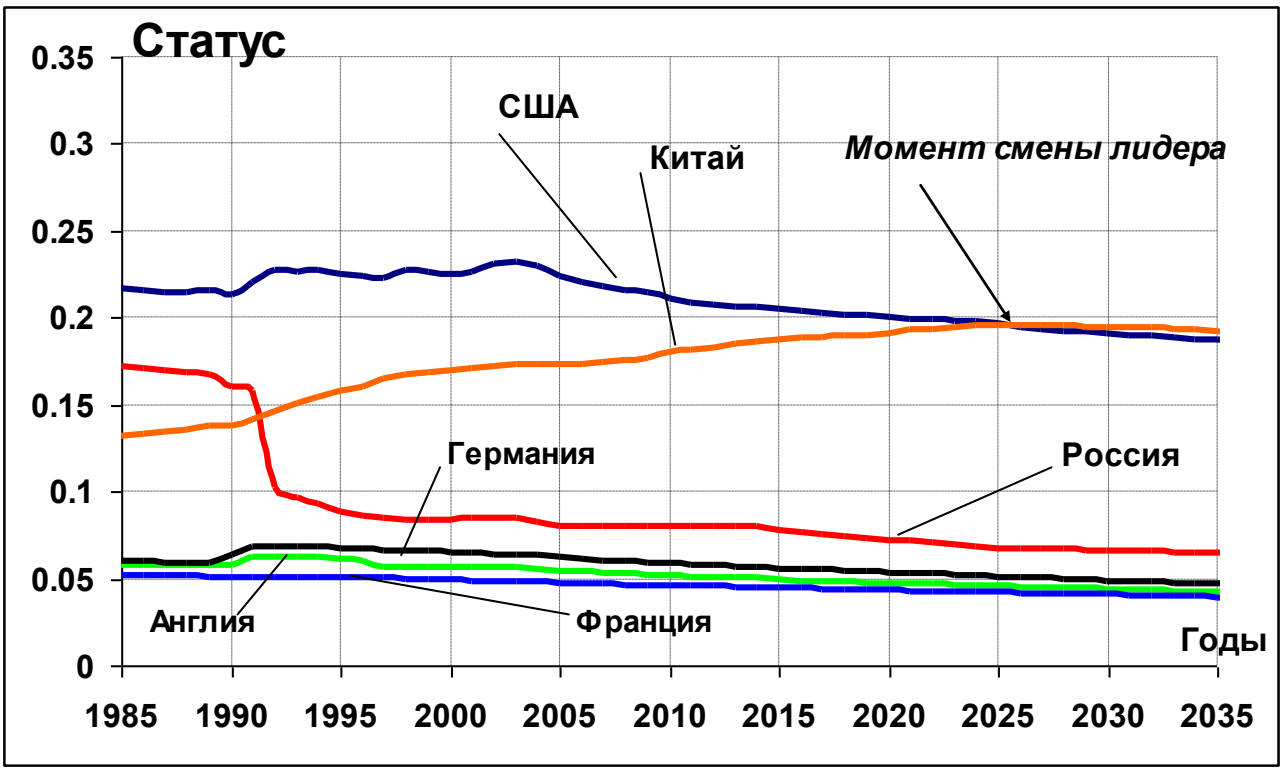


Рис 5.6 – Статусы ведущих стран в период 1985-2035 гг. /54/

Как показывает анализ приведенных результатов, мировая иерархия в прогнозном периоде (2015-2035 гг.) сохранит трехгрупповую структуру.

При этом **первую группу** составят два мировых лидера. – Китай, который, как показывают расчетные оценки, догонит и немного опередит США (примерно в 2025-2026 гг.), и Соединенные Штаты, которые на протяжении последующих десяти лет будут оспаривать китайское лидерство. Более детально прогнозная динамика геополитической дистанции (ГД) между Китаем и США в «мирное время» представлена на рис 5.7. Такое положение является неустойчивым, поскольку любые серьезные изменения компонентов ГП этих двух стран, вызванные различными причинами (война, экономический кризис, глобальная экологическая катастрофа и т.д.), могут привести к смене лидера или, напротив, – к увеличению геополитического разрыва.

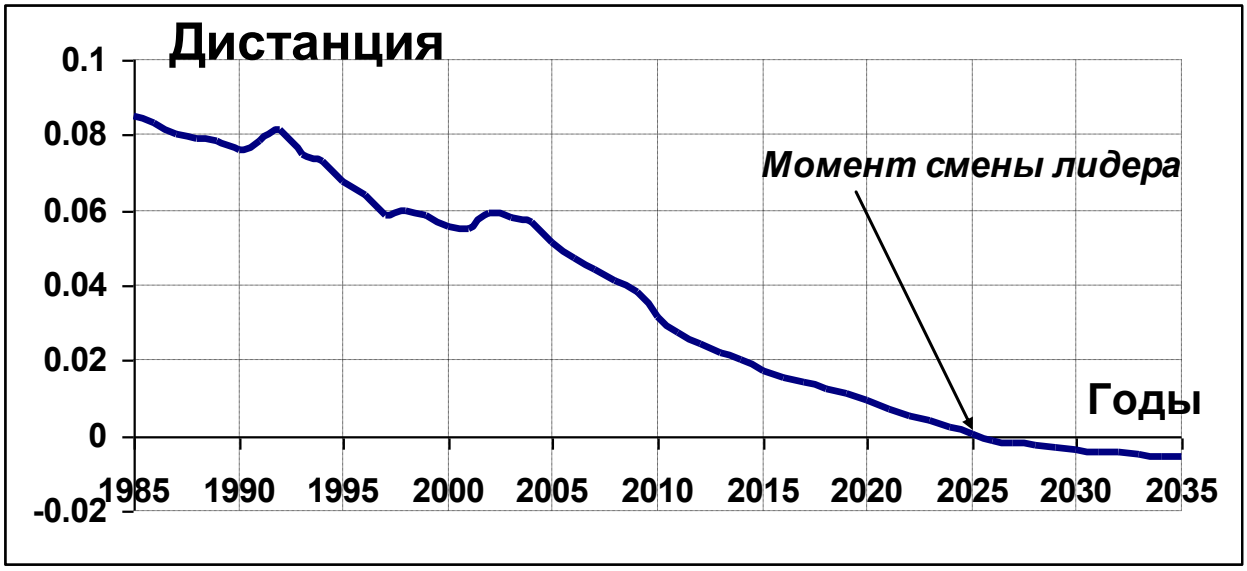


Рис. 5.7– Геополитическая дистанция между США и Китаем в 1985-2035 гг. (мирное время)

Приведенный анализ позволяет сделать следующие общие выводы.

В результате Первой мировой войны Соединенные Штаты почти на треть сократили геополитическое отставание от тогдашнего лидера – Британской империи [54, 55]. Более того, интересно отметить своего рода парадокс, выявленный количественно, и вполне согласующийся с выводами историков – США оказались **единственным** государством, которые в итоге увеличили свой геополитический статус по сравнению с его довоенным уровнем[54, 55].

Вторая мировая война «помогла» США на фоне ослабленной Европы и разорённого Советского Союза стать мировым лидером, а последующий распад СССР, справедливо названный геополитической катастрофой XX века, избавил, правда, лишь на некоторое время, от опасного идеологического и геополитического противника.

Тем не менее, это дало Соединенным Штатам лишь короткую передышку, поскольку почти мгновенно, по историческим меркам, появился новый претендент и новый геополитический соперник – Китай. При этом Китай, по нашему мнению, опасен не столько как претендент на лидерство, сколько как претендент на сверхнормативное, с точки зрения США, потребление мировых ресурсов, что объективно создает проблемы для «золотого миллиарда». Возможность нейтрализации этих проблем при стремительно развивающейся КНР, обеспечивает, как уже отмечалось,

только война. При этом суть американского подхода заключается в том, что атаке подвергается не сам претендент, а другое государство, выбор которого определяется «ценой вопроса» /1/.

Таким образом, если в свое время с помощью Югославии, Ирака и Афганистана американцы пытались решить более мелкие экономические и «субгеополитические» проблемы, то при данной, «большой ставке» нужен будет уже соответствующий «большой партнер». По мнению военных аналитиков, именно Иран совместно с неарабскими шиитскими силами, типа «Хезбалла» в Ливане, и Сирией в настоящее время (на ближайшую перспективу) более всего подходит на роль такого «невольного партнера» по новому переделу ресурсов, который, естественно, реализуется за их счет [24].

При этом даже соглашение по ядерной программе Ирана не изменит общей антииранской политики США. Об этом прямо говорится в закрытом циркуляре Госдепартамента: «*В связи с поддержкой в Сирии режима президента Асада, антиизраильской политикой, развитием передовых возможностей в военной сфере и продолжающимся стремлением к производству ядерного оружия Иран и ливанская Хизбалла продолжают непосредственно угрожать национальным интересам США*»/58/.

Одновременно на «исламском» («южном») фронте «большой войны» реализуется также попытка втягивания России в военный конфликт с исламским «террористическим интернационалом» (а фактически со стоящей за ними группой арабских стран – Саудовская Аравия, Катар и др. при участии НАТО) с его расширением на весь Ближний Восток и втягиванием в него «постсоветских республик Средней Азии и Закавказья.

Процесс передела уже запущен. В настоящее время в результате спровоцированной и управляемой Америкой «арабской весны» сформированы условия для того, чтобы объединить государства исламского мира в новый «арабский халифат», заменив их лидеров на новых американских ставленников. Кроме сохранения контроля над мировой нефтегазовой сокровищницей, вооруженный Западом и опирающийся на исламский фундаментализм союз единоверных мусульманских государств призван защитить американскую экономику и в целом энергетические интересы США на Востоке и в Африке. Возникает вопрос – «от кого»? По мнению экспертов, в первую очередь - от неуклонно растущего объема

потребления ресурсов и связанного с ним повышения экономической и военной мощи Китая /18/.

Следующим логичным шагом США является ликвидация последнего препятствия на пути к реализации планов по сохранению американского доминирования в регионе «Большого Ближнего Востока». Этими препятствиями и являются Сирия и Иран. «Мирный» способ свержения руководства Исламской Республики Иран, как известно, потерпел неудачу. Поэтому, скорее всего, в отношении него будет применен тот же сценарий, что и в Ираке и Афганистане.

Ожидается, что кроме экономического важным результатом предполагаемой победы Америки в «большой войне» станет реализация проекта «Новый Большой Ближний Восток». Этот проект должен нанести весьма серьезный ущерб не только Китаю, но и России. Планы по «переформатированию» Ближнего Востока уже озвучены в Америке в связи с опубликованием так называемой «карты Петерса» в журнале «Armed Forces Journal» /24/.

Как следует из опубликованных материалов, Россия и Китай «изгоняются» из Средиземноморья и среднего Востока, Россия отсекается от Южного Кавказа и Центральной Азии, а Китай лишается последнего стратегического поставщика энергоносителей.

«Новый Большой Ближний Восток» исключает для России мирные перспективы, возможность хоть какого либо относительно «спокойного» развития, поскольку нестабильный и находящийся под внешним управлением США Южный Кавказ станет зоной постоянной напряженности и «детонатором» для «взрыва» Северного Кавказа. А поскольку при этом главную дестабилизирующую роль будет играть исламский фундаментализм, то в «зону поражения» попадут и другие субъекты Российской Федерации.

Агрессивность Америки не в последнюю очередь определяется тем, что она уже не в состоянии экономическими и политическими методами поддерживать режим «Вашингтонского консенсуса». В этой связи совершенно определенно высказалась «Жэньминь жибао»: «США превратились в "паразита", который живет за счет экономик чужих стран. Опираясь на доллар в качестве международной валюты, Соединенные Штаты выпускают огромное количество купюр, экспортируют доллары в обмен на товары. Эта уродливая финансовая система обеспечивает американцам

роскошную жизнь. Доллар грабит весь мир и сейчас происходит его крах». Здесь необходимо отметить, что 17 ноября 2011 года премьер-министр Российской Федерации в ходе визита в Китай выразил практически солидарную позицию.

Сегодня Китай активно «работает» над вытеснением доллара, и доля доллара в валютных резервах КНР неуклонно снижается. В апреле 2011 года ЦБ КНР информировал о полном отказе от доллара в международных взаиморасчетах. Понятно, что такой удар по американской системе экономического доминирования не может остаться без ответа.

Неустанно в направлении вытеснения доллара «работает» и Иран. В июле 2011 года заработала иранская Международная нефтяная биржа. На ней расчет по сделкам осуществляется только в евро и эмиратских дирхамах. Одновременно ведутся переговоры с Китаем об организации поставок китайских товаров в обмен на иранскую нефть. Тем самым появляется возможность обойти санкции в отношении Ирана. Президент Ирана заявил о планах достичь рубежа двусторонней торговли Ирана с Китаем $100 млрд. В этих условиях усилия США по организации международной изоляции Ирана теряют всякий смысл.

Эти неприемлемые для США тенденции, по всей видимости, имеют необратимый характер и способны вызвать резкую реакцию вплоть до организации «силового» противодействия возникающим вызовам и угрозам. По мнению экспертов, умышленный подрыв стабильности в странах Ближнего Востока и Магриба – результат активных действий США, которые могут рассчитывать на то, что уничтоженная инфраструктура стран региона потребует колоссальных долларовых вливаний. Восстановление разгромленной после «большой войны» экономики Ирана и Сирии также будет способствовать экономическому оживлению США.

Вместе с тем, ввиду того, что организовать большую межисламскую войну с вовлечением в нее Израиля, России и других стран пока не получилось, Америкой открыт еще один потенциальный «фронт большой войны» – Европейский («Украинский»). Для США он представляется весьма «перспективным» для втягивания России в военный конфликт с Киевской хунтой, «бандеровскими» формированиями и наемническим интернационалом из стран НАТО с переходом к прямому военному конфликту России с НАТО (2-я «Крымская война»).

Как представляется, сегодня основные усилия США по подготовке «Российского направления большой войны» направлены на то, чтобы объединить указанные выше два фронта («Исламский» и «Украинский»)

Отсюда ясно, что реализуемая Америкой стратегия удержания мирового лидерства в меняющемся мире уже начинает переходить в реальную политику «с позиции силы», где выход из кризиса долговой экономики «бумажного доллара» видится, в том числе и в «обнулении» долговых учетных записей «пузыря» пустого богатства. Для этого и становится необходимой «большая война», по итогам которой победитель, как и в свое время в Бреттон-Вудсе, рассчитывает диктовать свои условия остальному миру. Воля к ведению войны для Америки при перспективном рассмотрении является волей управлять после войны.

Соединенные Штаты, стремительно теряющие место мирового лидера (вернее, серьезно дискредитировавшие себя в этой роли), уже не имеют никакой другой возможности удержаться в данном качестве, кроме перехода к тотальной милитаризации своего национального бытия и дестабилизации всей системы международных отношений и навязывания «демократическому миру» мнения о безальтернативности его выживания лишь под прикрытием американского военного «зонтика».

В этой связи необходимо отметить следующее.

Немецкий писатель Томас Манн незадолго до начала второй мировой войны прозорливо заметил, что война – «всего лишь бегство от проблем мирного времени». В тон ему высказался и французский прозаик Ромен Роллан: «К войне как к крайнему средству прибегают лишь государства-банкроты. Война — последний козырь проигравшегося и отчаявшегося игрока, отвратительная спекуляция мошенников и аферистов...».

Президенту США Д. Эйзенхауэру принадлежит высказывание, которое по сей день характеризует суть американской политики: «Мы добьёмся мира, даже если для этого нам придётся воевать». Естественно, он имел при этом в виду мир, устраивающий Америку. Вместе с тем, нельзя не понимать, что эта риторика предназначена только для одного – для оправдания возможности ведения войн в современном мире.

Войны «за мир во всем мире», которые развязывают США, являются показателем неспособности американской политической системы разрешить букет острейших проблем, связанных с надвигающимся крахом доллара как мировой резервной валюты и крушением американской финансовой пирамиды.

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема ***субъектности*** в политических отношениях, которую применительно к обсуждаемому вопросу можно выразить словами А.С. Панарина о том, что «одни народы и государства выбирают свое будущее, с другими – будущее случается».

Реальными субъектами в постмодернистской международной системе политических отношений являются те государства или геополитические образования, которые способны определять направленность и характер как локальных, так и глобальных процессов, формировать сценарии поведения других государств, при необходимости направлять и даже подавлять их волю. Очевидно, что этим требованиям в настоящее время отвечают только США, которые пока ещё имеют высший статус политико-прагматической субъектности /18/.

При рассмотрении политической субъектности США представляется необходимым учитывать и то обстоятельство, что американская нация в свое время, поддавшись торгашескому искушению, променяла Библию на кодекс прав и свобод человека. Тем самым отказалась от онтологической субъектности как ориентации на высшие смыслы бытия, которые определялись христианством первых веков. Именно поэтому агрессивный характер взаимодействия США с мировым сообществом в XXI веке будет обостряться, будет также усиливаться и антихристианская суть политики США в постхристианском мире [32]. Только онтологическая субъектность ведущих держав мира может являться фундаментальным фактором стабильности и мирного развития мирового сообщества.

В настоящее время для сохранения и упрочения своего геополитического доминирования в мире США реализует, как минимум, три ближнее - и средневосточных стратегии с использованием «исламского фактора». Все они способны привести к необходимой для США «Большой войне», и в очередной раз показывают предпочтение Америки воевать

чужими руками, с предоставлением ими «почетного» «права» начать «Большую войну» в своих интересах кому-нибудь другому /18/.

Так в марте 2011 г. в Ливии они вынудили это сделать европейских партнеров по НАТО во главе с Францией. В нынешней ситуации с Сирией такая возможность в первую очередь предписывается Катару, Турции и Саудовской Аравии. Для проведения возможной военной операции против Ирана кроме указанных государств, скорее всего, будут привлечены Израиль, страны блока НАТО, а также на определенной стадии Азербайджан, Грузия, Пакистан, государства Средней Азии. При этом во всех случаях администрация США во главе с лауреатом Нобелевской премии мира Б. Обамой будут продолжать руководствоваться принципом М.Т.Цицерона: «Войну надо начинать так, чтобы казалось, что мы не ищем ничего другого, кроме мира».

Вместе с тем, несмотря на желание воевать чужими руками, совсем «умыть руки» у США (и НАТО) вряд ли получится (да и они по всей видимости и не собираются это делать), и поэтому им «придется» подключиться к военным действиям, мотивируя свою миссию **«принуждением воюющих сторон к миру».**

Нет сомнений в том, что американцы длительное время обстоятельно и прагматично готовят пространство «Большой войны» на Украине, Ближнем и Среднем Востоке. В связи с этим можно с большой долей уверенности полагать, что «Большая война» грядет. Важнейшим вопросом остается степень вовлеченности и форма участия в ней России. Само же участие не вызывает сомнений, и уже становится очевидным, что нас «ведут» к «Большой войне» последовательно и целеустремлённо. Именно поэтому сегодня все решения руководства страны в политической, экономической, социальной и военно-технической сферах необходимо рассматривать «сквозь концептуальную лупу», которая может обеспечить опережающее распознавание реалий грядущей «Большой войны» и возможность проектирования достойного места России в послевоенном мироустройстве.

5.2 Зачем Америке нужна «Большая война» ?

В экспертно-аналитическом сообществе активно обсуждается совокупность «вложенных» целей, которые по замыслу «Планировщика» «Большой войны» могут быть реализованы только в результате ее развязывания.

Первая группа включает ряд довольно очевидных, «лежащих на поверхности» целей:

- отвлечь внимание населения Запада от негативных процессов глобального кризиса, переключить его на сконструированный политтехнологами образ «глобального» врага;
- избежать «скатывания» США в 1932г. (в новую Великую депрессию), оживить экономику, создать условия для развития «с чистого листа»;
- сохранить финансовую систему, опирающуюся на «Вашингтонский консенсус» и продлить на неопределенный срок существование ФРС как мирового эмитента;
- обеспечить для Америки доминирующее положение в меняющейся Мир-системе.

Во вторую группу входит «табуированная» и в связи с этим публично не обсуждаемая цель – обеспечение стратегической перспективы для Израиля. Еврейское государство в нынешнем виде может устойчиво существовать только в условиях перманентной конфронтации с исламским миром. Оно имеет «победоносное» преимущество в военно-технической сфере, отличается высоким уровнем корпоративной субъектности и, как следствие, более высоким качеством «человеческого материала» [45]. Израиль пока в состоянии разгромить практически любую арабскую коалицию. Монопольное обладание ядерным оружием в регионе дает ему определенную гарантию от случайностей войны и выступает эффективным средством сдерживания от крупномасштабного применения военной силы со стороны возможной коалиции государств региона.

Вместе с тем, сегодня Израиль как никогда заинтересован в развязывании «Большой войны» с тем, чтобы:

- подтвердить и надолго закрепить в результате победоносной войны свой максимально высокий статус, как в региональном, так и в глобальном политическом контексте;
- исключить вызванное мировым экономическим кризисом снижение или полное прекращение финансовой поддержки со стороны Запада и, в первую очередь, США, на которые приходится 22% внешней торговли Израиля и еще около $3,71 млрд. в год прямой безвозмездной финансовой помощи;

• денуклеизировать Иран и тем самым сохранить монополию на обладание ядерным оружием в регионе.

Третьей по вложенности и наиболее скрываемой целью является запуск механизмов **«реинкарнации» колониальной системы** в формате XXI века /53/.

В этой связи целесообразно вспомнить о том, что западный мир интенсивно развивался в рамках колониальной системы на протяжении более пяти веков. И только во второй половине XX века после окончания мировой войны в результате формирования мощного центра силы в лице СССР были созданы условия, которые обеспечили ее распад. Таким образом, современное постколониальное состояние Мир-системы длится немногим более полувека. Логика развития западной экономики предопределяет конец этому периоду материального процветания. Как было показано выше, Запад в условиях рыночного хозяйства может стабильно существовать только при постоянном получении дополнительных ресурсов извне. Таким образом, для преуспевания такой системы необходимо наличие управляемой, политически *бессубъектной* колониальной периферии, из которой можно черпать дешевые ресурсы.

В свете этого уместно привести мнение известного футуролога и экономиста Джульетто Кьеза : «Я считаю, что все данные, которые у нас есть, говорят открыто: ресурсы заканчиваются. Начиная с нефти. Но и остальные тоже будут заканчиваться в течение обозримого периода. И мы — я говорю практически о всём мировом сообществе — абсолютно пока не готовы к такому повороту событий. Наша цивилизация базируется на потреблении невозобновляемых ресурсов. И когда они кончатся — будет паника, трагедия.

И самое большое искушение будет, я считаю, использовать силу, чтобы захватить ресурсы, где они есть. Значит, короче говоря, будет война. Между прочим, к ней уже готовятся и в Америке, и в Китае, в других странах. Но большинство людей не знают об этом».

События последнего времени, начиная с разгрома Югославии, захвата Ирака и Афганистана, принятия новой стратегической концепции НАТО, заканчивая агрессией против Ливии и расширения процесса «Арабской весны», со всей очевидностью показывают, что периферии Мир-системы предстоит новая колонизация. Это уже ставится геополитической неизбежностью, поскольку в мире нет стратегических субъектов, способных этому воспрепятствовать.

В процессе «новой колонизации» должна произойти перекодификация международного права при окончательном отказе от принципов Ялтинско-Потсдамской системы политического мироустройства /53/. По всей видимости, мир ждет слом основных положений ООН, ликвидация или существенное снижение роли института постоянных членов Совета Безопасности ООН, коррекция принципа суверенного равенства государств, который в условиях новой колониальной Мир-системы будет противоречить ее базовым принципам. В рамках перекодификации может произойти принудительное приспособление международного права к потребительским интересам Запада /86/. В обозримом будущем можно ожидать, что «законная» оккупация или колонизация в пределах «признанных» зон влияния будут занимать место декларируемых принципов самоопределения и «невмешательства» во внутренние дела других стран. В международную практику усилиями Запада вновь будет введена система международно-государственного устройства, при которой реальный суверенитет будет сохраняться лишь за государствами, составляющими «Ядро» Мир-системы. «Государствам» же периферии будет позволено иметь суверенитет лишь в объеме, не препятствующем деятельности транснациональных корпораций на определённых условиях /86/.

В соответствии с идеями З. Бжезинского, в основе нового Мира должны лежать «Большой Запад» – США и Евросоюз, и «Большой Восток» – Япония, Индия, Турция, Саудовская Аравия. В грядущем колониальном мире России как субъекту мировой политики места не предусмотрено. При этом от нас

уже давно требуют – мол «делиться надо». Складывается впечатление, что откровенно захватнические идеи М.Олбрайт и Д.Чейни находят отклик у российских либералов типа известного академика – «погорельца», публично обсуждавшего возможность «совместного» управления с «мировыми державами» ресурсами Сибири /56, 57/.

Этот сценарий сейчас не кажется фантастическим, если учесть тот факт, что Российская Империя, правопреемницей которой является Российская Федерация, в 1884 г. подписала международную конвенцию, содержащую «принцип эффективной оккупации». Из него следует, что если какая-либо страна не способна «эффективно» управлять своими ресурсами, то в отношении нее может быть введено внешнее управление. В конце XIX в. этот принцип легитимировал колониальную систему, но в XXI-м он может стать действующей нормой международного права и будет формальным основанием «правомерности» лишения России её суверенных прав на управление собственными территориями и ресурсами.

За последние два десятилетия значительно расширен, модернизирован и апробирован в многочисленных военных акциях реальный инструмент новой колонизации – блок НАТО. Тех же, кто посчитает данное утверждение алармистским и антизападным, мы отсылаем к новой стратегической концепции НАТО, принятой в 2010г. в Лиссабоне. Как уже отмечалось выше, если просто внимательно прочитать ее без «перезагрузочных фильтров осознания», то можно увидеть, что в современных условиях НАТО является геополитическим инструментом обеспечения функционирования системы «центр – колониальная периферия», в которой только и может благополучно существовать Западный мир. В этом и состоят военно-политические и полицейские функции альянса. Фактически НАТО есть совокупная военно-политическая мощь государств Западного мира, составляющих центр Мир-системы, предназначенная для новых «крестовых походов», которые, как известно, в первую очередь были экономическими предприятиями. Поэтому военная система НАТО, в соответствии с планами своих хозяев, будет

регулярно направляться в различные регионы мира – для обеспечения бесперебойной поставки сырья, энергоносителей и решения карательных задач.

Вместе с тем, одной из немногих позитивных тенденций в современной периферии Мир-системы является поиск возможностей «объединение слабых вокруг сильного против сильных». И здесь для Запада принципиально важно не допустить бесконтрольного усиления какой-либо крупной сырьевой державы, обладающей геополитическим статусом. Так, Запад совершенно «не замечает» такие ядерные государства, как постоянно дестабилизирующий обстановку на Ближнем Востоке Израиль и непредсказуемый Пакистан, который не может или не хочет осуществлять контроль за деятельностью на своей территории военно-террористической организации Талибан. Но нефтегазовый Иран – член Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) с его амбициями на региональное лидерство является для Запада первоочередным объектом принудительной «демократизации». В этой связи так называемая «ядерная программа» Ирана для США и их союзников всего лишь «casus belli». Даже если Иран полностью откажется от ядерных технологий, это не остановит Запад от планов развязывания агрессии против Ирана.

При этом утверждение о том, что для Запада существует большая опасность обретения «восставшей Азией» в лице Ирана своего лидера является явным преувеличением. Сама по себе политеистическая Азия, как в ментальном, так и в политико-экономическом и культурно-идеологическом плане совершенно *бессубъектна* [45] и, как следствие, в принципе неспособна к консолидации.

Очевидно, что сегодняшний шиитский Иран не обладает привлекательным цивилизационным Проектом, который мог бы создать условия для консолидации хотя бы геополитически близких стран даже в рамках исламского мира. Вместе с тем растет понимание того, что Иран, как объект Западных интересов, выступает своеобразным «предпольем» России, удар по которому нанесет существенный урон ее внешне- и внутринациональным интересам.

В этой связи уместно вспомнить известное заявление З. Бжезинского, о том, что в XXI веке Америка будет развиваться против России, за счет

России и на обломках России. Очевидно, что одной из целей «Большой войны» является блокирование усилий России по созданию Евразийского союза – потенциально мощного мирового «игрока» и в перспективе стратегического субъекта геополитики, который мог бы сформулировать альтернативный Проект не только собственного, но и глобального развития.

Говоря об альтернативных Проектах или Сценариях глобального развития, необходимо помнить о том, что в их основе лежит тот или иной духовный императив. Имея тенденцию к экспансии, тот или иной сценарий глобализации затрагивает ментально-догматический фундамент, ценности и традиции носителей иного цивилизационного кода. Это в свою очередь может порождать религиозные и этнические конфликты, которые приводят к изменению политического ландшафта западного и восточного миров. Возникающая в результате таких процессов культурная обособленность неизбежно вызывает политико-психологические и национально-культурные противоречия, глубинными причинами которых являются религиозно-догматические различия[45].

Так, в докладе Национального совета США 2008 г. по разведке «Глобальные тенденции – 2025: изменяющийся мир» говорится о том, что XXI в. станет эпохой религиозных войн и возрастания в политике роли религиозного фундаментализма.

Сегодня наиболее актуализированными Сценариями глобального мироустройства, которые имеют в своей основе кардинально противоположные духовно-догматические установки, являются всего два Проекта. Во-первых, это глобализм, как вестернизация, и, во-вторых – исламский фундаментализм. Оба Проекта не только используются в ходе масштабных акций по развязыванию начала «Большой войны» на Ближнем и Среднем Востоке, но и в одинаковой степени серьезно угрожают безопасности Российского государства и общества.

Так, глобализм предполагает вступление мира в качественно новую эпоху, связанную с постиндустриальным обществом и постмодерном. Матрицей этой модели является политическая структура США, их федерализм и либеральная демократия, духовные основы которой базируются на специфической форме протестантизма – *унитаризме*, который близок по своему догматическому содержанию к иудаизму.

По мнению европейских исследователей А.Негри и М.Хардта, американский «революционный проект» означает постепенную утрату этнической, социальной, культурной, расовой, религиозной идентичности и требует еще более ускоренного превращения «народов» и «наций» в количественное космополитическое большинство. Но даже если отвлечься от такой «революционной» позиции, сама американская глобальная стратегия, называемая авторами «Империей», основана на том, что не признает никакого политического суверенитета ни за какой коллективной сущностью – будь то этнос, класс, народ или нация [49].

Суть исламизма, как специфического сценария глобализации, можно понять, обратившись к исламскому взгляду на мир. Еще первые исламские юристы делили мир на «*дар уль ислам*» (местонахождение ислама), «*дар уль харб*» (местонахождение войны) и «*дар уль курф* (сульх)» (местонахождение мирного сосуществования, мир неверия) [50].

В пределах *dar-al-Islam* возобладали дружба и сотрудничество на основе исламских принципов. *Dar-al-harb* включает арену прямых военных конфликтов, а также тех, кто враждебно относится к исламу. Странами *dar-al-sulh* являются те немусульманские страны, которые достигают большой автономии и мира за счет больших выплат и налогов в мусульманскую казну. Исламский проект, отвергая существующий миропорядок, возникающий в результате западной колонизации, отрицает секулярное национальное государство и ориентирует на возврат к идее халифата – «исламского идеального государства».

В рамках концепции исламского миропорядка, которая была опубликована в Декларации международного семинара 3-6 августа 1983 г. в Лондоне, подчеркивается, что одной из политических целей уммы является объединение всех исламских движений в единое глобальное движение «с тем, чтобы создать исламское государство» [50]. Современный автор аль-Афгани разработал принципы панисламизма: «во-первых, отказ от привнесенных концепций в силу их отчужденности от исламского общества и непригодности для него; во-вторых, подтверждение основного принципа панисламизма – ислам верен для любого места и времени» [50].

Для представителей современного исламизма характерно фундаменталистское видение мира как полностью погибшего и не предназначенного к спасению. Исламисты считают, что человечество живет

под властью Даджаля–Антихриста. Все, что может сделать авангард «избранных», – вести партизанскую войну и наносить точечные удары по миру джахилийи. Конечно, исламистский идеал остается прежним: создание всемирной уммы, но процесс борьбы для исламистов новой волны становится важнее результата. «У этих радикалов очень слабая программа, сводящаяся к введению шариата и игнорирующая важные социальные и экономические требования старых движений», – пишет о «новых исламистах» О. Руа [50].

Идейной основой нового исламизма в его радикальном варианте является фундаментализм, который в политическом исламе сегодня представлен многочисленными международными террористическими организациями. Для России проблема исламизма особенно остро проявляется в южных территориях страны и в первую очередь на Северном Кавказе и Поволжье, где ислам традиционно оказывает воздействие на общественно-политическую жизнь.

Хотя неоваххабизм Северного Кавказа – явление новое, догматические установки радикального ислама были заложены еще в ходе Кавказской войны (1817 – 1864 гг.). Суть их проявляется в традиции применения *такфира*– обвинения в неверии и ведении непримиримого джихада за создание политически независимого исламского государства. Все это и сегодня практикуются в неизменном виде экстремистскими группировками. Однако, в отличие от этнополитической динамики XIX века, сегодняшнее нарастающее противостояние некоторой части российских мусульман проходит на фоне опасного военно-политического и идеологического возбуждения ислама на Ближнем и Среднем Востоке в контексте активного вмешательства извне.

С одной стороны, наличие внешнего фактора объясняется включением Северного Кавказа в глобальный исламский идеологический проект, исполнителями которого являются многочисленные террористические организации. Этот проект представляет собой один из вариантов ответа на вызов западных секулярных политических, экономических, моральных и иных представлений. По сути, это утверждение альтернативного мирового мегапроекта, к реализации которого активно пытаются подключить российских мусульман. Поэтому политический ислам – это, прежде всего, антизападный и антилиберальный вариант реформизма.

При этом современную Россию последователи политического ислама рассматривают наравне с США, Англией, Францией и др., как «*даль уль харб*» т.е. как мир курфа или мир неверия, с которым необходимо вести беспощадную борьбу за свое освобождение. Попадание под власть не мусульман толкуется как историческое наказание за отклонение от прямого исламского пути [51].

С другой стороны, наличие внешнего фактора объясняется экспансионистскими претензиями ряда политических субъектов Запада. С точки зрения геополитики Кавказ представляет собой крайне важный стратегический узел, так как является связующим звеном между Европой и Центральной Азией, обеспечивая выход к системе трёх морей. Тот, кто обладает влиянием в этом регионе, в той или иной мере контролирует значительную часть нашей планеты. Поэтому в мире всегда находились и до сих пор имеются силы, заинтересованные в упрочении здесь своих позиций. Так, ещё более полутора столетия назад ряд европейских политиков считали, что Кавказ является для России «ахиллесовой пятой». Утверждалось, что именно туда следует наносить прицельный удар, чтобы свалить «русского медведя». Сегодня Северный Кавказ вновь стал важнейшим перекрёстком мировой истории, на котором осуществляется целый ряд мегапроектов по конструированию «больших пространств» на Кавказе. Среди них особо выделяются три, представляющие наибольшую угрозу геополитическим интересам России в регионе. Это – американский глобализм, турецкий Великий Туран и арабо-исламский проект Саудовской Аравии.

Существенный аспект этих американо-тюркско-исламских угроз для России кроется, во-первых, в стремлении вытеснить Россию из Закавказья. Во-вторых, создать в Северо-Кавказском регионе антироссийское конфедеративное образование «от моря до моря». В-третьих, использовать его как фактор отторжения Кавказа и Причерноморья и кардинального изменения этно-конфессионального баланса в регионе [52]. Для достижения поставленных целей главной мишенью становится полиэтничное и полирелигиозное сообщество Северного Кавказа. В качестве главного инструмента используется многократно испытанный в ходе «Арабской весны» «исламский фактор», реализуемый в форме агрессивной исламистской террористически-подрывной деятельности.

Несмотря на видимую самостоятельность исламского Проекта глобализации, он является всего лишь одной из линий реализации стратегий, вписанных в контекст Сценария глобализации по-американски. Несмотря на это, каждый из Проектов, и глобализм и исламизм, требует от России субъектно-рефлексивного и как следствие, избирательного ответа.

Вся история взаимодействия с Западом и прежде всего с США показывает, что реально строить с ними взаимоотношения, основываясь на таком понятии, как «партнеры» – опасная недальновидность. Как говаривал К. Дойл устами Ш. Холмса: «Поскольку Вы, Ватсон, будете иметь дело не с преступным миром, а с Британскими политиками, то не верьте ни одному их слову».

«Если **завтра война**, Если завтра в поход,- Будь **сегодня** к **походу** готов!»
Слова из песни советского предвоенного х/ф о готовности СССР к отражению нападения агрессора.

Автор: В. Лебедев-Кумач

«Тот, кто не хочет прибегать к новым средствам, должен ожидать новых бед.»

Ф. Бэкон

«Хороший план сегодня лучше безупречного плана завтра.»

Дж.С. Паттон.

«Всякая доктрина проходит три этапа: сначала ее атакуют, объявляя абсурдной, потом допускают, что она, очевидно, справедлива, но незначительна. Признают, наконец, ее истинную важность, и тогда оппоненты оспаривают честь ее открытия».

У.Джеймс

6. ЧТО ДЕЛАТЬ?

6.1 Исходный дескриптивный анализ проблемы.

Россия начала втягиваться в войну (нового типа). Избежать ее вряд ли получиться. Мы должны быть готовы к ведению такой войны. При подготовке необходимо помнить, что цель войны – победа. Ее обеспечение должно опираться на «побеждающую стратегию».

Для формирования и реализации «побеждающей стратегии» России надо решить следующие базовые проблемы:

1. Овладеть четырьмя основными ресурсами действия:

- **«Мягкой силой»** (*«soft power»),* адекватной современному состоянию международных конфликтных взаимоотношений как внешнеполитическим ресурсом и специфическим инструментом «латентного» управления.
- **«Жесткой силой»** («hard power», включающей Вооруженные силы, экономику, обеспеченность ресурсами и др.), потенциал которой достаточен для обеспечения стратегической (и кризисной) стабильности, деэскалации всех типов военных конфликтов на границах России, обеспечения победы в локальной и региональной войне.
- **Деньгами** – особым видом энергии, используемой для организации управления как в материально – вещественной, так и в ментальной сферах.
- **Временем.**

3. **Сформировать новый модальный тип личности,** адекватный задачам обеспечения **безопасности и развития** России, позволяющий в том числе обеспечить появление «субъектов стратегического действия».

4. **Провести радикальные институциональные решения,** направленные на:

а) формирование «концептуальной власти», а также создание «элитных команд» нового типа, нацеленных (в том числе) на обеспечение «зловещего интеллектуального превосходства» (по К.Поланьи) над элитами (включая лидеров и VIP- менеджеров), противостоящих «акторов» внешнеполитических конфликтов /56, 57/;

б) крупномасштабную смену экономического менеджмента в государственном секторе экономики, нацеленную на «повышение личной годности человеческого материала» (по П.Струве) и отстранение от руководства оборонной промышленностью, энергетикой, транспортом, связью и др. так называемых «эффективных менеджеров», уже «заслуживших» определения «третья главная беда России» (наряду с дураками и дорогами). По мнению Е.М.Примакова (высказанному 2.04. 2015г. на заседании «Меркурий клуба», «четвертая основная ошибка» нашей экономики состоит в том, «что мы в стране допустили падение уровня профессионализма во всех отраслях экономики. Можно говорить даже о процессе кадровой **депрофессионализации**…»;

в) решение проблемы «адаматов» (особый вид заложников);

г) совершенствования законодательной базы, например, принятие Закона о военном положении.

д) построение новой модели общества и экономики (формирование «экономики победы») путем избавления от влияния «запирающих технологий» /66/.

Рассмотрим указанные базовые проблемы.

Как представляется, важнейшим из вышеперечисленных ресурсов действия является время. Этот вытекает из его следующих особенностей:

время является убывающим (постоянно расходуемым) ресурсом, которому свойственно исчерпание;

время абсолютно необходимо как для овладения другими видами ресурсов действия (их возобновления), так и для реализации «побеждающей стратегии»;

время является важнейшим (управляющим) параметром для организации конфликтного управления (например, при формировании (подавлении) циклов Бойда «OODA» /20….22/).

История «Больших войн» учит, что максимальное преимущество в грядущей «Большой войне» может получить та сторона, которая вступит в

нее (овладев основными ресурсами действия) на **завершающей стадии.** С достаточно высокой вероятностью она же и будет в числе победителей. Из этого факта в значительной мере вытекает одна из наиважнейших стратегических задач для России – **выиграть время.**

Сейчас начинается процесс интенсивного накопления национальной, в том числе и военной мощи России, и ей для развития необходимо мирное время, именно поэтому нам его будут стараться не давать.

> **СПРАВОЧНО.** Классическим примером стратегии «выигрыша времени» является т. наз. «Пакт Молотова – Риббентропа». И это не просто оценочное суждение. Авторы могут его подтвердить результатами прямого математического моделирования геополитической динамики Европы накануне Второй Мировой войны с использованием теории борьбы условных информаций Д.С.Чернавского /62/.

Решение указанной выше стратегической задачи опирается на использования следующих базовых технологий:

Первая технология опирается на задействование механизмов **стратегического сдерживания** как особой формы контроля (управления) военно – политической ситуацией.

Сегодня нет смысла доказывать, что Россия уже не в состоянии следовать в военно-политической области тем курсом, которым следовали до начала горбачёвских реформ. Это была **«стратегия сильного»**, когда на американский (Западный) военный, технологический и стратегический вызов давался адекватный по масштабу и эффективности ответ.

Поэтому достаточно ясно, что, по крайней мере, в течение ближайших 10 - 15 лет для обеспечения безопасности России во взаимоотношениях с Западом придется следовать **«стратегии слабого»**.

Какой же может быть эта стратегия?

В принципе, все возможные поведенческие стратегии «слабого актора» международных конфликтных отношений могут быть сведены в два базовых кластера:

1. «Умиротворение сильного» (демобилизационная стратегия).

2. Стратегическое сдерживание (мобилизационная стратегия).

В исторической ретроспективе в качестве характерных стратегий первого типа можно упомянуть «Брестский мир» (стратегия Л.Д.Троцкого – «ни мира, ни войны, а армию распустить»), «Мюнхенский сговор» и др.

В качестве примера стратегии второго типа уместно привести исторический прецедент, связанный с демонстративным усилением военного потенциала государства. Как известно, в XVII веке Арман Жан дю Плесси (герцог Ришелье) провел первую в Европе широкую мобилизацию военных сил в мирное время. Это позволило ему **выиграть время** и избежать вовлечения Франции в тридцатилетнюю войну (в невыгодных для нее условиях) до 1635 г.

Что касается «эффективности» применения стратегии «умиротворения», то здесь необходимо отметить следующее.

Реализация поведенческих стратегий из первого кластера, очевидно, приводит в начале как минимум к полной потере субъектности государства.

Что касается возможных эмерджентных эффектов от ее регулярного задействования, то на основе математического моделирования с использованием «теории борьбы условных информаций», проводимого совместно учеными РАН и Академии военных наук делается вывод о том, что результатом подобных действий является распад страны и «лимитрофизация» ее отдельных частей.

При этом утилитарная польза от такого стратегического поведения для «социальных организмов» (в отличие от биологических) совсем неочевидна. В исторической ретроспективе можно указать на большое число примеров наступления быстрых катастрофических результатов использования стратегии «умиротворения» (взять хотя бы тот же «Мюнхенский сговор). Таким образом, в условиях, когда базовая поведенческая стратегия Западного мира в деле обеспечения безопасности состоит в том, что «гарантия мира –

закопать топор войны вместе с врагом», эффективность стратегии «умиротворения» даже в краткосрочном плане весьма сомнительна.

Надо сказать, что «умиротворение» и изначально-то не намного дешевле сдерживания, а разжигая аппетит умиротворяемого, мы рискуем на круг заплатить и дороже. Как говорил по сходному поводу У. Черчилль: «если страна, выбирая между войной и позором, выбирает позор, она получает и войну, и позор».

Следует кратко остановиться на содержании второго кластера возможных поведенческих стратегий (стратегическое сдерживание).

Надо отметить, что усилиями многих «ВИП-аналитиков» из так наз. «экспертного сообщества» (ИСКАН, ИМЭМО, ИНСОР и др.) он радикально деформирован и сведен к некому слабоидентифицируемому конструкту «ядерное сдерживание». Указанный конструкт, в свою очередь, с использованием технологий «ложного доказательства» ими же подвергается непрофессиональной, но «убедительной» для довольно значительного числа непосвященных критике.

Вместе с тем, «стратегическое сдерживание» является одним из способов управления международными конфликтными отношениями на «латентной», «демонстрационной» и военной фазах международного конфликта, специфической формой рефлексивной политики в области обеспечения безопасности страны. Что касается ядерного фактора сдерживания, то ЯО является одним из подклассов из гиперкласса «оружие», входящим в состав экстремальных средств направленного действия на участников межгосударственных конфликтов.

Основная идея, лежащая в основе современного подхода к стратегическому сдерживанию, состоит в переходе от анализа фактического наличного (явная или скрытая враждебность, очевидные угрозы и намерения, располагаемые силы и средства) **к анализу возможного**. В существующих условиях это может быть обеспечено переходом к быстродействующим и широкомасштабным механизмам контроля ситуации, выработки и

реализации решений. Стратегическое сдерживание как идея прошлого столетия становится одной из важнейших функций такого механизма.

Стратегическое сдерживание в современных условиях быстрой милитаризации мира и подготовке «Большой войны», накопления напряжения и неустойчивости в мире становится более важным средством, чем в период гонки вооружений, когда оно впервые было предложено. Оно должно рассматриваться не только как средство деэскалации конфликтов различной интенсивности**,** но и как средство, дающее **время** и оперативный простор для подъема сознания субъектов.

Поэтому стратегическое сдерживание, прежде всего, должно быть адекватным состоянию субъектного мира и тенденциям его развития.

Сегодня Россия ставится перед выбором одной из двух вышеупомянутых (принципиально различных) поведенческих стратегий.

Оптимальной поведенческой стратегией России в ближней и среднесрочной перспективе (позволяющей выиграть время) представляется политика **активного нейтралитета** (опирающаяся на механизм стратегического сдерживания), фундированная в том числе и **силовым фактором**.

Не вступление в некое «евроатлантическое сообщество безопасности», а мобилизация сил, составляющих оборонный и экономический потенциал страны, может обеспечить невовлечение России в будущую «большую войну».

В складывающихся условиях для России целесообразно не снижение, а повышение потенциала стратегического и регионального сдерживания. Не демобилизация, проводившаяся ранее российской стороной «под флагом» реформирования Вооруженных сил, а **мобилизация сил, составляющих оборонный потенциал страны, может обеспечить невовлечение России в будущую «большую войну».** В противном случае России опять, как и в XIII веке, суждено стать «демпфером-поглотителем», в котором рассеется энергия натиска «восставшей Азии» на Европу.

Вторая технология опирается на создание геополитической конфигурации по типу Евразийского союза, что позволит оттянуть непосредственное вступление России в войну. Это возможно обеспечить за счёт кратного роста коалиционного могущества и создания буферных пограничных зон, т.к. боевые действия в них, по опыту прошлых войн, могут и не перекидываться на территорию метрополии, и это является ключевой внешнеполитической задачей.

Непосредственно в предвоенный (угрожаемый) период любые изменения сферы влияния держав будут рассматриваться как непосредственная и прямая угроза остальным игрокам и могут заканчиваться опасным военно-политическим противостоянием или военным конфликтом. По существу, для России выбор заключается только в том, формировать ли русский военно-политический блок сейчас, включая в него Новороссию, имея относительную большую свободу манёвра, или позже, уже в цейтноте, под действием обстоятельств непреодолимой силы, или прямо в военных условиях, под бомбами, «не считаясь с жертвами». Но возможности для такого относительно благоприятного, в духе последней грузинской компании переформатирования нашего пограничья, уменьшаются с каждым днём.

Третья технология «захвата времени» опирается на долгосрочное стратегическое планирование с «горизонтом планирования» в пределах либо «большого кондратьевского цикла», либо «будановского ритмокаскада развития России» /54, 55/ (уж как получится).

Учитывая большой «горизонт планирования», для формирования рациональной стратегии целесообразен адаптивный подход, при котором «стратплан» должен содержать:

а) инвариантное «ядро» стратегий,

б) адаптивное дополнение.

Элементы методологии стратегического планирования представлены в Приложении 1.

На «тактическом» уровне планирования необходимо научиться формировать отечественные циклы «НОРД» (противодействия «циклам Бойда») /20..22/.

Вместе с тем реализация долгосрочного стратегического планирования невозможна без:

а) наличия в России «субъектов стратегического действия (по А.Фурсову и В.Лепскому) /56, 57, 58/;

б) «концептуальной власти» (в СССР соответствующим аналогом выступала КПСС, в США – сеть «фабрик мысли», закрытых клубов, лож и т.д.).

«Единая Россия» как концептуальная власть не состоялась. Поэтому целесообразно использовать «западный опыт» и положить в основу будущей концептуальной власти сетевую организацию неправительственных организаций – целеустремленных стратегических центров России. Это разработчики стратегических ориентиров, проектов, главные функциональные единицы сетевой организации, включающей, в том числе, проектно – технологические стратегические центры, интеллектуальные стратегические клубы. В настоящее время к числу целеустремленных стратегических центров уместно отнести «Изборский клуб», «Зиновьевский клуб», клуб «Сталинград». В роли «смешанных» стратегических центров хорошо себя проявили Ассоциация Аналитики, Институт экономических стратегий и др. Важную роль в деле становления сети целеустремленных стратегических центров может сыграть и РПЦ.

Вместе с тем, следует отметить, что пока не ясно, кто может (и должен) заняться координацией, стимулированием и поддержкой механизмов сетевой самоорганизации стратегических центров.

Говоря о технологиях «овладения временем», необходимо отметить следующее. Время – это достаточно сложный в научном отношении концепт, сложность которого проявляется, в первую очередь, в его многоаспектности. Например, в греческой мифологии различалось три вида (составляющих

аспекта) времени: *хронос, циклос* и *кайрос*. И понятно, что каждое из них комплексно – по-своему выражает некое единство именно своего содержания и форм его раскрытия. Хронос (метрологическое время) имеет количественный линейный характер и направлен из прошлого в будущее. Циклос характеризует последовательность событий на бесконечных витках развития. Как отмечал в этой связи С. Курдюмов: «Фундаментальный принцип поведения сложных систем - это периодическое чередование стадий эволюции и инволюции, развертывания и свертывания, взрыва активности, схождения к центру, интеграции и расхождения, дезинтеграции, хотя бы частичного распада. И здесь существуют глубокие аналогии с историческими свидетельствами о циклах процветания и гибели цивилизаций, с циклами Н.Д.Кондратьева (Жугляра и др.), колебательными режимами Гелбрайта, этногенетическими ритмами Л.Н.Гумилева». Кайрос имеет **качественный характер благоприятного момента**, когда нужно действовать, чтобы достичь успеха. Кайрос — неуловимый миг удачи, который всегда наступает неожиданно, и поэтому им очень трудно воспользоваться. Сущность кайроса состоит в том, насколько с пользой вы тратите время. Этот бог (Кайрос) был очень почитаем у древних греков. Он изображался с прядью волос на голове — только за этот локон и можно ухватить неуловимого крылатого Кайроса. В руках он обычно держит весы, что символизирует справедливость судьбы, посылающей удачу тем, кто это заслужил.

Как «овладеть» хроносом мы уже описали выше.

Для «овладения» *циклосом* выше нами было предложено осуществлять стратегическое планирование в соответствии с будановскими ритмокаскадами России (см./54, 55/).

Что касается «овладения» *кайросом*, то здесь нет и (скорее всего) не может быть готовых рецептов. Нельзя исключить, что решающим фактором здесь может быть гений лидера (как это отмечал Карл фон Клаузевиц). Вместе с тем, на возможность создания таких технологий управления намекает С.Переслегин (его «стратегия чуда») /59…61/. По С.Переслегину

«чудом называется всякое боевое столкновение, исход которого столь сильно отличается от «нормального», что это не может быть объяснено с точки зрения статистической модели….Как правило, оно означает также, что одна из сторон овладела искусством безошибочных действий и научилась **управлять вероятностями событий**». Однако конкретных рекомендаций по указанным технологиям в его работах не приводится.

Как представляется, в основу указанных технологий может быть положен «метод русел и джокеров», разрабатываемый в ИПМ им. М.В.Келдыша РАН в рамках совершенствования аппарата моделирования нелинейной динамики сложных систем, когда размерность модели велика (см., например, /99/). Схематично указанные технологии можно охарактеризовать следующим.

Ряд актуальных и важных задач нелинейной динамики связан с построением модели, предсказывающей состояние системы на основе известной предыстории поведения объекта. Между тем, известно, что аппарат нелинейной динамики при решении задач такого рода наиболее эффективен в случаях, когда размерность модели невелика

Задачи большой размерности (а именно они и представляют практический интерес) можно решать, используя тот факт, что фазовое пространство динамических систем зачастую неоднородно: состояние системы в определённых областях фазового пространства может быть с приемлемой точностью охарактеризовано небольшим количеством переменных, описывающих «*проекцию малой размерности*».

Возможны достаточно сложные случаи, когда «проекции малой размерности» могут использоваться в ограниченных областях фазового пространства, причём в разных областях проекции необязательно одинаковы. Такие области было предложено называть *руслами /99/*.

Достаточно ясно, что понимание, на основе которого можно принимать решения, дают только простые модели. Необходимость решения задач в реальном времени делает ограничение на размерность модели ещё более жёстким. На практике, чаще приходится выбирать проекцию для какого-то конкретного вида задач, оговаривая область её применения – определять русла.

Области, в которых построение проекции малой размерности не представляется возможным, именуются *джокерами*. Поведение системы, находящейся в области джокера, отличается сложностью, непредсказуемостью и разнообразием, вследствие чего приходится использовать вероятностные методы и/или простые приближённые правила, определяемые эмпирически либо из общих соображений /99/.

Джокер представляет собой правило или алгоритм определяющий поведение объекта (управления) на некотором подмножестве фазового пространства (*области джокера*), в котором **неопределённость в поведении объекта резко возрастае**т. При попадании «изображающей точки» (описывающей поведение изучаемой системы) в область джокера, происходит его *срабатывание* – задействуется соответствующее правило (алгоритм).

Здесь необходимо отметить следующее. Одним из ключевых понятий науки XXI века стало понятие бифуркации (от французского – раздвоение, ветвление). Формально, математически, это изменение числа и/или устойчивости решений рассматриваемых уравнений при изменении параметра. Однако, это понятие переросло рамки математики и стало использоваться и в гуманитарных науках, вошло в массовое сознание. В более широком смысле под бифуркацией понимается потеря устойчивости прежней траектории, по которой развивалась рассматриваемая система, и появление новых возможностей (или исчезновение тех, которые были).

Именно в точке бифуркации система «определяет своё будущее». В этой точке **малые воздействия могут задать сценарий дальнейшей эволюции (или революции) объекта управления.**

Переходя на тезаурс, предложенный С.Переслегиным /59…61/ решения, сформированные на основе результатов моделирования в области русел могут быть определены как «аналитические стратегии» /59…61/. Решения, связанные с «генерацией» джокеров (поиском и использованием **«победных бифуркаций»**) рассматриваются как «неаналитические стратегии» /59...61/.

Выбор конкретного используемого джокера: *первого рода (точечного), второго рода (двухточечного), третьего рода (непрерывного), мерцающего непрерывного джокера, мерцающего точечного джокера /59..61/* и способы их практической реализации в поведенческих стратегиях связанных с управлением межгосударственными конфликтами выходят за рамки рассматриваемой работы и вообще «открытого» обсуждения.

Вместе с тем любопытно отметить следующий факт. В попытках «овладеть кайросом» крупные политики (и не только) часто прибегают к «услугам метафизического плана» и, в частности, руководствуются мнением астрологов.

Ярким примером является Рональд Рейган. Он во всем доверял собственному астрологу (это была женщина — Джоан Куигли). Джоан Куигли составляла для Рейгана астрологический календарь.

В соответствии с календарем руководитель аппарата Белого дома планировал публичные выступления американского президента и его переговоры с иностранными державами.

Конечно аналитикам работающим в «классической» научной парадигме трудно оценить фактическую результативность такого способа формирования рациональных поведенческих стратегий, но то, что в результате, Рейган не только руководил Америкой два срока, но именно при

его деятельном участии была разрушена СССР заставляет сходу не исключать из рассмотрения «нетрадиционные» технологии «овладения кайросом».

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо отметить, что, по мнению ряда экспертов, для России представляется благоприятный момент для «овладения кайросом». Этот момент непосредственно связан с 70-и летием Великой Победы.

Здесь очень важно успеть сделать «передачу эстафеты», то есть «потенциала победы», с его последующим прорывом через определенное время в сфере науки, культуры, техники и т.д.

Передача делается не только в виде энциклопедий, сайтов, книг и телевизионных шоу. Она должна осуществляться также в виде понятных архетипике бессознательных символов, образов и знаков.

Кроме того необходимо отметить следующее. Сейчас также наступил благоприятный момент для организации рефлексивного управления противостоящими «акторами» межгосударственного конфликта (по В.Лефевру), например, путем «передачи своего «видения доктрины» и «взглядов на плацдарм» /64/. Здесь в принципе возможен своеобразный «трехэтапный» информационный посыл.

Первым могла бы стать соответствующая речь национального лидера 09.05.2015г. Было бы очень символично, чтобы она была произнесена именно с трибуны Мавзолея (как в 41г.). К сожалению этот сильный шаг не был сделан.

Вторым (по мнению военных китаеведов) может стать сентябрьская речь в Пекине.

Лейтмотивом «майской» речи могло бы быть развитие статьи «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России» с посылом: «Если завтра война…..будем сегодня к походу готовы». «Пекинская» речь может быть произнесена как продолжение «Мюнхенской» речи.

Завершить информационное воздействие может речь с трибуны Генеральной ассамблеи ООН (сентябрь).

Указанный «информационный посыл» может стать дальнейшим развитием цикла предвыборных статей нашего лидера, в том числе в направлении их актуализации применительно к «текущему моменту», появлению новых вызовов и угроз России и предложений по направлениям их парирования и консолидации народа, формированию «оборонного мышления». Необходимо отметить также, что сейчас появляется возможность «реинкарнации» уже подзабытой политики «мирного сосуществования» 60-х годов, тем более что теперь она адекватно фундируется российским ядерным потенциалом. В этой связи в Нью – Иорке может быть предложен выход из складывающегося «военного мэйнстрима» - озвучена новая программа мирного сосуществования (своеобразное продолжение идей 20го и 22го съездов КПСС, но на новой концептуальной основе).

> **СПРАВОЧНО.** Политика «мирного сосуществования» - тип отношений между государствами с различными общественными строями, которые предполагают: отказ от войны, как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путём переговоров, а также соблюдение других принципов в отношениях между государствами, закреплённых в международно-правовых документах.

Следующей по важности стратегической проблемой является **национализация рубля и монетизация** (*демонетизированной!)* **экономики** как одно из важнейших условий построения **экономики Победы.** О важности решения этой проблемы свидетельствуют следующие факты:

1. Политика Центрального Банка довела Россию до уровня Папуа-Новой Гвинеи. К началу 2014 году в России уровень монетизации экономики — отношение денежной массы к ВВП — составил 47,1%. Примерно такой же уровень монетизации экономики в Папуа-Новой Гвинее (52%) и Парагвае

(46%). Это значительно меньше, чем в остальных странах БРИКС. Так, в Бразилии монетизация в 2013 году составляла 81%, в Индии — 76%, а в Китае — 195%. Развитые страны Европы (Италия, Великобритания, Франция, Германия, Австрия) имеют уровень монетизации 150%...175%.

2. Как большое достижение представляется понижение кредитной ставки ЦБ в России аж до 12.5%, (что все равно остается практически «запретительным» уровнем). Для справки:

а) кредитная ставка ЦБ в Швеции понижена до **-0.25%** !!! (ранее составляла **- 0.1%!!!)**

б) кредитная ставка ЦБ в Германии составляет 2.64%, во Франции – от 2.1% до 3.75% (в зависимости от вида кредита) и т. д.

Вместе с тем, очевидно, что чем выше монетизация, тем больше денег у банков, чтобы давать кредиты обычным гражданам (например, на покупку дома) и предприятиям (на модернизацию производства). Если денег относительно ВВП в экономике мало, то кредиты становятся слишком дорогими, предприятия не могут нормально развиваться, создавать новые рабочие места и модернизировать производство.

Но вместе с тем, из-за дефицита денежных ресурсов доступность банковских кредитов как для бизнеса, так и для населения остается низкой, а стоимость привлечения средств продолжает расти.

В итоге рост ставок по кредитам, с одной стороны, повышает издержки и вызывает стремительную потерю конкурентоспособности российского бизнеса, а с другой стороны, препятствует увеличению потребительского спроса. Темпы экономического роста в стране в такой ситуации могут только падать, что и происходит в российской экономике.

Рост стоимости кредитов ведет к ухудшению финансового положения заемщиков и снижению объемов внутреннего спроса в экономике.

Нам объясняют, что монетизация Российской экономики неизбежно приведет к сильной инфляции. Сторонникам данного утверждения предлагается ответить на «наивный» вопрос - **ПОЧЕМУ?:**

а) в 90-е годы политика искусственного «сжатия» в России денежной массы (на уровне всего лишь 25% от ВВП) никак не смогла ограничить инфляцию, которую образно называли «галопирующая», «гиперинфляция»?!

б) в развитых странах Запада при не менее чем 100% уровне монетизации инфляция составляла:

а) в Германии (за последние 10 лет) от **-0.2%** (в начале 2015г.) до 3.2% (в 2007г.)

б) в Великобритании (за последние 10 лет) от **– 0.8%** (в начале 2015г.) до 4.1% (в 2011г.)

в) во Франции (за последние 10 лет) от **-0.25%** (в начале 2015г.) до 3.2% (в 2007г.)

г) в среднем по Евросоюзу (за последние 10 лет) от **– 0.1%** (в 2014г.) до 3.2% (в 2007г.) и т.д.

Сторонники сохранения низкого уровня монетизации экономики игнорируют тот факт, что инфляция в России по большей части **носит немонетарный характер**, то есть образуется не просто от того, что денег в экономике слишком много, а по целому ряду других причин (это, например, рост тарифов на электроэнергию, газ, топливо, потеря доверия к государству («психологический компонент» инфляции) и т.д.). В целом, по разным оценкам, доля немонетарной инфляции в России в последние годы была довольно высока — около двух третей. Поэтому ограничение денежного предложения — это неэффективный способ для борьбы с инфляцией в России. Более того, ограничение денежного предложения вредно для экономического роста.

Монетарная политика ЦБ, сливаясь с антироссийскими санкциями способны дать **разрушительный синергетический (усиливающий) эффект,** характеризующийся тем, что их совместное действие будет существенно превосходить эффект их простой суммы. Здесь необходимо отметить, что если до сих пор платой за упрямое следование монетаристским догмам было падение производства, деградация экономики (в том числе

структурная), то с санкционным пресечением внешних источников кредита под угрозой само существование российской экономики в ее существующей модели.

Вместе с тем, авторы прекрасно понимают, что если вот так взять и сразу «накачать» экономику деньгами, то, по всей видимости, будет только один вред. Их, скорее всего, просто разворуют и выведут из России. Практика крупных инвестиционных проектов последнего времени (Олимпиада, подготовка к Саммиту АТЭС во Владивостоке и др.) показывает, что отлаженная система «финансовых пылесосов» способна эффективно в больших масштабах изымать деньги у государства.

В свете вышесказанного необходимо отметить, что задача национализации рубля и монетизации экономики потребует:

- введения новых финансовых технологий,
- новой системы контроля,
- обеспечения «готовности» экономики и, в первую очередь, **«личной годности человеческого материала»** (по П.Б.Струве), составляющего менеджмент предприятий и организаций.

Иначе говоря, решение рассматриваемой проблемы связано с принятием ряда принципиальных «обеспечивающих» решений, которые должны в первую очередь исключить «эффект Черномырдина» (хотели как лучше, а получилось как всегда).

Во – первых, Центральный Банк должен стать государственным (как ближайшая стратегическая цель его развития). Предлагая данную меру, авторы не в последнюю очередь исходили также и из того, что вызывает большие сомнения - а будет ли безальтернативно пророссийской возможная позиция Центробанка в «особый период» и во время войны («на чьей стороне» может оказаться Центробанк в условиях жесткого конфликта?)?. По крайней мере, при желании менеджмент Центробанка имеет формальную возможность иметь (и проводить) особую позицию не вполне ориентированную на потребности «экономики победы». В свете

вышесказанного следует помнить, что сейчас Центробанк в определенной мере подчинен США через механизм обязательств МВФ и ФРС /65/. Однако, авторы понимают и опасности такого решения, связанные в первую очередь с тем, что в условиях всевозможных исков к российской стороне (которые мы, как правило, проигрываем) возможна крупномасштабная «экспроприация» ресурсов Госбанка, до которых противостоящая сторона конфликта может «дотянуться». Здесь условная «Нога», Польша и всевозможные лимитрофы (из бывшего СССР и стран соц. Содружества), которые продекларировали огромные финансовые претензии к России (как к правоприемнику СССР) могут получить не только «уши» от соответствующего осла (как на тему претензий остроумно заметил наш национальный лидер), а и реальные деньги. Сегодня мы уже имеем возможность наблюдать как по иску компании «Юкос Юниверсал Лимитед» наложен арест на российское имущество в Бельгии. Речь идет об иске экс-акционеров ЮКОСа на 1,6 миллиарда евро. Пошла «цепная реакция» арестов госимущества и в других странах. Кстати, любопытно отметить, что Россия почти непосредственно перед началом Первой мировой сумела провести блестящую операцию и изъять («прямо под носом») у стран Германо – Австрийского блока свои финансовые ресурсы.

Сегодня же, в условиях подготовки Запада к «большой войне» с Россией Центробанк ведет себя по меньшей мере «странно». Вслед за Минобрнауки, которое (по нашему мнению) в 2013г. в рамках так называемого «всероссийского научного аудита» (проводимого консалтинговой компанией Pricewaterhouse Coopers / 102 /) по сути дела могло способствовать передаче американской стороне критически важной информации о потенциале всей российской науки, Центробанк в 2015г. привлекает для управления рисками американскую консалтинговую компанию Oliver Wyman. Это следует из распоряжения № Р-601 председателя Центробанка Эльвиры Набиуллиной, пишут «Известия» /103/. Теперь любое подразделение российского регулятора обязано в трехдневный

срок предоставить отчет по требуемому запросу, а в самом Центробанке предусмотрены некие **«интервью» с сотрудниками** – как утверждается, «для оценки существующей системы управления рисками». Учитывая последние тенденции в санкционном противоборстве с Россией, приглашение «экспертов» из США порождает больше вопросов, чем ответов. Как отмечают аналитики из Бюро информации Notum, по сути**,** система «управления рисками» (разрабатываемая Oliver Wyman) «являет собой механизм контроля за основными ресурсами всей национальной банковской системы. Тот, кто имеет возможность получать информацию обо всех процессах, протекающих в работе ЦБ РФ, может легко просчитать стратегию и при необходимости вмешаться, соблюдая некий интерес»**.**

Проще говоря, можно сделать вывод, что Центробанк, нанимая американских «специалистов», **пускает за пульт управления российской экономикой чужого диспетчера.** Возникает законный вопрос - в чьих интересах будет действовать такой диспетчер?

Что касается возможных возражений по поводу «независимости» Oliver Wyman, то здесь необходимо отметить следующее. Как объявила американская сторона (соответствующим Меморандумом министерства юстиции) - санкции - это ключевой механизм защиты интересов США. Для тех организаций, которые будут идентифицированы как нарушители санкций, предусматриваются наказания. В число наказаний входят и колоссальные штрафы - до $9 млрд. В этих условиях полагать, что американские компании будут рисковать и консультировать объективно и независимо, «это (как утверждал наполеоновский министр юстиции Антуан Буле де ла Мерт) хуже чем преступление, это большая ошибка».

СПРАВОЧНО. «Банковская глобализация» и участие в ней Центробанка приобретает в России уже совсем гротескные формы.

В отделения Сбербанка поступили новые коллекционные монеты. Первая посвящена Новосибирску. На реверсе монеты отчеканены мост через Обь и цветной герб Новосибирска. По контуру монеты —

узорный орнамент. На аверсе – портрет британской королевы Елизаветы II !.

Второй выпустили аналогичную монету, посвященную Кемеровской области. На ней — мемориал «Память шахтерам Кузбасса» и механизированный проходческий щит, который используется для создания подземных тоннелей. По контуру — надпись «Кузбасс». На аверсе обеих монет – портрет Елизаветы II!.

Поскольку сбербанк не является эмитентом, то уместно задать вопрос Центробанку – Россия, что уже стала Британским доминионом?!

Для минимизации возникающих рисков возможен и поэтапный переход к «национализации» денег. Сначала параллельно Центробанку на базе Казначейства можно создать Госбанк куда перевести все счета госпредприятий, госкорпораций и вообще всех крупных получателей государственных денег. Госбанк должен иметь возможность непосредственной выдачи **целевых** госкредитов (на обеспечение реального сектора экономики, реконструкцию и развитие) под низкий процент с обеспечением реальных механизмов контроля (см. п/п 7,8). Средства Госбанка должны быть недоступны для их экспроприации нашими зарубежными «партнерами». В дальнейшем возможна «конвергенция» Госбанка и Центробанка.

Что касается комплекса других «обеспечивающих» решений, то представляется целесообразным реализация следующих мер:

1. Банк России должен законодательно отвечать за создания условий для экономического роста и увеличение инвестиций (как наиважнейших, целей государственной денежно-кредитной политики).

2. Обеспечить условия для разрыва между рублевой массой экономики и долларовыми золотовалютными резервами (ЗВР).

3. Принять меры по предотвращению «перетекания» дешевых кредитов в валютные спекуляции, включая прямое запрещение перевода инвестиционных денег в валюту.

4. Осуществить переход в торговле нашими дефицитными (сырьевыми и энергетическими) ресурсами, а также вооружениями не только за доллары, но и за рубли (фундируется выполнение сформулированного выше п.2).

5. Установить реальный жесткий контроль государства за валютными операциями с целью ограничения вывоза капитала и недопущения дестабилизации национальной валюты.

6. Провести **адресную** (безинфляционную) эмиссию и государственных валютных займов. Схемы безинфляционных эмиссионных механизмов хорошо представлены в /67/.

7. Фундировать выполнение сформулированного выше п.3 за счет реализации «политической воли» руководства государства и установления реального жесткого контроля государства за расходованием инвестиционных средств, в том числе путем совершенствования используемых финансовых технологий (например, за счет законодательного введения особого учета и контроля инвестиционных средств путем введения параллельного инвестиционного плана счетов и др.). Здесь может оказаться весьма актуальным и китайский опыт управления финансами в условиях 195% монетизации экономики. Например, проведение сплошного мониторинга финансовых трансакций в том числе и путем введения нулевого налога на трансакции (для обеспечения возможности увидеть реальные потоки) и др.. Адекватные решаемой задаче финансовые технологии можно найти, также, в докторской диссертации В.В.Аладьина «Интенсификация инвестиционной деятельности субъектов Российской Федерации».

8. Ввести валютные ограничения для коммерческих банков вплоть до запрета по покупке валюты за счет кредитов ЦБ (фундируется выполнение сформулированного выше п.3).

9. Законодательно установить ответственность Центрального (Государственного) банка за состояние экономики России и обеспечение экономического роста и др.

10. Существенно и ускоренно увеличить долю золотовалютных резервов (ЗВР), хранящейся в золоте и других драгметаллах, в долгосрочной перспективе создать условия, позволяющие в принципе перейти к золотому стандарту рубля (как стратегическая цель).

В настоящее время доля драгметалла в золотовалютных фондах России составила порядка 10%. Это, конечно, далеко от показателей США, Германии и Франции, где доля золота составляет 70%. Иначе говоря, наши современные золотовалютные резервы в основном хранятся как «фантики» и имеются большие сомнения – сможем ли мы в дальнейшем ими воспользоваться (при необходимости) в условиях постоянного повышения интенсивности межгосударственного конфликта с Западным миром.

Что касается основных возможностей по быстрому существенному наращиванию добычи золота, то они достаточно полно изложены, например, в /104…106/. Любопытно отметить, что среди предложений по основным путям повышения эффективности золотодобычи достаточно часто встречается мысль о смене политики управления предприятиями в направлении замены руководителей – финансистов на профессионалов-геологов. Это еще раз подтверждает выдвигаемое авторами положение, что так называемые «эффективные менеджеры» являются тормозом ускоренного развития экономики.

11. Поскольку, как правило, резкий обвал фондовых рынков вызывают биржевые спекулянты целесообразно ограничить влияние автоматизированной торговли на фондовый рынок. Под автоматизированной торговлей имеется в виду так называемый алгоритмический или высокочастотный «трейдинг» (HFT – трейдинг), который широко используется биржевыми спекулянтами.

Справка: Алгоритмическая торговля или Алгоритмический трейдинг (англ. *Algorithmictrading*) — формализованный процесс совершения торговых операций на финансовых рынках по заданному алгоритму с использованием специализированных компьютерных систем (торговых роботов).

Так называемый «Мгновенный обвал 2010 года» вынудил американских законодателей ввести жесткие правила использования алготрейдинга. В экспертном сообществе многие считают, что такие высокочастотные трейдеры, как, например, знаменитая американская компания Knight Capital, сознательно этот обвал и устроили. И став нежелательными игроками в США, пришли на российский рынок. Что касается хедж- фонда Knight Capital, то в событиях «черного вторника» в декабре прошлого года в России он участвовал /129/.

В середине июня этого года произошла масштабная экономическая катастрофа. Обвалился (упал, рухнул) китайский фондовый рынок, крупнейший в мире центр биржевой торговли.

Кто же мог обвалить китайский фондовый рынок? Китайское руководство обвинило в этом банковский холдинг MorganStanley (http://www.marketwatch.com/story/as-china-stocks-sink-some-accuse-morgan-stanley-other-foreign-forces-2015-07-03).

Нужно сказать, что Morgan Stanley – крупнейший «спекулянт-рецидивист». В ноябре прошлого года подкомитет американского сената обвинил этот банковский холдинг наряду с Goldman Sachs и JP Morgan в манипулировании ценами на товарных рынках /129/.

Что касается Goldman Sachs и JP Morgan, то они действуют на иностранных фондовых рынках исключительно с помощью высокочастотного алготрейдинга, который называют еще квантовым. Вот китайские власти и решили разобраться с этими недобросовестными «квантами», чтобы воспрепятствовать повторению «мгновенного обвала» китайского фондового рынка в будущем. Нет сомнения, что китайцам это удастся /129/.

А вот что касается российского биржевого рынка, то здесь пока больше вопросов, чем ответов. Поскольку алготрейдеры, они же «кванты», по-прежнему присутствуют на ММВБ, то предстоящая осень и зима, когда надо

будет возвращать долги российских «корпоратов» может принести нам неприятные новости /129/.

Для обеспечения экономической безопасности государства и в частности для сохранения устойчивости российского финансового рынка целесообразно резко ограничить (вплоть до запрета) деятельность ряда западных компаний, которые в настоящее время довольно вольготно себя чувствуют в России.

В первую очередь это уже упоминавшийся выше Morgan Stanley – крупнейший спекулянт-рецидивист. Если взглянуть на список акционеров MS, то среди институциональных акционеров мощно выделяются крупнейшие в мире фонды **Vanguard Group, Inc.** и **BlackRock Institutional Trust Company.** Среди акционеров Credit Suisse **- BlackRock, Inc.,** дочка **Blackstone**, 50 процентов акций которой принадлежат «**Vanguard».**

К числу «нежелательных» организаций можно также отнести: фонд SGC , фонд Blackstone (непубличный инвестор (private investment), дочкой которого является крупнейший мировой инвестор «Блэк Рок», компания «Вэнгард» («заслуживает» особо пристального к себе внимания) и все входящие в нее компании, компания CapMan, «Раша Партнерз Менеджмент» (включает Russia Partners I - основана в 1995 году, Russia Partners II – основана в 2004 году и Russia Partners III основана в 2008 году), Siguler Guff & Company /128, 130/.

Говоря об «акторах» ведения «гибридной войны» против России особо следует отметить фонд SGC. Как отмечается в /128/: « Деятельность SGC в России – это первый этап проникновения в страну-мишень и подчинения ее интересам транснациональных корпораций, корпоративного «Доктора Зло».

Вторым этапом будет скупка, как на сегодняшней Украине, стратегических объектов и предприятий, а затем расчленение некогда великой державы на части, на псевдонезависимые «бантустаны».

Это уже фактически произошло на Украине. Это может произойти и в России, если не обрубить щупальца транснационального спрута.

Безусловно, относительно небольшие прямые инвестиции SGC не могут повлиять на корпоративную политику российских компаний. Тут влияние иного рода. Американский спрут «работает» с персоналом этих компаний, в первую очередь с руководителями. Их «поддерживают» с помощью изощренной системы грантов, преференций и бонусов. Так пресловутый «Vanguard» в начале 90-х годов пошлого века высмотрел энергичную госпожу Фадееву, основавшую Vangurd PR и ныне возглавляющую пиар-агентство Fleishman-Hillard Vanguard, внучку транснационального спрута Vanguard.

А ничуть не менее опасный и эффективный, чем Vanguard, фонд Siguler Guff & Company, присмотрел талантливого украинца Сашу Роднянского, который приметил талантливого российского режиссера Звягинцева, направил его творчество в «нужном» направлении и в час «Х» организовал суперфильм «Левиафан», который очень вовремя облил грязью российскую действительность, за что получил высокие международные награды.

Каждое щупальце глобального корпоративного «Левиафана» специализировано, у каждого свой профиль и свой стиль. Но вместе они делают одно общее дело – выстраивают новый мировой порядок, разрушая и захватывая страны-мишени. Сегодня под их прицелом – Украина и **Россия.** А завтра – весь мир…» /128/.

В целом необходимо отметить, что для формирования эффективной (для решения задачи экономического развития) национальной кредитно – финансовой системы, подъема инвестиционной активности в целях модернизации и развития российской экономики, замещения отзываемых вследствие антироссийских санкций внешних кредитов необходима комплексная система мер. Данная система мер хорошо представлена в блестящей работе /67/.

Для обеспечения решения сформулированной выше проблемы национализация рубля и монетизация (демонетизированной) экономики необходимы также серьезные институциональные решения. Здесь

целесообразно обратиться к опыту 1-й Мировой войны и организовать Чрезвычайную комиссию (ЧК) подчиненную лично Президенту и обладающую широкими полномочиями и распорядительными функциями, в том числе по отношению к «силовому» и «экономическому блоку». Мало кто знает, но **первая ЧК** в России была учреждена не В.И.Лениным, а Николаем Вторым, и возглавлял ее не «железный Феликс», а начальник Российской военной контрразведки генерал Н.С.Батюшин! Она называлась «Чрезвычайная комиссия по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта». И возникла она не в последнюю очередь как орган по противодействию в условиях военного времени разрушительному действию «пятой» и «шестой колонн», а также российского крупного капитала и «эффективных менеджеров». По понятным причинам деятельность ЧК усиленно замалчивалась на протяжении всего периода времени после февральской революции. Даже в большом цикле передач (выходивших в 2014г. на различных телевизионных каналах), посвященных 1-й Мировой войне (весьма поверхностно) нашло отражение лишь так называемое «сахарное дело» (типичный пример измены «крупного капитала» и высоких государственных чиновников), а ведь ЧК держала «в тонусе» весь «экономический блок» правительства и значительную часть российского капитала. К сожалению, под давлением сил, имеющих «выход» на Г.Распутина, ЧК долго не смогла просуществовать, но сделано было много полезного.

Ставя вопрос о необходимости национализации рубля, мы отчетливо осознаем все **внешние** угрозы и опасности, связанные с таким решением. Достаточно ясно, что оно представляет прямой вызов благополучному существованию Америки (в том виде, как она существует в настоящее время) как «главнюка» (неологизм М.Задорнова) Мир - системы. Вследствие этого оно чревато резкой эскалацией межгосударственного конфликта. Америка еще может смириться с Крымом и Новороссией, но не стерпит удара по основе ее мировой власти. В мировой практике 20-го века нацистская

Германия смогла провести национализацию своей валюты и монетизацию экономики (т. наз. экономическое возрождение Германии) лишь за счет того, что масон Шахт сумел сыграть на противоречиях масонов – финансистов Франции и Великобритании (это достаточно хорошо описано в мемуарах Шахта). Когда же СССР отказался ратифицировать Бреттон- Вудские соглашения, против него была сразу же развязана «холодная» война, которая не переросла в «горячую» лишь потому, что Советский Союз сумел быстро стать ядерной державой.

Поэтому такой шаг России в процессе организации ее обороны как национализация рубля и монетизация экономики должен быть (по возможности) скрытен максимально по времени, его реализация должна опираться на «стратагемный подход» (в стиле «36 Китайских стратагем» и «Искусства войны» Сунь Бина) т. е. проводиться в стиле «стратагемы цепочки стратагем» /63/. И главное, он может быть сравнительно надежно фундирован только ядерной мощью России!

Надо отчетливо понимать, что периодически возникающие призывы по денуклеаризации России или снижению потенциала ее стратегических ядерных сил (СЯС) и тактического ядерного оружия (ТЯО) ведут ее в том числе и к невозможности стать хозяином собственных денег!

Следующей, по значимости (и «запущенности») после «овладения временем» и «национализацией рубля» как важнейшими ресурсами действия, является проблема формирования **нового модального типа личности** адекватного современным вызовам и угрозам безопасности России.

> **Справочно.** *Модальный тип личности* — это наиболее распространенный в данной социкультурной среде в конкретно-исторических условиях тип личности. Он воплощает в концентрированном виде наиболее характерные личностные характеристики индивидов, формируемые господствующими в этом обществе типами культуры, **мировоззрения, общественных оценок,** социально-экономических условий.

Важность решения данной проблемы можно проиллюстрировать следующим.

Первое. Сто лет назад, после того, как в процессе Великой войны была «выбита» большая часть российского служилого дворянства, Российская империя быстро завершила свое существование и из будущего победителя стала проигравшей стороной.

И наоборот, несмотря на огромные потери кадрового состава армии в целом и ее офицерского состава в боях лета – осени 41г., пришли новые люди, являющиеся носителями нового модального типа личности - «советский человек», и Советский Союз не только выстоял, но и победил.

Второе. Изучая германский феномен «блицкрига» на «междисциплинарном» уровне (в том числе с привлечением самых нетрадиционных источников информации), авторы выдвигают гипотезу, что в его основе лежит не «победоносное» военно – технологическое превосходство Германии над Францией и союзной Великобританией (которого в общем то и не было), не существенное превосходство в оперативном искусстве (действия Роммеля и Гудериана – это зачастую просто авантюра), а ярко выраженное нежелание французской стороны воевать! Есть ли какое - то другое объяснение, например, тому, что Гудериан, далеко оторвавшись от своих войск, с одной лишь ротой охраны берет в плен целый французский полк.

Только новый модальный тип личности у одной стороны и нежелание воевать у другой привел к тому, что 85 немецких десантников смогли захватить форт Эбен-Эмаэль , построенный по последнему слову современной техники и считавшийся неприступным. Гарнизон форта составлял более 1200 человек, имевших многочисленные орудия (в том числе зенитные и **противодесантные**) и пулеметы. При этом немцы не потеряли ни одного человека.

И это не единичные примеры!

Кстати, то же самое можно сказать и про ставший легендой штурм дворца Амина и Израильско – Арабские войны, в основе быстрых побед в которых лежал прежде всего «человеческий фактор».

Давайте вспомним победы японской армии не только над китайцами, а и над англичанами. Крепость Сингапур в условиях английского превосходства **во всех компонентах боевой мощи** была буквально «с ходу» взята японцами, «продравшимися» через джунгли.

Много примеров определяющей роли «человеческого фактора» дала гражданская война! Например, «ледовый поход». Вспомним, в каком соотношении сил (остатки носителей «Имперского» типа личности) Белая гвардия побеждала молодую Красную армию! А в каком меньшинстве успешно воевал под Петроградом герой Великой войны Юденич, а генералы Слащев, Каппель, Дроздовский! Эти примеры можно множить и дальше. Как следует из мемуаров Деникина и других деятелей Белого движения, именно разложение офицерского состава Белой армии в процессе гражданской войны в значительной мере (помимо всего прочего) и обусловило ее поражение.

Необходимо четко понимать, что ни «толерантность», ни «плюрализм» ни «мультикультураизм» и т.д. не обеспечат «годность человеческого материала» к защите Родины, готовность к сверхусилиям, возможность реализации мобилизационной стратегии.

Должны быть сформированы совсем другие навыки общественно одобряемого поведения формирующие потенциального защитника Отечества в том числе и за счет проведения внутренних «бихевиористских интервенций».

Как отмечал в контексте рассматриваемой проблемы П.Б.Струве: «Политика общества и должна *начать* с того, чтобы на всех пунктах национальной жизни противогосударственному духу, не признающему государственной мощи и с нею не считающемуся…. противопоставить новое политическое и культурное сознание. **Идеал государственной мощи** и идея дисциплины народного труда - вместе с идеей права и прав - должны образовать железный инвентарь этого нового политического и культурного сознания русского человека».

Важная задача сегодняшнего дня — научиться конвертировать все более отчетливо проявляющиеся имперские амбиции различных групп населения в координируемые и планируемые экономические, военные и политические усилия, направленные на усиление страны. И первый этап на пути решения этой задачи — осознания всеми слоями общества имперских идей как обязательного атрибута “истинной русскости”.

Сегодня обстановка требует изъятия (путем референдума) из статьи 13 Конституции России положения о запрете государственной идеологии. Сейчас, когда речь идет о выживании России, ей нужна государственная идеология, реализующая «национальную идею» (которую, однако, еще надо сформулировать). Не ясно, правда, как ее реализовывать в условиях фактически расколотого общества. Хотя, необходимо отметить, что в принципе имеются очевидные меры, которые могут дать быстрый эффект по снижению степени раскола общества: развертывание массовой, а не показной борьбы с коррупцией в верхнем эшелоне правящего слоя, урезание и налоговое регулирование сверхдоходов, национализация экспортных отраслей и соответствующее повышение финансирования армии, бюджетного сектора, научно-технического и промышленного развития, системы здравоохранения. Эти меры вполне можно ввести, опираясь на необходимость мобилизации общества в условиях всевозрастающей опасности для страны, а также на пока еще высокий рейтинг президента.

Третье. Как известно, российское руководство прилагает большие усилия в деле перевода страны на инновационный путь развития. Что изменилось за эти годы в данной сфере? Выросли масштабы вкладываемых средств в сотни, а то и в тысячи раз. Поскольку дело не двигается с места, то, очевидно, дело не в деньгах.

Оно в том, что в настоящее время ни большинство населения, ни властная элита, ни государственный аппарат, ни исследователи, ни молодежь не осознают принципиального значения инновационной активности и

модернизации ни промышленности, ни экономики в целом, ни жизненного уклада.

Инновационная активность открыто или неявно гасилась в течение почти 20 лет, и это дало свои плоды. Гайдаровские суждения, что наука у нас серая, и что если что-то понадобится из наукоёмкой продукции, то мы всё купим, проникли в массовое сознание.

Рефлексия, желание заглянуть в будущее хотя бы на 10…20 лет, элементарный здравый смысл многие годы блокируются и государственными органами, и средствами массовой информации. Масштаб этого явления таков, что можно говорить о произошедшей в России ***рефлексивной катастрофе***. Слова президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева об *инновационном пути развития России, о высоких технологиях, инновациях и инвестициях* повисают в пустоте, поразительно быстро забываются, а потом уже воспринимается как привычный ритуал, смысл которого забыт или утрачен.

Но даже если рефлексивная революция произойдет, и тогда дело может не сдвинуться с мертвой точки.

Надо выполнить ещё одно необходимое условие обеспечение безопасности страны, ее развития и технологического взлёта России: ***разработать гуманитарные технологии обеспечения и поддержки большого проекта развития России***.

В отечественной науке сложилось странное и двусмысленное отношение к гуманитарным дисциплинам, к наукам о человеке и обществе. С одной стороны, внешне всё прекрасно - все признают их определяющее значение, «поворачиваются лицом к человеку», вновь и вновь говорят, что «человек - мера всех вещей». Существуют отделение в РАН, гуманитарные факультеты множества университетов, соответствующие специальности многих гуманитарных, а сейчас и технических ВУЗов.

С другой стороны, подразумевается полная неспособность гуманитарного знания внести свой вклад в развитие и конструктивно

участвовать в осуществлении этого проекта. Среди утвержденных Президентом РФ направлений развития и критических технологий нет *ни одной,* касающейся управления обществом, социальных инноваций, сдвигов в массовом сознании, социальной организации и самоорганизации. Другими словами, *имеет место глубокое непонимание ключевого значения высоких гуманитарных технологий.* В то же время без них никакое развитие не состоится, - и это признается растущим числом не только специалистов.

Более того, экономика, технология, реформы в государстве начинаются с изменения представлений о мире, о месте своей страны в нем, роли человека в новой реальности.

Технологии, применяемые в современной России для управления обществом, вызывают сожаление и удивление. По существу, в новой реальности предпринимается политика «переиздать» методы управления, работавшие в советском обществе. Партия «Единая Россия» - бледная копия КПСС. Но без идеологии, большого проекта, организационной структуры она не может успешно исполнять даже нынешнюю скромную роль. Подобие комсомола - «Наши» не состоялось, и, видимо, не может состояться. Успокаивающее, баюкающее, развлекающее и рекламирующее TV – тоже далеко не инструмент развития.

В настоящее время также происходит революция в социально-коммуникативной сфере. Мы вступили в эпоху ***средств немассовой информации.*** В самом деле, конец XX века привёл во многих странах к «аутизации» и «атомизации» общества, утрате «связей с ближними», дефициту внимания и понимания во многих странах и, в частности, в России. Кроме того, в глубоком кризисе оказались российские средства массовой информации. Они утратили, собственно, информационную социальную функцию, заменив её рекламной, развлекательной и отвлекающей. Средства массовой информации сейчас в значительной степени блокируют рефлексию, не создают целостный образ мира и происходящих в нем изменений.

Реакцией на это стало возникновение множества сайтов и порталов («по интересам»), новостных лент, блогов и живых журналов. Появилось и окрепло стремление установить *связи* с *дальними.* С одной стороны, это, безусловно, суррогат личного общения, с другой, - социальный и технологический ресурс, который стремительно растет.

Разумеется, можно отмахнуться и от этой тенденции, и от такого ресурса, связанного с «рефлексивным голодом» (пишущие дневники и письма люди, как правило, больше всматриваются в себя, чем в другого). Можно обратить внимание на молодость пишущих (обычно 19-26 лет), на несерьёзность обсуждаемых тем - музыка, психология, кино, книги. Однако молодые люди имеют обыкновение вырастать, а именно молодежь играет огромную роль в распространении, продвижении и развитии инноваций различного рода. Как раз для нее жизненно важно ***прочертить социальную траекторию*** (личный жизненный проект), связанную с технологическими общественным развитием, с нововведениями. Здесь тоже нужна «рефлексивная поддержка».

В любом случае, как показывают наиболее известные российские форумы, посвященные техническому развитию (например, салон «Инновации и инвестиции» или выставка «Высокие технологии - XXI»), властные структуры опираются на социальные технологии позавчерашнего дня. В то время как в этой сфере более уместно заглядывать в завтрашний и послезавтрашний день.

Новый этап исторического процесса, период сознательного управлении социальными процессами делает глобальные теории в гуманитарной области, создаваемые на уровни строгости естественных наук, необходимым элементом исторической субъектности цивилизации (российской), исходным элементом ее национальной безопасности.

Понимание этого требует существенного изменения отношения к гуманитарному знанию, философским, теоретическим и прикладным исследованиям в области социальных наук.

Необходимо аккумулирование научных, финансовых и технологических ресурсов, **создание системы разработки социальных идей и технологий по типу организации разработок атомного оружия**.

Необходимо изменение всей системы взаимодействия между профессиональными центрами власти, научными и общественными центрами, а также между административно-политическими элементами системы.

Все вместе это позволило бы создать идейные, научные, кадровые и социально-технологические предпосылки и условия сохранения российской цивилизации и ее исторической субъектности на новом переломном этапе исторического развития.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что для формирования нового модального типа личности необходимо:

1. Выдвижение «Проекта Россия» и формулирование (и институализация) обеспечивающей его государственной идеологии.

2. Разработать гуманитарные технологии обеспечения и поддержки большого проекта обеспечения безопасности и развития России.

3. Создание новой системы социализации, адекватной требованиям обеспечения **личной годности человеческого материала** (по П.Струве) **к решению задач обороны страны и ее развития.**

4. Создание сетевой структуры «неоорденского», «неоимперского» и корпоративного типа, объединяющей людей, на деле доказавших свое стремление защищать Россию. Сюда могли бы войти добровольцы, воюющие в Новороссии, проявившие себя ветераны чеченских войн, некоторые активисты «Народного фронта» и др.

Сказанное выше представляет задачи, реализуемые в среднесрочной и долгосрочной перспективе. У нас может просто не хватить времени, поэтому в ближайшей перспективе (сегодня и сейчас) целесообразно сформировать «образ врага» и «включить» механизмы пропаганды для формирования соответствующих архетипов в сознании людей (подробно см. ниже в п.

6.2.3…6.2.5) т.е осуществить внутреннюю «бихевиористскую интервенцию». И никакой «толерантности». Кстати, изначально указанный термин является не социологическим, а биологическим, и следствием «толерантности» является отсутствие реакции отторжения на чужеродный антиген, что, как правило, влечет за собой гибель организма. Поэтому, если мы не хотим гибели нашего социального организма, то (в соответствии с определением) мы не должны быть «толерастами».

С проблемой формирования нового модального типа личности тесно смыкается проблема обеспечения появления в России «субъектов стратегического действия» (ССД). Согласно А. Фурсову, ССД - это «такой субъект, который способен ставить и решать задачи системного и исторического масштаба в интересах русского народа и других коренных народов России, опираясь на традиционные ценности нашей цивилизации, придавая им динамичный, наступательный характер и используя для этой цели и в своих интересах информационно-энергетический (организационный) потенциал, накопленный другими ССД, включая враждебные России и русским».

В этой связи необходимо отметить следующее.

Самый трудный и драматический вопрос обеспечения безопасности и развития России - о субъектах исторического действия, готовых взять на себя бремя ответственности за осуществление намечаемых целей и задач. Имеется в виду наличие и реальное состояние тех общественных и политических субъектов (или претендентов на статус таковых), которые выражают не только желание, но и обладают ***волей и возможностями,*** **чтобы осуществить проект на практике**.

Трудность данного вопроса связана с тем, что общество и страна давно уже поражены болезнью ***бессубъектности,*** поразившей в той или иной степени всех основных участников реформационного процесса (государство, слои или классы, общественные и политические сообщества, институты) /58/. Главные симптомы этой болезни: блокировка рефлексии, неспособность

адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться, отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, *умело* взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Эти симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий значительной части основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками.

Принципиальный вопрос состоит в том, кто готов взять на себя ***роль субъекта*** обеспечения безопасности и развития России. В самом деле, в стране имеет место острейший ***дефицит субъектов, готовых строить свою деятельность*** **с** ***горизонтом прогноза, необходимым для многих принципиальных научно-технических проектов XXI века***.

В России очень велико имущественное расслоение, мал средний класс, верхние 10% населения страны и нижние 90% живут в разных реальностях. Благосостояние верхних 10% связано с присвоением природной ренты, с использованием природных богатств и административного ресурса. Их цель - стабилизировать нынешнее состояние, не дать выйти стране из того тупика, в который она зашла.

Инновации не просто не нужны, а вредны и опасны для этого класса.

Во-первых, развитие и высокие технологии, необходимые для инновационного развития России, **потребуют другой элиты**. Эту придется тем или иным способом «отодвинуть».

Во-вторых, развитие нуждается в ресурсах, а в условиях слабого развития обрабатывающей промышленности эти ресурсы придётся брать в **добывающем секторе**, перераспределять гигантские финансовые потоки.

В-третьих, интересы ориентированных на экспорт производителей и их обслуги самым тесным образом связаны с другими центрами силы – американским, китайским, исламским или европейским. Они обслуживают и поддерживают иные цивилизационные проекты в отсутствие собственного, российского проекта развития. Если он появится и будет всерьёз

реализовываться, то это заставит переоценить прошлое и рассматривать его в совершенно другом контексте, переосмыслить настоящее и, что ещё более важно, увидеть другое будущее, другую реальность, конец нынешнего безвременья.

«Молчаливое большинство» дезорганизовано и по-прежнему является не субъектом, а объектом для манипуляции различных политических сил. Поэтому трудно не согласиться с профессором В.Е. Лепским, полагающим, что центральная проблема, которая тормозит развитие России – ***бессубъектность***.

Уже исследованы и обозначены механизмы появления этой «болезни» и разрушения государственности. Это - **внешний перехват** инициатив в реформировании отечественной экономики путем некритического использования западных моделей (неадекватных российским условиям), затягивания бизнес-сообщества страны в кредитную зависимость от запада, доминанты сырьевой ориентации; создание режима благоприятствования для бурного роста коррупции в системе государственного управления, проникновение в него финансово-промышленных группировок и криминальных структур; ангажирование отдельных лидеров российской системы управления и их использование **для управления страной «извне»**; навязывание либерального императива «невмешательства» государства в социальное строительство. Приходится констатировать, что после развала КПСС и разрушения пусть не самых эффективных, но работающих механизмов принятия и реализации государственных задач и решений, новых действенных механизмов управления страной, а также многосложного общественного хозяйства создано не было.

К сожалению, российские элиты находятся в атрофированном состоянии, страдают низкой общественно-политической культурой. Все более актуальной становится задача формирования и консолидации ***новой элиты***, ядро которой могут составить представители российских элит, не оторвавшиеся от страны и народа, не утратившие своей государственной,

гражданской, культурной и этнической идентичности. В основном это представители научных, культурных и политических сообществ, малого и среднего бизнеса, военных. Именно они призваны формировать идеологию новой России и формировать ориентиры российского развития с учетом лучших традиций прошлого и образов будущего. Эта «роевая» интеллектуальная работа уже медленно, но идет, она находит своих энтузиастов и тоже нуждается в самоорганизации.

Думается, назрела потребность в создании ***Сетевого Клуба становления субъектов стратегического (инновационного) развития*** России, который взял бы на себя функции формирования стратегии обеспечения безопасности и развития России, повышения уровня общественно-политической, управленческой и духовной культуры элиты, стимулирования процессов создания разнообразных институтов гражданского общества, контроля и поддержки процессов выработки внешнеполитических и внутренних долгосрочных целей и решений, экспертизы крупномасштабных проектов, а также цивилизованного давления на власть с целью совершенствования механизмов управления страной. Фактически, речь идет о создании в дополнение (взамен) имитирующей некую деятельность общественной палаты ***второго Контура управления*** Россией, общественного по своей природе и назначению, **реализующего следующие функции**:

1. Стимулирование становления и поддержки стратегической элиты России.

2. Встраивание стратегической элиты в реальные механизмы государственного и общественного управления.

3. Поиск инновационных «системообразующих идей» для стимулирования процессов становления всех типов стратегических субъектов.

4. Повышение культуры правящей элиты в сфере стратегического управления.

5. Максимальное содействия осознанию стратегическими субъектами возможностей современных технологий управления поведением, управления развитием и управления конкурентной борьбой.

6. Содействие превращению современных технологий управления поведением, развитием и конкурентной борьбой в часть общей и управленческой культуры государственного и корпоративного управления.

Создание наиболее благоприятных условий для их быстрого внедрения в практику государственного управления и делового предпринимательства.

7. Разработка и внедрение новой комплексной социальной технологии капитализации психических ресурсов как нового источника сверхвысокой прибыли для частных компаний и банков и количественного стоимостного управления человеческими ресурсами как нового источника развития общества в постиндустриальный период.

8. Содействие внедрению в России новых финансовых технологий (см., например /67/).

9. Создание механизмов реальной включенности граждан и общественных образований в процессы управления Россией.

10. Создание информационной среды становления и поддержки стратегических субъектов в России.

Что касается проблемы «адаматов», которая в настоящее время может рассматриваться как одна из основных в деле обеспечения безопасности страны, необходимо отметить следующее. Сейчас, в преддверии «большой войны», мы уже не можем безразлично относиться к огромному сонму госчиновников достаточно высокого уровня, и крупных бизнесменов, которые вывезли свои капиталы и семьи за границу!

В настоящее время появляется все больше свидетельств того, что жители «Лондонграда», (термин, устоявшийся в российских СМИ), а их, по Британским данным, около 350 тыс., и вывезенные в другие страны и фактически натурализованные семьи из российской управляющей консорции (а также их капиталы) могут рассматриваться за рубежом как своеобразные

заложники («адаматы», если вспомнить обычаи и язык Кавказской войны XIX века). На этой основе у Америки и других стран Запада имеются огромные возможности для успешного отстаивания интересов и проведения своей политики в России!

В свете рассматриваемой проблемы необходимо отметить следующее.

Не тов. Сталин и не Лейба Давидович Бронштейн – Троцкий ввели в употребление концлагеря для некомбатантов. Это Британское изобретение лорда Китченера.

Вспомним англо – бурскую войну. Только интернирование половины всех семей буров сломило их сопротивление (смертность в отдельных лагерях для интернированных составляла до 75%). Американцы спокойно поместили в начале войны 120 тыс. японцев (из которых 60тыс. имели американское гражданство) в концлагеря. Так что угроза интернирования (в день «х») для российских «адаматов» имеет вполне конкретные исторические подтверждения.

Говоря об уязвимости госчиновников достаточно высокого уровня и крупных бизнесменов, необходимо отметить, что в США создана законодательная база, позволяющая проводить широкую экспроприацию вывезенных (не только в США) капиталов.

Кстати первый звоночек уже прозвенел. Согласно данным СМИ власти Испании заморозили банковские счета сотен россиян, живущих в этой стране, за то, что они вовремя не объяснили происхождение своих капиталов.

Кроме того в начале февраля 2015г. уже практически все банки Великобритании приступили к проверке законности доходов своих российских клиентов, массово разослав им письма-требования. Банкиры просят россиян объяснить, откуда и как были получены их средства, которые лежат на счетах в английских банках. Банковские юристы и сотрудники подразделений по работе с клиентами разъясняют россиянам: если веские подтверждения законности получения доходов не будут представлены, то счета будут заморожены, причём для этого даже не потребуется решения

суда. А вот «разморозить» средства на счете и попытаться вывести их за пределы Великобритании держатель счета может только по решению суда.

Ситуация для части держателей счетов в банках «Лондонграда» усугубляется тем, что проверке теперь подлежит не только законность происхождения денег, но и связи держателя счета с теми физическими и юридическими лицами Российской Федерации, которые попали в «санкционные списки» Запада. Здесь необходимо отметить, что при желании любую связь можно «доказать», даже если держатель счета будет утверждать под присягой, что он — идейный борец с «режимом».

Таким образом, в сегодняшней ситуации назрела необходимость вернуть в рассматриваемую сферу политическую волю и ввести запретительные меры для определенных категорий российских граждан по натурализации своих семей, капиталов и имущества за границей.

Упомянутая выше в числе одной из базовых проблем формирования «побеждающей стратегии» необходимость преодоления «запирающих технологий» связана со следующими обстоятельствами.

Сложившаяся за последние 25 лет модель экономики и общества в значительной мере основана на системе внешнего управления со всеми атрибутами полуколонии:

1) запрет на государственную идеологию (ст. 13 Конституции России);

2) приоритет международных норм и законов над внутрироссийскими (Ст.15, п.4);

3) демонетизация экономики, прямая зависимость ЦБ от международных финансовых учреждений;

4) фактическое отсутствие крупного национального бизнеса в условиях, когда свыше 80% всех крупных корпораций зарегистрированы в оффшорах, т.е. имеют фактически иностранную юрисдикцию;

5) «колониальная» система преподавания общественных наук на основе западных методик и учебников, пропагандирующих открыто западные

ценности и западный образ жизни в качестве основы воспитания нашей молодежи.

Как отмечается в /66/ в основе данной модели общества и экономики лежат т.н. «запирающие технологии», которые ставят всю систему государственного управления экономикой, включая и корпоративное управление, в такую форму зависимости, при которой управленцы во всех звеньях экономического и хозяйственного управления в России оказываются в положении «учеников» Запада, делающего нам «прививки» западной демократии.

В этой связи создание «экономики победы» непосредственно связано с радикальными изменениями существующей модели экономики и «национализацией» бизнеса (в том числе и его «деоффшоризацией»). Более подробно проблема «запирающих технологий» рассмотрена в /66/.

6.2 «Мягкая сила», как внешнеполитический ресурс и специфический инструмент «латентного» управления

6.2.1 «Goodwill» - как «нематериальный актив» государства.

Совокупная мощь государства (в том числе его геополитический статус) определяется рядом составляющих, в числе наиболее важных из которых можно перечислить следующее:

• экономическую мощь (включая уровень развития технологий, науки, промышленности);

• занимаемую территорию, включая запасы природных ископаемых, климат, географическое положение и др.;

• население – количество, уровень образования, «законопослушность», а также «ассабийа» Ибн Хальдуна , «нравственная сила» Эмиля Дюркгейма, «пассионарность» Льва Гумилева и «высокая эмоциональная энергия» Рэндалла Коллинза и др.;

• военную (силовую) мощь – размер Вооруженных сил (количество военнослужащих), уровень боевой подготовки, выучка и боеготовность

войск, их духовная и морально-политическая мотивированность к защите Отечества, структуру ВС, современный технический уровень вооружений, уровень развития обеспечивающих подсистем (например, разведка, связь, медицинское обеспечение) и т.д.;

• ***положительный образ государства на мировой арене*** (так называемый «goodwill» – англ. «добрая воля»).

Анализ происходящих в последнее время мировых событий, в том числе связанных с внешнеполитической деятельностью администрации США, дает основания выдвинуть гипотезу о том, что интегральным критерием, на основе которого США будут выстраивать новые механизмы управления конкурентным столкновением, может стать «***стоимость конкурентоспособности***» **страны**.

Стоимостное представление конкурентоспособности регионов и стран исторически берет свое начало в договорах купли-продажи предприятий и выражается указанной выше экономической категорией «goodwill» («гудвилл»).

При этом *свой* ***«положительный образ»*** и соответственно ***«отрицательный образ»*** потенциального *противника* в настоящее время, особенно с учетом бурного развития информационных технологий, *является наиболее легко* ***формируемым и управляемым***. Более того, с экономической точки зрения (при грамотной постановке дела) он может стать еще и экономически выгодным: часть образа в виде кинофильмов, телевидения, печатных и электронных средств массовой информации (дезинформации), произведений культуры и т.д. можно продать, в том числе и вероятному противнику (для подтверждения этой мысли достаточно включить телевизор). Т.е. он может не только быть самоокупаемым, но еще и приносить прибыль.

В качестве аналога «положительного образа» государства можно привести goodwill крупных фирм: «доброе» имя фирмы является важным фактором в борьбе с конкурентами, является основанием для более высоких

цен на продукцию этой фирмы (по сравнению с конкурентной продукцией) и определяет существенную часть капитализации фирмы (т.е. выполняет чисто экономические функции).

Направленность действий администрации США по «выходу» из мирового финансового кризиса дает основание полагать, что будущим источником мировой власти могут стать не только и не столько успехи в гонке материальных технологий. Одним из центральных источников власти субъекта международных отношений, его статусного положения в мировом сообществе представляется ***овладение новой системой технологий управления поведением «акторов» международных отношений***. В отличие от уже существующих (и задействуемых США) технологий управления поведением, новая система технологий может быть очень глубоко переплетена с управлением стоимостью. Точнее, может являть собой гибрид из управления поведением противостоящими «акторами» международных отношений и управления стоимостью «гудвилла» США.

Это обусловлено тем, что в современном мире рост позитивной репутации стран среди критически важных целевых аудиторий представляется не менее важным, чем рост текущих экономических результатов. Поэтому благотворной оказывается даже просто имитация деятельности типа «стремление (продвижение) к всеобщему ядерному разоружению».

В свете вышесказанного направленность ряда внешнеполитических усилий США на международной арене дает основание предполагать, что в их основу положено **«производство стоимости гудвилла».**

Указанная деятельность представляется как процесс создания различного вида **репутационных решений**. При этом задействуются технологии производства новых решений, основывающихся на неклассической («субъект-субъектной») и постнеклассической («субъект-среда») научно-методической базе разработки технологий управления осознанием выбора. Как известно, в рамках постнеклассической

рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация управляемых систем, а «мягкие формы управления» - создание условий для их изменения в нужном для управляющего субъекта русле.

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что после создания новой мировой посткризисной финансовой системы или существенной модернизации существующей значимым источником власти может стать не только неконтролируемая кредитная эмиссия, а интегральная «стоимость конкурентоспособности», не только доллар, но и «goodwill».

6.2.2. Дескриптивный анализ конструкта «Мягкая сила.

Как считается, внешнеполитическим ресурсом и специфическим инструментом «латентного управления» международными процессами, который актуализируется именно в эпоху глобализации, является «*soft power»* («мягкая сила») / 8,9 /. Сегодня данное утверждение приобрело статус «общего знания».

Объектами латентного управления становятся международные процессы и отношения, а также отдельные страны и регионы мира.

Указанное латентное управление имеет свои особенности:

– *во-первых*, влияние субъекта управления конвертируется в мотивацию действия объекта управления;

– *во-вторых*, в явном виде не проявляются формальные институты, методы и рычаги управления.

Вместе с тем, необходимо отметить, что сегодня в научной литературе нет полной ясности, что же такое обозначается конструктом «*soft power»*.

Обычно принято ссылаться на работу Дж. Ная, название которой не совсем удачно было переведено на русский язык / 9 /.

Согласно концепции Дж.Ная, мягкая сила – это производная от трех ресурсов государства: его культуры, политической идеологии и внешней политики.

В мягкой силе в сконцентрированном виде находит свое выражение национальная идея страны и её миссия в глобальном мире.

Совокупность данных факторов способствует созданию привлекательного и эффективного «goodwill» государства.

Однако по поводу соотношения категорий «goodwill» и *soft power* также нет полной ясности, и можно сформулировать **две точки зрения /8/.**

- Согласно первой позиции, *soft power* – это **инструмент** построения«goodwill». Иначе говоря, мягкая сила – это стратегия действия, а «goodwill» – это образ, возникающий в процессе социального взаимодействия, в том числе при реализации данной стратегии.
- Вторая точка зрения рассматривает «goodwill» как **один из компонентов** мягкой силы.

По нашему мнению, все таки более адекватной является вторая точка зрения.

Мягкую силу можно также определить как способность к воздействию влиянием. В этом случае сущность мягкой силы состоит в способности страны оказывать влияние на основе привлекательности, притягательности своего образа («goodwill»).

Согласно Дж. Наю /9/, мягкая сила проявляется как:

– использование нематериальных активов для реализации своих интересов и стратегий в глобальном мире;

– способ достижения желаемого результата внешней политики «мирным» путем.

В / 8 / содержание указанного конструкта определяется шире: мягкая сила – это совокупность внешних и внутренних факторов государства.

К внешним факторам можно отнести следующие:

– внешняя политика и авторитет в международных делах;

– положение в глобальной иерархии и геополитический статус страны;

– цивилизационный статус (во всех странах есть национальная культура, но не все страны являются наследниками конкретной цивилизации);

– политическая и экономическая модель развития государства;

– стратегия развития государства и умение её реализовать на практике;

– информационные ресурсы страны, её коммуникативная мобильность и «расположение» на «Великой коммуникационной магистрали».

Внутренние (социокультурные) факторы представлены следующими параметрами:

– идеология;

– стиль, качество и уровень жизни;

– ценности (в том числе национальная идея);

– менталитет нации;

– культура страны (искусство, литература, киноиндустрия, театр, шоу-бизнес);

– креативный потенциал государства: способность генерировать идеи и технологии, в том числе творческая сила нации.

Согласно / 8 /, возможность реализации мягкой силы основана на принципах симпатии, привлекательности, притягательности, добровольного участия.

Одной из важнейших тактических задач мягкой силы является **создание «аттракции»**, в том числе за счет построения эффективного «goodwill» своей страны и воздействия на объект управления.

Стратегическую цель мягкой силы, учитывая предложенное выше определение, можно определить как мотивацию к действию и принятию политического решения объекта управления через воздействие влиянием.

Наиболее важными инструментами мягкой силы являются:

- инфопотоки;
- политический пиар, ориентированный на зарубежную аудиторию;

- глобальный маркетинг;
- позиционирование страны в глобальной иерархии;
- язык страны и степень его популярности в мире;
- народная (публичная) дипломатия;
- туризм, спорт и культурные обмены;
- система образования и студенческие (молодежные) обмены;
- **способность вести информационные войны;**
- миграционная политика;
- национальная диаспора;
- диалог культур.

В результате эффективного использования инструментов мягкой силы возможно возникновение иллюзии взаимного интереса, доверия, уважения, взаимопонимания и на этой основе создание возможности влияния данного государства на политические и гуманитарные процессы в мире и конкретной стране.

Между понятиями и практикой применения *soft power* и *hard power* существуют значительные различия, анализ которых помогает глубже понять сущность рассматриваемого конструкта.

Так, методами влияния мягкой силы являются: добровольное участие другой страны в основных мероприятиях внешней политики государства – объекта влияния, в его геополитических проектах, принятие общих целей и иллюзия достижения общего результата, интенсивные коммуникативные потоки.

Методы жесткой силы опираются на вооруженное насилие (угрозу вооруженного вмешательства); экономическое давление; шантаж: военный, политический, энергетический, сырьевой, продовольственный и т.д.; подкуп национальной политической элиты.

В государствах «Западного блока» наблюдается гибкий баланс использования методов мягкой и жесткой силы.

Так, способом воздействия на страну-изгой обычно является угроза применения силы; страну-сателлит – вознаграждение, экономические стимулы; а для партнера и союзника возможно применение методов из арсенала мягкой силы, а именно декларирование общих интересов и целей, обещания достижения общего результата с честным разделом преференций.

Воздействие мягкой силы более эффективно, если оно реализуется в формате диалога, который в этом случае является инструментом преодоления барьера взаимодействия.

Но «диалог может быть воспринят лишь в той мере, в какой эта мера сформировалась в предшествующей культурно-исторической традиции».

Поэтому мягкая сила имеет свои пределы. Естественным ограничителем воздействия мягкой силы является культурно-историческая традиция объекта влияния.

Либеральный концепт мягкой силы имеет свои ограничения в незападном мире.

Некоторые составляющие (в формулировке Дж.Ная) мягкой силы не имеют эффективного влияния в странах Восточного мира /8/. В силу особенностей политической культуры стран Востока некоторые политические ценности либеральной демократии, такие как идея либеральной демократии, прав человека и свободы (в западной их трактовке), не находят там поддержки. А вот идея благотворительности и социальной поддержки уязвимых слоев населения (составляющая суть концепции «социального государства») свое понимание там находит.

Ограничительная линия действия мягкой силы проходит по так называемому тектоническому разлому цивилизационных плит /8/. Естественными ограничителями действия мягкой силы являются цивилизационные фильтры и цивилизационные барьеры.

Цивилизационные барьеры производят отбор, «отбраковку» экономических, политических и социокультрных феноменов, наиболее чуждых для цивилизационной матрицы данной страны. Они действуют на

уровне архетипов национального сознания и решительно отвергают те или иные явления экономической, политической или культурной жизни, которые осуществляют экспансию извне.

Там, где заканчивается действие мягкой силы, используются глобальные политические технологии. Однако чаще всего методы мягкой силы и глобальных политических технологий применяются одновременно. В широком смысле слова **мягкая сила есть часть глобальных политических технологий.**

В целом необходимо отметить, что soft power («мягкая сила») не является и не может быть «функциональным заменителем» hard power. Она (soft power) наиболее эффективна как способ управления на «латентной» фазе межгосударственных конфликтов и «не работает» при существенном повышении «интенсивности» конфликта. В целом soft power дополняет hard power до полной группы способов направленного воздействия на «акторы» международных конфликтов.

6.2.3 Пора бы снова «к штыку приравнять перо».[18]

Для достижения своих целей государство всегда выстраивает некую систему действий. Эта система действий называется политикой. Политические действия могут быть краткосрочными, а могут растягиваться на годы и даже столетия, если вспомнить историю Великобритании с её «Большой игрой» или историю Поднебесной с её политикой «бесконечной хитрости» и стратегией «Три Севера, четыре моря».

Хотелось бы обратить внимание на тот очевидный факт, что, инкорпорируясь в мировое экономическое сообщество (чем Россия активно

[18] При подготовке данного подраздела использовались материалы С.Бухарина

занимается в последние 25 лет), надо отчетливо понимать, с чем нам предстоит столкнуться. Ясно, что вступая в так называемый «цивилизованный мир», придется жить по его правилам. А правила эти – жестокие. В этой связи нельзя не видеть, что сегодня основными мировыми «игроками» все в большей степени используется «информационное оружие» как средство направленного действия на конкурирующих «акторов» международных конфликтных взаимодействий. Причем это характерно не только для «военной» или «демонстрационной» фазы конфликтов, но и для **«латентной».**

Необходимо отметить, что несмотря на то, что использование «информационного оружия» относится к так называемым «невоенным» способам управления конфликтами – это особое оружие. Оно способно разделить всех субъектов международных отношений на 2 кластера:

1. «Сильные».
2. Которые скоро будут «уничтожены».

Но ждать будущего – это самая худшая из поведенческих стратегий. Будущее надо активно проектировать. Мы должны учиться и готовиться защищать «свой склад» (40% мировых ресурсов) «невоенными» методами. Поэтому после перехода международных конфликтных отношений «Россия – Запад» в жесткую демонстрационную фазу от руководства страны уместно ожидать выработки новой системы действий, то есть новой политики. Одним из элементов такой политики должна быть и государственная информационная политика (ГИП).

Необходимо сразу оговориться, что в рамках данной публикации мы не можем обсуждать всю информационную сферу. В области нашего внимания оставлен лишь тот ее компонент, который ответственен за управление «гудвиллом» страны и противодействие (в информационно психологической сфере) попыткам его снижения.

В этой связи необходимо отметить следующее.

Исследования РАН показали, что либерально-рыночная система может устойчиво развиваться только при наличии притока ресурсов **извне** (в теории исследования операций это называется «игрой с положительной суммой»).

С завершением глобализации мир «замкнется», все ресурсы должны стать «внутренними». «Игра с положительной суммой» превратится в «игру с нулевой суммой». В этой ситуации неизбежен переход к **распределительной системе** (в мировом масштабе), к глобальному регулированию. Вопрос в том, **на каких основаниях** (для России) будет осуществляться это регулирование. Ответ на него самым непосредственным образом связан с тем, каково будет ее **статусное положение** в Мир-системе. Иначе говоря, для того, чтобы **самостоятельно управлять в будущем потреблением своими собственными ресурсами, Россия должна быть сильной и иметь высокий геополитический статус**.

Как уже отмечалось выше (в п. 6.2.1), мощь государства (в том числе его геополитический статус) определяется рядом составляющих, в числе наиболее важных из которых выступает **положительный образ государства на мировой арене**.

Анализ происходящих в последнее время мировых событий дает основания выдвинуть гипотезу о том, что при управлении процессами «глобализации», т.е направлении их в желаемое (для стран существующего «центра» Мир-системы) русло интегральным критерием, на основе которого Запад будет выстраивать новые механизмы управления конкурентным столкновением, может стать «*стоимость конкурентоспособности*» страны, в значительной мере определяемая ее «goodwill».

А что же Российская сторона? Как организовано противодействие отчетливо наблюдаемой в настоящее время информационной агрессии направленной на снижение ее «goodwill»?

В общем, ситуацию с «goodwill» России, в которую она попала, можно охарактеризовать как **«использование извне потенциала организации-**

объекта управления (России) для действий, которых эта организация в нормальных условиях не стала бы совершать».

В этой связи можно указать на следующий очень характерный пример внешнего информационного управления, цель которого заключается в формировании негативного «goodwill» СССР-России. Здесь объектом информационного управления является ее история и, в частности, история Великой Отечественной войны. Для реализации данной цели задействованы колоссальные административные и финансовые ресурсы – от публичных высказываний первых лиц «демократических» государств и деятельности медиа индустрии до активности множества российских «агентов перемен» (в смысле Д. Ильчмана и Г. Бенквенисте), выступавших не так давно под флагом «десталинизации» - «десоветизации».

В свете этого можно сделать вывод, что наблюдавшаяся относительно недавно (и так и не получившая официальной оценки) кампания по «исправлению» истории Великой Отечественной войны направлена на информационное обеспечение реализации будущего, в соответствии с которым России уготована роль сырьевого придатка экономически развитых стран.

Характеризуя же российскую официальную позицию в данном вопросе (а именно - ее полное отсутствие в течении длительного периода), складывается впечатление, что основные базовые элементы системы формирования и реализации информационной политики попали под действие «психополитической диверсии» (см. ниже).

При этом необходимо четко понимать, что за объявлением СССР равноответственным с Германией за развязывание Второй мировой войны (на которое весьма активно трудятся многочисленные российские «агенты перемен») последуют и соответствующие финансовые претензии. Появится немало стран, которые захотят «заработать» на снижении «goodwill» России, происходящем, в том числе, и в результате деятельности лиц и организаций, финансируемых государством. Занимаясь «десталинизацией» -

«десоветизацией», Россия попадет в положение «унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла» (для справки – на сегодняшний день уже 8 государств официально выдвинули финансовые претензии к России на сумму, превышающую ее стабилизационный фонд).

В то же время необходимо отметить, что Россия в настоящее время не в состоянии эффективно противостоять усилиям по снижению ее «goodwill» по двум причинам.

Во - первых, все наши попытки оказать противодействие информационной агрессии остаются в рамках так называемых технологий информационных войн «второго поколения», в частности, «Доктрины И.Панарина», практическая реализация которой не может быть ресурсно обеспечена. Технологии информационных войн второго поколения эффективны в «стационарной» обстановке. В этом случае решающее значение для победы играет соотношение финансовых ресурсов конфликтующих сторон. Примером технологии информационных войн второго поколения являются технологии так называемых «цветных революций». Россия сейчас не располагает ресурсами, необходимыми для применения данных технологий с целью сдерживания информационной агрессии.

Во - вторых, в тяжелые девяностые годы в России был запущен механизм ее саморазрушения. Наши геополитические конкуренты через систему грантов поддержали и продвинули на ключевые позиции множество лиц, которые ныне в системе государственного управления и СМИ представляют их интересы (а «дети капитана гранта» бесплатно «отца» не предают). Помимо этого, в России при поддержке США и международных неправительственных фондов был создан ряд новых ВУЗов, к руководству авторитетных академических институтов, ВУЗов и кафедр были приведены «агенты перемен» (термин Д.Ильчмана и Г.Бенвенисты), психологически прикомандировавшие себя к Западу. Следует отметить, что фундаментальную и прикладную науку наши геополитические конкуренты редко поддерживают. В сфере их интересов в основном находятся

экономический и гуманитарный циклы обучения и направления «научной» деятельности. В данной сфере готовятся управленческие кадры для государства и бизнеса. Эта сфера формирует ментальную модель россиян (систему убеждений). Лица и организации, представляющие интересы наших геополитических конкурентов, разрабатывают нормативно-правовую и нормативно-методическую базу отечественного образования, поддерживают атмосферу нетерпимости к критике их разрушительной деятельности. **Любая критика расценивается как попрание «свободы» и «демократии»**.

Возникает **парадокс, чем выше темпы экономического роста России, тем больше ресурсов направляется на разрушение общества и государства**.

А как организовано противодействие Российской стороной, информационной агрессии по снижению ее «гудвилла»?

Вот, например, «историк» Н. Сванидзе является председателем комиссии Общественной палаты и членом Комиссии при Президенте РФ по оказанию противодействия попыткам фальсификации истории. Но какие передачи он создает за бюджетные деньги! Как представляли историю России его «Исторические хроники»!? Почитайте публицистику, ознакомьтесь с «научными результатами»», просмотрите телевизионные программы, которые создавали наши ведущие «историки» Ю. Афанасьев, Б. Соколов, семейство Правдюков и прочих. Создается впечатление, что даже (в недавнем прошлом) директор Института истории России РАН, член-корреспондент РАН А. Сахаров по ряду ключевых моментов истории Второй мировой войны не считает необходимым противодействовать позиции В. Резуна (Суворова)[4]. Как было отмечено в работе [4], согласно А.Сахарову: «… наряду с традиционной историографией, не выходящей в основном за рамки официальной версии войны, данной в свое время И.В.Сталиным и последующими партийными документами, разрабатывается и **иная версия о значительной ответственности советского режима за развязывание войны** в рамках реализации концепции мировой революции». Таким

образом, напрашивается вывод, что Российская академическая наука в определенной мере могла быть причастна к «обоснованию» известных положений «Вильнюсской декларации» ОБСЕ. В борьбе за «историческую правду» дошло до того, что академик – «погорелец» Ю. Пивоваров, директор авторитетного академического института ИНИОН РАН, в рамках «научной дискуссии» публично называл православного святого А. Невского («имя Россия», между прочим) «смрадной фигурой» в нашей истории, а русского национального героя М. Кутузова «лентяем» и «эротоманом» [4, 5].

Какой «гудвилл» России создают эти «историки»?

И пока такие люди заседают в «Комиссиях» при Президенте РФ, руководят ВУЗами, академическими институтами, кафедрами, занимаются преподаванием, никакой речи не может идти об организации и проведении в масштабах страны мероприятий по формированию положительного образа России («гудвилла»).

Наша политическая терпимость позволяет «заслуженным либералам» приносить любой вред стране.

Пока действует механизм саморазрушения России, любой рубль, вложенный в проекты, находящиеся под управлением «агентов перемен», наносит ей ущерб.

В связи с указанными обстоятельствами ответ России должен быть асимметричным. В первую очередь, находясь в рамках существующего информационного поля, целесообразно **демонтировать механизм саморазрушения.** Для последующих действий необходимо привлечение технологии информационных войн «третьего поколения» – технологии «интеллектуальных информационных войн», где исход противоборства не зависит от соотношений финансовых ресурсов конфликтующих сторон[1–3].

К таким технологиям, в частности, относятся технологии сетевых войн. Кроме того необходимо отметить следующее. В постсоветские годы из России эмигрировали сотни тысяч интеллектуалов. Они учатся или уже закончили на Западе престижные университеты, защитили диссертации и в

настоящее время весьма успешно делают карьеры в бизнесе и политике. При этом многие из них остаются патриотами своей Родины. По нашим оценкам, через 15…20 лет русские эмигранты займут ряд ведущих позиций в западной политической и деловой элите. При системной работе с русской диаспорой можно решить множество задач в государственных интересах России, в том числе и формировании ее положительного образа. Современные помпезные мероприятия, обозначающие активность работы с «русским зарубежьем», стоят дорого и совершенно не эффективны.

При определенных усилиях с помощью русских эмигрантов можно заставить мир смотреть на Великую Отечественную войну и историю России нашими глазами.

При овладении новой системой технологий управления поведением «акторов» международных отношений с использованием возможностей «мягкой силы» основная деятельность российской стороны сегодня должна быть направлена на демонтаж механизма саморазрушения, **поскольку основные источники угроз ее безопасности находятся в самой России**. Работа в первую очередь должна охватывать сферы воспитания и обучения.

Информационные воздействия, направленные вовне, целесообразно в том числе организовывать и осуществлять через сети русской эмиграции.

Рассмотрим теперь главных субъектов политики Всемирной торговой организации (ВТО) и попытаемся оценить, как они могут реагировать на появление в ней такого субъекта политики как Россия?

На наш взгляд одним из основных противоречий, переводящих межгосударственный конфликт в демонстрационную фазу, станет вопрос сырья и энергоносителей. Россия в своей внутренней политике модернизации изо всех сил пытается «слезть с сырьевой иглы», вернуть себе роль лидера в области наукоёмких технологий и высокотехнологичного производства. США и Китай, напротив, заинтересованы только в российском сырье. Кроме того, у Китая имеется огромный интерес к российской питьевой воде, с которой в Поднебесной огромный дефицит.

В торговые интересы густо замешиваются и интересы геополитические. Достаточно вспомнить стратегию НАТО так сказать для «внутреннего пользования»: «To keep the Russians out, the Americans in, and the Germans down» (что в вольном переводе звучит примерно так: «Держать русских снаружи, американцев рядом, а немцев — под собой»). Или слова З. Бжезинского, одного из ведущих творцов американской внешней политики со времён «холодной войны»: «Долгосрочная политика США в отношении России должна состоять в том, чтобы не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы».

Наш «Великий Восточный сосед» также особо не скрывает своих стратегических замыслов. Принятая в Китае концепция «три Севера, четыре моря» прямо указывает,, что занятый Китаем Центр по закону перемен к 2019 году одолеет "три севера в пределах четырех морей", и тогда "XXI век станет веком Китая". Три севера - это Северо-Атлантический альянс и Россия (разделенный пополам север Евразии) и Североамериканские Соединенные Штаты в Новом Свете.

А Россия при этом провозгласила новую геополитическую стратегию, обозначив свою активную роль в Евразии.

Таким образом, вступление России в ВТО не только не снимет имеющиеся политические противоречия между такими субъектами политики, как РФ, США и Китай, а в чём-то даже их **обострит**, что должно найти свое отражение в новой информационной политике.

Рассмотрим теперь, сколь велик российский сектор мирового информационного пространства.

В качестве примера можно указать, что бюджет одного только информационного агентства USIA, осуществляющего информационное сопровождение внешнеполитического и экономического курса США,

составляет **почти 5млрд. долларов**. Это несоизмеримо больше, чем бюджет Russia Today — («Россия сегодня»), не говоря о бюджете «Голоса России».

РФ практически не имеет иностранных средств массовой информации, выражающих интересы России за рубежом и поддерживающих политику нашей страны, в том числе и в сфере торговли. Российские телеканалы в основном вытеснены с медиарынков даже бывших республик СССР, не говоря уже о большинстве членов ВТО.

Возможности телеканала «Russia Today» по созданию положительного образа государства на мировой арене пока объективно ограничены выделяемыми «ресурсами действия».

Таким образом, российское информационное пространство не сравнимо с пространством, которое охватывают США и Китай. При этом следует учитывать, что «играют» на этом информационном поле американцы и китайцы достаточно давно, а, значит, имеют богатый опыт представления и продвижения своих политических интересов.

В частности, у США имеется богатый опыт проведения информационной политики ещё со времён «холодной войны», **а главное – «ресурсы действия»**.

Информационная политика США в настоящее время тесно увязана со стратегией «ЕВО» («Операций на основе эффектов»). Согласно этой стратегии, нужный эффект достигается применением самых разных действий: экономических, финансовых, дипломатических и силовых. И все эти действия подкрепляются теми или иными информационными мероприятиями.

Информационная политика США в отношении России становится всё более жёсткой и бескомпромиссной. Мало того, против России в настоящее время ведётся настоящая информационно-психологическая война как со стороны Запада, так и со стороны радикальных исламистов. Достаточно вспомнить события вокруг Сирии. По некоторым показателям образ нашей страны, её народа даже в период «холодной войны» был менее негативным,

нежели сейчас, когда страна признала все главные ценности Запада: и рыночную экономику, и политический плюрализм.

И если так, то, как говорят французы: «A la guerre comme a la guerre» - на войне как на войне. Достаточно вспомнить, какая разнузданная информационная кампания была развёрнута в «свободных» и «демократичных» Западных СМИ против России в период войны в Южной Осетии в августе 2008г. И сколько после этого потребовалось времени, чтобы Россию перестали считать агрессором! А что сейчас твориться в Западных СМИ в связи гражданской войной на Украине!

Таким образом, потенциал информационного поля США и Китая несоизмеримо выше российских масс-медиа. У них есть опыт работы в рамках ВТО, да и решимости им не занимать, ведь, как известно, своя рубашка ближе к телу. Что же в ответ делать России в сфере ее информационной политики?

В связи с тем, что «ресурсы действия» в информационной сфере у конкурентов России существенно превосходят наши, то и ответ России должен быть асимметричным. В первую очередь, находясь в рамках существующего информационного поля, целесообразно **демонтировать информационный механизм саморазрушения.** «Самоуважение нам нужно, а не самооплёвывание» (Ф.М. Достоевский).

На современном этапе развития общества, превращения его в общество информационное, к государственной информационной политике необходимо относиться как к одному из базовых факторов обеспечения национальной безопасности страны.

Надо снова «к штыку приравнять перо», уметь управлять «свободной прессой», как, например, это эффективно делали США в период российско – грузинского военного конфликта.

Надо вспомнить также отечественную историю, как формировалась наша информационная политика. Послания И. Грозного и сейчас читаются как репортажи с передовой.

Нужна новая «наука побеждать» в межгосударственном информационном противоборстве. Для действий в информационной сфере необходимо **привлечение технологии информационных войн «третьего поколения»** – технологии интеллектуальных информационных войн, где исход противоборства слабо зависит от соотношений финансовых ресурсов конфликтующих сторон.

«Сопротивляющееся знание» способно обеспечить возможность выработки и реализации различных «побеждающих стратегий» в информационной войне, развязанной против России на основе неклассических и постнеклассических технологий информационного управления (но это предмет отдельного разговора).

6.2.4 Проблемные вопросы работы в информационной сфере[19]

6.2.4.1 Почему мы часто проигрываем информационные войны?

К войне нужно подходить как к искусству. А если война информационная – тем более. Есть поговорка – плохие генералы всегда готовятся к прошлой войне. Об американских «информационных генералах» так не скажешь. Они всегда «впереди планеты всей» по части придумывания новых неизвестных военной науке «информационных блицкригов» и прочих «аустерлицев».

Классическая победа на информационном фронте была одержана коалицией западных стран с Америкой во главе на театре военных действий (ТВД) в Северной Африке и в Сирии.

Не умея сказать свое инновационное слово в части боевой информационной стратегии, наши политологи однако всегда умеют глубоко и всесторонне проанализировать победы заклятых друзей и подвести под них научную базу.

Вот и теперь, тем информационным мероприятиям, которые творили западные страны в ходе панарабских «революций», а теперь реализуют в

[19] При подготовке данного раздела использовались материалы В.Прохватилова

процессе обеспечения гражданской войны на Украине дано название «информационных войн пятого поколения».

Нет, право же наши «эксперты» глубоко копают и литературу постмодернистскую читали. И расставили все войны в мировой истории согласно теории образов и символов некоего Жана Бодрийяра. Войны, скажем первого поколения – они вообще без образов. Дикари просто дубасят друг друга и победитель забирает себе отвоеванную поляну со сладкой ягодой-малиной. Войны второго поколения были в Древнем мире и в раннем Средневековье. Тогдашние информационные образы в целом соответствовали действительности.

Религиозные и идеологические войны (третьего поколения) использовали образы, искажающие действительность. Такими были войны средневековья и все последующие, включения две мировые войны.

Первой постмодернистской войной четвертого поколения стала «Буря в пустыне». Те информационные образы, которые создавались западными СМИ, не имели ничего общего с объективной реальностью. Они ее просто заменяли. Под таким соусом вершились различные «оранжевые революции», пресловутая война «08.08.08», когда обученные американцами грузины наняли бельгийское PR - агентство, снимавшее видеоролики, на которых, скажем, взрывался маневровый тепловозик с двумя прицепленными вагончиками. Западные СМИ тиражировали этот сюжет, утверждая, что русские войска разбомбили пассажирский состав.

А вот в Ливии в ход пошла война пятого поколения, то есть создание копий без оригинала, конструирование образов несуществующей реальности.

Самый смешной пример – в Катаре был построен макет Триполи почти в натуральную величину. Здесь снимались «бои», «манифестации», «расстрелы демонстрантов» и т.д. Арсенал войны пятого поколения весьма широк и разнообразен. Он направлен на создание информационного хаоса, чтобы аудитория вообще перестала отличать ложь от правды.

Необходимо отметить, что раскладки наших политологов «притянуты» к пятиступенчатой символике Бодрийяра. И в иракской войне, и в грузинской, и в африканской информационные технологии были одни и те же. Разница между оранжевой и бандеровской «революциями» на Украине и событиями в Египте, Тунисе и Ливии и Сирии в том, что украинские вожди Кучма и Янукович струсили и отступили, отдав власть оранжевым марионеткам и бандеровцам, а арабские лидеры пытались оказать, пусть в разной степени, сопротивление замаскированной под народное восстание западной агрессии.

Оранжевые революции, рассчитанные на приход к власти ставленников Запада «мирным» путем, сработали в странах, лишенных своей цивилизационной идентичности. В России, Иране, Китае такое не получилось.

И тогда западные технологи разработали эффективнее инновации. Народное «восстание» специально направлялось на провоцирование властных структур, чтобы появились «невинные жертвы» и возникли поводы для вмешательства ООН, а затем и сил НАТО.

В Ливии, Сирии, а сейчас и на Украине, например, скрытые снайперы стреляли в толпы, а западные СМИ обвиняли в этом президента Каддафи, Асада, Януковича. Так же действовали провокаторы и во время событий 93-го года в Москве.

Сирийские власти посадили на крыши домов «антиснайперов», которые отстреливали наемных убийц. Тогда тактика провокаций «пятого поколения» изменилась. Мимо демонстрантов стали проноситься мотоциклисты и бросать бомбы.

Сирия пока что сопротивляется, но явственно видно, как под тяжелым прессингом Запада прогибается чуть ли не единственный защитник сирийцев – Россия. Скорее всего медленно, но верно, США продавят в ООН необходимые резолюции, а затем с помощью изощренных провокаций добьются своего, также как и в Ливии.

И, скорее всего, Сирию и Украину мы потеряем. И это будет большой ущерб нашим интересам

Говоря об организации «побеждающей стратегии» в информационной войне, необходимо отметить, что **единственным театром военных действий, где нет информационного доминирования Запада, является Интернет.** Просто в силу своей природы. За считанные недели бешеную популярность приобрели блоги ряда экспертов, которые самостоятельно докапывались до реальных фактов и событий, происходящих в арабских странах и на Украине, и информировали о них весь виртуальный мир.

Им пришлось нелегко – на войне как на войне. Блог одного из наиболее авторитетных блогеров антизападного направления Саида Гафурова был попросту взломан и уничтожен. Против других экспертов были проведены провокационные акции. Но в условиях отключения на Украине российских телеканалов и блокирования российских СМИ Интернет стал единственным источником объективной информации о событиях в «горячих точках» страны.

Ну что ж, давайте радоваться этому? Выключим телевизоры и припадем к мониторам компъютеров?

Многие люди, уставшие от опротивевшей рекламы, пошлых шоу всех бесконечных «танцев со..» и лживых теленовостей, так и делают.

Но на исход глобального противостояния это не повлияет. **Общественное мнение делают глобальные мировые СМИ и в первую очередь – телеканалы.**

Перед самым началом панарабских революций независимый телеканал «Аль-Джазира» был наводнен журналистами английской национальности, то есть, в сущности, захвачен английской разведкой и резко изменил подход к освещении событий в арабском мире. То есть единственное серьезное информационное оружие арабов было захвачено Западом.

К войне надо относиться не только как к искусству. К войне надо относиться как к войне. Западные СМИ изначально не проектировались как

независимые. Они отражают интересы своих хозяев. То есть это информационное оружие наших геополитических конкурентов, которых мы пока (почему то) называем «партнерами». Есть еще наши отечественные СМИ. Но кто их читает и смотрит, кроме нас самих? Вопрос, что называется, риторический.

Ни одну войну нельзя выиграть будучи безоружным. Значит надо вооружаться.

Для достойного не то что бы противостояния, а хотя бы сдерживания информационной экспансии Запада России необходимо создать глобальный международный медийный холдинг (телеканал, информагентство, газеты, сайты) с участием заинтересованных стран.

Это, в первую очередь, страны Латинской Америки, безусловно Индия и Китай. Такие страны мусульманского мира как Малайзия и Иран. И, возможно, такие как ЮАР. Несколько десятков стран-участниц наберется.

Такой мощный информресурс сможет эффективно противодействовать информационным фантазиям западных империалистов, а по сути неоколонизаторов.

Да и нашим руководителям будет легче отстаивать свою независимую позицию.

6.2.4.2 «Как день грядущий мы готовим?»

Следует признать, что большинство российских чиновников и бизнесменов испытывает страх перед последующей необходимостью реальной конкурентной борьбы с очень мощным рыночным противником. Причем резкое усиление конкурентной борьбы реализуется, в первую очередь, в социально-экономической сфере.

Наши потенциальные рыночные противники достаточно длительное время функционируют в условиях перепроизводства при нарастающем дефиците различного вида ресурсов. Данное обстоятельство приводит к предельному обострению всех форм конкуренции, в том числе с использованием информационной сферы.

Ведущие экономические «акторы» для достижения успеха все интенсивнее используют инструментарий информационного противоборства. У них имеются развитые и хорошо финансируемые организационные структуры информационного обеспечения конкурентной борьбы. Деятельность таких структур синхронизирована с работой национального государственного механизма внешнего и внутреннего политического управления.

В этой связи остро стоит вопрос – как нам достичь превосходства в информационной сфере как важнейшего фактора обеспечения успешной конкурентной борьбы?

Информационные технологии управления, до последнего времени используемые в России, в основном представлены сетевыми технологиями сбора, хранения данных и управления сложными процессами. При этом теория и методология управления конкурентным столкновением, используемая в российской экономической практике, имеет явный постсоветский синдром.

Вместе с тем еще в середине 90-х годов произошла смена парадигмы управления бизнес-процессами. В этот период были воплощены новые технологии управления конкурентным противоборством (см. Т. Коупленд, Т. Коллер, Д. Муррин. «Стоимость компаний: оценка и управление»). Эти технологии являются уже третьей волной (!) информационных технологий, известной как «управление знаниями». Если мы гордимся, что находимся на гребне своей собственной волны, то надо набраться смелости сказать – что это волна не третья и даже не вторая.

Уважаемые менеджеры российских компаний, для вас уже наступил, как говорят военные, мобилизационный период. Как идет ваша подготовка к конкурентной войне? Вы собираетесь узнать своего противника только после того, как его сапог будет топтать вашу организацию? А шансы такие при устаревших технологиях довольно высоки.

Произошедшая смена алгоритмов управления конкурентным

столкновением определяет возникновение совершенно новых целей, сил и средств управления (конкурентным) конфликтом (А.Денисов, 2007г).

Это создает крайне опасные вызовы и угрозы развитию российских компаний. До настоящего времени данный факт просто игнорируется. Гром уже грянул, а вы даже не перекрестились.

Итак, в чем суть новых технологий, с чем они к нам идут.

Инструментарий информационного противоборства в настоящее время обогащен технологиями ***управления жизненным циклом человеческой организации.*** Или, иначе говоря, технологиями управления поведением отдельных людей, социальных групп или целых этносов. Если еще сравнительно недавно считалось, что для того, чтобы вызвать революцию, нужно обладать существенным контролем над СМИ, захватить основные элементы обеспечения жизнедеятельности столицы - мегаполиса и иметь значимые финансовые ресурсы (ресурсы действия), то сегодня это представление нуждается в корректировке. Как показывает описание событий из сборника «Арабские весны», достаточным может быть не размеры финансовых сумм, а наличие группы профессионалов в проведении информационно-психологических операций с использованием новых технологий, отработанных еще в середине 90-х годов в «конкурентных войнах».

Конкурентная война представляет собой крайнюю («горячую») форму экономического конфликта, участниками которого выступают частные компании, при этом «выживание» противника рассматривается как проигрыш.

В отличие от конкурентной борьбы в конкурентной войне не ставится задача «обычного» захвата рынков сбыта продукции, добросовестного или недобросовестного принуждения к слиянию или захвату монопольного положения на рынке. Это пока еще методы «конвенциональной» конкурентной борьбы. В конкурентной войне перед компанией стоит самая радикальная цель - полное функциональное «поражение» компании-

конкурента, т.е. прекращение ею целенаправленной управленческой деятельности.

Арсенал современной конкурентной войны включает в себя в том числе и элементы так называемых «психополитических диверсий» (далее - ППД).

В результате применения ППД у лиц принимающих решения (далее - ЛПР) может развиться временная «деменция», выражающаяся в существенной потере самокритичности мышления, примитивизации высших психических реакций и – как следствие – приводящая к временной утрате способности реальной оценке ситуации, выработке и реализации адекватных управленческих решений (А.Денисов, 2007).

Второй особенностью современных конкурентных столкновений является усиление роли конкурентной разведки. Необходимо отметить, что «конкурентная разведка» существенно отличается от «обычного» промышленного шпионажа в значительной мере использующего агентурные способы сбора информации. Данным конструктом обозначается информационная технология «легального» поиска и анализа прикладных данных в сложно структурированных системах баз данных, позволяющая вырабатывать эффективные управленческие решения.

Сущность конкурентной разведки состоит в поиске, анализе и ***синтезе*** (!) сведений обо всех сторонах жизни гражданина или любой организации в условиях массового распространения фрагментарной информации об изучаемом субъекте. Мы сами (как физическое или юридическое лицо) сообщаем о себе многообразные сведения, которые накапливаются в учетных системах и могут быть целенаправленно обнаружены в различных источниках информации.

Масса такой экономической и социальной информации находится либо в открытом доступе, либо может быть официально приобретена в различных федеральных и муниципальных структурах. С развитием в России процессов создания системы электронных торгов, а также «электронного правительства» информационная среда становится все более благоприятной

для проведения конкурентной разведки. При этом необходимо отметить, что и первичные данные являются полностью открытыми, и методики анализа широко известными и доступными для любого исследователя.

Результаты работы конкурентной разведки могут использоваться, например, в рамках хорошо развитых на Западе (и, в частности, в Великобритании), технологий контроля и управления мультиагентными системами. Интересный факт - к концу 80-х годов СССР занимал лидирующие позиции в данном направлении, однако наши наработки, например, Таганрогского государственного университета, были в начале 90-х приобретены англичанами.

Необходимо отметить, что ценными источниками информации, необходимой для внешнего управленческого воздействия, могут быть обследования российских предприятий, проводимые западными аудиторскими фирмами. Конечно внешний аудит для серьезных компаний – это обязательная практика. Но с точки зрения безопасности, внешнему аудиту должен предшествовать внутренний аудит с обязательным участием службы безопасности организации. Внешнему аудиту – внешние, публичные элементы производства. Внутреннему аудиту – сущностные, внутренние производственные цели, задачи и результаты.

По мнению ряда экспертов, третьей важной особенностью современного конкурентного противостояния, с которой нам придется столкнуться, является скрытое управление поведением.

На рубеже тысячелетий наметился серьезный управленческий кризис, как противоречие между необходимостью быстрого принятия решений и пределом психофизиологических возможностей человека реагировать на масштабные проблемы. Дальнейшее повышение скоростей реагирования превращает ЛПР в наблюдателя за сверхдинамическими процессами. Действительно, садится в вагон скоростного поезда на ходу либо невозможно, либо крайне опасно.

В реальной практике руководитель обычно не имеет времени детально анализировать и проникать в сущность информационных «вбросов», как в сложный механизм реализации тщательно скрываемых замыслов «акторов» информационной войны. Для того, чтобы принимать решения, он использует предельно упрощенные, как правило, поверхностные типовые модели реагирования, взятые извне. Такие специально сконструированные модели «легких» управленческих решений, целенаправленно тиражируемые СМИ, называются архетипами. Внедрение архетипа в сознание ЛПР – это, по сути, программирование его психики (С.Бухарин, В. Цыганов, 2007г).

Таким образом, в современном «цивилизованном» мире серьезная битва ведется в сфере сознания. Сегодня зачастую уже нет необходимости в формировании потоков ложной информации, явного или скрытного принуждения и так далее. Именно это обстоятельство ведет к резкому возрастанию роли так называемых «скрытых субъектов» управления, то есть групп людей, открыто реализующих свои скрытые цели через технологии управления поведением (А.Денисов, 2007г).

Наконец, четвертое важное обстоятельство состоит в наличии возрастающего «тренда» усиления воздействия общественных процессов, влияющих на конкурентные отношения бизнеса через политику. К этим процессам, прежде всего, нужно отнести экологические проблемы, проблемы осознания обществом роли и места рынка, коррупции, сверхнакопления капитала. Указанный тренд сегодня представлен концепцией корпоративной социальной ответственности (ККСО). В качестве примера успешной конкурентной борьбы на базе задействования механизмов ККСО уместно привести следующий пример.

Химические ТНК ICI, Du Pont Co, германская Hoechstag, французская Atochem SA, американская Allied Signal Inc и японская Scowa Denko KK в свое время с энтузиазмом поддержали гипотезу ряда ученых о том, что широко используемые в бытовой химии фреоны, хлорфторуглероды и прочие, так называемые озоноразрушающие вещества несут опасность для

жизни на Земле. Эта гипотеза была поддержана США и Великобританией. В результате в 1989 г. официальными лицами 124 стран был подписан Монреальский протокол, в соответствии с которым до июля 2000 г. на Земле должно было прекращено производство озоноразрушающих веществ. Итогом данной кампании стало обеспечение монополии на рынке хладагентов и огнегасителей для указанных химических ТНК – «друзей озона», которые по сей день, пользуясь сложившейся ситуацией, получают свехприбыль.

Интересно отметить, что впоследствии гипотеза о разрушительном воздействии фреонов на озоновый слой Земли была признана несостоятельной, но дело было сделано. Конкуренты указанных фирм, в том числе в нашей стране, были ликвидированы. Нечто похожее в настоящее время происходит с «Киотским протоколом».

В целом, оценивая сложившуюся для российской стороны ситуацию в сфере конкурентного противоборства, задаешься вопросом «Как школьнику (российской экономике) **драться с отборной шпаной**? («западной экономикой»)» (В. Высоцский, «Профессионалы»).

Пора бы осознать, что все основные «акторы» мировой «рыночной экономики» в своих действиях руководствуется известным «принципом Аль Капоне»: «с помощью доброго слова и кольта (технологий управления конкурентным столкновением) можно добиться больше, чем с помощью «одного только доброго слова». Мы же живем пока по известной формуле - «ни мира не войны, а армию распустить».

Одним из возможных структурно-функциональных путей решения проблемы может быть создание «интеллектуального спецназа», способного в кратчайшие сроки оценить потенциал реального конкурентного противника и предложить оптимальные варианты управленческих решений.

Элементы необходимых информационно-аналитических технологий у нас есть, их просто необходимо «заточить» под специфику предполагаемого рыночного конкурента. Есть у нас и бойцы для ведения интеллектуальных информационных войн. Им также необходимо дать технику для предстоящей

борьбы. Технику, гарантирующую победу в условиях численно превосходящего противника.

В свете этого большое общегосударственное значение приобретает деятельность «Ассоциации аналитика», потенциально способной выступить в роли современного «интеллектуального Шаолиня», по созданию и внедрению в практику деятельности как российских гос. структур, так и бизнеса современных технологий управления конфликтным (конкурентным) противоборством, не только не уступающим, но и превосходящим по эффективности зарубежные.

Вместе с тем, необходимо отметить, что доступ к указанным технологиям основан на доступе к сверхвысококвалифицированным кадрам аналитиков. По существу, освоение новых технологий есть ни что иное, как несколько своеобразная образовательная программа.

Но сегодня таких кадров слишком мало. В России их буквально считанные десятки, а нужны тысячи. Как говорят производственники, «нужны еще вчера». Причем этих специалистов невозможно готовить в рамках существующих университетских программ или традиционных программ последипломной переподготовки. Процесс их обучения очень сложен и специфичен. Этот факт также находится в сфере внимания «Ассоциации….».

В целом в результате деятельности «Ассоциации аналитика» появляется возможность дать адекватный ответ на приведенный выше (риторический) вопрос следующей цитатой из «Профессионалов»: «Но вот недавно их козырь главный уже не козырь, а так, - пустяк, **и их оружьем теперь не хуже их бьют, к тому же - на скоростях» (подавляя «циклы Бойда»).**

6.2.4.6 Информационный комплекс России – проблемы и перспективы.

Уже двадцать лет Россия развивает модель открытого общества с рыночной экономикой, а за рубежом ее по-прежнему представляют в качестве «империи зла» или, по крайней мере, ее наследницы. Этому способствует активный информационный прессинг со стороны США, Великобритании и стран Евросоюза. К ним радостно примыкают информационные подпевалы – страны-лимитрофы из бывшего соцлагеря. При этом к России относятся со смешанными чувствами. Как к стране, проигравшей холодную войну – с презрением и свысока. И как обладательнице крупнейшего в мире ядерного арсенала – с опаской и завистью.

Не имея возможности силой навести в России «новый порядок», как в Югославии, страны Запада ведут изощренную информационную войну против российских властей и в целом России. Мы помним, что такая информационная война во время первой чеченской войны была проиграна Россией. В дальнейшем ситуация была несколько лучшей, но борьба за общественной мнение за рубежом до сих пор оказывается непосильной задачей для нас.

Вот, например, война с Грузией. Россия в ней победила. А в информационной войне проиграла. С самого начала грузинской агрессии информационная спецоперация западных информационных структур против Россией отличалась высокой степенью согласованности действий иностранных СМИ, информационных и имиджевых агентств, которые цитировали, множили откровенную ложь и фальсификации, выставляя Россию агрессором и нарушителем прав человека.

Слаженный ансамбль зарубежных СМИ рисует Россию и населяющие ее народы свирепыми и вероломными варварами, не способными приобщиться к ценностям западной культуры.

Ахиллесова пята системы пропагандистской поддержки госполитики в России – идеологическая невнятица и неопределенность. Совершенно противоположная ситуация в США, где все общество, каких бы взглядов ни придерживались его члены, сплочено вокруг государственной внешней политики, которая, однако, финансируется только государством, так как считается наивысшим приоритетом.

В России же о таком можно только мечтать. У нас нет идеологического и духовно-нравственного консенсуса, нет, в сущности, гражданского общества, нет внутрикорпоративной этики, как например, в Японии.

Вернее, есть, но она в каждом ведомстве своя, иногда довольно своеобразная, сводящаяся к ультрарыночной максиме - что имею, на том и зарабатываю.

Внутрироссийское информационное поле в целом закрыто и обособлено от государственных интересов. Государство, как правило, не имеет юридических возможностей вмешиваться в деятельность российских СМИ. Интерпретация же сведений российскими СМИ зачастую носит частно - корпоративный характер, что приводит к систематическому искажению действительности в угоду корыстным корпоративным интересам.

Не случайно источником определенной части материалов, используемых за рубежом для диффамации российской государственной политики, являются собственно российские СМИ, подрывающие традиционное российское мировоззрение, сочетающее цивилизационное богатство Востока и Запада.

Один из главных недостатков системы пропагандистской поддержки государственной политики – нехватка собственных информационных площадок за рубежом. Даже видные отечественные ньюсмейкеры, выезжая за рубеж, вынуждены выступать на иностранных площадках. Реальной сетью за рубежом располагает Россотрудничество, перспективные наработки есть у РИА «Новости», ИТАР-ТАСС, но этот потенциал нуждается в расширении.

Недостаточно эффективно в этом плане используются возможности русскоязычных зарубежных СМИ и организаций соотечественников за рубежом.

Система подготовки кадров для масштабной информационной и пропагандистской работы также отстает от современных потребностей.

Не хватает специализированных семинаров, курсов, ознакомительных поездок и т.д. На уровне высшего и среднего звена управленцев мы имеем стойкое нежелание и неумение заниматься информационно-пропагандистской работой, взаимодействовать со СМИ. А между тем, именно умение взаимодействовать со СМИ должно стать одним из факторов карьерного роста.

Качественного улучшения требует научно-технологическая и учебно-методическая база подготовки специалистов для электронных СМИ.

Часть госчиновников считает, что тратить деньги на расширение системы внешнеинформационной пропаганды не нужно. Будут достижения, мир о них и так узнает. Это опасное заблуждение.

В результате, в отличие от ведущих конкурентов России, где преобладает использование собственной международной информации, у нас многократно вырос объем использования информации из иностранных источников. Собственная корреспондентская сеть за рубежом, как и другие источники зарубежной информации, сократились. Россия не вполне контролирует свое информационное пространство и ограничена в возможности воздействовать на зарубежное информационное поле.

В результате недостаточного внимания к развитию отечественной информационной сферы в условиях нарастания внешнего информационно-психологического воздействия российская система формирования общественного мнения и система принятия важнейших экономико-политических решений, а также политические элиты стали более уязвимы.

Использование новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) становится одним из важнейших ресурсов эффективной

внешнепропагандистской работы. Все большее число потенциальных потребителей информации отказывается от традиционных источников и предпочитает современные, прежде всего – Интернет.

Однако, развитие ИКТ напрямую сопряжено с процессами глобализации, что несет в себе угрозы национальной безопасности России. В основе таких угроз – технологическое отставание от ведущих информационных держав. Технологические преимущества дают нашим конкурентам возможность не только тормозить создание отечественных ИКТ, но и активно формировать негативный образ России через сокрытие, блокирование достоверной информации.

Как нам организовать эффективную работу информационно-пропагандистского комплекса, при том, что догнать и перегнать Америку по уровню расходов нереально и ненужно? Мы в состоянии предложить свою собственную модель такой реорганизации, основанную на увеличении эффективности использования отечественных информационных ресурсов и их консолидации.

Необходимо содействовать расширению сети вещания и распространения государственных и частных российских СМИ, ориентированных на зарубежные аудитории. Возможно, следует размещать на коммерческой основе статьи, радио и телепрограммы в этих СМИ. Информационный поток, ориентированный на зарубежную аудиторию, должен транслироваться максимально широко.

Необходимо расширить зарубежную корреспондентскую сеть российских СМИ.

Одновременно нужно поставить на современную основу работу с зарубежными СМИ, используя известные способы поощрения положительных материалов о России. Причем здесь вовсе не обязателен коммерческий подход. Подход должен быть профессиональным.

Крайне важно постоянно вести технологическую модернизацию российских государственных СМИ, осуществляющих значительные объемы

иновещания. Поддержка создания собственного аппаратно-студийного комплекса в рамках ВГТРК «Голос России» на базе новых мультимедийных технологий позволит восстановить оптимальные объемы вещания на зарубежье, обеспечить спутниковое вещание во всех регионах мира, расширить сетевое распространение программ на русском и иностранных языках во внутреннем эфире столиц и крупных городов ближнего и дальнего зарубежья в диапазонах УКВ и СВ, в цифровых стандартах DRM и DAB.

Целесообразно поддержать проекты сотрудничества журналистов и интеллектуалов :

Международная лига журналистов;

Международный пресс-клуб;

Форум руководителей мировых СМИ;

Ежегодный форум молодой интеллектуальной элиты.

Было бы интересно создать Международный форум по тематике ШОС или «Валдайский форум-2» из незападных экспертов и политологов.

Используя опыт РИА «Новости», следовало бы расширить сеть российских мультимедийных информационно-коммуникационных площадок за рубежом.

Большие перспективы у блогового пространства сети Интернет. Нам нужно создавать и расширять сеть сайтов в русском и иностранном интернете, окружая их блоговой сетью. Наобходимо расширять телевизионное иновещание. Огромный потенциал несет в себе сотрудничество с соотечественниками за рубежом. В этом плане необходимо расширять сеть зарубежных представительств Россотрудничества. Необходимо расширять сеть пророссийских неправительственных организаций (НПО) за рубежом.

В начале 90-х годов были ликвидированы централизованные механизмы управления внешнеполитической пропагандой, что ухудшило координацию специализированных организаций и ведомств.

Разрозненных усилий не хватает для проведения операций глобального масштаба. Война с Грузией показала это. В России отсутствует организационный центр информационно-пропагандистской работы.

Формирование внешнего национального имиджа – этот задача долгосрочного характера, решение которой возможно только с помощью специально создаваемых инструментов информационного влияния, позволяющих не столько обеспечивать в течение коротких промежутков времени поддержку за рубежом отдельных инициатив и проектов, сколько формировать на постоянной основе продуманный и зависимый только от нас самих поток информации о России. В ведущих странах мира соответствующие структуры существуют и постоянно укрепляются. В США такие задачи великолепно выполняет Информационное агентство США (USIA), на счету которого такие проекты, как радиостанция «Свобода», «Свободная Европа», телесеть «Уорлднет», директива Пентагона «Информационная война», а также Агентство по международному развитию(USAID), в Европе аналогичную роль играла программа TACIS.

Необходимо, прежде всего, ликвидировать отраслевую замкнутость в информационно-пропагандистской работе. Нескординированность и инертность системы государственной и внешнеполитической информации, конкретных шагов ведомств, госкорпораций и знаковых лиц российской политики становится публично очевидной. Следует вести речь о создании новой структуры, способной оперативно и мощно реагировать на направленные против России информационные инициативы, комплексно укреплять образ Отечества.

Необходимо создать механизм, объединяющий функции планирования, финансирования, реализации, оценки эффективности и корректировке информационной политики. Такой механизм должен быть институционально оформлен. Его ядром должна стать структура, обладающая соответствующими полномочиями и материальными ресурсами и тесно взаимодействующая с Администрацией Президента, Аппаратом

правительства, Советом Безопасности, Парламентом, федеральными ведомствами и региональными властями, СМИ и т.д.

Основой такой структуры могло бы стать одно из подразделений Администрации президента, занимающееся пропагандой. Главной задачей такого подразделения станет стратегическое планирование и постановка задач в области информационной политики и пропаганды. Реализация же стратегии, сформулированной высшими органами государственной власти России, практическое осуществление конкретных информационных мероприятий и совместных информационных мероприятий должны быть отнесены к компетенции специально созданного органа при Администрации президента России. Собственно государственный аппарат решить столь комплексную задачу не в состоянии. Варианты рабочего названия такой структуры – «Российский институт глобальной стратегии», «Российское агентство глобальной стратегии», «Российский информационный Совет». Структура должна быть самостоятельным юридическим лицом, но ее руководитель должен напрямую подчиняться президенту РФ и входить в состав Совета Безопасности.

В рамках такой структуры можно сосредоточить мониторинг и анализ международных информационных потоков, разработку на этой основе инструктивных материалов по трансляции российской позиции международному общественному мнению.

Создание и развитие единого механизма консолидации внешней информационной пропаганды должно включать в себя и развитие информационной периферии – информационных каналов, сети зарубежных центров и фондов и т.д.

Таким образом, при сохранении практически всех элементов действующей в настоящее время в России модели информационной пропаганды будет создана обновленная система их взаимодействия, объединяющая элементы модели единым стратегическим замыслом.

Мы не считаем, что тема информационной экспансии, «на крыльях» которой в нашу страну проникает чужая разрушительная культура, нами исчерпана. Мы предложили лишь самые очевидные, первоочередные меры. На наш взгляд, консолидация и оптимизация информационно-пропагандистского комплекса России является именно такое первоочередной задачей.

Некоторые вопросы, которых мы пока что не коснулись, не менее важны. Это, например, необходимость консолидации российских элит, о чем сегодня можно лишь мечтать. Это и воспитание у этих элит чувства социальной ответственности и любви к своему отечеству, к своему народу, к культуре народа и его традиционной религии. Необходимо возрождать систему российского образования, спасать фундаментальную науку, военно-промышленный комплекс и многое другое. Ведь если всего этого не будет сделано, то зачем нужен будет мощный информационно-пропагандистский комплекс, что он должен будет защищать и что прославлять?

Одним словом, еще о многом нужно сказать и написать. Впереди у нас с вами много работы. Будем верить в нашу Победу!

6.3 «Жесткая сила» как ресурс действия

6.3.1 Исходный дескриптивный анализ.

Как уже было отмечено выше, в настоящее время Россия не в состоянии следовать в военно-стратегической области тем курсом, которым следовали до начала горбачёвских реформ. Это была **«стратегия сильного»**, когда на американский военный, технологический и стратегический вызов давался адекватный по масштабу и эффективности ответ.

Поэтому должно быть понятно, что, по крайней мере, в течение ближайших 15 - 20 лет для обеспечения своей безопасности России в условиях значительного и постоянно увеличивающегося отставания в

военно-технологической области во взаимоотношениях с Западом придется следовать **«стратегии слабого»**.

Какой же в принципе может быть эта стратегия?

Подобно тому, как в мировой художественной литературе фольклористы выделяют 11 базовых сюжетов, можно выделить набор базовых вариантов действий во взаимоотношениях «слабого» с «сильным». Интересно отметить тот факт, что большинство из них было известно еще в древнем Китае под названием «стратагем». В качестве **предмета для обсуждения** можно указать на несколько стратегий, которым, как нам представляется, разумно следовать, реализуя «стратегию слабого» при стратегическом сдерживании возможных противников в условиях глубоких сокращений российского ядерного арсенала.

Во-первых, это стратегия «достаточной враждебности». Каждое государство имеет внутренних и внешних врагов. Если меры, направленные на парирование угроз, своевременны и адекватны опасности, а имеющихся ресурсов достаточно, государство может успешно противостоять своим врагам. Но есть одна проблема, которая не может быть решена только разумностью и компетентностью руководителей. Она заключается в том, что президент не всемогущ, он может лишь направить и усилить имеющиеся в обществе тенденции, но если их в обществе нет, то он бессилен.

Тенденция, которая используется для усиления мер по обеспечению стратегического сдерживания вероятных противников, может существовать только тогда, когда общество осознает существующую и надвигающуюся опасность. Причем общество должно осознать эту опасность своевременно, поскольку многие процессы обеспечения безопасности требуют **значительного времени**. Другими словами, **обеспечить защиту страны невозможно в отсутствие оборонного сознания**.

Оборонное сознание само по себе не приходит, его невозможно сформировать в обществе без «образа врага» и четкого, откровенного формулирования внешних угроз.

Для того, чтобы в новых исторических условиях сформировалось оборонное сознание, важно не поддерживать на государственном уровне кампаний, направленных на сокрытие истинного положения дел и перспектив России, по либеральной дезорганизации общественного сознания. Напротив, надо поддерживать те общественные инициативы, научные проекты, различные организации, связанные с выявлением, объективным исследованием, ранжированием и анализом угроз.

В качестве другой стратегии действий, дополняющей описанную выше, необходимо указать на стратегию «отложенной угрозы». Ее суть сводится к тому, чтобы дезориентировать противника, затруднить для него оценку угроз, опасностей, рисков, ущербов, с которыми могут быть связаны его возможные силовые действия.

В современной России пока царит определенная неразбериха в определении направлений ее военно-технической политики. До сих пор нет общепризнанного понимания ни образа будущих войн, ни ответов на реальные угрозы, затрагивающие государственные интересы России. В этой ситуации сама указанная неопределенность может быть использована как инструмент рефлексивного управления – затруднить вероятным противникам проведение военно-технического планирования, выиграть необходимое для восстановления страны время.

В основу указанных технологий рефлексивного управления могут быть положены следующие неопределенности.

Во-первых, это **«неопределенность будущих изменений»**. Ее смысл состоит в следующем.

И в обществе, и в армии растет понимание ошибочности «курса реформ», проводившихся в стране в целом и в армии в частности в последние десятилетия. Возникает понимание необходимости перемен, направленных на возрождение страны, укрепление ее вооруженных сил. Ситуация во многом напоминает ту, которая имела место в XIX веке после поражения России в Крымской войне. Тогда великий русский дипломат и

государственный деятель А. М. Горчаков сформулировал основу стратегии страны на несколько десятилетий: **«Россия сосредотачивается»**. По мнению многих военных историков, его дальновидная политика позволила оттянуть Первую мировую войну более чем на 30 лет, дав возможность России провести военную реформу.

Было бы целесообразно сейчас вернуться к этой стратегии. Серьезность намерений должен подтверждать **государственный публичный анализ того, как, каким образом, для чего и кем была разоружена Россия, как создавался кризис в ее вооруженных силах**.

В частности, должны быть проанализированы рекомендации экспертов, которые привели к неверной оценке угроз и ошибочным решениям, действия лиц, принимавших эти решения. Целесообразно гласно проанализировать на государственном уровне причины и ход развала армии и оборонно-промышленного комплекса и выявить основных причастных к этому лиц. Это на длительный срок создаст у возможного противника представление о неизбежности будущих перемен.

Другой неопределенностью может быть **«нестабильность в организационных структурах**, которые будут задействованы в ходе вооруженных конфликтов». Ее смысл состоит в следующем.

Многовековой опыт войн, недавний опыт прошлой войны показывает высокую эффективность уничтожения руководящего центра. В отсутствие такового боеспособные части теряют управление, возникает хаос, войска, как правило, легко уничтожаются. Но если мы не можем играть по правилам, по которым играют равные противники, то очевидно, следует показать (убедить, создать представление), что в случае **серьёзных угроз** мы готовы играть по другим правилам. Вместо классической шахматной партии (по З.Бжезинскому) предложить «турнир в Васюках».

Поэтому представляется разумным предусмотреть создание структур, способных эффективно вести боевые действия в отсутствие

централизованного управления или предательства ряда военных руководителей, как это было в последней иракской войне.

Иными словами, может оказаться целесообразным создание в России сети жизнеспособных боевых единиц, которые в течение длительного времени могут быть способны решать боевые задачи и наносить урон противнику, сравнимый с тем, который они наносили бы при наличии централизованного руководства.

Для сокращаемых СЯС в этом направлении представляется актуальной реализация предлагаемой в НВО А.Широкорадом стратегии «мертвой руки» (см. «Мертвая рука пострашнее «Иджиса» и «Томагавка» [6]). Она, например, может быть реализована за счет создания в тактическом и стратегическом звене сети автономных высокоживучих боевых единиц («ядерный спецназ») с приданием им возможностей самостоятельного принятия решения на нанесение ответного ядерного удара в условиях уничтожения высших звеньев боевого управления в результате эффективно проведенного противником «обезглавливающего удара». При этом на стратегическом уровне обязательно должен предусматриваться не просто контрценностный тип указанного ответного удара, а **удар по «болевым точкам»** (представляющим особую значимость для представителей «хрематистической элиты» Запада (в понимании Аристотеля) и «членов партии войны»). Если указанные боевые единицы будут объективно живучи, то можно полагать, что у противника сильно снизятся стимулы к планированию нанесения **первого** (в том числе и **неядерного) удара** по верхним звеньям управления ВС России.

Конечно можно найти аргументы в подтверждение того, что предложения, подобные сформулированному выше, в определенных ситуациях снижают «кризисную стабильность». Но здесь уж ничего не поделаешь. Пора сказать правду, что ядерное разоружение, кроме известных широкой общественности «плюсов», диалектически имеет и существенные «минусы».

Только специалистам известно, что одним из **«парадоксов ядерного сдерживания»,** тщательно скрываемым не только от общества, но и от руководства страны, является тот факт, что объективно существует **«ядерный порог стабильности».** Он характеризуется тем, что понижение уровня ядерного потенциала ниже указанного порога **снижает кризисную стабильность**. Впервые публично об этом было заявлено группой известных ученых РАН (А.И.Агеев, В.С.Курдюмов, Г.Г.Малинецкий в работе «Проектирование будущего, кризис и идеи С.П.Курдюмова»).

Если традиционная структура вооруженных сил иерархична и уничтожение любого уровня, а тем более верхнего, фатально, то существует ряд других структур, гораздо более эффективных в позиции слабого.

Это, прежде всего, сетевые структуры, которые активно используют у спецслужбы и террористические организации. Эти структуры, не имея жёсткого руководства, могут действовать, имея общие представления о «своих» и точные о «чужих», о своем образе действий, использовать тактику роения (swarming), изматывая сильного противника, нанося ему неожиданные удары в наиболее уязвимых местах.

Естественно, чем больше уровень дезинтеграции систем, тем по более жестким правилам должны иметь возможность действовать подсистемы и отдельные элементы. В идеале противник должен осознать (мы должны его в этом убедить), что уничтожение центров управления в ходе конфликта, в том числе и в неядерный его период, будет представлять для него большую опасность, чем их сохранение.

В условиях проводимых глубоких сокращений ядерного арсенала можно пойти и дальше по этому пути – предоставить военной подсистеме большую автономность в выборе методов и средств решения задач на различных уровнях противостояния. При этом, как показывает история, во многих случаях системе в целом гораздо удобнее и эффективнее иметь политически активную и достаточно самостоятельную военную структуру «ястребов», которая уравновешивается более умеренным политическим

руководством «голубями». Неопределенность в принимаемых решениях, связанная с тем, чья позиция возьмет верх, может также оказаться важным сдерживающим фактором.

Следующая неопределенность может быть сформулирована как «неопределенность в выборе возможных средств».

Террористический акт 11 сентября 2001 года, катастрофа «Колумбии», отключение от электроснабжения более 3 миллионов американцев значительно усилило ощущение уязвимости своей страны у большинства американского населения. Поэтому взаимосвязь возможных военных конфликтов с «рисками нового поколения», которые плохо прогнозируются и от которых нельзя создать надежную защиту, следует всячески подчеркивать и усиливать. Естественно, отрабатывать и доводить до сведения общественности стран вероятных противников возможные сценарии боевых действий, увязывающие воедино создание катастрофических нестабильностей в техногенной, экономической, информационной, социальной сферах с недальновидными неосторожными действиями их собственного руководства.

Значительные усилия нужно было бы сейчас вложить (они не требуют существенных экономических затрат) в ликвидацию «синдрома безнаказанности», который формируется в общественном сознании США как результат действий по развертыванию ПРО. Целесообразно обосновать и широко распространить информацию о **невозможности надежной защиты территории страны в современных условиях**.

При правильной организации «удара возмездия» даже ограниченными силами груды созданного у противника самого современного и экзотического оружия могут оказаться бесполезными. Этот факт может быть доведен и до лиц, принимающих решения, и до населения стран, которые будут противостоять России в будущих конфликтах.

Это может быть сделано силами ученых, политиков, популяризаторов науки, трезвомыслящей интеллигенции. Получившие в свое время резонанс

исследования (кстати, достаточно **сомнительные** с научной точки зрения), связанные с так называемой «ядерной зимой» – климатическими последствиями широкомасштабного обмена ядерными ударами, показывают, что это можно сделать. На первом этапе важно было бы показать наличие серьезных возможностей нанесения катастрофического ущерба даже от ограниченного применения ядерного оружия. Естественно, это отчасти уменьшило бы чувство превосходства в сознании руководства и в массовом сознании «сильного» противника.

Сама возможность вывода конфликта на уровень наиболее жесткого варианта войны на уничтожение значительной части населения для сверхдержавы, декларирующей свою ответственность за поддержание порядка и стабильности, уже может стать серьезным сдерживающим фактором.

Следующей стратегией «слабой стороны» может быть стратагема, определяемая в древнем Китае, как «выманить тигра на равнину». Ее смысл состоит в следующем.

Особенность войн нового поколения (Югославия, Афганистан, Ирак) заключается в том, чтобы дискредитировать руководство страны-противника внутри и вовне, снизить волю к сопротивлению, нанести ряд ударов с воздуха, в условиях полного господства подкупить или запугать власть или оппозицию и далее установить марионеточный режим.

Первый этап каждой из этих войн состоял в **информационном управлении конфликтом - анализе «с позиций справедливости», «общечеловеческих ценностей», «гуманизма» правящего режима и действий противника.**

Поэтому для обеспечения внешней безопасности при сокращении СЯС целесообразно выбить этот козырь из рук наших «контрпартнёров». Один из главных способов – уменьшение у противостоящей стороны так называемого индекса оптимизма, ожидания благоприятного исхода, успеха «маленькой победоносной войны». Мы должны избавить наших западных

«контрпартнеров» от самоуспокоительных мечтаний о том, что и впредь они будут вести, как правило, бесконтактные войны «малой кровью».

Естественно, ряд шагов в этом направлении можно предпринять загодя. Один из первых - переход с чужого языка, метафор, образов, символов на свой и трактовки уже прошедших событий в рамках своей системы аксиом.

Другой - анализ и доведение до массового сознания неприемлемости действий и моральной неправоты противника (например, единственные в мировой истории события, не имеющие морального оправдания, - ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, варварская бомбардировка Дрездена, создавшая огненный шторм, ложь относительно оружия массового уничтожения у Ирака с целью установить, в конечном счёте, контроль над ближневосточной нефтью и т.д.).

Третий - поднятие индекса оптимизма у своего населения и армии и воспитание патриотизма, формирование собственной идеологии в той жизненно важной части, которая касается сознания и защиты государственных интересов.

Каждый из этих шагов не требует значительных материальных средств, однако требует времени и систематических усилий политического и военного руководства, в частности совершенствования системы информационного противоборства.

Говоря о проблеме овладения «жесткой силой», необходимо отметить следующее. Учитывая тяжёлую демографическую ситуацию, негативное отношение значительной части общества к армии, резкое сокращение числа военнослужащих, приходится планировать её возрождение на новой технологической и социальной основе. **Во многом нужно заново формировать военное сословие**.

России для решения военных проблем в 21 веке нужны принципиально новые вооруженные силы, которые вряд ли могут быть получены из существующих вооруженных сил путем их «реформирования».

Для возрождения армии, прежде всего, нужен хороший человеческий материал. Его нужно искать и выращивать. В настоящее время (как в сентябре – октябре 1917г.) есть не только нужда, но и возможность из наличного материала офицерского состава (в том числе и изгнанного из армии в процессе «сердюковских реформ») и «охотников» (включая добровольцев, воевавших в Новороссии) создать отборное гвардейское объединение (соединение) по типу Добровольческой армии («новые потешные»), которое стало бы своеобразным «центром кристаллизации» современного слабого «штатскопризывного» войска. Оно должно возродить традицию русской гвардии как боевой и служебной школы отборного личного состава.

Сегодня идея создания воинского сословия на новом уровне осмысления данного феномена представляется актуальной.

Воинское сословие должно рассматриваться властью как один из важнейших компонентов государственного и военного устройства. Каста военных должна занять свое логичное место в социальной структуре российского общества.

Говоря о повышении боевого потенциала Российской армии за счет обеспечения соответствующей «годности человеческого материала» к сверхнапряжениям («Асабия» Ибн Хальдуна, «нравственная сила» Эмиля Дюркгейма, «пассионарность» Льва Гумилева, «высокая эмоциональная энергия» Рэндалла Коллинза), нельзя игнорировать ряд социальных проблем российского общества препятствующих этому.

В один из главных дней истории нашей страны 22 июня 1941 года миллионы советских граждан услышали из репродукторов: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» В войнах прошлого и в ещё большей степени в войнах будущего огромное значение имело и будет иметь ощущение внутренней правоты, понимание, что есть смыслы и ценности выше, чем жизнь отдельного человека.

История наемников («профессионалов») с древнейших времен до последних лет показывает, что эти люди готовы убивать за деньги, но не готовы умирать за них.

Указанную проблему открыто озвучил академик РАН Д.С.Львов на военно – научной конференции Академии военных наук «Структура и основное содержание новой Военной доктрины России»: *«А разве можем мы пройти мимо острейшей проблемы социального неравенства, достигшего у нас колоссальных размеров? А как быть с резким падением нравственности, чудовищно разросшейся коррупцией и воровством на всех уровнях власти?* ***Как можно с помощью военных средств защитить социально расслоенное общество, когда вместо единой России, мы на самом деле имеем много Россий, удивительным образом не похожих друг на друга?*** *Можно поставить вопрос и так: готовы ли мы защищать несправедливо нажитое частное имущество, являющееся по всем морально – нравственным критерием национальным имуществом? Иначе говоря, чью собственность мы будем защищать – олигархов, присвоивших себе то, что в России от Бога, и поэтому никак не может принадлежать избранным?*

И таких вопросов мы можем задавать предостаточно. Ответы на них я вижу в том, что разработка оборонной доктрины должна быть производной от социально – экономической стратегии развития страны на долгосрочную перспективу. ....При ее разработке мы исходили из того, что ничто – включая институты плановой экономики – не может быть заведомо «отброшенным» в угоду «чистоте» антисоциалистической доктрины, как ничто – включая западные методы государственного прессинга экономики – не может быть принято только потому, что фактически применяется в рамках системы, альтернативной социализму»/101 /

Размышляя над мыслями академика Львова нельзя не вспомнить высказывания по данному вопросу другого выдающегося мыслителя Карла Филиппа Готтлиба фон Клаузевица, который в своих работах, посвященных

анализу наполеоновских войн обратил внимание на одну их важную новацию. Он особо отметил, что вместо традиционных войн монархов и их армий на историческую сцену вышла ещё одна сила, которую Клаузевиц характеризует следующим образом: «Исходя из обычных приёмов оценки, союзники учитывали развал вооруженных сил Франции. Между тем, в 1793 г. **на сцене появилась такая сила, о которой до той поры не имелось никакого представления. Война сразу стала снова делом народа, и притом народа в 30 миллионов человек, каждый из которых считал себя гражданином своего отечества… Благодаря участию в войне всего народа на чашах весов оказались не одно правительство и его армия, а весь народ со всем присущим ему весом».**

В этой связи огромную роль играет идеология, системообразующие ценности цивилизации. Стоит вспомнить светловские строки: «Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю Гренады крестьянам отдать». Речь идет о жизнеустройстве, о глобальном социальном проекте, о предлагаемом России и миру понятии справедливости. Это на много порядков выше, чем «борьба за проливы», которой заманивали в Первую мировую войну царскую элиту, национализм или битвы за аннексии и контрибуции.

В Великой Отечественной войне на полях сражений, в цехах заводов, в лабораториях учёных, в кабинетах руководителей советским народом отстаивалось право на жизнь не только для себя, но и для всех народов мира. Грандиозная попытка на основе высоких технологий того времени затянуть человечество в далёкое Средневековье, в котором короли грезили о подчинении «народов-рабов» расам господ или их уничтожении была остановлена миллионами людей, боровшихся за Будущее. Это борьба Будущего и Прошлого, Света и Тьмы, о чём писал и пишет А.А. Проханов.

И с этой точки зрения нынешняя ситуация крайне опасна для российской цивилизации. В послании Федеральному Собранию 12.12.12 В.В. Путин охарактеризовал первые десятилетия существования новой России как время двух катастроф – демографической и ценностной. В основе

ценностной катастрофы лежат утрата цели, исторической перспективы и общности. В советские времена была популярна песня, в которой были слова: « Я, ты, он, она, – вместе целая страна, вместе – дружная семья. В слове «мы» – сто тысяч «я»…». Это понятие «мы» в ходе российских реформ и оказалось размыто. Видимо, трудно найти общие цели, интересы и точки соприкосновения у российских долларовых миллиардеров, на каждого из которых приходилось в течение десятилетий более полумиллиона человек за чертой бедности, и большинством населения страны.

К сожалению, как показывает анализ, это послание через 1,5 месяца исчезло из фокуса общественного сознания.

Однако понимание того, что одним из важнейших атрибутов сверхдержавы является «*психологическая безопасность» («объяснительный» термин – прим. авт.)* – ощущение большой части народа, что они живут хорошо, правильно, и в будущем будут жить ещё лучше – постепенно появляется.

Очень важным шагом к этому ощущению, к сшиванию социальной ткани стала гражданская инициатива «Бессмертный Полк», которая показала, что Победа в Великой Отечественной войне является общим достоянием новых поколений, важнейшей ценностью нашей цивилизации.

Конечно, пока мавзолей В.И. Ленина на параде в честь 70-летия Победы был завешен, вместо «великого советского народа» пока руководителю удаётся говорить только «многонациональный народ». Однако важна тенденция. Чем больше будет усиливаться нажим на Россию, тем актуальней могут стать советские смыслы, ценности, символы.

Рассматривая проблему обеспечения соответствующей «годности человеческого материала» к сверхнапряжениям военного времени нам надо помнить уроки истории и стремиться «не наступить на грабли истории», не забывая о 1917г. когда российская армия была попросту разложена «антивоенной» агитацией. А ведь сегодня возможности по проведению такой разлагающей агитации многократно увеличились.

Говоря о важности того, чтобы «не наступить на грабли истории» можно указать на множество аналогий между концом XIX – началом XX века и настоящим временем.

Когда в конце XIX – начале XX века российская власть стала разрушать общину и ставить страну на рельсы капиталистического развития, то это, с одной стороны, повлекло за собой впечатляющий экономический рост, но с другой стороны, привело к мощному социально-психологическому кризису. Имущественное расслоение и индивидуализм нового капиталистического общества вошли в противоречие с традиционными ценностями: «успешные предприниматели» воспринимались не как пример для подражания, а как «кровососы», «буржуи», «кулаки». На этой почве широкую популярность приобрели различные социалистические течения от эсэров до большевиков, стал шириться террор (террор возникает тогда, когда позиции сторон непримиримы и нет желания договариваться в силу принципиальных разногласий; а принципиальными разногласия становятся тогда, когда стороны не могут и не хотят понимать друг друга, *мыслят по-разному*).

По существу, октябрьская революция 1917 года и победа «красных» над «белыми» в последующей гражданской войне – это следствие неприятия народными массами принципов капитализма и индивидуализма. Солдаты (в подавляющей своей части – вчерашние крестьяне) **не хотели воевать за интересы буржуазии и дворянства.** Это и обеспечило ту легкость, с какой агитаторы смогли распропагандировать армию. Большевики смогли победить потому, что предложили идеологию, которая несмотря на европейскую марксистскую терминологию, была близка к традиционной системе ценностей российской цивилизации.

Очередная волна вестернизации в России прошла в 90-х годах прошлого века – спустя столетие после вестернизации рубежа XIX - XX веков. Результат оказался существенно хуже: неприятие основной частью населения «западных ценностей» - такое же, как век назад, но фоном был не экономический рост, а наоборот, разрушение экономики, резкое падение

производства и деградация промышленности. Попытка внедрения «западных ценностей» в условиях России привело к бессубъектности, к резкому социальному расслоению, поставило страну в жесткую зависимость от западных стран.

Решение проблемы обеспечения соответствующей «годности человеческого материала» к сверхнапряжениям военного времени может быть обеспечено только путем обретения субъектности в том числе (помимо прочего) и через идеологию, адекватную системе ценностей российской цивилизации. Это сложно; такую идеологию надо создавать по-умному, чтобы она соответствовала современной ситуации и запросам сегодняшнего дня. Но без ее создания будущего у России не будет. Самое интересное, что такая идеология будет востребована во многих странах мира в условиях завершившейся глобализации как альтернатива идейно вырождающемуся либерализму. Создание такой идеологии – миссия и шанс России. Справимся ли?

6.3.2 Проблема управления процессами модернизации в военной сфере в условиях неопределенности представлений о военных конфликтах будущего.

6.3.2.1 Общее состояние проблемы.

Проблема управления процессами модернизации в военной сфере непосредственно связана с определением рационального облика ВС РФ.

Если основываться на системном подходе к определению рационального облика ВС РФ на среднесрочную и долгосрочную перспективу, указанная проблема должна изучаться с позиции рассмотрения данной организационно-технической системы как целеустремленной системы.

Идея, положенная в основу целеустремленных систем, заключается в том, что данный объект или некоторая сфера деятельности *развиваются в сторону достижения определенного идеала.* Развитие (см. рис.6. 1) происходит путем:

- установления идеала как конечной цели развития;
- конкретизации представления об идеале на данном этапе (формирование промежуточной и дополнительных целей развития);
- стремления к промежуточной цели, пока позволяют выделенные для развития ресурсы;
- смены промежуточной цели по мере ее достижения или выхода на предельные возможности на данном этапе развития и т. д. по циклу.

Согласно очерченным представлениям при решении задачи модернизации в военной сфере в ходе функционирования управляющей системы приходится иметь дело с ***системой решений,*** *имеющей иерархическую структуру,* и, соответственно, с *иерархической структурой процедур выработки решений как элементов контуров управления процессами разных уровней.* При этом рассматриваемая проблема (формирование «идеала» и «целеполагание») интерпретируется как часть указанной системы решений

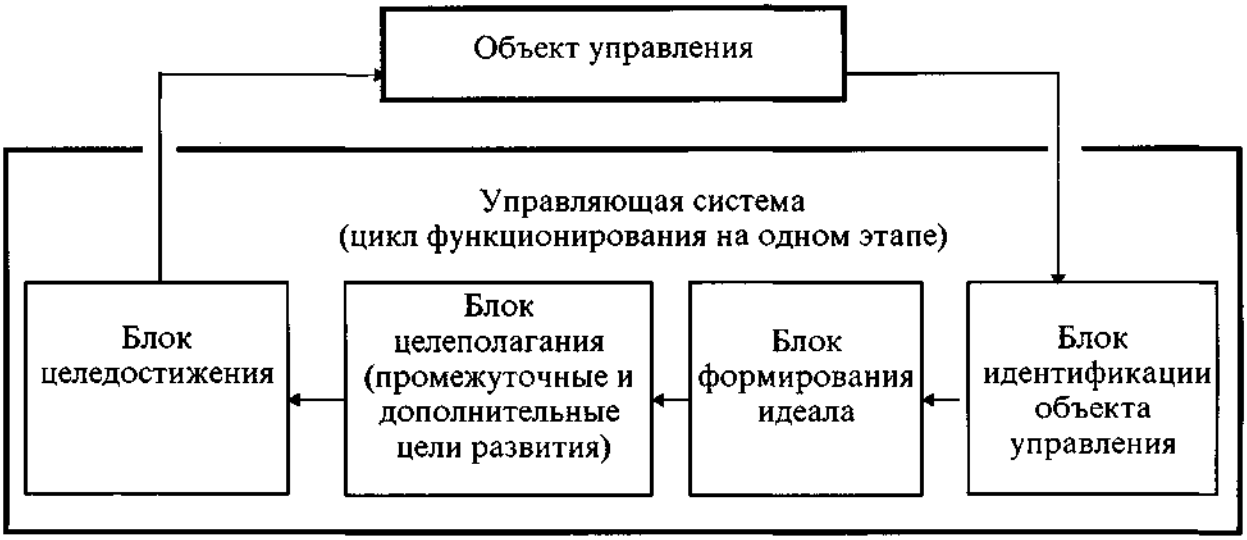


Рис. 6.1 - Общая схема целеустремленной системы

Рассмотрим основные блоки рассматриваемой целеустремленной системы, обеспечивающие цикл функционирования управляющей системы.

Блок формирования "идеала".

В процессе модернизации в военной сфере перспективы развития методов (средств) ведения вооруженной борьбы для ВС РФ должны базироваться на **внешних** по отношению к системе управления положениях. Такими положениями, по существу, **должны были бы** являться сформулированные на государственном уровне "цели национальной безопасности", а также "угрозы национальной безопасности", которые применительно к военной сфере **должны быть** детализированы на прогнозируемый период в "военной доктрине" государства. В военной доктрине также **должны быть** изложены принципы обеспечения национальной безопасности военными методами (средствами): объекты силового воздействия (или правила их выбора); степень ориентирования на существующие группировки войск и традиционные виды вооружений; государственная политика по отношению к созданию и развитию различных новых (в том числе нетрадиционных) видов вооружения; учет требований международных договорных соглашений и ограничений и т.д.

В рамках военной доктрины в соответствии с исходными доктринальными установками **должен быть** зафиксирован *набор желаемых военных методов парирования угроз национальной безопасности.*

В блоке формирования "идеала" указанный набор должен быть преобразован в *номенклатуру желаемых функций* ***идеального*** *оружия.*

Необходимость фазы формирования "идеала" обусловлена тем, что ее прохождение уменьшает опасность оказаться в плену сугубо конъюнктурных факторов, например, интересов сторонников одного не всегда наилучшего варианта системы оружия.

Блок целеполагания.

Данный блок является центральным в целеустремленной системе с точки зрения рассматриваемого вопроса – формирования рационального облика ВС РФ на перспективу для непосредственной выработки рациональных решений в области управления процессами модернизации в военной сфере. Именно

здесь должны разрабатываться промежуточные цели на рассматриваемом этапе развития и общие требования к пути (принципы) целедостижения с учетом реальных ограничений.

Выходным продуктом блока является *номенклатура требуемых функций перспективного оружия, оцениваемая с* ***учетом складывающихся военно-политических условий, технологических, ресурсных и других ограничений.***

Блок целедостижения

В данном блоке продолжается формирование стратплана в части обоснования основных направлений разработки систем вооружений, а также формируются решения максимальной степени конкретности - "Программы развития вооружений, научно-технической и производственной базы на определенный период" и составляемый на их основе Ежегодный Государственный оборонный заказ.

Вместе с тем реализация представленной выше концептуальной модели выработки рациональных решений в области управления процессами модернизации в военной сфере осложняется следующей проблемой.

Все российские официальные документы концептуального характера 90-х… 2000-х годов (военные доктрины, концепции нац. безопасности) являлись результатом **гуманитарного дискурса**, носили сугубо субъективный характер, отражая узкую точку зрения малой группы «допущенных авгуров», имели сиюминутно конъюнктурно - политический характер, не учитывали динамику глобальных процессов в Мир-системе и многое другое. Современная (ред. 2009г.) «Стратегия национальной безопасности», несмотря на значительное продвижение вперед также не дает ответов на многие вопросы.

Вместе с тем при формировании стратплана развития технической составляющей ВС РФ (совокупности средств направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов) теоретическому различению и объяснению должна подвергаться следующая цепочка отношений:

(а) - отношение ("интересы"-"угрозы"), порождающее ***критерии защищенности интересов и ограничения,*** в которых приходится обеспечивать защищенность интересов;

(б) - отношение ("угроза"-"оружие") (или, более общее, ("угроза"-"средство")), порождающее ***требования к системе вооружения (средству направленного действия)*** с учетом критериев и ограничений из (а);

(в) - отношение ("оружие"-"интерес"), порождающее динамическую (постоянно корректируемую) оценку ***соответствия имеющегося арсенала средств направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов заявленным интересам.***

Отношение (в) порождает постоянно действующую «обратную связь» и наиболее явно определяет аспект динамичности рассматриваемой проблемы. Именно оно обеспечивает идентификацию проблемы как несоответствия желаемого и действительного. Подчеркнем, что это отношение не может быть "сконструировано" из (а) и (б). Оценка соответствия системы вооружения, в том числе ядерного оружия, определенным интересам должна быть самостоятельной процедурой, не использующей критерии, порождаемые отношением (а). Например, полезность ядерного оружия должна оцениваться ***по независимым признакам,*** например, по его влиянию на статусное положение России в Мир-системе, эффективности поддержки им дипломатических мероприятий и политических решений и др. В противном случае неизбежен «порочный круг», что на государственном уровне может привести к потерям и издержкам. По нашему мнению, усматриваемая рядом аналитиков деградация ядерного потенциала в настоящее время в определенной мере является, в частности, следствием такого «порочного круга», потери обратной связи в контуре управления.

Важный вопрос, который нас интересует на данном этапе анализа, таков: достаточно ли информации (точнее, насколько недостаточно информации) для того, чтобы провести анализ объекта исследований в той полноте, которая предусмотрена предложенной схемой.

Рассмотрим отношение ("интересы"-"угрозы"). Согласно действующим нормативным документам под интересами понимается, в

частности, "территориальная целостность РФ" и "физическая безопасность граждан", а под угрозами -"прямые внешние военные угрозы" типа: "вооруженная агрессия против России", "потенциальная опасность вооруженной агрессии, создаваемая существующим оружием эвентуальных противников", "потенциальная опасность, порождаемая возможностью разработки и создания эвентуальными противниками новых видов оружия" и др. В рамках намеченной выше логики исследования вопросов нормативного характера интерпретация указанного *отношения должна порождать критерии выбора* либо конкретных видов оружия, либо направлений разработки оружия, либо направлений поисковых исследований в области вооружений, обеспечивающих предотвращение реализации потенциальной угрозы в будущем. Отсюда мы непосредственно выходим на необходимость раскрытия понятия "интерес". Однако оперирование даже такими "очевидными" понятиями, как "территориальная целостность" и "физическая безопасность граждан", порождает сложные и пока нерешенные вопросы доктринального и информационного обеспечения рассматриваемой проблемы. Для понимания содержания таких вопросов целесообразно обратиться к конфликтологическому аспекту проблемы. В этом аспекте ключевыми являются вопросы оценки "цены" объекта разногласия в конкретном конфликте (причем не обязательно совпадающие оценки обеих конфликтующих сторон). Для наглядности дадим (сильно упрощенный) перечень некоторых возникающих вопросов:

1. Каковы конкретные территориальные претензии противника?

2. Если они известны, то какова *максимальная цена противника,* которую он готов платить за реализацию этих претензий?

3. Каковы допустимые параметры (в том числе экономические) ответных действий на угрозу боевого применения и на реальное боевое применение военных средств при заданных претензиях противника? Точнее, каков критерий адекватности ответных действий?

Без ответа на эти вопросы невозможен прогноз реальных действий противника в данном конфликте.

Третий сформированный выше вопрос это, фактически, вопрос о "цене" интереса. Его постановка означает, что анализируя

вышеуказанную цепочку отношений (а)…(в), мы не находимся в рамках расхожих рассуждений о войне «до победного конца - любыми средствами». Одной из вариаций рассуждений на эту тему является распространенное, в том числе в среде военных, утверждение (весьма сомнительное) о том, что любое применение ядерного оружия неизбежно приведет к обмену уничтожающими массированными ядерными ударами. Это типичный пример концептуально несостоятельного суждения о слабо структурированной проблеме.

Отметим важную особенность сложившегося положения дел: ни один документ доктринального или стратегического уровня, существующий в РФ, не дает дифференцированного ответа или методологической основы для получения решения третьего вопроса. Существующие официальные взгляды слишком "обобщенны" для получения дифференцированных ответов. Это непосредственно сказывается на ситуации в том числе и с ядерным оружием. Сейчас отсутствуют серьезные исходные концептуальные основания для создания в рамках математической теории конфликтов операционной теории, позволяющей провести на междисциплинарном уровне состоятельную интерпретацию ядерных вооружений кроме как оружия возмездия, предназначенного для массированного ответного удара (и соответствующего устрашения). Однако понятно, что концепция массированного ответного удара составляет довольно узкую нишу оправданного существования ядерного арсенала. Известен часто встречающийся тезис «агентов перемен» либерального толка: «имеет ли смысл держать дорогостоящее и потенциально опасное оружие, полезное лишь в ситуациях, которые (по мнению многих политиков и "простых" граждан) являются, малореальными?»

Это обстоятельство, с одной стороны, а также явная недостаточность мощи обычных вооруженных сил России и все большее отставание их технологического базиса от стран-лидеров, с другой, приводит к актуализации концепции ограниченного применения ядерного оружия. Однако в настоящее время высказаны только общие доктринальные принципы ограниченного применения ядерного оружия, и постепенно формируются оперативно-

стратегические взгляды на качественную шкалу уровней применения ЯО - "лестницу эскалации".

Вопрос количественного (метризованного) описания критериев допустимости ограниченного применения ЯО представляет собой сложную слабоструктурированную междисциплинарную научную проблему и пока остается предметом текущих исследований.

Следствием этого являются:

- с одной стороны, отсутствие возможности обоснования целесообразности и допустимости ограниченного применения ЯО и, тем более, требований к отдельным новым видам ЯО на уровне строгости, приближающимся к логико-дедуктивному в рамках математической теории конфликтов;

- с другой, активное внедрение уже упоминавшейся точки зрения на ЯО как на оружие, однозначно подлежащее глубоким сокращениям и даже ликвидации уже в среднесрочной перспективе (деятельность международной группы «Global-Zero»).

Сторонники указанной точки зрения рассматривают только «негативные» свойства ЯО (хотя такими свойствами обладают ***любые технические системы, не только военные***). Ретроспективно ясно, что наличие такой точки зрения есть, в частности, результат "зашоренности" самих специалистов в области ядерных вооружений: слишком долгое время *все* внимание было сосредоточено на тех видах ЯО, которые по преимуществу обладают свойствами ***оружия массового поражения,*** и, соответственно, на «негативных» последствиях ядерных взрывов. В результате сложившееся положение вполне может быть охарактеризовано как концептуальный кризис. Состоятельный выход из него (без "сваливания" в одну из крайностей) не может быть найден на пути только качественной характеристики положительных стратегических (стабилизирующих) свойств ядерного оружия. Такая характеристика безусловно необходима, в частности, как элемент дискуссии. Однако, скорее всего, результатом движения только по этому пути будет эмоциональное противостояние сторонников и противников ЯО.

Разрешение данного концептуального кризиса возможно только при сопоставлении полезных и негативных качеств средств из

гиперкласса «оружие» в единой шкале ценностей. И здесь мы возвращаемся к вопросу о метризации отношения ("интерес"-"угроза"). В этой связи необходима разработка механизмов оценки:

- ценности объектов, составляющих предмет раздора в различных реальных конфликтах;

- стоимости применения (в той же шкале ценности) различных видов оружия (как ядерных, так и обычных), в том числе с учетом всех последствий, в частности, отдаленных во времени;

- сравнительной ценности различных интересов (например: в какой степени допустимо рисковать физической безопасностью отдельных граждан при защите территориальной целостности всего государства).

Какими бы сложными (а для некоторых, и шокирующими) ни были соответствующие работы (которые носят междисциплинарный характер), без их выполнения невозможно формирование состоятельной объективной политики в области ядерных вооружений России, что чрезвычайно важно с точки защиты ее национальных интересов.

Принципиально важной составной частью конфликтологической линии исследований является анализ проблемы эскалации конфликта. Сдерживающие возможности ядерного оружия не могут быть объяснены и обоснованы без анализа возможных механизмов эскалации при применении ЯО и, соответственно, способов ее предотвращения. Ясна чрезвычайная сложность понятия "эскалация конфликта" и невозможность его раскрытия без детального анализа воздействия ЯО на различные объекты, в том числе в таких аспектах, которые раньше выпадали из поля зрения специалистов по ядерным вооружениям.

Разрешение принципиальных вопросов высокого уровня из сферы отношения "интересы"-"угрозы" должно явиться основанием для анализа следующего в указанной выше цепочке отношения - "угроза"-"оружие". Отметим, что последнее до настоящего времени исследуется без должного сопоставления со структурой отношения ("интересы"-"угрозы"). Примерно до середины 80-х годов такое положение дел считалось естественным: в директивных органах экспертно формировался перечень типовых боевых задач (операций), а задачей исследований являлся выбор характеристик оружия по критериям типа «стоимость-эффективность» (при весьма нежестких экономических и

других ограничениях). Проблема определения критериев выбора оружия на основе анализа отношения ("интересы"- "угрозы") перед исследователями не ставилась. Решение этой проблемы было прерогативой политиков и высших военных руководителей.

Проведенный выше дискурсивный анализ позволяет сделать следующие предварительные выводы.

1. Существующие основания для решения проблемы определения направлений рационального развития российского арсенала средств направленного воздействия на противостоящих «акторов» конфликта должны квалифицироваться как недостаточные. Наиболее существенны "пробелы" в доктринальных и методологических разделах оснований. Устранение этих пробелов возможно только при детальном анализе всего комплекса аспектов, связанных с понятием "национальная безопасность". При этом принципиален конфликтологический аспект, в рамках которого ключевыми понятиями являются: «цена конфликта", "цена последствий применения средств сдерживания конфликта, в том числе ядерного оружия", "факторы эскалации конфликта, в том числе порождаемые специфическим свойствами ядерного оружия" и т.п.

2. Выделение из общей концептуальной (понятийной) схемы объекта исследования "подсхемы", минимально достаточной для состоятельного анализа проблемы на уровне строгости, приближающимся к логико-дедуктивному, например, с использованием технологий концептуального анализа и проектирования, при сегодняшнем уровне знаний, строго говоря, невозможно. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о принципиальной невозможности в настоящее время проведения метризации отношения «оружие-интерес» на основе использования содержательной дедуктивной теории, которая, по всей видимости, не скоро появится.

С учетом последнего из названных обстоятельств необходимо отметить, что задача разработки полноценных доктринальных, методологических и других оснований для решения проблемы оптимального развития Вооруженных Сил вообще относится к классу задач государственного масштаба, которые **никогда не решаются "до конца".** В то же время при любой недостаточности оснований, в силу объективной необходимости, конкретные практические вопросы

должны решаться. В этих условиях выбор рациональной стратегии исследований является основой правильного решения рассматриваемой проблемы.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать общий вывод, что фактически объективные основания институционального характера для формирования указанных выше: блока формирования "идеала", блока целеполагания, блока целедостижения в настоящее время отсутствуют. Вследствие этого при формировании стратплана развития технической составляющей ВС РФ целесообразно базироваться на адаптивном планировании (см. п. 6.3.2.4).

6.3.2.2 Можем ли мы предугадать будущее?

Как было сказано выше, для формирования рационального облика ВС РФ на значимую перспективу было бы очень важно определить **сущность, содержание, характерные особенности военных конфликтов будущего.**

В этой связи интересно отметить следующий факт.

Осенью 2008 года Пентагон в лице Командования объединенных сил CLLIA(USJFCOM) выдал в свет любопытный документ. По сути дела — некую военную доктрину, названную «Среда для действий Объединенных сил» (The Joint Operating Environment — JOE). Здесь сделана попытка заглянуть в будущее на четверть века вперед и понять: в какой среде придется воевать и вести операции? И первый вывод, который сделали янкесы: **Большая Неопределенность. Непредсказуемость.**

В свете вышесказанного можно указать на огромное количество исторических примеров того, что люди - исключительно плохие разведчики будущего, когда это касается военной сферы /10/.

Зададимся и мы вопросом – а можно ли в принципе определить содержание и характерные особенности военных конфликтов будущего исходя из учета следующих объективных факторов?

Первая группа факторов **гностической неопределенности** существенно, затрудняющая **разведку будущего,** связана с идущими глобальными изменениями в Мир-системе. Ситуация в Мир-системе - сильнодинамична. «Горизонт прогнозирования» (**фундаментальное ограничение на достоверность прогноза) - крайне мал** для сколь нибудь достоверной оценки возможных конфликтов в Мир-системе /11…15/.

Вторая группа факторов связана с наличием своеобразного «технологического императива», определяющего возможную номенклатуру средств направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов (военно-технологический базис), которые, в свою очередь, в значительной мере определяют содержание и характерные особенности военных конфликтов.

В качестве научной гипотезы ранее было выдвинуто и обосновано следующее положение /16/.

Развитие технологического базиса вооружений в промышленно развитых странах неправомерно представлять в виде монотонно возрастающего (гонка вооружений) или убывающего («разрядка», политика глубоких сокращений ЯО и т. д.) процесса, происходящего при определяющем влиянии институциональных структур. Оно происходит в форме циклически повторяющихся с определенным периодом времени (15..20 лет) толчков («микрореволюций»), в которых закладывается основа нового технологического базиса. В последующей фазе развития происходит совершенствование военных технологий (улучшающие инновации), постановка на вооружение новых образцов. Основой для возникновения новой технологической базы войны являются слившиеся в кластеры базисные военные технологии.

Было показано, что к 2020..2025г следует ожидать очередную военно-технологическую микрореволюцию в военном деле /16/.

Поэтому сегодня мы весьма туманно можем представить себе будущую технологическую базу войны и, следовательно, связанные с ней характерные особенности военных конфликтов будущего.

Третья группа факторов связана с очевидной зависимостью «облика» будущих войн от выбора поведенческой стратегии всех противостоящих «акторов» международного конфликта при его переходе от «демонстративной» фазы к «горячей» фазе.

Например, в когнитивную и аффективную компоненты российской целевой аудитории восприятия (куда входят и основные базовые элементы системы принятия военно-политических решений) активно вводится положение о том, что будущие войны будут, как правило, бесконтактными с использованием в основном неядерных высокоточных средств. Если это у нас превратится в поведенческий архетип, то, разумеется, так оно скорей всего и будет. Мы будем **готовиться** к войне, в которой у нас, очевидно, на краткосрочную и среднесрочную перспективу нет шансов на победу (запрограммированное поражение).

Но если мы зададимся вопросом «а собственно почему?» и в качестве «ассиметричного ответа» Западу будем **готовить контактную войну** с применением всего арсенала средств направленного воздействия из гиперклассов «оружие», «метаоружие» и «квазиоружие», которым мы можем обладать, то и характер такой будущей войны будет уже другой!

Вместе с тем, несмотря на все это, очевиден тот факт, что как бы то ни было, все равно необходима организация стратегического планирования и управления процессами модернизации в военной сфере, направленными на развитие ВС РФ. «Фаталистическая стратегия» (пусть все идет своим чередом) или «стратегия страуса» - очевидный путь в никуда.

Может ли наука дать ответ на вопросы «Что делать» и «Как делать» в данной ситуации ? Оказывается – ДА. В этой связи необходимо отметить, что описываемая выше ситуация сильной гностической неопределенности является ОБЫЧНОЙ при формировании технического облика перспективных

сложных военно-технических систем стратегического назначения, функционирующих в условиях комплексного многоканального противодействия. О том, как принимать решение по управлению процессами модернизации в военной сфере в ситуации сильной гностической неопределенности, возникающей при определении сущности, содержания, характерных особенности военных конфликтов будущего, будет сказано ниже.

6.3.2.3 Войны и оружие завтрашнего дня[20]

Хотя мы вряд ли сможем превзойти Кантора и найти «точку Алеф» (из которой видно будущее), но все же мы в принципе способны наметить некоторые «русла» /99/, в рамках которых, как мы полагаем, может идти развитие средств вооруженной борьбы.

Анализ наметившихся «трендов» современного технического развития дает возможность указать на некоторые «базисные инновации» /16/, которые (в долгосрочной перспективе) могут лечь в основу новой военно – технологической революции.

На границе «фазового барьера» (см. 1й раздел), очень многое будет меняться. Вполне вероятно, что мы увидим войны и способы действий, с которыми никогда не сталкивались прежде. Многие процессы будут развиваться на разных временных масштабах от месяцев и лет (например, еще в конце 2013 года трудно было представить, насколько изменится положение нашей страны и задачи, которые она будет решать, за какие-то полтора года) до столетий.

С другой стороны, военное противостояние соперничающих субъектов развертывается на разных уровнях. На *техническом уровне* одни виды

[20] При подготовке данного подраздела использовались материалы доклада *В.В. Иванова и Г.Г. Малинецкого «*НАУКА XXI ВЕКА И ФОРМАТ ВОЙН БУДУЩЕГО».

вооружения противостоят другим, на *тактическом уровне* происходит конкретное использование этих вооружений в боевых условиях с массой привходящих обстоятельств, с учетом мер и контрмер, используемых каждой стороной, чтобы взять верх в этом противостоянии. На *оперативном уровне* рассматривается взаимодействие многих подразделений с обеих сторон, и отдельные тактические успехи на этом уровне могут быть обесценены, и, напротив, оперативное искусство может помочь скомпенсировать действия более слабых в тактическом плане частей и добиться решающей победы. На следующем, *стратегическом уровне театра военных действий* рассматриваются военные кампании, состоящие из многих сражений, и, например, вопросы логистики, снабжения армий могут приобретать решающее значение. (Известна поговорка английских военных о том, что их армия обычно проигрывает все сражения кроме последнего). Однако война оказывается еще одним из инструментов, с помощью которых государства решают свои задачи. И на уровне *большой стратегии* ее следует рассматривать в контексте внутренней политики, экономического развития, системы международных отношений.

По-видимому, наука в недалеком будущем изменит каждый из этих уровней. Но, как ни странно, в эволюции войн и вооружений, как показали последние десятилетия, ключевые тенденции были предсказаны в легкомысленном эссе выдающегося польского фантаста из футуролога С. Лема «Оружие 21 века» /108/.

Представленный в нем прогноз в 1960-х годах, когда оно появилось, казался парадоксальным. Для многих военных и инженеров он представляется таковым до сих пор. Рассмотрим, к примеру, развитие авиации. Начиная со времени появления первых боевых самолетов, стремительно росли их скорости, грузоподъемность, связанная со способностью нести оружие и, соответственно, размеры.

Пройденный путь и успехи военной авиации завораживают. В настоящее время *один* самолет F-117 совершив *один* боевой вылет и сбросив

одну бомбу, может выполнить задачу, которую во время Второй мировой войны бомбардировщики Б-17 выполняли за 4500 боевых вылетов, сбрасывая 9000 бомб или бомбардировщики во Вьетнаме, сбрасывая 190 бомб за 95 вылетов /109/.

В целом убойная сила «обычного» оружия была увеличена на пять порядков (в 100000 раз) от начала промышленной революции.

Более того, если мы посмотрим программы вооружений ряда развитых стран и отчасти, России мы вновь видим стремление двигаться по тому же пути наращивания количественных показателей, реализуя в совершенно другой области тот же олимпийский девиз «Быстрее, выше, сильнее».

Однако количество переходит в качество. Именно на этом акцентирует внимание С. Лем. Наглядно это показала эволюция ядерного оружия. Стомегатонная бомба, может изменить географию значительных пространств. Но разве для того, чтобы достичь своих целей в войне, нам надо менять географию? Поэтому развитие ядерных вооружений пошло не по пути создания сверхмощных боеголовок, а по пути их специализации и увеличения количества ядерных боеприпасов.

За эрой стратегических бомбардировщиков С. Лем предвидит уменьшение размеров летательных аппаратов и появление беспилотных систем таких как, например, ударный беспилотник Pedator, благодаря которым американской армии удавалось держать огромное пространство Ирака и Афганистана.

Но далее происходит переход на следующий уровень – использование в боевых действиях «кремниевых насекомых» – летающих роботов, способных решать боевые задачи. В настоящее время типовым «боевым насекомым» является «электронный шмель», умещающийся на фаланге большого пальца. Такие микророботы стоят на вооружении спецвойск Израиля. Они могут подслушивать, делать съёмку, а при необходимости и убивать отдельных людей.

В настоящее время активно ведется работа над созданием и алгоритмами управления *стай* и *команд мобильных роботов*. Стаи такой «кремниевый саранчи» в сотни тысяч или миллионы особей могут в принципе превратить множество военных систем предыдущего поколения (танков, самолетов, радаров, кораблей) в груду недействующего металла. Сейчас следовало бы начать вести переговоры о запрете создания подобных боевых систем. Опыт показывает, что гораздо проще договариваться об оружии, которое пока не создано и не развернуто, чем делать когда оно уже стоит на вооружении. Если это не будет сделано, то мы можем увидеть войны совершенно нового формата, превосходящие самые мрачные антиутопии.

Прогноз Лема начал оправдываться самым парадоксальным образом. Благодаря широкому применению трансгенов в США в сельском хозяйстве по не вполне понятным причинам пчелиные семьи вымерли почти на 1/3 территории этой страны. Эти насекомые крайне важны для опыления; и сейчас в США разрабатывается проект, направленный на то, чтобы поручить эту работу роботам-насекомым.

Продолжает обсуждаться (и, видимо, разрабатываться) проект «умная пыль» – результат нанотехнологической научной революции. Это система коллективно действующих и не видимых невооруженным глазом передатчиков и других электронных компонент, способных осуществлять мониторинг, разведку или воздействия на критически важные системы противника.

Лем идет ещё дальше. Представим себе бактерий и вирусов, которые наносят катастрофический ущерб населению противной стороны. И к этой мрачной перспективе тоже стоило бы отнестись всерьёз. В самом деле, люди разных рас, национальностей, этносов, очевидно, отличаются не только внешне, но и генетически. Поэтому можно предположить, что могут быть созданы возбудители заразных болезней избирательно воздействующие на них. И здесь возникает новая бифуркация.

Классик военной стратегии Б.Х. Лиддел Харт писал: «Более ста лет основным каноном военной доктрины было то, что «уничтожение главных сил противника на поле битвы» составляет единственную истинную цель войны».

Но так ли это в сегодняшних или, тем более, в будущих реалиях? Выдающийся китайский стратег Сунь-бин писал, что высший уровень военного искусства – побеждать, не выходя на поле боя, лишая противника союзников и разрушая его замыслы.

И такой формат войны тоже оказывается возможным, о них также писал С. Лем. Войны обычно связывают с быстрыми, масштабными, очевидными действиями. Но если одна страна в технологическом плане существенно превосходит противника, и может не спешить с решением своих стратегических задач, то открывается перспектива «медленных войн» или «криптовойн». Во время таких боевых действий противник может довольно долго не догадываться, что его уничтожают.

Часто новое оказывается хорошо забытым старым. Вспомним, как колонисты Северной Америки выселяли индейцев с занимаемых ими территории. С одной стороны, иммунитет индейцев в гораздо большей степени уязвим к алкоголю, чем белых людей, поэтому колонисты исправно снабжали аборигенов «огненной водой». С другой стороны, у местного населения не было иммунитета ко множеству болезней, к которым европейцы после многочисленных эпидемий обрели устойчивость, а также развили медицину, ориентированную на эти недуги. У индейцев всего этого не было, и они довольно скоро после прибытия белых начали вымирать по неясным для них причинам, освобождая территорию для новой цивилизации.

Технологии – сегодняшний день, образование – завтрашний, наука – послезавтрашний. И **е**сли одна цивилизация противостоит другой на характерных временах в несколько поколений, то именно **по образованию и науке конкурентов следует наносить основной удар**. С этой точки зрения было бы весьма целесообразно рассмотреть деятельность российского

Минобрнауки, и, в частности, весьма сомнительную «акцию» 2013г. с организацией «всероссийского научного аудита» проводимого консалтинговой компанией Pricewaterhouse Coopers) /102/. Достаточно ясно, что указанная затея вполне могла способствовать передаче американской стороне критически важной информации о потенциале всей российской науки.

История показывает, что в ходе развития технологий со временем осваиваются новые среды, которые тут же начинают использоваться как пространства для боевых действий. В древности это было суша, чуть позже к ней добавилось море, в начале XX века человек начал использовать глубины морей и океанов, большую роль в Первой мировой войне и огромную во Второй сыграло противостояние в воздухе. Последние полвека новым пространством, используемые в военных целях, стал космос. Баллистические ракеты, спутники-шпионы, системы связи, использующие космический сегмент уже кардинально изменили способы ведения войн.

Американский футуролог и аналитик Э. Тоффлер в книге «Война и антивойна» выдвинул очень важный тезис: «Способ ведения войн отражает способ создания богатств, а способ борьбы с войной должен отражать способ ведения войны».

В самом деле, обратимся к «индустриальный» фазе развития. Она создала общество, для которого характерны массовое производство, массовая культура, массовое образование, массовое потребление, средства массовой информации. Значительная часть богатства создавалась на огромных заводах, в производство была вовлечена б*о*льшая часть всего населения. Военным отражением этих социально-экономических реалий стали массовые армии и оружие массового уничтожения.

Цифры, подтверждающие это, приводимые Э. Тоффлером потрясают воображение. Например, во время Второй мировой войны в армию США было призвано 15 миллионов человек, изготовлено более 300 тысяч

самолетов 100 тысяч танков и бронемашин, 71 тысяча военно-морских судов и 41 миллиард единиц боеприпасов.

Как предвидеть новые сферы военного противоборства и новые форматы войн? Хорошим ориентиром здесь является теория больших волн технологического развития, выдвинутая выдающимся экономистом Н.Д. Кондратьевым, а также ее обобщение, связанное представлениями о технологических укладах и локомотивных отраслях экономики.

Период Первой и Второй мировых войн определялся III и IV технологическими укладами. Для промышленности того времени были характерны массовое производство, активное развитие тяжелой промышленности, металлургии, большой химии, а также автомобилестроения, самолетостроения, танкостроения. И.В. Сталин называл Вторую мировую войну *войной моторов* и был прав. Именно количество и качество моторов в огромной степени определяли боевую мощь и возможности сражавшихся армий. Научной основой этих укладов были достижения электродинамики (наступил век электричества и электромоторов) и химии (воплощенные в металлургической и нефтеперерабатывающей промышленности).

С 1970-х годов развитие экономики определил V технологический уклад, и на первый план выходили компьютеры, телекоммуникации, интернет, малотоннажная химия, новые методы работы с массовым сознанием. В их основе лежали результаты физики начала XX века, – квантовой механики и теории относительности и, отчасти, психологии и социологии.

Если до этого времени промышленность стремилась выявить запросы потребителей и наилучшим способом удовлетворить их, то на новом уровне развития стал возможен иной способ действий. Благодаря эффективной, разнообразной рекламе удалось «затачивать» массу покупателей на возможности производителей и выбрасываемый ими на рынок товар,

создавать искусственные потребности, культивировать иррациональное поведение.

Оборотной стороной этого стало превращение в поле битвы *сферы массового сознания*. Результаты этого сейчас на виду. За постсоветский период Российская Федерация в различных формах оказала экономическую помощь Украине в объеме более $200 млрд., в то же время США вложили $5 млрд. Но эти средства были вложены в сферу массового сознания. Украинские коллеги рассказывают, что школьные учебники с акцентом на возрождении «украинства», отпечатанные в США, были доставлены в страну уже в конце 1991 года. Ставка на массовое сознание украинцев позволила переориентировать элиты, осуществить государственный переворот, развязать гражданскую войну и нанести огромный, разнообразный ущерб России, изменить её место в мировом геополитическом и геоэкономическом пространстве.

Виртуальное пространство, киберпространство с 1970-х годов стало еще одним пространством, в которых уже проходят конфликты и идет подготовка к намного более масштабным войнам.

Наглядным примером боевого использования виртуального пространства стала масштабная диверсия в ядерном комплексе Ирана. Одним из наиболее тщательно охраняемых объектов в стране является завод по разделению изотопов в городе Натанзе. Однако компьютерный вирус, специально созданный для этой цели, перевел центрифуги в недопустимый режим работы, это привело к выходу их из строя и отбросило ядерную программу Ирана на несколько лет назад.

Заметим, что защищаться в этой сфере достаточно трудно. Исследования показали, что не удается создавать компьютерные программы, в которых меньше одной ошибки на 1000 команд кода, даже для особо защищённых опасных объектов. Поэтому в популярной операционной системе Windows фирмы Microsoft содержится более 50 тысяч уязвимостей. Разведки использует 1,5-2 тысячи в мирное время.

Однако в режиме «кибервойны», к которой готовятся компьютерные войска, созданные во многих ведущих странах мира, результаты дезорганизации компьютерных систем, перехвата управления рядом объектов могут многократно превзойти сегодняшние ожидания /107/.

Это наглядно показала война в Заливе (1991). На территорию Ирака было переброшено около пятисот тысяч солдат стран антииракской коалиции, еще 300 тысяч были в резерве. Однако в большой степени победа была одержана благодаря деятельности 2000 сотрудников, не выезжавших из США и сидевших за терминалами. Именно они разрушали системы управления, наводили самолёты на цели, перехватывали секретные сообщения, блокировали банковские счета иракских офицеров и их родственников.

Со временем становления 5го технологического уклада и широкого распространения компьютеров появилось и отчасти реализуются проекты так называемых «*сетецентрических войн».*

Разумеется, действие рождает противодействие. Электронным, компьютерным средствам разведки, связи и целеуказания противопоставляется средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ), которые позволяет блокировать информационные потоки противника и «закрыть» от наблюдения свои объекты.

Однако широкое проникновение виртуальной реальности в современное общество меняет способы ведения войны не только на техническом, тактическом уровне, но и на уровне большой стратегии. Вникает возможность создания для военных и спецслужб «прозрачного мира». Э. Сноуден подтвердил то, что было очевидно, специалистам. Спецслужбы США держит «под колпаком» более 1 млрд. человек более, чем в 50 странах. Им доступны электронная почта, sms – сообщения, звонки, покупки, осуществляемые с помощью банковской карточки, счёта, передвижения. Более того, эта информация записывается, хранится и компьютерные системы могут находить ответы в этом океане данных,

анализировать взгляды человека, его психотип, выявлять организованные группы, чтобы при необходимости наносить точные обезоруживающие удары.

Однако у этой технологии (как и у всех остальных) есть своя «ахиллесова пята». Её наглядно показал Джулиан Ассанж и его портал Wikileaks. При наличии огромного массива распределенной информацией и развитых компьютерных сетях нельзя быть уверенным, что тайное довольно быстро не станет явным. Произошедшее имеет глобальный характер – опубликованная конфиденциальная информация не является секретной – она показывает лживость и цинизм американского истеблишмента.

Однако при таком положении дел за безопасность секретной информации есть все основания опасаться гораздо больше, чем раньше. В случае обострения ситуации этот фактор может сыграть очень большую роль.

Тем не менее, в настоящее время в странах-лидерах технологического развития идет переход к VI технологическому укладу. Именно сейчас происходит «пересдача карт Истории» и выясняется, какие отрасли станут ведущими, а какие ведомыми, какие страны станут продавцами, какие покупателями, какие взлетят на волне нового технологического уклада, а какие уйдут из истории навсегда.

В качестве локомотивных отраслей VI уклада часто называют те, которые опираются на *биотехнологии, робототехнику, нанотехнологии, новое природопользование, полномасштабные технологии виртуальной реальности, высокие гуманитарные технологии, новую медицину, когнитивные технологии*. Выбор главного направления развития на ближайшие 40-50 лет делается в настоящее время.

В качестве технологической основы этого нового этапа технологического развития называют *конвергентные технологии* SocioCognitoBioInfoNano (SCBIN). Сам термин подчеркивает, что сочетание нескольких типов технологий из этой пятерки может дать новые качества.

Что станет научной основой этого уклада? Этот вопрос сейчас самым активным образом обсуждается в научном сообществе.

Рискнем и мы высказать свое мнение по этому поводу. Вероятно, научной основой следующего рывка станут достижения молекулярной биологии, искусственного интеллекта и междисциплинарные подходы (в частности, теория самоорганизации или синергетика). Результаты этих дисциплин, вероятно, и определят формат войн будущего.

В самом деле, одним из выдающихся открытий XX века стало открытие генетического кода – универсального для всего живого способа записи генетической информации. Огромным достижением в прикладной биотехнологии стало создание эффективных технологий секвенирования генома. Программа «Геном человека» стала одной из самых успешных в экономическом плане (в течение ряда лет в США в эту программу было вложено более $3 млрд.). По словам Барака Обамы, каждый доллар, вложенный в эту программу, уже позволил получить $140 прибыли. Эти научные результаты уже во многом преобразили медицину, фармацевтику, правоохранительную сферу, сельское хозяйство, стали основой ряда оборонных программ.

Учитывая близость «фазового барьера» и необходимость переориентировать мировое хозяйство на возобновляемые ресурсы, можно предположить, что удельный вес «зеленой экономики» будет быстро расти. В ней будет создаваться всё бо́льшая часть мирового богатства, по нему в случае военного противостояния будет наноситься удар. Обратим внимание только на одну возможность. Бактериологическое оружие не получило распространения в ходе Второй мировой войны и в холодной войне во многом из-за отсутствия концепции боевого применения (с большей вероятностью атакующая сторона будет подвержена тем же инфекциям) и из-за невозможности секретной атаки.

Однако ситуация изменилась. В 2012 году японский ученый Синъя Яманака был удостоен Нобелевской премии за технологии превращения

обычных клеток организма в стволовые, из которых потенциально могут быть выращены ткани любого органа.

Можно сказать, что для отдельных клеток воплотилось чудо, описанное в сказке «Конек-Горбунок», связанное с омоложением в результате купания в котле с кипящей водой. Роль этого котла играет фактор плюрипотентности (именно он и превращает обычные клетки организма в стволовые), который может преобразить мировую трансплантологию. Вместо пересадки чужих органов и связанным с этим подавлением иммунной системы можно пересаживать «свой» орган, выращенный из собственных стволовых клеток.

Однако исследования показали, что если распылить фактор плюрипотентности над мегаполисом (что можно сделать скрытно), то это увеличит заболеваемость тяжелыми болезнями до 10% /31/. В биологическом пространстве есть и много других «окон уязвимости» /31/.

Одной из наиболее важных и закрытых американских оборонных программ сейчас является программа защиты биологического пространства страны. Предполагается, что эта работа будет завершена к 2022 году.

Историки XX века пишут, что в начале века польский банкир И. Блиох издал многотомный труд, раскрывший характер, особенности технологий и хода предстоящей мировой войны. Эта работа разительным образом отличалось от прогнозов генеральных штабов и, как выяснилось, была очень точной и важной. Если бы её приняли всерьез многое в истории России могло сложиться иначе. Весьма вероятно, что и сейчас уже написаны подобные работы, в которых детально представлены и основные черты, и особенности войн XXI века.

Остается надеяться, то этот урок пойдет впрок и у нас найдется мужество заглядывать в будущее, не успокаивая себя прошлым.

6.3.2.4 «Хорошо забытое старое» («неядерное» ОМП как дестабилизирующий фактор военной безопасности России).

Известная поговорка утверждает, что: «новое – это хорошо забытое старое». В этой связи в условиях резкого обострения международной обстановки на «Западе» (в связи с так называемым «Украинским кризисом») и появления мощной радикальной военно – политической структуры ИГИЛ на «Юге» целесообразно вновь вернуться к проблеме «неядерного ОМП».

Серьезным дестабилизирующим фактором, определяющим для России высокий уровень будущих рисков, вызовов и угроз (обуславливающих нецелесообразность российских сокращений в сфере СЯС и ТЯО) является отработанность технологий создания и возможность «горизонтального распространения» различных типов «неядерного» ОМП и средств доставки, а также появление новых видов такого ОМП в том числе на базе технологий так называемого «6го технологического уклада».

В свете рассматриваемой проблемы особое опасение вызывает развитие научно - технологической базы создания новых типов химического и биологического оружия (которое на Западе часто называют «ядерным оружием бедных»).

Хотя к 1990 г. более 11О стран подписали Конвенцию 1972 г. о запрещении биологического оружия (БО), тем не менее это не привело к прекращению исследований, которые можно квалифицировать как разработку биологических средств поражающего действия. По данным экспертов, около 10и стран в настоящее время работают над созданием БО. На момент подписания Конвенции наиболее интенсивные биологические исследования в рамках военных программ осуществлялись в США, Великобритании, Канаде, ФРГ, Франции, Швеции. Сейчас уровень разработок в области БО может быть оценен только по косвенным признакам, например, таким как рост бюджетных ассигнований на биологические программы, строительство новых лабораторий с высокими стандартами безопасности, «закрытый»

характер многих исследований, расширение связей министерства обороны с научными центрами и фирмами.

В Канаде прикладные исследования по проблеме защиты от биологического оружия выполняются в Саффилдском центре. Он располагает комплексом лабораторий и полигоном, а финансируется полностью министерством обороны. В Германии проблемами защиты от БО занимаются Институт защиты от ОМП в Мунстере и Институт микробиологии. Оба учреждения обладают лабораториями с высоким уровнем изоляции, предназначенных для генно-инженерных исследований, и финансируются министерством обороны. Франция реализует свои биологические программы в четырех научно- исследовательских центрах, численность персонала в них достигает до тысячи человек, а деньги также поступают от министерства обороны. По данным открытой зарубежной печати, учреждения, принимающие участие а работах по созданию и совершенствованию биологических средств функционируют в Израиле, Японии, Пакистане. Что касается других стран, то по данным Вашингтонского института ближневосточной политики, к числу имеющих или разрабатывающих БО принадлежат Египет, Иран, Сирия.

Бурное развитие в последние десятилетие такой области биотехнологии, как генная инженерия открыло широкие перспективы в исследовательских работах по созданию новейших биологических агентов и микроорганизмов. Возростающий уровень технологии обеспечит довольно быстрое массовое производство и накопление БО в необходимых количествах.

Как отмечается в /31/: «Фактически, большая часть технологий, необходимых для создания опасного биологического оружия, уже существует. Например, в конце 2007 года был предложен набор из базовых «кубиков» для генетического конструирования, распространяемый по принципам свободного программного обеспечения *Genetic-Engineering Competitors Create Modular DNA Dev Kit*[1]. Или, например: «В 2003 году

ученые из Института альтернативной биологической энергии (США) под руководством знаменитого Крейга Вентера синтезировали из общедоступных реактивов вполне живой бактериофаг phi-X174 …

В 2002 году Экарт Уиммер из университета Стони Брук, штат Нью-Йорк, опубликовал работу по синтезу вируса из кусочков молекул. Синтетические вирусные частицы оказались совершенно неотличимы от естественных по всем параметрам – размеру, поведению, заразности. Причем слово «синтез» применимо к этой работе в самом буквальном смысле: зная нуклеотидную последовательность, ученые шаг за шагом построили вирус совершенно так же, как химики синтезируют сложные молекулы. Сам синтез занял у группы три года. А в 2003 году, через год после публикации этой работы, ученые из Института альтернативной биологической энергии потратили на синтез бактериофага из заказанных по каталогу реактивов всего две недели» [Юдина 2005].

Как отмечают исследователи /31/: «Основная технологическая тенденция состоит в том, что био-оборудование постоянно дешевеет и распространяется по миру, одновременно знания о том, как использовать его во вред, возрастают и тоже распространяются.

Уже сейчас биологическое оружие считается одним из самых дешёвых – стоимость причинения смерти им в расчете на одного человека несколько центов. С другой стороны, для производства современных реагентов вроде сибирской язвы в военных целях нужны большие защищённые лаборатории и полигоны. Оно может быть ещё дешевле, если учесть способность агента саморазмножаться. Теперь подержанный ДНК секвенсор можно купить за сумму от 200 долларов, и с каждым годом цена этих устройств падает в разы, а качество растёт.

Уже сейчас создание биологической супербомбы может оказаться в тысячи раз дешевле, чем создание ядерного оружия сравнимой поражающей силы. Когда распространятся дешевые технологии производства произвольных живых организмов с заранее заданными функциями, цена

изготовления такого оружия может упасть до несколько сотен долларов…..Чтобы представлять угрозу человечеству, биологическое оружие должно быть не только смертельным, но и заразным и легко распространяющимся. Генетические технологии дают огромные возможности не только для создания летального оружия, но и для создания способов его доставки. Не нужно обладать великой фантазией, чтобы представить себе генетически модифицированного малярийного комара, который может жить в любой среде и с огромной скоростью распространиться по всей планете, вводя при укусах некий биоагент. Или вошь. Или саранчу, заодно поедающую всё живое и распыляющую споры сибирской язвы. Но у будущих биоконструкторов будет гораздо больше фантазии…..

возможно и «двухступенчатое» биологическое оружие. На первом этапе некая производящая токсин бактерия распространяется по всему миру. На втором, по некому сигналу или таймеру, она начинает производить этот токсин сразу повсюду на Земле. Некоторые микроорганизмы ведут себя так при атаке на крупный организм.

Следующий вариант «оружия конца света» – это распыление в воздухе больших количеств спор сибирской язвы (или подобного агента) в защитной оболочке (а такие оболочки уже давно имеются для боевых штаммов). Этот вариант не требует саморазмножающегося болезнетворного агента. Заражение сибирской язвой очень длительное – один остров в Англии дезактивировали 50 лет, – и для заражения не требуется больших количеств реагента. 1 грамм может заразить целое здание…..Это означает, что по способности к длительному заражению и нанесению экономического ущерба сибирская язва превосходит большинство радиоактивных веществ.)….

Ещё один вариант биологической угрозы – это некая автокаталитическая молекула, способная неограниченно распространяться в природе. Коровье бешенство вызывается автокатализом особого белка, называемого прионом…..

Отметим ещё вариант — распространение по всей биосфере некоего живого существа, вырабатывающего опасный токсин. Например, это могут быть генетически модифицированные дрожжи или плесень, вырабатывающие диоксин или токсин ботулизма.» (конец цитаты /31/).

В опубликованном в сентябре 2000 г. докладе **«Восстановление американской обороноспособности: стратегия, войска и средства для Нового американского столетия»** утверждается, что в этом столетии «будут распространяться новые методы агрессии — электронные, несмертельные, **биологические...** борьба, вероятно, перейдет в новые измерения — в космос, киберпространство, в мир **микроорганизмов...»,** причем «...продвинутые виды биологического оружия, способные воздействовать на конкретный генотип, могут перевести биооружие из сферы террора в **область полезного политического инструментария**».

> ***Справочно.*** *Проект «Новое американское столетие» — неправительственная политическая организация США,основная идея которой состояла в том, что «американское лидерство одинаково хорошо как для Америки, так и для всего мира». В сентябре 2000 г. эта группа опубликовала доклад Rebuilding America's Defenses: Strategies, Forces, and Resources For a New Century.*

Необходимо отметить активную деятельность многочисленных американских «научных учреждений», работающих по заданиям и при непосредственном финансировании Пентагона, в Соединенных Штатах и многих других странах, где Пентагон имплантирует подобные «центры биологических исследований».

По опубликованным данным /110…113/, по состоянию на 2006 год, только в США официально насчитывалось более 400 таких учреждений, осуществляющих секретные программы Пентагона и американских спецслужб. Как отмечается в тематических публикациях /110…113/ никакой публичной отчетности о деятельности этих «центров» не имеется.

В настоящее время партнерами США в рамках этих программ являются суверенные государства по периметру России: **Украина, Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия /110…113/.**

США, активно подключают к ним, в частности, **Афганистан, Пакистан, Бурунди, Кению, Уганду, Индию, Ирак, Танзанию, ЮАР и другие страны /110…113/.**

Как отмечается в прессе /110..113/: «указанная работа ведется при активном участии Пентагона и американских спецслужб. Одним из подтверждений этому может служить, в частности, функционирование грузино-американской лаборатории в Алексеевке, во главе с бывшим руководителем службы разведки Грузии А. Жвания, а ее работу курирует лично советник министра обороны США по ядерным, химическим и оборонным программам Э. Вебер. Известно также, что в этом центре работают военнослужащие армии США, а опыты проводятся в условиях строжайшей секретности. Армянское издание «Еркрамас» предполагает, что в грузинской лаборатории ведутся Пентагоном прикладные исследования по боевому применению биологических поражающих средств. О причастности грузино-американского центра в Алексеевке к распространению вируса африканской чумы свиней в российских регионах главный санитарный врач России Геннадий Онищенко говорил уже неоднократно»

Только на территории Украины Пентагон развернул 11 биологических лабораторий, проводящих исследования и разработки с особо опасными биологическими организмами. Эти лаборатории расположены в таких крупных городах, как Львов, Одесса, Харьков, Днепропетровск, Винница, Херсон /110…113/.

По оценкам ряда экспертов /110..114/, создавая за рубежом подобные «центры» и биолаборатории, Вашингтон решает, в частности, следующие задачи:

- использование их для ведения биологических исследований особо опасных патогенов за пределами своей территории, не опасаясь протестов американской общественности;
- **обход международных договоренностей, в частности, Конвенции 1972 г.** о запрещении биологического и токсинного оружия.
- изучение болезнетворных микроорганизмов, ориентированных на поражение конкретного генотипа животных мира или населения определенных территорий в интересах Пентагона и на случай возможных военных действий в регионе расположения подобных «центров».

В целом, оценивая деструктивные действия США нельзя не замечать, что в состоянии эйфории от мировой гегемонии Вашингтон предпочитает не исполнять требования Конвенции 1972 г. о запрещении биологического и токсинного оружия, а устанавливать собственные механизмы тотального контроля за микробиологическими исследованиями в мире.

Химическое оружие (ХО) является еще одним значимым дестабилизирующим фактором стратегической стабильности.

Работы в области химического оружия были развернуты не только в развитых государствах, но и "третьих" странах, для которых ХО является одним из самых доступных. Некоторые направления и пути совершенствования такого оружия достаточно подробно представлены в /114…125/.

Во первых, все возрастающая роль отводится разработке сверхтоксичных боевых веществ /114…125/.

Явно повышенный интерес в исследовательских лабораториях США проявлялся также к изучению новейших веществ - микотоксинов. При определенных обстоятельствах это может привести к появлению новых ядовитых веществ, о чем свидетельствует так называемый "желтый дождь", который представляет собой неочищенный экстрат фузариум-микотоксинов и по неподтвержденным данным уже применялся в ряде региональных конфликтов /114…125/.

К настоящему времени накоплен значительный опыт в создании бинарных систем химического оружия. Когда мы говорим о бинарных боевых веществах, то имеем в виду вовсе не новые, оставшиеся до сих пор неизвестными боевые отравляющие вещества, а лишь новую технологию их применения или новые виды боезарядов для уже известных веществ. Под бинарными химическими боеприпасами понимаются такие, в которых два относительно малоядовитых соединения хранятся, транспортируются и помещаются в боезаряд раздельно. Оба компонента смешиваются лишь после его применения и образуют - на пути к цели - высокоядовитое боевое вещество.

С точки зрения сторонников бинарного оружия, существует ряд веских доводов в его пользу.

Во-первых, производство, складирование и транспортировка бинарных химических боеприпасов связаны с меньшим риском для занятых этим делом людей. Вследствии нетоксичности или относительно меньшей токсичности компонентов бинарных систем хранение и перевозка этих боеприпасов могут быть существенно упрощены, что в значительной степени расширит возможности по размещению ХО на авианосцах, кораблях и подводных лодках.

Во-вторых, резко возрастает общее число ядов, которые потенциально могут быть использованы в качестве боевых отравляющих веществ, так как существует принципиальная возможность создавать новые виды отравляющих веществ путем замены одного бинарного компонента.

В-третьих, финансовые затраты на производство и эксплуатацию бинарного оружия в сравнении с традиционным ХО существенно ниже, поскольку необходимые для этого технические меры безопасности могут быть сокращены.

К преимуществу бинарных систем следует отнести и возможность вероятной стране- агрессору или террористическому режиму, например, ИГИЛ **легко маскировать свои намерения**. Он может заказывать исходные

продукты гражданским химическим предприятиям, накапливать их в больших количествах под видом коммерческой продукции, а в случае необходимости израсходовать на мирные цели.

Эти преимущества делают бинарное ХО **весьма эффективным с точки зрения обхода конвенции о запрещении химического оружия и создают предпосылки для неконтролируемого расползания его по планете и несанкционированного применения** любыми странами, особенно в локальных войнах и конфликтах.

В настоящее время известно о существовании генетически обусловленных полиморфизмов, особенно ферментных изовариантов, которые могут оказывать существенное влияние на способность ядовитых веществ вызывать изменения в живом организме. Такое положение вещей влечет за собой многообразные последствия как для ориентированного на этнические особенности количественного и качественного воздействия ХО, так и с точки зрения терапевтических последствий подверженности влиянию отравлений/114…125/. Уже в период первой мировой войны были сделаны наблюдения, согласно которым применявшиеся в то время боевые отравляющие вещества оказывали четко выраженное специфическое действие на представителей различных этнических групп. Так, при применении иприта против "цветных" (негры, арабы и т.д.) эти различия проявлялись и в форме, и особенно в интенсивности воздействия. Злоупотребления этими «достижениями» в военных целях могут носить весьма разнообразный характер. В этой связи уже на протяжении ряда лет используется понятие химическое оружие "этнического" направленного действия.

Развитие современных технологий (как отмечается в /31/) позволяет эффективно применять БО и ХО: «Основная проблема использования военного и террористического биологического оружия и применения отравляющих веществ – это трудности их анонимного эффективного распыления. Эту задачу мог бы решить миниатюрный робот размером с птицу (например, авиамодель). Множество таких роботов могло бы быстро и

незаметно «опылить» огромную территорию. В настоящий момент достигнут значительный прогресс в миниатюризации летающих роботов-дронов, и их размер уменьшился до размеров стрекозы. Большое количество роботов размером с насекомое могли бы перелетать на сотни и тысячи километров и равномерно распространяться по огромной площади, проникать в закрытые пространства – как это сейчас делают стаи саранчи. Например, американским агентством *DARPA* принята программа *Nano Air Vehicle (NAV*), которая предусматривает создание летающих дронов размеров менее 7.5 см и весом до 10 г.….такие роботы могли бы представлять собой глобальный риск, так как могли бы распространиться по всей планете и распылить опасное биологическое или химическое оружие, или атаковать другими способами. То же могло бы сделать меньшее число высокоскоростных и более крупных дронов, действующих как самолёты-опылители, или ряд низкоорбитальных спутников»

К разряду химического оружия условно можно отнести и так называемое радиологическое оружие. Это понятие включает в себя военное применение радиоактивных материалов, получаемых не в результате ядерного взрыва, а другими путями, например расщеплением или облучением некоторых материалов в ядерном реакторе или бомбардировкой в ускорителях. В связи с широким развитием ядерной энергетики и достижениями физики высоких энергий многие развитые в индустриальном отношении страны имеют возможность получать радиоактивные нуклиды с различным периодом распада сверх своих технических потребностей в таких количествах, которые делают возможным их использование для создания и развертывания радиологического оружия. Не представляет принципиальных трудностей и разработка технологии его применения с земли или с воздуха. Действие радиологического оружия может быть сравнимо с действием таких радиоактивных веществ, которые образуются при ядерном взрыве и заражают окружающую местность. Ионизирующее воздействие радиоактивного излучения оказывает особенно губительное воздействие на биологические

цели. Это в первую очередь касается людей - в одинаковой мере и войск и гражданского населения. Серьезные повреждения могут быть причинены интенсивным или длительным излучением животному и растительному миру.

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить следующее.

Современный уровень развития научно – технологической базы создания БО и ХО, ее потенциально высокая доступность широкому кругу стран («ядерное оружие бедных») а также возможность скрытного создания и накопления больших масс указанного оружия делают само наличие указанных видов ОМП существенным дестабилизирующим фактором безопасности России.

БО и ХО невозможно «изобрести назад», институциональные ограничения вроде соответствующих Конвенций в современном мире мало чего стоят.

Новым дестабилизирующим фактором мировой политики, определяющим для России высокий уровень будущих рисков, вызовов и угроз (обуславливающих нецелесообразность российских сокращений в сфере СЯС и ТЯО) является потенциальная возможность создания в дальней перспективе новых («неядерных») видов ОМП на базе технологий «6го технологического уклада», и, в частности, «нанотехнологического оружия».

В свете рассмотрения указанной проблемы большой интерес вызывает изложенные в /31/ результаты анализа возможных типов нанотехнологического оружия.

По мнению А.В.Турчина: «Основной опасностью в отношении нанотехнологий считается распространение нанотехнологической «серой слизи», то есть микроскопических саморазмножающихся роботов, способных превратить в себя, то есть съесть, всю биосферу. Возможность неконтролируемого размножения нанороботов рассматривал ещё Дрекслер, а Р. Фрейтас опубликовал научную статью «Проблема серой слизи» [Freitas 2000], где дал количественные оценки скорости возможного распространения

опасных нанороботов по Земле. Основные особенности «серой слизи» таковы:

- миниатюрность;
- способность к саморазмножению;
- способность к самостоятельному распространению по всей Земле;
- способность незаметно и эффективно уничтожать крупноразмерную технику и живые организмы;
- анонимность;
- дешевизна;
- автономность от человека (солдата).

Серая слизь и основанное на ней нанотехнологическое оружие являются высшим выражением этих принципов, объединяющим их все вместе. Однако вовсе не обязательно объединять все эти принципы, чтобы получить опасное и эффективное оружие – достаточно реализовать некоторые из них»/31/.

Оценивая возможные риски вызываемые развитием нанотехнологий, Центром ответственных нанотехнологий (*CRN*) в 2008 году было опубликовано исследование «Опасности молекулярного производства». В данной работе делается вывод, что основная опасность нанотехнологий исходит не от создания с их помощью новых материалов, а от создания всё более миниатюрных роботов, пригодных как для молекулярного производства, так и для военного применения.

Как отмечается в /31/: «Боевые микророботы могли бы производиться как оружие на фабриках, вроде современных заводов по производству чипов, и даже с применением тех же технологий – литография теоретически позволяет делать подвижные части. При весе в несколько миллиграммов такие микророботы свободно могли бы летать в атмосфере. Каждый такой робот мог бы содержать достаточно яда, чтобы убить человека или замкнуть

контакт в электротехническом устройстве. Чтобы атаковать всех людей на земле, потребовалось бы только несколько десятков тонн таких роботов.

….нанотехнологии позволят создавать очень эффективное оружие, которое способно истребить всех людей, даже не обладая способностью к саморепликации. Облако нанороботов может распространиться по некой местности, проникнуть в кровоток и затем синхронизировано нанести смертельный удар. Эта стая опаснее слепого биологического оружия, так как против неё не действуют карантины…..

Взаимный удар армиями микророботов может по катастрофичности последствий превосходить обмен ядерными ударами. Поверить в это трудно, так как трудно думать, что нечто очень маленькое может нанести огромный ущерб. (Хотя технологическая эволюция идёт в сторону того, что всё меньшее оружие имеет всё большую разрушающую силу, и атомная бомба тоже в этом ряду.) Удар микророботами может не быть таким зрелищным, как взрыв той же атомной бомбы, но может давать результат как идеальная нейтронная бомба в духе «школа стоит, а в ней никого».

Микророботы могут применяться и как тактическое оружие, тогда они будут бороться друг с пунктами управления, и как оружие устрашения и мести. Эту функцию сейчас выполняют стратегические ядерные силы. Именно в этом качестве они могут оказаться угрозой для всего человечества, в случае случайного или намеренного применения ».

В соответствии с прогнозом А.В.Турчина появление «нанотехнологического оружия» на базе микророботов можно ожидать к 2040г./31/. Что касается «серой слизи», то тут прогноз более расплывчат и связывается с успехами в создании соответствующей научно – технологической базы полноценного «искусственного интеллекта» , «биопринтера», и др. Т е создание «серой слизи» - пока еще достаточно отдаленная перспектива.

Рассмотренная выше ситуация ставит на повестку дня вопрос о ***противодействии угрозам, порождаемым развитием «неядерных» ОМП в других странах, в том числе и с помощью ядерного оружия***

Процесс формирования требований к отечественным военным средствам противодействия данным угрозам оказывается очень сложным во всех основных аспектах: технологическом, экономическом, военно-политическом (как регулировать развитие этих средств с учетом реальных взаимоотношений с другими государствами), военно-стратегическом (как применять их адекватно обстановке каждого конкретного конфликта без негативных побочных последствий - как прямых, так и опосредованных, например выражающихся в развитии неконтролируемой эскалации боевых действий).

Наработанные к настоящему времени методологические, фактологические и другие основания решения рассматриваемой проблемы недостаточны для рассмотрения всех перечисленных аспектов в должной полноте. В связи с этим, ограничимся сугубо предварительной качественной оценкой минимальных необходимых действий по созданию средств противодействия внешним угрозам, обусловленным развитием оружия массового поражения в других странах, с качественным учетом экономических и технологических факторов.

Учитывая сформулированную выше обобщенную характеристику угроз России, связанных с «неядерными ОМП» приходиться констатировать, что необходимы средства противодействия очень широкому спектру видов оружия массового поражения и при этом нельзя указать строгую границу между обычным оружием и оружием массового поражения.

Существенно различными стратегиями поведения в этих условиях могут быть:

(А) - ограничиться созданием "оружия возмездия", ответное применение которого будет гарантированно неприемлемо для любого противника. обладающего «неядерным ОМП» в любом конфликте;

(Б) - "идентичный ответ" - создание таких видов оружия массового поражения, которые в совокупности по используемым физическим, биологическим и т.д. процессам и масштабам последствий применения дублируют все виды оружия массового поражения, создаваемые в других государствах;

(В) - "адекватный ответ" - создание образцов вооружения, которые по "физике", "химии" и т.д. не обязательно дублируют оружие массового поражения противников, но обеспечивают адекватный спектр масштабов последствий применения.

Известно, что в предшествующий период стратегия типа (А) была превалирующей и поддерживалась ядерным оружием. По-видимому, не требуют особого доказательства следующие утверждения:

- в будущем Россия также должна обладать "оружием возмездия";
- **ядерное оружие является достаточно универсальным "оружием возмездия".** Нет необходимости создавать у себя другие его разновидности (например, тектоническое или бактериологическое), тем более что ядерное оружие, в отличие от других видов оружия, обладает свойством контролируемости последствий применения;
- "оружие возмездия" в сочетании только с существующим обычным оружием не может выполнить всех функций противодействия внешним военным угрозам, следовательно, стратегия (А) хотя и необходима, но неполна.

Стратегия типа (Б) потенциально стимулирует гонку вооружений. Этот феномен уже наблюдался в истории развития ядерного оружия. Можно, по-видимому, также утверждать, что экономически это наиболее тяжелый путь, а в сложившихся условиях он для России вообще нереален. Следовательно, этот путь не может быть рекомендован как основа политики государства в военно-стратегической области.

Стратегию типа (В) разумно рассматривать как дополнение стратегии типа (А). Принципиальное ее отличие от стратегии типа (Б) заключается в

том, что мы требуем адекватности своего оружия оружию противника не на техническом, а на функциональном уровне, причем имеется в виду высокий уровень описания функций, например, в терминах снижения эффективности экономики противостоящего государства, утраты боеспособности крупной группировки войск противника, разрушения среды обитания населения определенного региона и т.д. (не обязательно в результате действия процессов, идентичных тем, которые инициировало применение оружия массового поражения противника).

Накопленные знания о механизмах действии и последствиях применения ядерного оружия позволяют утверждать, **что оно для России является наиболее подходящим средством для реализации стратегии типа (В).** Важным фактором при этом является принадлежность ядерного оружия к оружию массового поражения с **контролируемыми последствиями применения.**

В дальнейшем, по-видимому, придется иметь дело с разработкой иных видов оружия массового поражения, в первую очередь промежуточных (по масштабам разрушающего и поражающего действия) видов вооружений между обычным оружием и собственно оружием массового поражения с плохоконтролируемыми границами последствий применения во времени и в пространстве.

Серьезным дестабилизирующим фактором, определяющим для России высокий уровень будущих рисков, вызовов и угроз (обуславливающих нецелесообразность российских сокращений в сфере СЯС и ТЯО) является то, что современные технологии в условиях антропогенных дестабилизирующих воздействий могут выступать в качестве **«особой формы» оружия массового поражения** (ОМП) При этом так называемые «обычные вооружения» при их использовании для удара по определенным видам объектов поражения могут обладать свойствами ОМП и оказывать на экологическую обстановку существенно большее негативное влияние, чем

например заглубляемые ядерные боеприпасы и воздушные и высотные ЯВ средств ПВО и ПРО.

Опасная радиационная обстановка не только на театре военных действий, но и в тылу может сложиться, например, в результате разрушения АЭС «обычными средствами поражения». В настоящее время, например в Европе насчитывается 108 АЭС, 239 ядерных реакторов, 1243 крупных объекта химической промышленности, удар по которым может явиться причиной неконтролируемой массовой гибели гражданского населения, уничтожения материальных ценностей и нарушения экологических систем в больших масштабах, соизмеримых с применением ОМП.

Несмотря на принимаемые меры по повышению безопасности и экологической чистоты промышленного производства, энергетики и транспортных средств, наблюдается тенденция к увеличению опасности и масштабов аварий. Это вызвано бурным развитием производительных сил и научно-технического прогресса; внедрением и быстрой сменой новых технологий; вовлечением в технологические процессы новых веществ с токсичными, горючими, агрессивными и др. вредными свойствами; повышением энергонасыщенности производства и увеличением единичной мощности технологических установок, емкости хранилищ, грузоподъемности транспортных средств; увеличением скорости технологических процессов и средств передвижения.

Заключенные в военных и хозяйственных объектах и технологиях потенциальные разрушительные силы создают объективную основу для целенаправленного использования их в качестве средств поражения с целью нанесения ущерба странам, в которых они расположены. Это может быть достигнуто путем искусственного создания условий, необходимых для высвобождения и реализации их разрушительного потенциала например:

- создание зон катастрофического затопления при разрушении плотин;
- радиоактивное заражение местности при разрушении ядерных

реакторов;

- химическое заражение атмосферы и воды при разрушении химических заводов;
- организация массовых пожаров путем поджога лесов, нефтяных и газовых скважин;
- распространение эпидемий и др.

Очевидно, что промышленно развитые страны с высокой плотностью населения наиболее уязвимы при воздействии поражающих факторов техногенной природы вызванных разрушением соответствующих производств от действия «обычного оружия». В этом случае неядерные средства поражения играют роль «спускового крючка», высвобождающего факторы с неконтролируемым и крупномасштабным поражающим действием. Это обуславливает постановку вопроса о возможности рассматривать промышленные объекты и технологии как средства массового поражения (СМП), а удар по ним как «**пассивную форму» войны с применением ОМП.**

Результаты исследований позволяют выдвинуть тезис о том, что боевые свойства поражающих факторов техногенной природы дают основание рассматривать опасные промышленные технологии как естественный ограничивающий фактор, делающий бессмысленной саму постановку вопроса о полном ядерном разоружении.

Все промышленно развитые страны являются потенциальными объектами применения по ним ОМП техногенной природы в конфликтах со странами, не имеющими соответствующего уровня развития «опасных производств», либо имеющих низкую плотность населения. В указанных условиях **ядерное оружие может стать адекватным сдерживающим фактором, приводящим возможный военный конфликт с «радикальным» (неядерным) государством (типа ИГИЛ) в «цивилизованные рамки».**

6.3.2.5. Стратегическая конъюнктура для развития ВС РФ

В настоящее время стратегическую конъюнктуру для развития военной организации России и обеспечения ее безопасности определяют следующие доминирующие на Западе теории ведения войны:

1. **Теория «непрямых действий»** Б. Г. Лиддел – Гарта (т. наз. «Клаузевица 20го века»), дополненная «Искусством войны» Сунь – Цзы. Реализуется в рамках недавно озвученной концепции **«Умной обороны».**

2. **Кибернетическая модель OODA** (наблюдай, ориентируйся, решай, действуй) Дж. Бойда и ее развитие в форме «концепции центров тяжести» Дж. Уордена, определяющей способ выбора **«болевых точек»** в цикле «О» и предусматривающей нанесение по ним «точечного удара» в цикле «А».

Примечание. Указанная модель реализуется в рамках следующих трех базовых концепций:

А. Концепции единого геоцентрического ТВД, сформулированной в 2009г командующим космическими войсками США генералом Робертом Келером, предложившим также подход к обеспечению доминирования на нём – принцип Space Situational Awareness, SSA.

Б. Концепции «быстрого глобального удара».

В. Концепции адаптированного планирования боевого применения СНС.

3. **Теория и технологии «управляемой конфронтации»** В. Лефевра.

4. **Концепция перехода к реализации т.наз. «Войн 4-го поколения» включая «сетевые войны».**

Как отмечается, ее основные отличные особенности состоят в следующем :

А. В войне 4-го поколения поле боя будет включать **все общество**, от имени которого противник ведет войну.

Б. Повышается значимость гибких действий небольших групп комбатантов, на основе знания и понимания намерений высшего командования.

В. Происходит снижение зависимости от централизованной системы логистики.

Г. Больший акцент на маневр. Усиление роли сравнительно небольших, высокоманевренных и подвижных сил.

Д. Направленность действий на достижение **внутреннего коллапса сил противника**. В число объектов «поражения» будут входить, в том числе, такие, как культура противника, поддержка войны населением, и др.

В связи с оценкой характера «войн четвертого поколения» следует отметить, что операция американских войск в Афганистане во многом стала первым полигоном для отработки принципиально новой оперативной концепции ведения военного противоборства – «***сетевой войны»*** (network-centric-warfare – NCW).

С этой целью в последние годы резко возросло финансирование **проекта создания глобальной информационной сети Минобороны США,** известного как проект **Defence Information Grid**, который координируется Агентством информационных систем МО (DISA), который рассматривается Пентагоном как основной инструмент ведения «сетевой войны».

Новый взгляд на ведение войн в XXI веке, по мнению американских специалистов, заключается в следующем:

1. В будущем основная угроза будет исходить не только от регулярных армий, но и от всевозможных террористических, криминальных других организованных сообществ, участники которых объединены **в сетевые структуры**.

2. Подобные организации не имеют четкой иерархической подчиненности, зачастую у них нет единого руководства, они координируют свою деятельность с использованием средств глобальных коммуникаций**.**

3. Отличительной чертой таких структур является наличие единой ***стратегической цели*** и отсутствие четкого планирования на тактическом уровне.

4. Для обозначения подобных структур появился специальный термин «сегментированная, полицентрическая, идеологизированная сеть» (Segmented, Polycentric, Ideologically integrated Network - SPIN).

5. В условиях воздействия подобных угроз изменяются роль и место Вооруженных Сил; в значительной степени акцент теперь делается на проведение **невоенных операций** (Operation Other Then War), что требует тесного взаимодействия со специальными негосударственными организациями.

6. «Сетевая война» определяется как оперативная концепция, ведения боя, базирующуюся на информационном превосходстве, позволяющая достичь увеличения боевой мощи войск путем ориентации на сеть датчиков, штабов и исполнительных подразделений, что дает возможность получения более широкой осведомленности, позволяет увеличить скорость доведения приказов, добиться более высокого темпа проведения операций, большего поражающего действия, большей живучести и самосинхронизации участвующих в боевых действиях (БД) подразделений..

7. «Сетевая война» переводит информационное превосходство в боевую мощь, эффективно связывает интеллектуальные объекты в единое информационное пространство ТВД.

8. Происходит трансформация поля боя в понятие боевого пространства, в состав которого помимо традиционных целей для поражения обычными видами вооружения, **также и цели, лежащие в виртуальной сфере: душа человека, его эмоции, восприятие, когнитивная сферы и воля.**

9. Воздействие на новые классы целей достигается за счет тесной **интеграции сетевых структур МО и сетевых структур гражданского**

общества (как совокупности общественных объединений, отвечающих за выработку «общественного мнения»).

10. К понятиям, отличающим «сетевую войну» от традиционной войны Пентагон относит:

- повышение эффективности использования географически распределенной силы (ранее было необходимо, чтобы подразделения и элементы тылового обеспечения располагались в непосредственной близости к противнику или к обороняемому объекту, новая концепция позволяет снять эти ограничения;
- участвующие в «сетевой войне» силы высоко интеллектуальны; пользуясь сведениями, полученными от всеохватывающего наблюдения за боевым пространством и расширенного понимания намерений командования, способны к самосинхронизации и коадаптации деятельности;
- наличие эффективных коммуникаций между объектами в боевом пространстве позволяет географически распределенным объектам не только проводить совместные действия, но и оперативно распределять ответственность и весь объем работ, с целью приспособления я к ситуации (принцип «стаи»);
- интеллектуальная информационная сеть (The Gird) должна включать:

1) подсеть датчиков (сенсоров);

2) подсеть узлов, принимающих решения; и

3) подсеть исполнительных узлов.

Все три подсети решают задачи как реального, так и виртуального характера, используются для нанесения как физического, так и духовно-нравственного ущерба противнику.

Концепция «сетевой войны» основывается на предположении, что в будущем военное противоборство будут осуществлять не только традиционные регулярные крупные войсковые формирования, но и организованные *по сетевому принципу* силовые сообщества, которые, как правило, не имеют четкой иерархической подчиненности и традиционного

единого стратегического руководства. Координация деятельности такого силового сетевого сообщества будет осуществляться за счет широкого использования средств глобальных коммуникаций. Отличительной чертой таких силовых сетевых сообществ является наличие единой паллиативной стратегической цели и отсутствие централизованного планирования на тактическом уровне.

Для обозначения такого силового сетевого сообщества в США, как отмечалось выше, используется специальный термин - «сегментированная, полицентрическая, идеологизированная сеть» (Segmented, Polycentric, Ideologically integrated Network – SPIN)

Цель создания и применения средств «сетевой войны», по мнению американских экспертов, состоит в «переводе информационного превосходства в боевую мощь, которая достигается на основе эффективного объединения множества информационно-управляющих, силовых и обеспечивающих субъектов в единое информационное пространство на ТВД». Указанный подход, означает необходимость нового взгляда на традиционное понятие «поле боя», которое трансформируется в качественно новое понятие, называемое «боевым пространством». В боевом пространстве, помимо традиционных материальных целей, для поражения которых используются обычные виды оружия, входят цели, лежащие в виртуальной сфере, а именно, распределенная в пространстве человеческая субъективность, которая выступает в виде эмоциональных реакций, мотивов, восприятий и других отправлений психики, как отдельного человека, так и целых человеческих сообществ.

В целом же процесс управления межгосударственным конфликтным противоборством организуется на основе сквозных функциональных технологий, позволяющих реализовать в системе управления указанным противоборством все виды (механизмы) выработки управленческих решений.

В рамках организации многоуровневого процесса управления межгосударственным конфликтом «цикл OODA» реализуется на

«тактическом» уровне управления, в то время как на стратегическом уровне ведется подрывная деятельность (по Сунь-Цзы) с задействованием технологий «информационных войн 2-го поколения» (по терминологии корпорации РЭНД) и так называемого «организационного оружия».

Еще одним важным внешним фактором, определяющим указанную выше стратегическую конъюнктуру, является принятая в Китае концепция «три Севера, четыре моря». Она прямо ориентирует на то, что занятый Китаем Центр по закону перемен к 2019 году должен одолеть "три севера в пределах четырех морей" и тогда "XXI век станет веком Китая". Три севера - это Северо-Атлантический альянс, **Россия** и Североамериканские Соединенные Штаты в Новом Свете.

Таким образом, еще одним значимым источником опасностей и угроз, которые должны учитываться при обеспечении развития ВС России, является наличие огромных и сравнительно хорошо оснащенных ВС Китая **(«советского образца»), ориентированных на ведение войны «поколения 3+» (в том числе и с неограниченным применением ЯО).**

6.3.2.6 Что и как делать?

Проблема управления процессами модернизации в военной сфере непосредственно связана с определением рационального облика перспективных ВС РФ, который в значительной мере определяется, в том числе, выбором базовой стратегической парадигмы поведения при подготовке к будущим военным конфликтам.

Можно указать на два базовых «кластера» таких стратегий:

1. Превентивная стратегия.
2. Сдерживающая стратегия.

В свою очередь в кластере «Превентивная стратегия» выделяются:

а) пассивная стратегия – ее содержание определяется формулой **«готовиться к войне»;**

б) основное содержание активной стратегии – **«готовить войну».**

В кластере «Сдерживающая стратегия» выделяются:

а) пассивная стратегия – ее содержание определяется формулой **«сохранение гомеостаза»;**

б) содержание активной стратегии – **встраивание в ход мировой геополитической динамики** в двух вариантах:

1.**«Под себя»:** РФ - новый центр глобализации;

2.**Встраивание** в какую-либо цивилизацию-лидер.

Формирование облика перспективных ВС в случае принятия превентивной пассивной стратегии производится по принципу **«действие-противодействие»,** в рамках которого выделяются:

а. Стратегия **«сильного»** – адекватный ответ (реализовывался во времена СССР).

б. Стратегия **«слабого»** – обеспечение возможности реализации российского цикла «НОРД» по противодействию циклу «ООДА» (см. /20..22/).

В случае принятия превентивной активной стратегии формирование облика перспективных ВС может нацеливаться, например, на:

а) обеспечение **военно-стратегической** (в том числе военно-технической) **внезапности**;

б) обеспечение эффективного функционирования **новых организационных структур** (например, «ядерный спецназ», «командование глобального поражения» и т.д.);

в) обеспечение возможностей **управления конфликтом по полному циклу противоборства** и др.

Военно-технологический базис в рассматриваемом случае должен быть сформирован с опорой на:

а) «экстремальные» виды из гиперкласса «оружие»;

б) средства из гиперкласса «квазиоружие»;

в) прорывные военные технологии.

Применительно к вышесказанному необходимо отметить следующее.

Формирование облика перспективных ВС в случае принятия сдерживающей пассивной стратегии производится по принципу «сохранение гомеостаза», в рамках которого происходит обеспечение деэскалационных возможностей управления конфликтами по полному циклу противоборства при реализации функций:

а) стратегического сдерживания;

б) регионального сдерживания

Военно-технологический базис в рассматриваемом случае должен быть сформирован с опорой на:

а) силы стратегического сдерживания (СЯС и СНС);

б) силы регионального сдерживания (ТЯО и ВТО).

В случае принятия сдерживающей активной стратегии формирование облика перспективных ВС нацеливается на обеспечение встраивания в ход мировой геополитической динамики, реализуя при этом два принципиально разных варианта действий:

1. **«Под себя»** (РФ – новый центр глобализации).

2. **Встраивание** в какую-либо цивилизацию-лидер (для соблюдения общности рассуждений мы обязаны учесть как возможную и эту поведенческую стратегию, хотя она претит любому нормальному гражданину).

Военно-технологический базис в первом случае должен быть сформирован с опорой на:

а) СЯС и ТЯО;

б) прорывные военные технологии.

Во втором случае Россия отказывается от высокого геополитического статуса (ГС), а будущие ВС России приобретают следующие черты:

а) происходит отказ от «экстремальных» видов из гиперкласса «оружие» (в том числе «денуклеизация» ВС РФ);

б) ВС России придается облик компонента международных полицейских сил.

В обобщенном виде содержание возможных поведенческих стратегий представлено в таблице 6.1

Необходимо отметить, что **выбор базовой поведенческой стратегии при подготовке к военному конфликту – прерогатива и обязанность военно-политического руководства России.**

Таблица 6.1

Возможные базовые стратегические парадигмы поведения при подготовке к военному конфликту				
Превентивная		**Сдерживающая**		
Пассивная «Готовиться к войне»	**Активная** «Готовить войну»	**Пассивная** «Сохранение гомеостаза»	**Активная**: «Встраивание в ход мировой геополитической динамики»	
			«Под себя» (РФ – новый центр глобализации)	**Встраивание** в какую-либо цивилизацию-лидер
«Действие-противодействие»:	а) обеспечение военно-стратегической внезапности; б) обеспечение эффективного функционирования новых организационных структур («ядерный спецназ», «командование глобального поражения» и т.д.); в) обеспечение возможностей управления конфликтом по «полному циклу противоборства»	Обеспечение деэскалационных возможностей управления конфликтами по полному циклу противоборства при реализации функций: а) стратегич. сдерживания; б) регионального сдерживания.	Максимизация ГС России Лидирующее место в формате G-8 Обеспечение боевых возможностей ВС по управлению конфликтами в рамках «полного цикла противоборства»	Снижение ГС до попадания в аттрактор: а) денуклеизация; б) придание ВС «ненаступательного» облика; в) отказ от ССС; г) обеспечение частичного регионального сдерживания
Стратегия «сильного» – адекватный ответ Стратегия «слабого» – обеспечение цикла НОРД по противодействию циклу OODA	Опора на: а) экстремальные» виды из гиперкласса «оружие»; б) средства из гиперкласса «квазиоружие»; в) прорывные	Опора на: а) ССС (СЯС и СНВ); б) силы регионального сдерживания (ТЯО и ВТО)	Опора на: а) СЯС и ТЯО; б) прорывные технологии	Отказ от «экстремальных» видов из гиперкласса «оружие» Придание ВС облика компонента международных полицейских сил.

	технологии			

В условиях частичной субъектности России (отсутствия в РФ концептуальной власти, функции которой пытается выполнять консорция «агентов перемен» (по Д.Ильчману и Г.Бенквенисте)) **поведенческая стратегия не определена**; **соответственно, разворачивание строительства ВС по принципу: «ЦЕЛИ-ЗАДАЧИ-СРЕДСТВА» невозможно.**

Поэтому при формировании облика перспективных ВС РФ **необходимо реализовать АДАПТИВНУЮ стратегию ,** то есть в условиях существующей неопределенности **необходимо обеспечить (сохранить возможность) реализации ЛЮБОЙ из указанных выше стратегий** (разумеется, за исключением стратегии встраивания в какую-либо цивилизацию-лидер).

Для этого в первую очередь нужен соответствующий ОПК и правильное формулирование задач для ОПК (ОПК должен стать «резервуаром» современных технологий).

Что касается собственно облика перспективных ВС, в основу их развития должен быть положен подход ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ КОМПЕНСАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ, базирующийся на принципе неокончательных решений Габора («всегда оставлять пространство для маневра»). Он заключается в необходимости сохранения достаточной "свободы выбора" нескольких рациональных решений на каждом шаге процесса **стратегического управления развитием** ВС РФ.

Рассмотрение проблемы формирования облика перспективных ВС РФ в процессе модернизации военной сферы с позиции технологии **управления рисками в условиях неопределенности** дает основания утверждать, что концептуально облик перспективных ВС РФ должен состоять из **двух компонент**:

1. Инвариантное «**ЯДРО** состояний» ВС РФ;

2. **Дополнение** к «ядру», обеспечивающее адаптивность в быстроменяющихся военно-стратегических (военно-технических) условиях, устойчивость в условиях появления факторов военно-технической внезапности, расширение боевых возможностей ВС РФ.

Ответы на вопросы:

а) какое ядро делать?,

б) как его изменять?,

в) как формировать «переменную» часть?,

г) как ее подстраивать к быстроменяющимся условиям?

должны составить сущность БУДУЩЕЙ СИСТЕМЫ **СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ** ПРОЦЕССАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ, которой у нас пока нет. Ее надо создавать как можно быстрее, тем более, что это прямо вытекает из указа Президента РФ № 536 от 12.05.2009 г. «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации» и соответствующего Федерального закона.

Говоря о принципах, которые могут быть положены в основу формирования системы рациональных рассуждений для поиска адаптивного дополнения к «ядру» необходимо исходить в том числе и из следующего. Планируя развитие арсенала средств направленного воздействия на противостоящих «акторов» межгосударственных конфликтов, мы вынуждены (сознательно или бессознательно) исходить и из того, что указанные средства предназначены фундировать выбранную «побеждающую стратегию».

В принципе поиск «побеждающих поведенческих стратегий» может проводиться в рамках **трех базовых стратегических парадигм** (по С. Переслегину /59…61/):

1.Классической **стратегии «нормального боя».**

2. Стратегии «**упорядоченного риска»** связанной с построением и анализом «древовидных» (вариантных) структур ответных действий (построение «стратегического дерева») ориентированных на подавление

«циклов Бойда» с оценкой эффективности вариантов и «отсечением» неэффективных «ветвей». При этом подходе "нормальный бой" теряет свой фиксированный результат; вместо этого мы получаем статистическое распределение возможных вариантов, определяющееся произведением вероятности данного боя на модификатор, описывающий вероятность данного исхода. Лишь в рамках "стратегии упорядоченного риска", для «слабой стороны» военного конфликта можно реализовать стремление "убежать от определенности", полноценно реализовать «фактор ассабийи» и поискать свои шансы на «краю вероятностного распределения» исходов боя. В этом плане можно полагать, что ***"вероятностная война" поддерживает состояние неопределенности.***

3. Стратегии «**эмерджентного риска»,** обуславливающей «казус неожиданного исхода», в числе прочих нацеленного на реализацию условий «обратных» тем, что сформулированы в известной «аксиоме Лиддел Гарта» /100/. А именно, надо сделать так, чтобы для противостоящих «акторов» военного конфликта (и, в частности, для субъектов стратегического действия из «партии войны») **послевоенный «победный» мир был худшим, чем довоенный.**

Легко видеть, что стратегия «нормального боя» связана с использованием как правило «конвенциональных» сил и средств направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов из гиперкласса «оружие» и «квазиоружие» (исключая «экстремальные» виды оружия), а также способов их применения. Стратегия «упорядоченного риска» предполагает наряду с «конвенциональными» использовать и средства из гиперкласса «метаоружие», а также «**неконвенциональные»** силы и средства. Стратегия же «эмерджентного риска» почти целиком строится на «неконвенциональной» войне в первую очередь на задействовании «экстремальных» видов оружия (из гиперкласса «оружие»).

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо также отметить следующее. По мнению значительного количества экспертов в качестве

ведущего ограничивающего фактора, не дающего возможности эффективной технической модернизации ее Вооруженных Сил выступает **экономический фактор**.

С конца 80-х годов прошлого века в сознание общества, причем даже его интеллектуальной части, успешно внедрялся архетип «вредности военных расходов для экономики страны».

Вместе с тем приведенное выше мнение является, по меньшей мере, некорректным [68,69].

Если ссылаться не на «экономистов позапрошлого века» (см. И.П. Шмелев, «Россия – Запад: требуется концепция ограниченного возмездия. Взгляд экономистов» (журнал «Экономические стратегии», №8, 2008г.), а на более современные исследования, то в 1973 году Э. Бенуа обнаружил **положительную зависимость** между расходами на оборону и экономическим ростом для 44 слаборазвитых стран в период 1950-1965 гг./70/. Это исследование положило начало большому циклу работ различных авторов, изучавших на основе эконометрического анализа связь динамики макроэкономических показателей и военных расходов в десятках стран мира как с высоким, так и с низким уровнем экономического развития.

Рассматривая историю 20 века с точки зрения зависимости военных расходов и экономического развития, для наиболее крупных государств можно выделить две тенденции: наличие активного экономического роста при высоких военных расходах, или не менее активного роста при низких расходах. В том числе и для одних и тех же стран. Известные всем примеры приведены в /28 /.

При этом экономический рост в США в 90-х годов вообще нельзя назвать «мирным», т.к. в его основе лежало активное внедрение в гражданскую экономику технологий, прежде всего информационных, разработанных ранее по заказу Министерства обороны США. Для этого в США была принята программа по передаче из военного сектора в гражданский имеющихся технологий, выделялись для реализации этой программы значительные финансовые средства.

Что касается взглядов западных экономистов и политиков о влиянии военных расходов на экономический рост, нужно отметить, что отношение это далеко не однозначное. В качестве примера можно привести несколько цитат:

• Каспар Уайнбергер (министр обороны США, 1983 г.): «Военные расходы не наносят нашей экономике ущерба. Мы также должны признать, что сокращение военных расходов не ведет к сокращению дефицитов по принципу доллар за доллар, так как из-за этого теряется значительный объем поступлений и множество рабочих мест, что влечет за собой, в частности, увеличение выплат на страхование по безработице».

• Джон Кейнс (экономист, 1940-е гг.): «Если Соединенные Штаты всерьез примут на себя материальную и экономическую сторону обороны цивилизации и приучат себя к огромной бесполезной растрате ресурсов на производство оружия, они познают свою силу — и познают это так, как не смогут этого сделать никаким другим образом … Военные приготовления, вместо того, чтобы требовать жертв, станут таким стимулом для увеличения индивидуального потребления и повышения уровня жизни, которого не смогут дать ни победа, ни поражение «нового курса».

Краткое изложение аргументации о возможных неблагоприятных и благоприятных факторах воздействия военных расходов на экономический рост приведено ниже в таблицах 6.2 и 6.3 и комментариях к ним.

Таблица 6.2. Неблагоприятные факторы воздействия военных расходов на экономический рост

Фактор воздействия	Отрицательное воздействие	Краткий комментарий
Оборонные расходы в целом	Отвлечение ресурсов от инвестиций государства и частного сектора, которые могут быть более благоприятны росту экономики, чем расходы на оборону.	Не все гражданские расход расходуются на общественные частные инвестиции: значительна их часть расходуется н потребительские нужды, некоторы из которых расходуются за границе
Импорт вооружений	Отрицательное влияние воздействия расходов на импорт оружия, которые отвлекают средства от экспортного сектора	Отрицательный баланс воздействи платежей может являтьс результатом любого импорт гражданской продукции и товаро частного сектора и услу гражданские расходы н общественные нужды также могу иметь неблагоприятное воздействи на экспорт
НИОКР	Отвлечение ресурсов от частного сектора НИОКР,	При сокращении объема военны НИОКР происходи

	оказывающее воздействие, как на технологии, так и на побочные результаты.	перепрофилирование научны организации
Человеческий и физический капитал	Отвлечение физического и человеческого капитала на разработку средств уничтожения, снижение объемов производства товаров народного потребления, …	Снижение объема рынка труда, рос безработицы, отвлечени квалифицированных кадров в други сферы (торговля, финансы эмиграция ученых и инженеров.

Дадим некоторые комментарии к табл 6.2.

Оборонные расходы в целом. Здесь имеется в виду финансовая часть военных расходов. Подразумевается, что если сократить военные расходы то якобы можно решить множество социальных, экологических и других проблем. Например, денежных средств, затрачиваемых в течение 4 дней на военные расходы, хватило бы для того, чтобы решить проблемы лесов Амазонки. На один стратегический бомбардировщик тратится столько же средств, сколько необходимо для решения проблемы голода в каком-нибудь не очень большом африканском государстве. И так далее, примеров можно привести множество. Но критики такого подхода отмечают, что еще ни разу в истории человечества сокращение военных расходов не приводило к тому, что люди начинали использовать «сокращенные» деньги на решение вышеперечисленных проблем. Деньги всегда тратились на другие цели.

Характерный тому пример - Россия. Она в 90е годы «обвально» сократила военные расходы, что, однако, не помогло предотвратить разрушение «гражданского сектора» экономики и резкого снижения уровня жизни основной массы населения!

Импорт вооружений к России (за несколькими немногими исключениями) не имеет отношения, поскольку она, несмотря ни на что, все еще продолжает входить в четверку государств, которые имеют полный цикл производства вооружений. Но остальные государства были вынуждены импортировать вооружения и военную технику, что отрицательно сказывалось на их бюджете.

В области НИОКР. Сторонники сокращения военных расходов утверждают, что военные НИОКР отвлекают большое количество специалистов на разработку средств уничтожения. Критики отвечают, что

при сокращении военных НИОКР большая часть сокращаемых специалистов перепрофилируются и уходят работать в другие сферы, т.е. сокращение военных НИОКР не приводит к аналогичному росту гражданских НИОКР.

Человеческий и физический капитал. Данный фактор практически совпадает с тем, что говорилось про фактор НИОКР.

Рассмотрим благоприятные факторы воздействия военных расходов на экономический рост. По своей сути они практически такие же, как и неблагоприятные, но производится учет их положительного влияния.

Здесь особо необходимо обратить внимание на то, что, например, в **части развития технологий** многие из упомянутых в таблице 6.3 технологий не могли бы быть в принципе созданы в гражданской (частной) сфере ввиду требуемых больших финансовых вложений, длительных сроков реализации и высоких рисков получения отрицательного результата.

В части **развития инфраструктуры** можно привести пример создания и постановки на боевое дежурство в конце 80-х годов боевого железнодорожного ракетного комплекса (БЖРК). При проведении этих работ кроме создания собственно БЖРК была проведена модернизация железных дорог и сейчас трудно сказать, смогли бы функционировать эти железнодорожные пути по прошествии почти 15 лет разрухи в стране. А для России железнодорожный транспорт имеет крайне важное значение не только в экономическом аспекте, но и в политическом, являясь материальной основой единства государства.

Особое внимание необходимо обратить на такой фактор, как **«обеспечение безопасности»** государства как системы, т.е. обеспечение устойчивости системы. Устойчивая система становится более привлекательной с экономической точки зрения, ведь любой бизнес предпочитает работать там, где ситуация предсказуема, независимо от того какой в этой системе строй: демократический или тоталитарный. Бизнес любит работать там, где ситуация предсказуема и управляема.

Важным фактором, который необходимо учитывать при проведении анализа влияния военных расходов на экономический рост является «граница возможного производства» или «предельный уровень производства» /87/. Если экономика находится в области «предельного уровня производства» дополнительные военных расходы приводят к появлению эффекта «вытеснения», т.е. возможные альтернативы загрузки экономики становятся

убыточными. Если же в системе есть незагруженные военные или гражданские производства (как, например, в России), то дополнительные расходы повышают общий объем производимой продукции, а возможные отрицательные эффекты от такой загрузки остаются незначительными.

Таблица 6.3. Благоприятные факторы воздействия военных расходов на экономический рост

Фактор	**Благоприятное воздействие**	**Встречающиеся контраргументы**
Безработица, низкий спрос	Снижение безработицы, увеличение совокупного спроса	Гражданские программы расходов на общественные нужды также могут стимулировать снижение высокого уровня безработицы (например, строительство дорог)
Развитие технологий	Оборонные расходы обеспечивают развитие технологий, которые при их применении в гражданском секторе могут способствовать росту экономики (Интернет, информационные технологии, реактивный двигатель, лазер, и т.д.)	Частные исследования и разработки обеспечивают прямые технологические выгоды
Инфраструктура	Военные расходы могут способствовать развитию инфраструктуры (связь, коммуникации, т.д.)	Инфраструктура может быть создана за счет гражданских расходов на общественные нужды.
Человеческий капитал	Происходит развитие и поддержка человеческого капитала, особенно в слаборазвитых странах	Подготовка кадров возможна за счет гражданских программ
Обеспечение безопасности	Военные расходы могут способствовать обеспечению защиты интересов граждан, стабильность стимулируют экономическое развитие	Обеспечение безопасности возможно также с использованием внутренних и пограничных войск

Директор Центра оборонной экономики Университета Йорка профессор Keith Hartley в своей работе «Расходы на оборону и их воздействие на национальную экономику» сформулировал следующие выгоды от военных расходов /87/**:**

а) в периоды высокого уровня безработицы государства могли бы стимулировать экономику под влиянием расходов на оборону (т.е., расходы на оборону увеличивают совокупный спрос в экономике; но нужно учитывать, что и другие типы расходов (не военные) тоже могли бы стимулировать экономику);

б) оборонные расходы обеспечивают развитие технологий и побочные результаты военных исследований, используемых в гражданской промышленности, при их применении в гражданском секторе могут способствовать росту экономики;

в) расходы на оборону могли бы способствовать развитию экономики, если часть таких расходов используется, чтобы обеспечить социальную (общественную) инфраструктуру (например, развитие аэропортов, сетей коммуникаций (связи), дорог, мостов).

г) расходы на оборону могут обеспечить развитие и поддержку «человеческого капитала», особенно в развивающихся странах. Национальные вооруженные силы обеспечены питанием, образованием, обучением и дисциплиной, часть этих положительных качеств «перетекает» в гражданский сектор рабочей силы.

д) расходы на оборону обеспечивают защиту интересов граждан государства, когда внутренняя и внешняя безопасность способствует рыночному обмену.

В целом, как общий вывод из анализа сформулированных положительных и отрицательных факторов воздействия военных расходов на экономический рост профессор Keith Hartley утверждает, что для оценки вреда или пользы военных расходов необходимо проведение специальных исследований, учитывающих конкретные условия конкретной социально-экономической системы, и разработка соответствующих математических моделей, с помощью которых можно было бы получить более-менее достоверные прогнозы /87/.

В свете рассматриваемой проблемы большой интерес представляют результаты Западных исследований по проблеме влияния военных расходов на экономику, поскольку там они начались существенно раньше, чем в России.

По имеющейся у нас в настоящее время информации, на Западе первые упоминания об исследованиях влияния военных расходов на развитие

экономики с использованием математических моделей относятся к 1973 году. Именно тогда была опубликована упоминавшаяся выше работа E. Benoit /70/. Эта работа вызвала бурную реакцию, но, тем не менее, именно она стала тем «спусковым крючком», который запустил массовые исследования по этому вопросу с использованием математических методов /70….96/.

Начиная с 1973 г., на Западе было проведен ряд исследований, которые были посвящены влиянию военных расходов на развитие экономики в развитых странах, прежде всего США. Полученные результаты были прямо противоположны друг другу: одни говорили об отрицательном эффекте, другие – о положительном, третьи – об отсутствии какого бы то ни было влияния. При этом, как правило, если в исследованиях рассматривалась производственная сфера, то эффект был положительный, если сфера потребления – отрицательный.

С 1993 г по 2007 г. было создано не менее 26 математических моделей применительно к оценке влияния военных расходов на развитие экономики. Информация о результатах оценок указанного влияния на основе использования некоторых из них по данным уже упоминавшегося Директора Центра оборонной экономики Университета Йорка профессора Keith Hartley (см. «Расходы на оборону и их воздействие на национальную экономику») приведена в /28 /.

Из рассмотренных моделей, в первую очередь необходимо обратить внимание на те, в которых описывается влияние военных расходов на экономики высокоразвитых государств. Результаты моделирования показывают, что для высокоразвитых государств общая тенденция такова: либо отрицательное, но очень незначительное влияние, либо положительное влияние. Причем чем более адекватно в моделях учитывается инновационный фактор, тем большее положительное влияние оказывают военные расходы на экономику /87, 96/.

Анализируя результаты приведенных выше оценок необходимо сделать одно общее замечание. Упомянутые модели (которые используются на Западе) в основном регрессионные. В их основе лежит регрессионный анализ временных рядов. Результаты оценок по ним очень сильно привязаны к конкретной ситуации. Это очень важно для нашего дельнейшего изложения. Поэтому в упомянутых выше исследованиях, в качестве общих выводов говорится, что нужно переходить от такого типа моделей к моделям, которые

описывают механизмы, действующие в экономике. Т.е. это должны быть имитационные модели /87/.

В дополнение к сказанному необходимо отметить следующее. На Западе, и особенно в США, уделяется большое внимание оценке влияния НИОКР на развитие экономики. В том числе и военных НИОКР. Результаты, полученные с использованием практически всех моделей, показывают, что НИОКР являются более эффективным средством, влияющим на экономическое развитие, чем «простое» вложение капитала. Результаты исследований показывают, что так называемый «социальный возврат» от НИОКР превышает «обычные» инвестиции от 15% до 200% /87/. Естественно, что военные НИОКР в некоторых случаях могут быть менее эффективны по сравнению с гражданскими за счет ограничений, связанных с секретностью разработок и ограничениями по передаче технологий в иные сферы. Однако, когда в 90-х годах в США занялись программой передачи военных разработок в гражданскую сферу, одним из условий новых военных НИОКР было то, чтобы они полностью или частично могли быть использованы в гражданской сфере. И тому есть конкретные примеры.

Как общие выводы из обзора взглядов западных специалистов на влияние военных расходов на экономику государства можно сказать, что в зависимости от того кто моделирует и что моделируется, могут быть получены прямо противоположные результаты.

При этом необходимо учитывать, в том числе и идеологическо-политический аспект. Например, 1987 году был опубликован доклад Министерства обороны Великобритании, в котором была поднята проблема эффекта «вытеснения» гражданского производства военными расходами. Это был период снижения международной напряженности, с одной стороны, и политики М.Тэтчер по массовой приватизации предприятий, с другой. Если же брать публикации на данную тему в США, то в большей их части приходят к выводу, что военные расходы имеют положительное влияние на развитие экономики. А в западной Европе выводы на эту тему более «нейтральны». Т.е. на результаты моделирования влияет в большей степени либо заказ, либо личные предпочтения тех, кто занимается такими задачами /87/.

Оценка степени зависимости между экономическим ростом и военными расходами привлекла значительное внимание экономистов Европейского

Союза и стала предметом продолжительной теоретической и практической деятельности

В 2004г группой ведущих экономистов из Экономических факультетов Фессалийского и Иоаннинского университетов был подготовлен отчет «Групповой фактический анализ зависимости экономического роста от военных расходов в Европейском Союзе».

Приводим без комментариев выдержку из заключения упомянутого отчета:

«На основании этих результатов можно утверждать, что, в контексте политики общей европейской безопасности и обороны, увеличение европейскими государствами оборонных бюджетов, необходимых для поддержки и развития независимой обороны ЕС, **может также вызвать и рост самой европейской экономики**. Стимулирование совокупного спроса, технический прогресс, вызванный военными НИОКР, даже прибыль от экспорта вооружения могут рассматриваться как возможные каналы, через которые оборонные расходы могут способствовать экономическому развитию, хотя трудно точно оценить степень влияния на экономику».

Итак, результат исследований по влиянию военных расходов на экономику государства оказался неоднозначным. Получается, что взаимное влияние между экономическим развитием и военными расходами может быть как положительным, так и отрицательным, или такая связь в явном виде может отсутствовать. Выявлена **существенная роль конкретных экономических условий**, в которых находится рассматриваемая страна, при этом наибольший положительный экономический эффект от военных заказов возникает при увеличении финансирования военных исследований и разработок (НИОКР). Поэтому вопрос о целесообразности увеличения или уменьшения военных расходов должен решаться применительно к конкретной ситуации.

Что касается российской экономики, то, оставаясь верными продекларированному принципу («чем спорить, лучше подсчитаем»), мы основываемся на той позиции, что оценивать макроэкономические последствия увеличения военных расходов для страны можно только с помощью специализированной математической модели. Такая модель была создана учеными РАН совместно с Академией военных наук [68, 69]. Она прошла всестороннюю верификацию и апробирована в Минэкономразвития

и Минобороны России. Результаты моделирования показывают следующее [68, 69]:

1. В условиях существования значительного оборонно-промышленного сектора в экономике страны (доля ОПК в промышленности России без учета топливно-энергетического комплекса и сырьевых отраслей составляет примерно 12%) наличие госзаказа оказывает **стабилизирующее влияние** на общее экономическое состояние государства.

2. Влияние объема госзаказа на состояние экономики носит нелинейный характер:

при низком объеме госзаказа он позволяет удерживать экономическую систему в устойчивом состоянии, выполняя роль стабилизатора;

при повышении размера госзаказа одновременно с реализацией мер стимулирования гражданских отраслей промышленности возможен переход экономики в **устойчивое высокопродуктивное состояние**. При этом улучшаются макроэкономические показатели и существенно повышается благосостояние всех слоев общества;

при дальнейшем увеличении размера госзаказа макроэкономические показатели начинают ухудшаться.

В целом расчетные оценки показывают, что **увеличение размеров ГОЗ до 3.5%...4% от ВВП не приводит в краткосрочном плане к ухудшению экономического развития России** [68, 69]. Более того, это увеличение может оказать благоприятное влияние на экономику, способствовать нормализации экономической структуры общества, выравниванию доходов, увеличению спроса на отечественную продукцию.

Учитывая вышесказанное можно сделать вывод о том, что Россия «может себе позволить» тратить на обеспечение военной безопасности, по крайней мере, не меньше, чем это запланировано.

Оппонируя либеральным экономистам мы на основе результатов математического моделирования утверждаем, что Россия экономически не «надорвется» на высокотехнологической модернизации ее Вооруженных Сил и на поддержании потенциала сдерживания СЯС. При этом будет обеспечиваться переход ее экономики в высокопродуктивное состояние.

В дополнение к сказанному необходимо отметить следующее. Анализируя влияние военных расходов на экономику России (выстраивая соответствующие «казуальные цепочки»), важно рассматривать также возникновение эмерджентных эффектов указанного влияния, что, как правило, большинством экономистов просто игнорируется.

В связи с рассматриваемой проблемой (эмерджентных эффектов) можно **образно** выделить три различных эпистемологических уровня аналитики для экономических оценок влияния ОПК на экономику. Условно мы их назовем: «ПОДХОД СЧЕТОВОДА», «ПОДХОД БУХГАЛТЕРА» и «ПОДХОД ЭКОНОМИСТА».

Согласно подходу СЧЕТОВОДА, естественно, ОПК (и военные расходы, в частности) - это «обуза» для экономики страны. Но давайте перейдем на подход «ЭКОНОМИСТА»! Не будем много рассуждать, а просто рассмотрим для этого конкретный пример – Сирийскую проблему. Весьма вероятно, что мы Сирию, в конце концов, потеряем и, в первую очередь, из за того, что наша внешняя политика НЕ ФУНДИРОВАНА пока адекватным военным потенциалом. А что будет дальше? А дальше мы понесем ОГРОМНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ!!

Дело в том, что наша экономика пока «НЕФТЕГАЗОВАЯ». Мы здесь очень чувствительны к соответствующей конкуренции. И, если сланцевый газ – это, скорее всего, «пузырь», то потеряв Сирию, для нашего Газпрома (главного налогоплательщика) во весь рост станет Катарская проблема!!!

Ее суть в следующем. Катар имеет месторождение ***Северное/Южный Парс*** — супергигантское нефтегазовое месторождение, крупнейшее в мире. Находится в центральной части Персидского залива в территориальных водах Катара (Северное). Суть возникающей проблемы состоит в том, что (как неоднократно отмечалось в СМИ) «**Сирия стала главным препятствием на пути реализации проекта строительства газопровода с Северного месторождения в Европу**, что позволило бы катарцам нанести удар по Газпрому, а значит и России путем резкого увеличения газовых

поставок дешевого катарского газа в Европу. Дамаск в силу разных причин не давал согласия на прокладку газопровода из Катара через свою территорию в Турцию и на свое Средиземноморское побережье для дальнейшего транзита в Европу. Легко видеть, что ***если к власти в Сирии придут сунниты вместо алавитского режима Башара Асада, то газопровод Катар − Саудовская Аравия – Иордания – Сирия − Турция будет немедленно построен. Конечная цель этого маршрута − Южная и Центральная Европа. Первой от этого пострадала бы Россия.*** Ведь у катарского газа имеется существенное преимущество перед российским − значительно более низкая себестоимость, что позволит Катару так снизить цены на газ в Европе, что тягаться с ним будет очень трудно. И европейцы, несмотря на высокий и безупречный уровень обслуживания Газпромом своих контрактов в Европе, будут играть на понижении цены, «размахивая» катарским газом из ваххабитского эмирата».

Во времена великого и могучего Советского Союза Сирия была бы надежно защищена от внешнего вмешательства. А сегодня мы можем лишь «взывать» к нормам международного права. Но совершенно ясно, что данные нормы НЕ СТОЯТ И ГРОША, если нет ВОЕННОЙ СИЛЫ, позволяющей их обеспечить. Таким образом, на данном конкретном примере видно, что военная слабость России, через некоторое время, может привести к огромным экономическим потерям. Вот Вам и конкретная роль ОПК, военных расходов и т.д. Таких примеров можно привести множество. Военная мощь России в современной Мир– Системе остается пока главным инструментом обеспечения ее субъектности!!!!

Как представляется, на основе адекватного военного потенциала Россия может сформировать «джокера» /99/ и использовать его в соответствующих «руслах» /99/ для управления конфликтным взаимодействием («кайросом» - см. выше в п. 6.1) в том числе и в экономической области.

Кроме всего прочего, отчетливо актуально звучит сегодня широко известная сталинская цитата: «История России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость… За отсталость **военную**, за отсталость **промышленную**... Били потому, что это было **доходно и сходило безнаказанно**» /98/.

России пора менять свою ролевую функцию в мире. По крайней мере, к этому надо стремиться.

7. Ядерное оружие и безопасность России в 21 веке

Оценивая «внешнюю» безопасность России, необходимо отметить следующее. Экономическое ослабление России, разоружение, свертывание оборонно-промышленного комплекса страны привели к снижению международного статуса и роли России, уменьшению ее влияния на экономические и политические процессы в мире, вытеснению ее с позиций в «ядре» Мир – системы в «полупериферию», снижению уровня безопасности России в международной сфере.

В последние годы руководство государства начало принимать экстренные действия по выводу страны из тяжелого положения, более адекватно оценивать ситуацию, выделять наиболее опасные внутренние и внешние угрозы безопасности и определять способы организации противодействия им.

Однако данные действия можно отнести к числу достаточно очевидных первоочередных мер, выработка которых не требует привлечения серьезных интеллектуальных ресурсов, а требует, главным образом, проявления политической воли руководством страны.

Дальнейшие действия по обеспечению безопасности и развития страны не являются очевидными и однозначными

Анализ отечественного и зарубежного опыта обеспечения безопасности социальных систем показывает:

1. Обеспечение безопасности не может быть одноразовым актом. Это непрерывный процесс развития систем обеспечения безопасности, совершенствования методов, способов и механизмов мониторинга, выявления потенциальных опасностей и угроз, выработки и реализации эффективного противодействия всему спектру существующих и прогнозируемых угроз.

2. Безопасность может быть обеспечена лишь при комплексном использовании **всего арсенала имеющихся сил и средств**. Наибольший эффект достигается тогда, когда все используемые силы, средства и методы объединяются в **единый, целостный механизм – систему обеспечения безопасности.**

3. Для успешного выживания и развития Россия должна обладать комплексом защитных свойств, значительная часть которых определяется наличием у нее эффективной системы обеспечения безопасности.

4. Система безопасности не может обеспечить требуемый уровень защищенности страны без надлежащей подготовки и обеспеченности необходимыми силами и средствами направленного воздействия на основных «акторов» межгосударственных (и внутренних) конфликтов, без участия соответствующих органов управления и необходимых правовых, организационных и технических мер.

При создании эффективной системы обеспечения безопасности необходимо учитывать следующее.

Жизнедеятельность (функционирование) любой социальной системы осуществляется в двух средах: внутренней и внешней. Отделение внутренней среды социальной системы от внешней окружающей среды осуществляется с помощью некоторой третьей, граничной (пограничной) среды.

В свете вышесказанного необходимо отметить, что внутренняя среда социальной системы («страна») самым непосредственным образом влияет не

только на состояние ее внутренней, но и внешней безопасности, а также и на рациональные способы ее обеспечения. В качестве примера можно указать на наличие казуальной связи между «демографической ямой», в которую попала России, и выводом о превалирующей (в обозримом будущем) роли ядерного оружия при создании эффективной системы обеспечения безопасности на ближнюю и среднесрочную перспективу.

Суть проблемы попадания в «демографическую яму» состоит в следующем /23/.

В репродуктивный возраст в России сейчас вступает поколение, рожденное в начале 1990-х – самое малочисленное за послевоенный период. Сейчас 15-летних в России в 2 раза меньше, чем 25-летних. Уже через 10 лет численность женщин в активном репродуктивном возрасте 20-29 лет, на которых приходится почти 2/3 рождений, сократится почти вдвое, что неминуемо приведет к сокращению числа рождений. Такая ситуация названа Президентом России «вызовом всей нашей нации».

Несмотря на достигнутые позитивные результаты, задача преодоления демографического кризиса сохраняет актуальность. Рождаемость, несмотря на рост, остается значительно ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1 ребенка на женщину) и ниже уровня 1990 г. (1,89 ребенка на женщину).

Предусмотренные в *Концепции демографической политики* целевые показатели рождаемости не обеспечивают последующий рост численности населения России в долгосрочной перспективе. Уже после 2025 года убыль населения возобновится. При инерционном сценарии численность населения сократится в ближайшие десятилетия – до 140 млн. человек к 2020 году и до 113 млн. к 2050 году.

Последствия «демографической ямы» 90-х беспрецедентны.

Сокращение численности населения России и предстоящее в ближайшие годы изменение его возрастной структуры затронет все аспекты

социально-экономического развития, напрямую относящиеся к национальной безопасности:

Легко видеть, что после 2015г весь призывной резерв будет в значительной мере исчерпан даже с чисто количественной точки зрения. В указанных условиях ВС РФ реально могут сократиться до 500-600 тысяч, что радикально отразится на возможностях сил общего назначения (СОН) /24/. Можно достаточно обоснованно утверждать, что они (несмотря на декларируемое перевооружение) реально могут одержать победу только в локальном военном конфликте, подобном грузинскому или чеченскому.

Возможности российских сил общего назначения (СОН) эффективно управлять возможным региональным военным конфликтом на восточном и западном направлениях вызывают большие сомнения. В качестве иллюстрации к данному оценочному суждению ниже приведены результаты сравнения военных потенциалов конфликтующих сторон.

Сравнительный количественный анализ соотношения военных потенциалов проводился по следующим трем количественным моделям.

●Модель №1 Института экономических стратегий РАН.

●Модель №2 С. Модестова (Модестов С.А. Военные потенциалы стран мира – Вестник АВН, №4 (25), 2003 г.).

●Модель №3 геополитического статуса /26, 27/.

Сравнение проводилось по формуле: $\Delta W = W_{НАТО} / W_{РФ}$, где ΔW, $W_{НАТО}$, $W_{РФ}$ – отношение ВП, ВП стран НАТО и ВП России соответственно.

Результаты сравнения сведены в Таблицу 7.1.

Таблица 7.1 – Соотношение ВП НАТО и России по состоянию на 2012 год

№	Модель	ΔW	
		СОН	ВП в целом
1	Института экономических стратегий	12	9

	РАН		
2	Модель С. Модестова	16	11
3	Модель геополитического статуса	50	14

Примечание: Модель №3 (ГС) оперирует долями, которые имеет страна в обобщенном мировом военном потенциале, а первые две модели – абсолютными значениями боевых потенциалов.

Справочно: Согласно высказыванию бывшего министра иностранных дел Польши Р.Сикорского (в его телевизионном интервью по событиям на Украине), соотношение военных потенциалов сил общего назначения НАТО – Россия составляет 16:1

В свете сказанного можно сделать вывод, что скомпенсировать такой дисбаланс в СОН можно только за счет ЯО.

Вывод о превалирующей роли ЯО в обеспечении военной безопасности России в условиях объективного количественного сокращения СОН подтверждают даже исследователи весьма либерального толка (ИНСОР) /24/, которых уж никак нельзя заподозрить в «комплиментарном» отношении к ЯО.

В работе «Обретение будущего (стратегия 2012).» /24/ отмечается (стр. 264): «Реальная безопасность страны обеспечивается за счет ракетных сил стратегического назначения (РВСН), где преобладает офицерский состав..». И далее (стр 269): « Руководство страны должно отдавать себе отчет о том, что обычные вооруженные силы способны одержать победу лишь в локальном или, в лучшем случае, региональном конфликте. Гарантию безопасности .. дает ядерное оружие..». Трудно не согласиться с этим мнением.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее. В последнее время в когнитивную и аффективную компоненты массового сознания и, в том числе, в сознание основных базовых элементов системы принятия военно – политических решений усиленно внедряется тезис о том, что

неядерные системы высокоточного оружия способны эффективно заменить ядерное оружие. По нашему мнению, лица, поддерживающие его, либо сами дезинформированы, либо некомпетентны, либо стремятся к достижению неких (недекларируемых) целей.

По указанному вопросу либеральным (к сожалению – не только им) «экспертным сообществом» запущен эффективный механизм управления поведением целевых аудиторий – «формирование системы отношений».

Производится направленное влияние на построение ментального состояния основных базовых элементов российской системы принятия военно-политических решений, нацеленное на поддержку инициатив по глубоким сокращениям в сфере СЯС. Мы не имеем возможности в ограниченных рамках данной работы прокомментировать с позиции «теории обмана» систему аргументов указанного «экспертного сообщества». Вместе с тем мы предлагаем в духе Г.Лейбница - **«Давайте вычислим, господа!».**

Как известно, главная стратегическая функция ЯО – **сдерживание.** В простейшей (статической) теории сдерживания последствия для агрессора ассоциируются, как правило, с понятием **«ущерб»,** под которым понимают, главным образом, прямые физические потери промышленного (экономического), демографического и военного (военно-экономического) потенциала, которые понесет агрессор в результате ответных действий /28/.

Критерий оценки «эффективности» планируемых военно-политических акций предполагает наличие некоторого предельного уровня (порога) ущерба, достижение которого «обесценивает» и делает нерациональными предстоящие силовые мероприятия. Такого уровня ущерб государству-агрессору, который находится за гранью некоторой «приемлемости», устанавливаемой военно – политическим руководством (ВПР) этого государства, носит название «неприемлемого ущерба» (НУ) /28/.

Первый, введенный явным образом в научный оборот, критерий НУ, ретроспективно признанный «классическим», – критерий Макнамары, – состоял из двух критериальных показателей – «демографического» и

«экономического», характеризовавших, соответственно, прямой ущерб населению и экономике в виде погибших людей и полностью выведенных из строя производственных мощностей. Косвенный ущерб и отдаленные последствия не принимались во внимание. При этом нормативные значения этих показателей («цифры Макнамары»), которые не были четко определенны, колеблются, как показывает анализ отечественных и американских источников, в диапазоне от 20 до 30% для населения и 50-70% для промышленности /28/. Теперь мы предлагаем сторонникам замены ЯО на стратегические неядерные высокоточные средства подсчитать, сколько понадобиться указанных средств для удовлетворения «критерию Макнамары», например, применительно к США?!!! Можно легко провести «оценку снизу», которая покажет необходимость сотен тысяч (!) таких систем, что далеко за гранью разумного. Здесь дальнейшие комментарии просто излишни. Стратегические неядерные высокоточные средства НИКОГДА не смогут стать функциональным заменителем СЯС! При этом авторы со всей определенностью отмечают их важность (незаменимость) и необходимость наличия в группировке стратегических сил сдерживания как одного из исключительно важных средств направленного действия на участников межгосударственных конфликтов из гиперкласса «оружие». Просто у них **своя миссия, «стратегическая функция» и «стратегическое задание».**

Что касается тактических ядерных вооружений, то их миссию (стратегическую функцию и стратегическое задание) «обычные» высокоточные средства могут «перекрыть» лишь частично. Заметим, при этом, именно частично. Мы (по понятным причинам) не имеем возможности подтвердить этот тезис на уровне строгости, присущем оперативно – тактическим обоснованиям роли и места системы вооружения в группировке. Однако на уровне общих (очевидных) положений можно отметить следующее.

Ряд уникальных свойств, присущих ЯО, невозможно воспроизвести с использованием «обычных» вооружений.

Например, эффективно отразить воздушно – космическую атаку (в том числе и террористическую) с использованием бактериологического оружия или «баллистических капсул», содержащих генетически модифицированные производители токсинов или ампулы основанного на «серой слизи» нанотехнологического оружия /31/, можно только средствами ПРО – ПВО с ядерной БЧ, нейтрализующей всю эту заразу.

Уникальные свойства ядерного оружия позволяют (в отличие от «обычных» средств поражения) эффективно применять его для уничтожения опасных лабораторий и стерилизации заражённых пространств, в том числе и нанороботами – репликаторами, а также для уничтожения «стай» самонацеливающихся нанороботов (см./31/).

Только ядерное оружие может выступать в роли «ассиметричного ответа» на создание и развертывание потенциальным противником и транснациональным террористическим сообществом новых военных технологий (на базе 6-го технологического уклада), обладающих свойствами ОМП (см. /31/).

Ядерное оружие незаменимо для массового поражения «боевых микродронов» /31/. «Стаи» таких роботов – дронов могли быть доставлены соответствующими носителями на объекты поражения и распылить опасное биологическое или химическое оружие, или атаковать другими способами. Вместе с тем, необходимо отметить, что указанные «микродроны» в силу своих конструктивных особенностей обязательно должны иметь «ахилессову пяту» – предельно низкую радиационную стойкость, что обуславливает возможность организации их эффективного массового поражения с использованием ЯО.

Можно привести и множество других примеров, характеризующих уникальность боевых свойств ТЯО, обеспечивающих в целом ряде случаев

предпочтительность его применения по критерию «эффективность – стоимость».

Говоря о значимости ЯО в арсенале средств направленного действия на участников межгосударственных конфликтов, необходимо отметить, что ведущая роль ядерных вооружений ВС РФ на ближнюю и среднесрочную перспективу определяется стратегиями «ядерного» сдерживания и деэскалации конфликта. Стратегия «ядерного» сдерживания основана на признании ядерными государствами факта невозможности достижения сколь-нибудь разумных целей войны вследствие угрозы получения неприемлемого ущерба своему государству в результате ответных действий противостоящего «актора» конфликта с использованием ЯО, а стратегия деэскалации конфликта - на возможности эффективного ядерного ответа противнику, применяющему обычные или ядерные средства нападения в ходе ограниченной либо широкомасштабной агрессии. Ответное применение ядерных средств ВС РФ для отражения агрессии должно быть адекватным сложившейся ситуации на театре военных действий и однозначно обесценивать для противника предполагаемую им выгоду от развязывания или эскалации боевых действий.

Функции различных видов ядерных вооружений ВС РФ в реализации указанных стратегий, по нашему мнению, должны определяться масштабом и характером течения данной военной фазы конкретного конфликта.

Функцию сдерживания ядерных государств от широкомасштабного применения ими ЯО целесообразно возложить в основном на стратегические ядерные силы ВС РФ. В этом аспекте тактическое ЯО, в частности оборонительное, может использоваться для обеспечения устойчивости СЯС в начальный период военной фазы конфликта.

Функция сдерживания ядерных государств от локального или регионального применения ими тактических ядерных вооружений, функция сдерживания обычной крупномасштабной агрессии со стороны как ядерных, так и неядерных государств, а также функции отражения развязанной

крупномасштабной агрессии без задействования ЯО или агрессии с применением ядерных вооружений в локальном (региональном) конфликте могут выполняться тактическим ядерным оружием ВС РФ. При этом функция стратегических ядерных сил ВС РФ может заключаться в:

1. Удержании участвующих в военном конфликте ядерных государств (обладающих существенным превосходством в потенциале СОН) от применения ЯО в ответ на ситуационно обусловленное деэскалационное (демонстрационное, ограниченное, массированное) применение «нестратегического» ЯО.

2. Удержании не участвующих в военном конфликте ядерных государств от вмешательства в войну при применении Россией тактического ядерного оружия в оборонительных целях. В случае невыполнения функции сдерживания и вмешательства указанных ядерных государств в войну стратегические ядерные силы должны быть способны выполнить функцию деэскалации боевых действий или нанесения удара возмездия.

Реализация функции деэскалации боевых действий, вообще говоря, предполагает не только угрозу, но и реальное боевое применение ЯО. Это обстоятельство является одним из камней преткновения в дискуссиях о путях развития ядерного оружия.

Необходимо отметить, что длительное время в аффективную и когнитивную компоненты сознания не только «простых людей», но и базовых элементов системы принятия решений в военно – политической сфере вводилась информация о якобы имеющим место фундаментальным ограничении на массированное применение ЯО, связанным с **неизбежными глобальными катастрофическими последствиями** такого применения. В результате повсеместное распространение получило (неадекватное) положение о том, что ЯО является скорее «политическим» оружием, чем реальным боевым средством. При определении роли и места ЯО в системе средств направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов оно часто представляется исключительно как этакая «машина

судного дня». Это положение обычно связывается с двумя не вполне адекватными представлениями о наличии двух неизбежных результатов массированного применения ЯО:

- так называемой «ядерной зимой»,
- глобальным радиоактивным заражением, делающим огромные территории непригодными к существованию.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее.

- Разумеется (при желании), учитывая огромную энергетику процессов сопровождающих ядерные взрывы, на основе ЯО можно создать «машину судного дня», но только в том случае, если к этому **целенаправленно стремиться.** Имеются все возможности избежать глобальных дестабилизирующих эффектов даже при массированном применении ЯО.
- Авторы, признавая большие заслуги А.Александрова, Н. Моисеева, К.Сагана и др. в деле снижения опасности ядерной войны, считают необходимым начать отход от положения, когда про применение ЯО «говорили правду, но не всю правду» (понимая, что это один из видов лжи в целом полезной во времена СССР и весьма опасной сегодня для России). Решения в военно – политической сфере должны приниматься на основе адекватных (а не искаженных) представлений о боевых свойствах ЯО.

Рассматривая указанную выше проблему как объект исследований, а не как требование выдать окончательные готовые рецепты («стрелять» - не «стрелять»), по нашему мнению целесообразно исходить из следующих положений:

необходимо четко представлять, на какие **свойства ядерных вооружений** мы рассчитываем, приписывая им **определенные функции,** как военно-политическому и военно-стратегическому инструменту государства,

нельзя исключать возможность возникновения ситуаций, когда определенный уровень реального боевого применения ЯО окажется наименее плохим выходом из числа доступных в сложившемся положении;

наличие именно такого оружия, которое мы, в крайнем случае, готовы применить реально, как раз и является основным сдерживающим фактором, который исключит реальные ядерные боевые действия;

сдержать (устрашить) можно только тем оружием, характеристики которого адекватны масштабу конфликта.

Третий из сформулированных тезисов основывается, по существу, на концепции "порога сдерживания" войны. Основой концепции является тезис об обязательности соотнесения целей, которые ставит перед собой сторона, развязывающая войну, и затрат на достижение этих целей. Предполагается "разумность" и "информированность" агрессора: зная о военном потенциале жертвы агрессии, агрессор не начнет боевых действий, если его ожидаемые потери превысят предполагаемую выгоду в случае достижения целей войны. Так, например, если использование ЯО приведет к резкому увеличению боевых возможностей системы противовоздушной обороны, то этот фактор повысит "порог сдерживания" агрессора, а именно, в указанной ситуации для достижения своих целей агрессору необходимо наращивать масштабы применения наступательных авиационных вооружений, что по экономическим или военно-политическим соображениям может явиться препятствием к принятию им решения о начале военного конфликта.

Существенным фактором обеспечения успешности выполнения ядерным оружием стабилизирующих функций является четкое согласование заявленных в концепции функций ЯО и реальных шагов в военно-технической и дипломатической (переговорной) сферах.

Мы специально останавливаемся на этом вопросе, учитывая критичный (дестабилизирующий) характер процесса сокращения ядерных вооружений. А именно, в отличии от процесса их наращивания, такой процесс сопряжен с большей опасностью внезапной (непредсказуемой) утраты стабильности. Чем меньше арсеналы ядерных вооружений, тем существеннее любые их изменения, а также появление фактора военно – технологической внезапности (за счет, например, резкого повышения контрсиловых

возможностей СОН) могут нарушить сложившееся равновесие. В связи с этим следует подчеркнуть, что глубокие сокращения стратегических наступательных вооружений должны основываться на более детальном анализе условий поддержания стратегической стабильности, чем это делается в настоящее время, на учете ранее не рассматривавшихся дестабилизирующих факторов /28/.

Ретроспективный анализ хода многолетних переговоров между СССР (Россией) и США в области сокращения стратегических ядерных вооружений показывает, что нельзя признать удовлетворительным состояние дел в этой области. Примером может служить содержание нового Договора о СНВ, разработанного без учета согласованного ранее между СССР и США принципа равенства и одинаковой безопасности, который предполагал, что ни на одном из этапов снижения уровня военного противостояния ни одна из сторон не должна получить одностороннего военного преимущества /28/.

Не меньшие проблемы связаны с возможными сокращениями тактических, в том числе оборонительных ядерных вооружений. К сожалению, следует констатировать, что, по нашему мнению, с точки зрения принятия адекватных политических решений, эта область изучалась еще менее глубоко, чем стратегические наступательные вооружения. Вместе с тем, в отношении России роль стратегических вооружений стало играть даже тактическое ядерное оружие, базирующееся на носителях США и НАТО, не попавших под действие соглашения по РМСД от 1987 г. Кроме того, как известно, крылатые ракеты морского базирования большой, средней и малой дальности, по которым США имеют подавляющее превосходство, вообще не подпадают под действие ни одного договора о сокращении ядерных вооружений.

В свете всего этого тревожит легковесность подхода к оценке роли ядерных средств ограниченной дальности, декларируемого рядом VIP-представителей т. наз. российского «экспертного сообщества». Если США в силу своего геостратегического положения могут вполне оправданно

согласиться на уничтожение всех наземных ядерных средств оперативно - тактического и тактического назначения, то для России военная опасность скорее всего, может быть связана с регионами, непосредственно прилегающими к ее границам. Радикальное изменение ситуации в мире, продолжающееся укрепление и продвижение границ НАТО "на Восток", а, главное, естественный ход изменения баланса вооружений (не только ядерных) различных государств, приводит к увеличению значимости тактических ядерных вооружений для обороноспособности России, в частности, и к усилению стабилизирующей роли таких вооружений в мире в целом.

Ядерные средства средней и даже малой дальности, скорее всего, не менее необходимы для обеспечения национальной безопасности России, чем межконтинентальные, и, в первую очередь, для предотвращения и «погашения» крупномасштабных региональных военных конфликтов, непосредственно угрожающих России.

Необходимо отметить, что гарантированное выполнение всего многообразия задач «ядерного сдерживания» может быть осуществлено только совместными действиями всех ядерных вооружений видов и родов Вооруженных Сил, поскольку ни один из элементов ядерных сил (стратегической триады, ядерных сил оперативно-тактического назначения) в отдельности, по нашему мнению, не обладает всеми необходимыми качествами и не отвечает в полном объеме возможным требованиям для эффективного управления межгосударственными конфликтами различной интенсивности.

Мы полагаем, что сдерживание вооруженной агрессии тем эффективнее, чем шире спектр боевых свойств вооружений и Вооруженных Сил в целом, точнее, сдерживание эффективно в том случае, если любому конкретному виду вооруженной агрессии, в случае ее актуализации в процессе развития конкретного конфликта, может быть противопоставлен адекватный военный фактор сдерживания.

Оценивая роль и место СЯС и ТЯО в системе обеспечения военной безопасности, необходимо отметить наличие сильной функциональной взаимосвязи между российскими СЯС и ЯО ограниченной дальности (ТЯО). Например, в случае отказа России от ТЯО, при актуализации крупномасштабного военного конфликта, протекающего в условиях огромного дисбаланса в потенциалах СОН (см. выше), как представляется, нам реально придется делать выбор одной из 2-х поведенческих стратегий:

1. Прекратить сопротивление (сдаться, капитулировать).
2. Задействовать СЯС и «сжечь» мир в «пламени ядерной войны».

В свою очередь, в указанных выше условиях (огромного дисбаланса СОН) деэскалационное применение ТЯО в форме ограниченных ядерных ударов по **полностью развернутым** войскам противника может оказаться нецелесообразным. Дело в том, что данное применение – двухсторонний процесс, и мы можем выйти из него с еще большим дисбалансом в СОН, сохранившихся после обмена такими ограниченными ядерными ударами.

В случае крупномасштабного военного конфликта на Западном и Восточном ТВД представляется целесообразным в случае неуспеха демонстрационного **«нелетального»** применения ЯО (например, применяя ЯО в космосе для поражения информационно – управляющих систем и др.) перейти сразу к его массированному применению для решительного ядерного поражения противостоящих группировок СОН. По мнению авторов одной из главных целей указанного «решительного ядерного поражения» может стать «разрушение структуры противостоящих СОН» (в смысле определенном чл. корр. РАН Ю.С. Павловским).

По Ю.С.Павловскому /32...36/ конструкт «структура вооруженных сил» имеет следующие измерения:

1. **Материальное**. Под материальной компонентой структуры вооруженных сил, понимается количество личного состава, систем вооружения и средств обеспечения вооруженной борьбы (то есть средств доставки боезапаса, информационных средств, средств связи, средств

решения задач управления и т. д.), приходящихся на одного человека в данных вооруженных силах.

2. **Духовное.** «Дух войска» (по Л.Н.Толстому), «ассабийа» (по Ибн. Хальдуну). Людские потери в процессе вооруженной борьбы и их интенсивность не должны превышать некоторых пределов, **своих для каждой из конфликтующих сторон** /32/; это условие определено Ю.С.Павловским как условие сохранения боеспособности.

Как было указано выше, при большом дисбалансе в СОН для обеспечения требуемого (для реализации условий потери боеспособности) разрушения материальной компоненты структуры Вооруженных Сил (ВС) противостоящего «актора» военного конфликта ограниченное применение ЯО представляется нецелесообразным. «Слабый актор» конфликта должен стремиться сразу перевести его на высокие ступени эскалации. В указанном случае **при соответствующем потенциале СЯС** есть серьезные основания надеяться на то, что противник (под угрозой нанесения ему неприемлемого при любых целях войны ущерба со стороны СЯС) не решится на ответное массированное применения ЯО по российским СОН. Что может привести к деэскалации («замораживанию») военного конфликта. При этом, достаточно понятно, что это может реализоваться только в условиях **способности военно – политического руководства государства к решительным действиям** по эскалации военного конфликта. Как совершенно правильно отмечал известный специалист по проблемам «ядерного сдерживания» Колин С. Грей: «В доктрине сдерживания один грамм воли стоит целого килограмма мускул»/29/.

Вместе с тем сформулированные выше положения (о целесообразности для «слабого актора» конфликта перехода сразу на массированное применение ЯО) не носят безусловного характера и требуют определенного уточнения. Они, по нашему мнению, могут быть справедливы для случая полностью развернутых СОН и для ситуаций, когда противостоящие «акторы» военного конфликта имеют приблизительно одинаковую

чувствительность к потерям, которую Ю.Н.Павловский определил как «фактор Л.Н.Толстого» /32…..36/. В случае, когда противостоящие «акторы» военного конфликта имеют сильный дисбаланс в «факторе Л.Н.Толстого» (определяющим «дух войска», «ассабийу»). т.е разную чувствительность к потерям, для «слабого» (в материальном смысле) может оказаться целесообразным и ограниченное применение ЯО. Целью такого применения ЯО может стать требуемое (для потери боеспособности Вооруженных Сил противостоящего «актора» военного конфликта) разрушение «духовной» компоненты структуры его ВС.

Как одна из составляющих военной силы «фактор Л.Н. Толстого» зависит от многих причин и обстоятельств. Достаточно очевидно, например, что он зависит от того, ради чего данной группировкой ведется вооруженная борьба, от того, в какой мере люди в структуре вооруженных сил понимают те цели, которые преследуют политики, использующие силовые методы, в какой мере они разделяют эти цели /32 36/.

По мнению Павловского: чем более развито экономически государство, чем более оно «демократическое», тем более высока в глазах общества цена человеческой жизни (своих граждан!), тем с более низким значением фактора Л.Н. Толстого общественное мнение требует от политиков и военачальников вести вооруженную борьбу, если таковая происходит. При достаточном уровне развития государства это приводит к тому, что боевые действия вооруженными группировками этого государства, если они происходят, ведутся при значениях фактора Л.Н. Толстого, гораздо меньшими, чем те, которые могут вынести люди, участвующие в боевых действиях.

Очевидно, что с чем более низким значением фактора Л.Н. Толстого необходимо вести воооруженную борьбу, тем больше требований предъявляется к качеству вооружений, информационному обеспечению противоборства, к качеству процесса принятия решений, к системе обучения военных специалистов, тем больше стоимость единицы материальной структуры вооруженных сил (стоимость систем вооружений и средств

обеспечения вооруженной борьбы в расчете на одного человека в вооруженных силах), т.е. тем в большей степени воюют "деньгами" и тем в меньшей степени воюют "кровью".

Другими словами, невысокое значение фактора Л.Н. Толстого должно компенсироваться высоким значением материальной составляющей структуры ВС /32 35/. Ю.Н.Павловский отмечает, что этот механизм, не уменьшая вероятность вооруженных конфликтов между "развитыми" и "неразвитыми" государствами, трансформирует структуру вооруженных сил "развитых" государств таким образом, что она все более становится способной воевать только в режиме «расстрела обезоруженных», т.е. в режиме «бесконтактных» войн (5-го, 6-го и т.д. поколений).

В этой связи необходимо отметить, что для России только сохранение достаточного потенциала СЯС и ТЯО может обеспечить гарантию избежать указанного «расстрела».

Поскольку, по мнению авторов, одной из главных задач упомянутого выше ограниченного применения ЯО может стать разрушение «духовной» компоненты структуры ВС противника (снижение фактора Л.Н. Толстого ниже критического уровня), то очевидно, что ядерное воздействие (разрушение в материальной сфере) целесообразно сопровождать (усиливать) информационным воздействием (разрушение в ментальной сфере). Таким образом, ядерное оружие может рассматриваться как оружейный компонент деэскалационной «ударно – информационной операции» (термин Д.А. Ловцова /37/). Концепция таких операций /37/ непосредственно вытекает из технологий рефлексивного (информационного) управления противостоящим «актором» конфликта, разработанных в трудах российских военных ученых Н.И. Турко, М.Д. Ионова, Д.А. Ловцова и др. (см., например, /37 52/).

Говоря об ударно - информационных операциях, уместно обратиться к американскому опыту организации стратегических бомбардировок Германии во Вторую мировую войну. В этой связи интересно отметить наличие явно выраженного «русского следа» в научно – методическом обеспечении выбора

целей для указанных бомбардировок, которое было сконцентрировано в рамках деятельности двух исследовательских групп /53/.

Первая действовала на базе самого элитного на тот момент университета США – Гарварда. Эта группа занималась **анализом целей для бомбардировки на территории Германии и их отбором с точки зрения военной доктрины.**

Экономическую часть этой группы возглавлял крупнейший американский специалист в области эконометрики, будущий лауреат Нобелевской премии, выпускник Ленинградского университета Василий Васильевич Леонтьев.

Перед группой Леонтьева ставилась задача нанесения максимального ущерба обороноспособности при сохранении системообразующих для германской экономики предприятий.

Помимо Маршалла такие же рекомендации давал и Бернард Барух, миллиардер, ключевой экономический советник Рузвельта. Его заботила сохранность собственности американских корпораций, которым принадлежали многие ведущие немецкие предприятия, работавшие в течение всей войны /53/.

Для разработки «технологий» решения таких непростых задач Василий Леонтьев обратился за советом к своему коллеге по Гарварду, декану первого в Америке факультета социологии и, как пишут американцы, «отцу американской социологии» Питириму Сорокину.

Исходя из своей концепции социальной динамики, Питирим Сорокин рекомендовал генералу Арнольду следующее /53/.

По его мнению, пропаганда против режимов, построенных на идеологии, как он их называл – идеократий, которую разделяет подавляющая часть населения, бессмысленна и неэффективна. Более того, военные испытания и бомбардировки промышленных объектов лишь увеличивают преданность населения режиму.

Чтобы справиться с идеократией, по мнению Сорокина, есть два пути. Либо революция, либо **создание социального хаоса на фоне резкого возрастания страданий и лишений**. В этих условиях первичные потребности в выживании, по его мнению, становятся сильнее более высоких потребностей, связанных с самоидентификацией, наличием культурных ценностей и т.п.

Сорокин указал в своих рекомендациях, что если рассматривать бомбардировки как средство достижения военной победы, то их целью должны стать **не столько предприятия военно- промышленного комплекса, сколько города** (т.е. необходимо осуществить упомянутое выше разрушение «духовной» компоненты структуры его Вооруженных сил и тыла за счет снижения «фактора Л.Н.Толстого» ниже критического уровня)**.**

В январе 1943 г. руководством США и Великобритании было принято решение о начале ковровых бомбардировок городов Германии. И тут встал вопрос о выборе целей и повышении эффективности бомбардировок.

Для этого была задействована вторая научно-исследовательская группа ВВС. Ее возглавлял общепризнанный американский математический гений, будущий отец кибернетики Норберт Винер.

Официально группа занималась моделированием противовоздушной обороны и отработкой средств ее преодоления. Однако, Винер, используя финансирование Пентагона, собрал большую группу специалистов из различных областей, так или иначе связанных с управлением. Заметную роль в этой группе играли психологи и нейрофизиологи. Кстати, интересно отметить, что, хотя первое общедоступное издание книги «Кибернетика» датируется 1947 годом, реально книга под этим названием с грифом «секретно» была издана в середине войны, и, поскольку имела желтую обложку, была известна разведкам воюющих стран, как «секретная желтая книга» /53/.

Когда группа Винера получила задание разработать критерии эффективности бомбардировок, Винер обратился к знаменитому немецкому психологу Курту Левину.

Винер рекомендовал генералу Арнольду включить Курта Левина в число консультантов военно-воздушных сил. Выполняя заказ ВВС, Левин написал в 1942 г. работу «Перспектива времени и моральный дух». В ней он отметил: *«Один из главных методов подавления морального духа посредством стратегии устрашения (террора) состоит в том, чтобы держать человека в состоянии неопределённости относительно его текущего положения и того, что его может ожидать в будущем».*

Необходимо обратить внимание на то, что идеи Левина прямо прослеживаются в современной стратегии наращивания санкций против России.

К. Левин и его сотрудники рассчитали специальную шкалу, увязывающую масштабы разрушений и жертв мирного населения с падением морального духа в тылу и на фронте. При этом, он же сформулировал гипотезу, которая устанавливала необходимый порог разрушений и жертв, начиная с которого подавляющая часть населения в тылу и на фронте переставала верить в победу своей страны и отказывается от собственных идеологических убеждений.

С 1943 г. совместное командование ВВС США и Великобритании начало вырабатывать перечни целей, в значительной мере под воздействием так называемых «кривых Курта Левина». Надо отметить, что, разрабатывая кривые, он использовал основные положения своих теорий динамической психологии и психологии поля. Эти теории в течение 14 лет, с 1922 по 1936 год, он разрабатывал в теоретическом плане и отрабатывал экспериментально во взаимодействии с советскими психологами Львом Выгодским и Александром Лурия. Более того, значительная часть учеников Курта Левина были русскоязычными студентами и аспирантами. Часть из них последовала за ним в Америку, а часть вернулась в Советский Союз.

Что касается дня сегодняшнего, то можно предположить, что НАТОвское ядерное планирование применения «нестратегического» ЯО будет переориентироваться (с учетом опыта стратегических бомбардировок Германии) на поражение в первую очередь российского населения (для разрушения российской «идеократии») и базируется на теоретических положениях К.Левина и П. Сорокина. Понятно, что для решения этих задач имеющийся у западной стороны потенциал ТЯО может рассматриваться как избыточный в отличие от российского, компенсирующего дисбаланс в СОН (что определяет в первую очередь его «контрсиловую» направленность). По мнению авторов, это (наряду с развертыванием Евро ПРО) может рассматриваться как одна из причин готовности США к совместному с Россией снижению потенциала ТЯО. Сторонники указанного снижения (типа группы «Глобальный ноль» и другие представители «экспертного сообщества») должны отчетливо осознавать, что предложения по сокращению ТЯО – это отражение стремления к «смене ядерного прицела» с материальной компоненты структуры вооруженных сил на «духовную».

Возвращаясь к тезису о наличии взаимосвязи между российскими СЯС и ТЯО, необходимо отметить, что каждый из компонентов ядерных сил имеет свои специфические сильные и слабые стороны, которые перекрываются при их взаимодействии и дополняют друг друга в решении боевых задачах, стоящих перед ядерными силами в целом.

Таким образом, происходит как бы сопряжение «стратегических функций» СЯС и ТЯО. Стратегическая функция ТЯО в условиях радикальных дисбалансов в СОН в полном объеме может быть фундирована только при наличии соответствующего потенциала СЯС.

Кроме того как фактор «мягкой силы» России ТЯО есть эффективное средство для избавления наших западных «партнеров» от самоуспокоительных мечтаний о том, что и впредь они всегда смогут вести «бескровные» и «бесконтактные» войны (в том числе - в режиме расстрела нашей страны).

Создание потенциала СЯС, ТЯО и стратегических неядерных средств, адекватного для обеспечения возможности адаптивного управления конфликтами различной степени интенсивности даст России в руки своеобразный «меч – кладенец» и способность обеспечения безопасности страны в **быстроменяющейся внешней среде в условиях сильной гностической неопределенности возможных вызовов и угроз.**

Сказанное выше не означает, что авторы стоят на позиции категорического отрицания допустимости в долгосрочной перспективе дальнейших сокращений уровня ядерного боезапаса.

Мы считаем, что, определяя целесообразность и возможность сокращений в сфере ЯО, надо неукоснительно руководствоваться «принципом Сахарова», сформулированным им в работе «ОПАСНОСТЬ ТЕРМОЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ. Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу » следующим образом:

«Равновесие в области обычных вооружений - необходимая предпосылка снижения ядерных вооружений» (!!!) /30/

Анализируя роль ядерных вооружений как элемента системы управления безопасностью России, необходимо отметить следующее.

Базовые принципы (парадигмы) обеспечения безопасности социальных систем определяются исходя из философского вывода о том, что основу явления безопасности составляет единство утверждения и отрицания существования системы. Поэтому в зависимости от того, какая сторона – утверждающая или отрицающая – является ведущей в этом отношении, различаются ***два основных принципа обеспечения безопасности социальных систем***, получивших применение в мировой практике:

- принцип утверждения;
- принцип защищенности.

Более простым принципом является ***принцип защищенности, который предполагает направление основных усилий субъекта безопасности на организацию противодействия существующим опасностям (угрозам).*** Обеспечение безопасности в этом случае направлено на определение угроз безопасности (источников и носителей опасности) и их нейтрализацию.

Принцип утверждения предполагает самоутверждение и развитие субъекта, невзирая на существующие опасности. При реализации этого принципа акцент в деятельности делается не на защиту от опасностей или борьбу с ними, а на развитие **собственных внутренних сил социальной системы**. Опасность при этом рассматривается как фактор, угрожающий утверждению: **«Я нахожусь в безопасности не потому, что не существует угроз, а потому что Я силен настолько, что они не представляют для меня опасности».**

Использование принципа самоутверждения исторически характерно для развитых стран, например, США. Так, стратегия национальной безопасности США акцентирует усилия американского общества и государства не столько на противодействии актуальным опасностям, сколько на комплексе целей, интересов и действий, направленных на реализацию жизненно важных национальных интересов.

В современных условиях представляется необходимым выработка универсального принципа, например, ***принципа «активной защищенности» (применительно не к интересам, а к стране и ее народу), гармонично сочетающего оба рассмотренных принципа с учетом особенностей развития страны и спектра внешних и внутренних угроз ее безопасности.***

В качестве интегрального показателя, характеризующего эффективность обеспечения безопасности социальной системы («страна») можно предложить условие обеспечения высокого статусного положения страны в Мир – системе (в ее «ядре»), позволяющее обеспечить ее

субъектность (первую очередь для поддержания и охранения животворящих свойств среды функционирования социума).

Соблюдение указанного условия способствует максимизации следующих (частных) показателей:

- общее время существования социальной системы – интервал между моментом возникновения и прогнозируемым моментом прекращения ее существования (распада, разрушения, поглощения, растворения);

- прогнозируемое (среднее) время существования социальной системы в заданных условиях – интервал между текущим моментом и прогнозируемым моментом прекращения ее существования;

- вероятность выживания социальной системы в заданных условиях на прогнозируемом интервале времени.

В свете вышесказанного необходимо отметить следующее. Одна из особенностей нынешней геополитической ситуации состоит в том, что большинство стран (входящих в «ядро» Мир – системы), которые ныне являются конкурентоспособными, в том числе США, Япония, страны Западной Европы, не являются жизнеспособными, потому что производство и население в этих странах растут за счёт так называемой главной производительной силы, за счёт «выедания» ресурсов биосферы. У природы берётся больше, чем отдаётся. Причём берётся не только в национальных границах, а везде по всему миру.

В России ситуация по отношению к временно благополучным странам — асимметричная. Мы сегодня неконкурентоспособны, но остаёмся жизнеспособными. Россия обладает сегодня главным богатством цивилизации. Это — 7-8 млн. км^2, практически не затронутые техногенной хозяйственной деятельностью

Не следует забывать, что Россия не только занимает 12% суши Земного шара, в России находится 22% лесов планеты, 20% пресной воды, 16% разведанных на настоящий момент залежей минеральных ресурсов, 32% запасов газа, 12% -нефти, 28% - каменного угля, 36% - никеля, 40% -

металлов платиновой группы. Ни одно государство или союз государств в смысле ее земли и богатства ее недр не могут сравниться с Российской Федерацией. Россия уникальна возможностью жить и выжить в полностью автономном режиме.

Нам надо иметь возможность «охранять» эти земельные угодья и «склад» природных ресурсов. В этом деле незаменимую роль играет ЯО.

В свете вышесказанного необходимо отметить, что (после поражения СССР в 3-й Мировой войне и его последующего распада) ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ ПРЕДОТВРАТИЛО РАСПАД РОССИИ! В первую очередь данное утверждение основывается на том очевидном положении, что в то время США были не готовы к инициированию ее развала, поскольку ясно, что для Америки (ведущей стране в коалиции стран – победителей) риски (неконтролируемого распространения ЯО), связанные с последствиями распада глобальной ядерной державы, НЕДОПУСТИМЫ.

8. Что делать России, чтобы не распасться как Советскому Союзу?

8.1. Кризис элит как фактор дестабилизации

Исторический анализ показывает, что одним из важнейших факторов политической дестабилизации, революций, гражданских войн является *кризис национальной элиты*, ее несоответствие задачам, стоящим перед страной. Различные группы элиты, преследуя свои узко понимаемые корпоративные интересы и не представляя масштабы предстоящих перемен, оказываются готовы поставить на кон судьбу страны и государства. И народное недовольство («низы не хотят»), и экономические неурядицы, и паралич государственного аппарата («верхи не могут»), зачастую оказываются следствием этой «элитной неустойчивости». Ситуация ухудшается, если эти группы ориентируются на поддержку и отстаивание интересов других государств в собственной стране. Вспомним перехват

власти на Украине в 2014 году, в ходе которого американские советники руководили и властью, и оппозицией. Хрестоматийными примерами здесь могут служить Великая французская революция (1793); вступление Российской империи в Первую мировую войну (1914), предопределившее ее распад; Февральская революция (1917); катастрофа Советского Союза (1991).

Внешне это выглядит как странные немотивированные решения, очевидные ошибки, нежелание прислушиваться к мнению профессионалов. Но в их основе «шизофрения элиты», разные группы которой стремятся «перетянуть канат» в свою сторону. Стратегические решения принимаются, как правило, узким кругом руководителей, поэтому роль первых лиц государства, когда решаются вопросы определения дальнейшего пути развития может быть очень велика. Государственная машина при этом может выступать и как инструмент защиты общества и государства, и как усилитель трагических ошибок.

Возможные последствия пагубного поведения элиты исследовались, например, в /17/ методами математического моделирования. Использовалась «модель борьбы условных информаций» /18/ параметры которой отображают, насколько конкурируют или поддерживают друг друга представители различных социальных слоев, насколько важны для них их собственные идеи, смыслы и ценности. Считалось, что изменения в умах граждан приводят в конечном итоге к геополитическим изменениям, к распаду или объединению государств. Моделирование, проведенное в 2004 году, показало, что в зависимости от соотношения параметров, характеризующих взаимоотношения внутри российского общества (в том числе между элитой и остальной частью населения), возможны различные сценарии развития ситуации. Результаты моделирования этих сценариев развития событий изложены ниже.

А) Сценарий распада России без внешнего вмешательства.

Сценарные условия: низкая рождаемость русского населения, низкие доходы на душу населения, разобщенность элиты и общества, криминализация России.

Рис.8.1. Изменение границ России в соответствии со сценарием (А)

Результат моделирования:

краткосрочная перспектива: от России быстро откалываются все территории с высоким процентом этнически нерусского населения (Чечня, Калмыкия, Татарстан и т.д., обширные территории Сибири становятся независимыми), небольшая полоска русского населения вдоль Транссиба либо формально еще входят в Россию, либо формируют собственное «сибирское русское государство».

долгосрочная перспектива: из-за низкой рождаемости русского населения и еще большего осложнения экономической ситуации из-за потери сибирских сырьевых месторождений, «сибирское русское государство» размывается демографически и входит в состав примыкающих стран. Хабаровский и Приморский край и входят в Китай полностью демографически. Европейская часть России также постепенно тает из-за

демографического дисбаланса, но ее демографическое положение более стабильно, хотя экономически еще сильнее откатывается назад, в связи с тем, что нефтяные ресурсы потеряны, а собственной конкурентоспособной промышленности создать не успели.

Данный сценарий (отсутствие внешнего вмешательства) маловероятен, очевидно, что если Россия начнет разваливаться, соседи примут деятельное участие в разделе лакомых кусков.

Б) Сценарий распада России с внешним вмешательством.

Сценарные условия: низкая рождаемость русского населения, низкие доходы на душу населения, разобщенность элиты и общества, криминализация России + активная деятельность США и Китая, и исламских организаций по ускорению потери контроля над территориями (поддержка радикальных оппозиционных организаций, местных элит, создание неуверенности в эффективности существующей власти, создание пораженческих настроений, угрозы и т.п.)

Рис.8.2. Изменение границ России в соответствии со сценарием (Б)

Результат моделирования:

краткосрочная перспектива: от России быстро откалываются все территории с высоким процентом этнически нерусского населения. Данные территории быстро входят под контроль сопредельных государств прежде всего США (Сибирь), Китая (часть хабаровского края и Приморье), Япония (Курилы, Сахалин и возможно часть материка), радикальные исламские государства возникают на Кавказе, возможно захватывая часть Краснодарского края.

долгосрочная перспектива: Пограничье между территориями США, Китая и Японии является неустойчивым, Япония вытесняется с материка, возникает небольшое формально независимое государство на Дальнем Востоке, являющееся буферной зоной между зонами влияния США и Китаем, который к тому времени уже включил в себя часть территорий Хабаровского края и Приморья. Илам движется на север по Краснодарскому краю. Россия теряет выход к Черному морю.

В) Воссоединение: новый Союз вокруг России. Опора на элиты. *(Неустойчивая конфедерация)*

Сценарные условия: повышение рождаемости русского населения, повышение доходов на душу населения, развитие собственной экономики, повышение самосознания и национальной гордости, борьба с криминалом, укрепление действенности и авторитета центральной власти.

Рис.8.3. Формирование союза вокруг России в соответствии со сценариями (В) и (Г)

Результат моделирования:

краткосрочная перспектива: Национальные элиты стран СНГ осознают перспективы развития российской экономики, как наиболее сильной в этом регионе, а также отсталость собственных государств в отсутствии промышленного, технологического и образовательного потенциала, и необходимость соответствующих инвестиций со стороны России как наиболее выгодного партнера. Шаткость их собственного положения в своих государствах подталкивает их к поиску покровителей. Россия при ее экономически усиливающемся положении оказывается наилучшей кандидатурой. Страны формально входят в новый союз с упразднением СНГ. Крепость данного союза зависит исключительно от позитивной динамики собственно России. Сателлиты для России не являются чем-то жизненно необходимым (кроме амбиций и усиления влияния в мире), так как обладают ограниченными ресурсами (за исключением ряда месторождений и возможности транзита собственных ресурсов в страны дальнего зарубежья),

в то время как Россия для сателлитов – Россия – гарантия процветания местных элит и постоянный источник материальных средств.

долгосрочная перспектива: В случае позитивной экономической динамики собственно России и развитии обрабатывающей промышленности, сателлиты еще более инкорпорируются в Союз. Они становятся мощным поставщиком рабочей силы на территории России, а также местом развертывания контролируемых Российским бизнесом производств, требующих дешевой рабочей силы на местах.

Г) Воссоединение: новый Союз вокруг России. Опора на население. *(Устойчивая федерация)*

Сценарные условия: повышение рождаемости русского населения, заметное повышение доходов на душу населения, развитие собственной экономики, повышение самосознания и гордости, борьба с коррупцией, провозглашение ценностей, объединяющих народы СНГ.

Результат моделирования:

краткосрочная перспектива: Народы стран СНГ, осознают перспективы развития российской экономики, как наиболее сильной в этом регионе, а также отсталость собственных государств в отсутствии промышленного, технологического и образовательного потенциала, а также коррумпированность и клановость собственных элит, мало заботящихся о процветании государств. В результате народных волнений (оранжевых революций в пользу России) власть переходит к пророссийским оппозиционным силам, выступающим за интеграцию с Россией на условиях последней. В случае грамотных шагов со стороны России и снижению дестабилизирующих воздействий со стороны сторонних стран (прежде всего США и радикального ислама) (поскольку революции и безвластие чреваты потерей контроля, как в пользу России, так и в пользу других игроков), формируется Союз нового типа, на основе осознанного в народах единства и

исторических перспектив. Данный Союз является значительно более прочным, по сравнению с административным союзом.

долгосрочная перспектива: В случае позитивной экономической динамики и грамотных шагов руководства Союза, происходит быстрый рост союзной экономики, индустриализации среднеазиатских и кавказских и постиндустриализации Европейских регионов Союза.

Расчеты данных сценариев были проведены в 2004 году, при этом высказывались опасения, что события будут развиваться по сценарию (Б). Однако В.В.Путину в то время удалось удержать ситуацию под контролем, усмирить «олигархическую вольницу». В последние годы ситуация стала развиваться по сценарию (В). Союз вокруг России обрел черты Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с перспективой дальнейшей интеграции.

8. 2. Устойчивость социальных систем

Каковы фундаментальные пердпосылки кризиса элиты, ее неспособности решать задачи страны?

Этот вопрос следует рассмотреть в контексте анализа условий устойчивости социальных систем. Для того, чтобы добиться устойчивости в изменяющемся мире, социальным системам необходимо решить следующие основные проблемы:

(А) обеспечить возможность *экономического выживания и развития* (с целью удовлетворения материальных потребностей своих членов);

(Б) обеспечить *эффективное управление* социальной системой;

(В) обеспечить *социально-психологическую стабильность* системы при наличии разновекторных интересов ее членов, снизить внутреннюю конфликтность.

Исследования с использованием математического моделирования показывают (см., например, [1-5]), что эффективность различных способов решения указанных проблем в существенной мере зависит от того, в каких

внешних условиях находится социальная система и какие приоритетные задачи перед ней стоят.

Так, если приоритетными (жизненно важными) для социума являются задачи *безопасности* (обеспечение выживания в сложных природно-социальных условиях, при дефиците ресурсов), то в результате самоорганизации общество приобретает черты так называемой X-структуры [5, 6], для которой характерно институциональное сочетание «распределительная экономика - директивная (иерархическая) система управления – примат коллективизма в общественном сознании». Сутью этой структуры является объединение общих усилий для борьбы с внешней (для общества) угрозой. Эта структура объективно способствует усилению центральной власти и может быть охарактеризована как **«объединение слабых *вокруг* сильного»**.

Если же приоритетными для социума являются задачи экономического *развития* в условиях ресурсной достаточности (или избыточности), то общество естественным образом приобретает черты так называемой Y-структуры [5, 6], для которой характерно институциональное сочетание «рыночная экономика либерального типа - адаптивная (демократическая) система управления – примат индивидуализма в общественном сознании». Такое общество не заинтересовано в чрезмерном усилении центральной власти (которое может ограничивать свободу действий индивидов), оно против монополизма в любых его проявлениях и реализует принцип **«объединение слабых *против* сильного»**.

Основные отличительные черты этих социальных структур отражены в таблице 8.1[5].

Таблица 8.1. Отличительные особенности X- и Y-типов социальных структур

Характеристика	**X-структура**	**Y-структура**

Институциональные особенности	1. *Регулируемая* экономика 2. *Директивная* централизованная система управления (вертикальные иерархии) 3. Примат *коллективизма* в социально-психологической сфере	1. *Либеральная* рыночная экономика 2. *Адаптивная* (демократическая) система управления (горизонтальные сети) 3. Примат *индивидуализма* в социально-психологической сфере
Условия формирования	- серьезные внешние угрозы; - недостаток ресурсов (***игра с нулевой суммой***)	- отсутствие серьезных внешних угроз; - разнообразие ресурсов (***игра с положительной суммой***)
Характер конкуренции	конкуренция социумов (выживает сильнейший социум)	конкуренция индивидов (выживает сильнейший индивид)
Цель	***Безопасность*** (выживание социума)	***Развитие*** (повышение индивидуального благосостояния)
Способ достижения цели	объединение слабых вокруг сильного (сильная центральная власть)	объединение слабых против сильного (слабая центральная власть)
Приоритеты	- ***кооперация*** как принцип; - обеспечение единства общества; - улучшение управления	- ***конкуренция*** как принцип; - инициирование плюрализма, экономической активности
Этическая система	«*декларация добра*» (идеологическое единство)	«*запрет зла*» (свобода действий в рамках закона)
Угрозы системе	- потеря единства общества; - снижение эффективности власти, бюрократизм, коррупция	- монополизация власти; - имущественное расслоение
Объект защиты	социальная организация (государство)	индивидуальные права и свободы

Важно, что данные типы общества отличаются не только структурой, но и механизмами самоорганизации и обеспечения устойчивости (выживаемости). При этом в обществах X-типа происходят процессы социальной кластеризации (формирование жестких социальных, конфессиональных, этнических и других перегородок, замкнутых кланов и социальных групп, противопоставляющих себя друг другу). Для обществ Y-типа социальная кластеризация не характерна, социум атомизирован: каждый член общества - сам за себя, стремится в минимальной степени зависеть от

других. Исторически X-структуры формировались в обществах аграрного типа (так называемый Восточный[21] тип общества [5]), а Y-структуры – в торгово-ремесленных и индустриальных обществах с развитой конкуренцией (так называемый Западный[22] тип общества [5], примерами таких обществ являются города-государства Древнего Шумера и Древней Греции, западноевропейские государства начиная с эпохи высокого средневековья).

Здесь важно отметить, что принципы самоорганизации в X- и Y-структурах разнонаправлены (то, что хорошо для одной структуры, – плохо для другой, и наоборот), что делает сложным согласование X- и Y-элементов в одном социуме. Тем не менее, сочетание X- и Y-элементов существует всегда, поскольку любое общество вынуждено одновременно решать задачи и безопасности и развития. Так, внутри X-обществ всегда существуют подсистемы, организованные по Y-принципу (например, рыночно-торговый сегмент в аграрных обществах), а в Y-обществах - подсистемы, организованные по X-принципу (например, армия и силовые структуры, системы государственного социального обеспечения в современных западных странах). При этом соотношение X- и Y-элементов в конкретном обществе непостоянно во времени; сильнее всего оно зависит от изменения внешней ситуации: от увеличения или снижения ресурсной базы, от изменения опасности угроз существованию социума. Однако в конечном счете устанавливается определенный баланс X- и Y-элементов во всех

---

[21] Для Восточных обществ характерны: 1) ограничение личных свобод в пользу прав центральной власти; 2) примат общественной и государственной собственности над частной; 3) авторитаризм в политике; 4) неправовой характер общественных отношений, жизнь по традициям и «по понятиям», а не по формальным законам; 5) концентрация различных видов власти в одних руках. Социальная система такого типа формируется, как правило, в условиях серьезной внешней угрозы как «объединение слабых *вокруг* сильного» и объективно способствует усилению центральной власти.

[22] В Западных обществах базовыми ценностями, следование которым поддерживает социальную устойчивость, являются: 1) экономическая и политическая свобода, обеспечение «прав человека»; 2) священная и неприкосновенная частная собственность; 3) демократия; 4) правовой характер общества, равенство всех перед законом; 5) разделение законодательной, исполнительной и судебной власти. Эта система ценностей направлена против чрезмерного усиления центральной власти, реализуя принцип «объединение слабых *против* сильного».

подсистемах социума, но непременно при доминировании на верхнем уровне либо X-, либо Y-структуры.

Итак, в процессе социальной эволюции в результате взаимодействия с природно-социальной средой каждое общество приобретает либо X, либо Y-облик (с определенным присутствием элементов противоположного типа). Важно то, что насильственное внедрение в X-структуру Y-элементов (или наоборот: в Y-структуру X-элементов), пусть даже с благими намерениями, как правило, приводит к ухудшению качества и снижению устойчивости системы.

В России ни то, ни другое институциональное состояние *не могло* реализоваться в своем «классическом» виде. Неоднократные попытки идти то по одному, то по другому пути воспринимались как шараханье из стороны в сторону, но не давали желаемого результата. Причина этого во многом заключалась во влиянии российских геополитических и природно-климатических условий, делавших неэффективными «западные» и «восточные» рецепты повышения устойчивости социума.

Российская специфика заключалась в следующем. Живя в суровых природно-климатических условиях при наличии постоянного военного давления со стороны агрессивных геополитических соседей, русский этнос мог выжить только при наличии сильной центральной власти, аккумулирующей имеющиеся ресурсы для противостояния внешним угрозам. Поэтому основным социальным императивом в российских условиях был императив Восточных обществ - «*объединение слабых вокруг сильного*». С другой стороны, в силу недостаточности ресурсов, их концентрация была возможна только в результате *мобилизационных* мер, что ограничивало развитие рыночных отношений и неизбежно повышало внутреннюю конфликтность в обществе. Кроме того, жизнь на русской равнине совместно с множеством других этносов была возможна только при установлении с ними добрососедских отношений (другими словами, при снижении внешней конфликтности). Это - противоречивые требования,

выполнение которых приводит к снижению социальной устойчивости и повышенной уязвимости общества Восточного типа. России пришлось выработать свой уникальный (выделяющий ее в отдельную цивилизацию-государство) способ повышения устойчивости общества, который заключается в резком снижении внутренней конфликтности, в достижении единства социума с помощью как социально-психологических механизмов, так и целенаправленных административных мер. Наиболее значимыми и надежными являются социально-психологические механизмы, оказывающие влияние на формирование национального характера. В результате у русского этноса исторически сложились и закрепились такие психологические черты, как терпение, коллективизм, непротивление власти, толерантность к другим народам и культурам. Без этих черт характера независимое существование русского этноса и российской государственности *было бы невозможно*. Эти черты резко отличали русский этнос от остальных народов и были не проявлением слабости (как это порой тенденциозно трактуется), а психологическими механизмами, обеспечивающими его устойчивость и «живучесть» в критических условиях.

Психология русского народа, благодаря которой общество стало устойчивым даже в экстремальных условиях, предоставляла центральной власти кредит доверия в надежде, что он будет использован в интересах всего общества. Государство в России призвано быть сильным и ответственным. К сожалению, оно редко оправдывало свое предназначение. Власть пользовалась ресурсами, предоставляемыми ей обществом, но часто распоряжалась ими бездарно, особенно в мирное время. И это - обратная сторона медали. Традиционный российский бюрократизм и коррупция - следствие слабости контроля над властью со стороны общества. В условиях России сильная центральная власть - это благо. Власть должна сознавать свою миссию и стремиться оправдать кредит доверия. Но, понимая свою роль, она не должна устраняться от решения социальных проблем и должна понимать, что имеет «родимые пятна», с которыми необходимо постоянно

бороться - бюрократизм и коррупцию. От того, насколько эффективно это получится, зависит будущее России.

Если с этих позиций обратиться к российской истории XX века, то становится ясно, что образование СССР – это попытка создания жесткой X-системы в экстремальных внешних условиях с целью политического и экономического выживания. В геополитическом плане эта попытка оказалась успешной: СССР удивительно быстро объединил вокруг себя X-страны и стал их лидером. Однако в начавшейся третьей мировой «холодной» войне с Западным блоком СССР потерпел поражение. Это поражение во многом было предопределено тем, что **во время горбачевской перестройки в X-систему СССР начали механически внедрять западные Y-элементы. Возникшая симбиозная социальная система предсказуемо ослабла и разрушилась**.

Возникает закономерный вопрос: почему СССР проиграл? С позиций сказанного можно утверждать, что X-система в СССР была излишне жесткой, она не соответствовала в должной мере цивилизационным особенностям России (хотя в некоторой степени их отражала).

Но попытка перехода к Y-системе в 90-е годы оказалась еще хуже. В результате либеральных реформ Россия утратила субъектность, перешла из претендентов на мировое лидерство в Мир-периферию, оказалась в сырьевой ловушке. Общество оказалось расколото: реально российская элита, обладающая большими доходами, живет в Y-системе и исповедует либеральные ценности, а большинство населения, имеющее низкие доходы, живет в X-системе и озабочено проблемами экономического выживания. Живя в разных мирах, эти слои общества перестали понимать друг друга. В этой ситуации для страны в высокой степени стал вероятен сценарий распада (представленный выше сценарий (Б)).

Однако ситуация стала изменяться после прихода к власти В.В.Путина. Он начал укреплять «вертикаль власти», усмирять «олигархическую вольницу» (дело М.Ходорковского), повышать роль государства, то есть стал

усиливать роль X-элементов. В результате к настоящему времени в России сложилась система, в которой соседствуют и взаимодействуют друг с другом элементы X- и Y-структур. При этом одна часть элиты («либералы») добивается повышения удельного веса Y-элементов, а другая часть элиты («силовики») добивается повышения удельного веса X-элементов. Президент испытывает политическое давление со стороны и тех и других, но стремится соблюсти определенный баланс. Результирующая система неустойчива (см. выше комментарий к табл.8.1) и это таит в себе политические риски. Но может быть в состоянии неустойчивости есть и свои «плюсы»? Чтобы разобраться с этим, рассмотрим текущую ситуацию с более общих позиций.

8.3. Особенность современной эпохи

Сложившуюся ситуацию на мир-системном уровне можно представить следующим образом. Развитие промышленности и торговли, ориентация на экономический рост и конкурентную экспансию, позволили странам Запада в XVIII-XIX вв. сделать экономический рывок и стать Центром Мир-системы. Результатом стала *Великая дивергенция* XIX – первой половины XX века [7], на протяжении которой страны Запада развивались существенно быстрее остальных стран.

Не-Западные страны, видя свое отставание, пытались осуществить догоняющую модернизацию, используя опыт и технологии Западных стран. Но это происходит трудно из-за проблем и противоречий, возникающих при имплантации Y-элементов в не-Западное X-общество. Успех приходит лишь к тем странам не-Запада, которым удается, не разрушая присущего им доминирования X-структур, найти такое соотношение между традиционными X- и инновационными Y-элементами, которое обеспечило бы социальную устойчивость и экономический рост одновременно (примерами стран состоявшейся модернизации с «не-Западным лицом» являются Япония и Южная Корея). Одновременно, в соответствии с логикой

модернизаци [7], в странах Центра начинают снижаются темпы роста в демографии и экономике, а успешные развивающиеся страны, наоборот, резко убыстряются в развитии. Начинается *Великая конвергенция* конца XX века (продолжающаяся до сих пор) [7], когда дистанция между развитыми и развивающимися странами постепенно сокращается.

Причины перехода от дивергенции к конвергенции вполне конкретны. Дело в том, что устойчивость либерально-рыночной конкурентно-ориентированной экономики западных стран возможна только при наличии притока дополнительных ресурсов («игра с положительной суммой», см. табл 8.1). Именно получение дополнительных ресурсов являлось целью политики *глобализации,* проводимой западными странами. Однако, будучи реализованной, глобализация ставит предел возможностям роста, основанным на внешней экспансии. По завершению глобализации неизбежен переход к «игре с нулевой суммой», период экстенсивного роста заканчивается.

Это обусловлено фундаментальными причинами. С 70-х годов XX века началось замедление роста населения Земли (рис.8.5), стало очевидным насыщение спроса в странах Запада, экономика индустриальных стран стала буксовать.

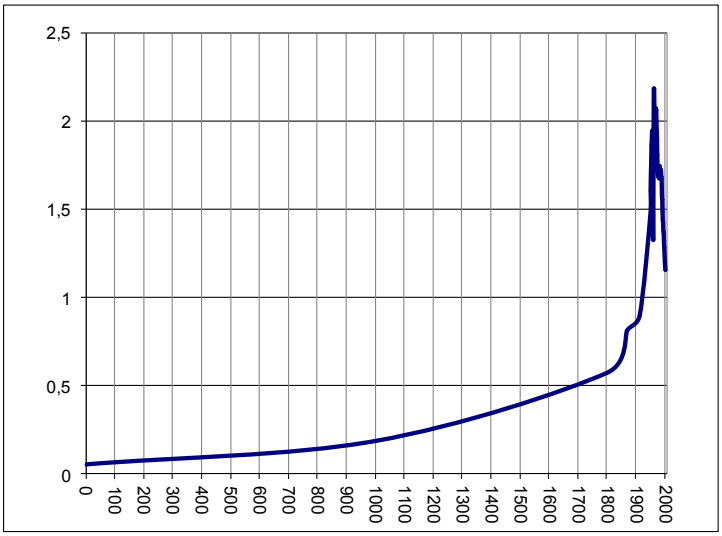


Рис.8.5. Динамика изменения темпов роста населения Земли за последние 2000 лет (в процентах за год, расчет по данным [8])

Для расширения спроса на промышленную продукцию и для ее выхода на рынки развивающихся стран необходимо снижение цен. С целью уменьшения себестоимости своей продукции западные фирмы стали переводить производство в развивающиеся страны, где стоимость рабочей силы намного ниже. Однако это привело к ускоренному экономическому росту этих стран (Китая, Индии, Индонезии и др.) и к стагнации производства в странах Запада. Современная ситуация в мире следующая: страны с Y-экономикой в кризисе (из-за низкой прибыли), товарный спрос обеспечивается Китаем и другими развивающимися странами. Что делать Западу, чтобы повысить прибыль? Возможны следующие варианты действий:

1) разработка принципиально *новых технологий* (NBIC), в которых Запад будет монополистом (но длительное сохранение монополизма уже невозможно из-за глобализации и высокой скорости диффузии инноваций, знаний, образования из развитых стран в развивающиеся);

2) резкое повышение *производительности труда*, что возможно за счет роботизации (но в этом случае рабочие будут не нужны, люди перестанут получать зарплату. Но тогда не будет и платежеспособного спроса, произведенную продукцию невозможно будет продать. Соответственно, не будет прибыли).

Это **тупик**. Развитие по Y-типу, в основе которого – максимизация прибыли, заканчивается. Что будет дальше?

8.4. От Мир-системы к Мир-организму

Чтобы понять, что нас ждет впереди, следует обратиться к истории и выяснить, не было ли аналогов современной ситуации в прошлом. Оказывается, исторические аналоги современного структурного кризиса уже были.

Действительно, история цивилизаций демонстрирует существенную неравномерность мирового развития: относительно спокойные периоды сменяются глобальными системными кризисами, приводящими к кардинальной перестройке геополитической структуры, принципов экономической и социально-политической организации обществ. Наиболее яркими примерами фазовых структурных переходов глобального масштаба со времени неолитической революции являются «городская революция» (IV-III тысячелетия до нашей эры), «осевое время» (VIII-III века до нашей эры по К. Ясперсу [9] и современная эпоха. Это хорошо иллюстрирует рисунок 8.6 [10], отражающий динамику урбанизации на протяжении последних шести тысяч лет (динамика урбанизации является отражением процессов политогенеза).

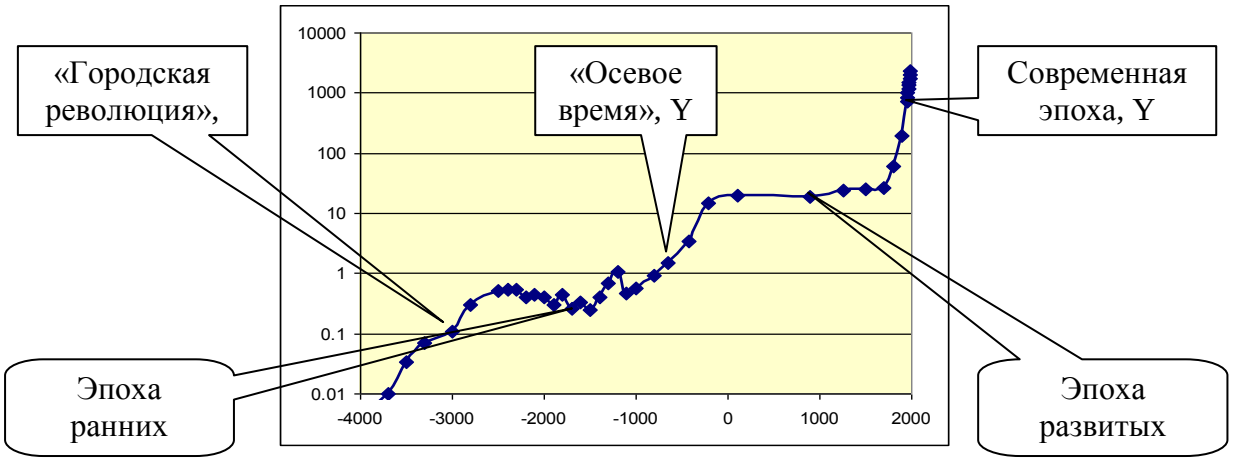


Рис.8.6. Численность городского населения мира в логарифмическом масштабе, млн. чел. (для городов с населением более 10000 чел.)

Источник: [10]

Указанные эпохи перемен - это глобальные структурные переходы, вызванные мощными технологическими сдвигами, резко расширявшими ресурсную базу и технические возможности человека, ускоряющими экономическое и культурное развитие (см., например, [11,12]):

первая эпоха перемен («городская революция») - следствие распространения *бронзовых* орудий, появления ремесел, гончарных изделий, повозок на колесах;

вторая эпоха перемен («осевое время») - следствие распространения *железных* орудий, послужившего резким толчком в развитии земледелия, военного и строительного дела, наземного и морского транспорта;

третья эпоха перемен (современная) - следствие *промышленной* революции, замены ручного труда машинным на основе научно-технических достижений.

Каждый раз эпохи перемен знаменовались неравномерностью развития и процессами *дивергенции*: появлялись общества-лидеры, которые, освоив новые технологии раньше других, вырывались вперед и начинали влиять на развитие обширных регионов за пределами своих территорий. По существу, в каждую из эпох перемен происходили процессы «*глобализации*»:

в эпоху «городской революции» происходил процесс перехода от раздробленной племенной структуры к ранним государствам;

в «осевое время» – процесс формирования обширных империй, поглощавших этнические государства;

в современную эпоху – процесс экономической и политической глобализации в полном смысле этого слова с формированием наднациональных институтов регулирования и управления.

Важно то, что в эпохи перемен происходит естественное смещение институциональных структур в сторону усиления Y-элементов, конкурентных отношений. В условиях расширения ресурсной базы (вызванного применением новых технологий) конкурентные отношения стимулируют экономическую активность, поиск незанятых производственных ниш, внутреннюю и внешнюю торговлю. Примером государственных образований с преобладанием Y-элементов для эпохи «городской революции» являются города-государства Древней Месопотами

[13], для эпохи «осевого времени» - полисы Древней Греции, для современной эпохи – страны Запада.

Однако по завершении эпох перемен (после распространения новых технологий на всю ойкумену) процессы дивергенции сменяются на процессы конвергенции, ситуация стабилизируется, ресурсный рост замедляется (или прекращается). В этой ситуации происходит смещение институциональных структур в сторону усиления X-элементов [5, 14], кооперативных взаимодействий, принципов «объединения слабых вокруг сильного».

Наиболее драматичной эпохой перемен является современная эпоха, о чем свидетельствует взрывной рост ключевых показателей развития в последние два столетия [15]. При этом в последние десятилетия происходит слом тенденций, формировавшихся в индустриальную эпоху, Запад начинает утрачивать лидерство. Период экстенсивного роста в условиях расширения ресурсной базы («игра с положительной суммой») заканчивается. Об этом, в частности, свидетельствует разразившийся в 2008 г. финансово-экономический кризис, являющийся продолжением кризиса 2000 г. С 2014 года началась следующая, более серьезная фаза кризиса, которая имеет уже не только экономический, но и политический характер.

В ближайшие десятилетия мир ожидают сильные изменения:

- глобальный демографический переход (постепенная стабилизация численности населения Земли);
- радикальное изменение современной экономической системы и экономических отношений (прежде всего в сфере финансов), ограничение экономического роста;
- радикальное изменение современной политической системы (окончание доминирования Y-структур).

Соответственно, в исторической перспективе ожидается сдвиг в сторону усиления X-структур, к формированию системы глобального регулирования. Вопрос заключается в том, на каких основаниях будет осуществляться это регулирование. Здесь необходимо сказать следующее.

Глобализация усиливает экономические связи между странами и повышает их специализацию в мировом разделении труда. Специализация с усилением глобализации будет неуклонно повышаться. Биологическим аналогом полностью глобализованной системы является организм, где каждый орган выполняет свою, жизненно необходимую для организма функцию. В организме все органы одинаково важны и «заинтересованы» в эффективной работе друг друга, «дискриминация» отсутствует.

Мировая система исторически движется по направлению к созданию такого единого организма, работа которого будет согласовываться, регулироваться и контролироваться единым центром, который условно можно назвать мировым правительством. Вопрос лишь в том, как будет происходить данный глобальный переход от конкурирующих кластеров-государств к единому Мир-организму (являющемуся следующей стадией развития Мир-системы И.Валлерстайна [16]).

Путей формирования Мир-организма может быть два.

Первый путь: нынешний экономический лидер США и его союзники – приверженцы либерально-рыночной парадигмы и Y-методов управления – выстраивают глобализацию под себя, руководствуясь принципами максимизации прибыли (своей) и «экономической эффективности». При этом положение Запада как бенефициара мирового развития сохраняется, страны Периферии подстраиваются под потребности Запада, обслуживают его интересы. Оппозиция «Центр-Периферия» сохраняется и усугубляется, отношения между странами неравноправны.

Второй путь: «общественный договор» стран мира (глобальный консенсус) по поводу путей развития на основе согласованных целей и общих интересов с учетом мирового разделения труда. Этот путь основан на отказе от выбора принципа «максимизации прибыли» в качестве системообразующего, на выстраивании новой системы международных экономических и политических отношений, максимальным образом учитывающих культурно-исторические особенности стран, их опыт и

возможности при формировании единого социально-экономического мирового организма.

Будет ли будущий Мир-организм Y-системой? Представляется, что не будет (как бы этого ни хотели США и другие страны Запада), поскольку с завершением глобализации неизбежен переход к «игре с нулевой суммой», в условиях которой Y-структуры теряют свою эффективность и необходим переход к согласованному перераспределению материальных, трудовых, интеллектуальных ресурсов.

Будет ли будущий Мир-организм X-системой? Думается, что тоже не будет, поскольку X-структура формируются тогда, когда имеется сильный внешний враг, угрожающий самому существованию системы. После завершения глобализации и включения всех стран в Мир-организм понятие «внешнего врага» исчезает (если не брать всерьез фантастический сценарий борьбы с внеземными цивилизациями), соответственно, исчезают необходимые основания для формирования X-структуры.

Какие же тогда возможны варианты? Логичным в этой ситуации является вариант формирования комбинированной структуры, объединяющей X и Y-элементы. Однако, как уже говорилось выше, такие структуры неустойчивы, они могут существовать только при наличии специальных социально-психологических механизмов, повышающих устойчивость. В этих условиях очень важным оказывается исторический опыт стран БРИКС (и особенно России). Радикальное отличие стран БРИКС от всех других заключается в том, что это страны с огромной территорией, объединяющей регионы с очень разнородным (по этническому составу, языку, религии, традициям, уровню жизни) населением. По существу, каждая из стран БРИКС *уже* провела свою локальную «глобализацию», сформировала такой социальный организм, который обеспечивает согласованное развитие всех его подсистем, несмотря на их многообразие и взаимное различие. Успехи развития последних десятилетий в этих странах во многом обусловлены тем, что им удалось найти такое сочетание X и Y-

элементов (традиционных форм жизни и современной рыночной экономики), которое является взаимодополняющим, а не конфронтационным. По этой причине опыт создания единого социального организма внутри каждой из стран БРИКС становится все более актуальным и востребованным для мира в целом на пути его трансформации от Мир-системы к Мир-организму.

8.5. Что делать?

Из сказанного следует, что нам надо, не поддаваясь на внешнее экономическое и политическое давление, выстраивать современную социальную систему, адекватную российским цивилизационным особенностям. Надо не стыдиться своей непохожести на другие страны, необходимо понять ее глубинные причины и использовать ее преимущества (как это делают, например, не стесняющиеся своей цивилизационной идентичности Япония, Индия или Китай). При этом все указывает на то, что цивилизационный опыт России будет все более востребован. Этот опыт освоения огромных пространств, создания технологий социального общежития и обеспечения жизнедеятельности в суровых природных и геополитических условиях. Особенностями цивилизационного опыта России, которые могут оказаться востребованными в процессе формирования Мир-организма, являются:

- опыт проведения *несиловой «глобализации»* разнородных этнических и экономических пространств на территории Российской империи и СССР (российская «глобализация» Евразийских территорий – 1/6 части суши – была проведена довольно успешно и достаточно бесконфликтно в условиях сильной разнородности регионов с обеспечением их экономической специализированности);

- отработка методов социальной интеграции этнически разнородного населения (и их элит) в Российской империи и СССР (дружба народов Советского Союза была не на словах, а на деле);

- опыт решения важнейших экономических и политических проблем как больших проектов (мегапроектов), например: «Москва – третий Рим» (при Иване III), «окно в Европу» (при Петре I), «построение социализма» (при СССР). Освоение и развитие новых технологий осуществлялось как инструмент для достижения амбициозных целей в рамках мегапроектов (например, освоение кораблестроения в рамках мегапроекта «окно в Европу», создание атомной энергетики и ракетостроения в рамках мегапроекта «построение социализма» и т.п.);

- актуализация духовных (не рыночных) стимулов в реализации мегапроектов, опора на особенности культуры, а не на стремление к прибыли.

При этом, как указывалось выше, основную роль в обеспечении устойчивости российского общества и российского многонационального государства, охватывающего значительную часть Евразии, играли *социально-психологические механизмы*. Не исключено, что именно этот опыт повышения устойчивости общества через актуализацию социально-психологических механизмов будет наиболее ценен для формирующегося Мир-организма, поможет бесконфликтно согласовать в нем X и Y-элементы в нужной пропорции.

Исторический прецедент подобной ситуации уже был.

Как уже говорилось выше, историческим аналогом современной эпохи является окончание «осевого времени» (см. рис.6). Тогда тоже была своя «глобализация»: образование огромных империй, усиление экономических связей внутри империй при наличии этнической, культурной, религиозной разнородности населения. Для каждой империи (в том числе, и для Римской) с необходимостью возникала и становилась все более актуальной задача объединения разнородных территорий и народов в единый организм. Для этого пробовались различные средства, в том числе идеологические (например, внедрение культа императора на территории Римской империи), но безрезультатно. Задача оказалась разрешимой, когда возникло

христианство, которое резко отличалось от всех предыдущих религий по своим принципам. Если раньше было: око за око, зуб за зуб (реализация принципа конкуренции), то христианство провозгласило необходимость любви к своим ближним, включая врагов (реализация принципа кооперации). Были провозглашены универсальные ценности, духовное было поставлено выше материального. И мир, действительно, изменился (за счет снижения внутренней конфликтности), произошел фазовый переход к новой исторической эпохе.

Мы сейчас находимся в точно такой же ситуации. Только глобализация сейчас не локальная (в рамках империи), а истинно глобальная - в рамках мира в целом. Мы неизбежно должны будем перейти от нынешнего доминирования Y-систем к абсолютно новой глобальной системе, устойчивость которой будет основана на новой идеологии, новой духовности. Россия – это страна, уже прошедшая подобный путь, без меча и огня объединившая бескрайние и разнородные евразийские пространства. Поэтому ее исторический опыт имеет огромное мировое значение и будет все более и более востребован. Более того, шанс у России выжить и укрепиться в условиях современного жесткого геополитического противодействия будет, если только она предложит миовому сообществу принципы формирования Мир-организма, принципы рационального (не приводящего к дестабилизации) сочетания X- и Y-элементов в социуме (именно такой работой по балансированию X- и Y-элементов занимается сейчас Президент, заставляя «либералов» и «силовиков» работать вместе и принимать согласованные решения в непростой современной ситуации).

Основные выводы по главе 8.

Итак, современная историческая ситуация развивается таким образом, что цивилизационный опыт России становится все более актуальным. Это - вызов для современной России, еще не оправившейся от кризиса 90-х годов. В связи с этим чрезвычайно актуальны следующие задачи:

- обретение современным российским государством реальной субъектности (только субъект проектирует будущее). Россия – это государство-цивилизация со своим уникальным историческим опытом (этого не нужно стесняться, это нужно «поднимать на щит»);

- необходимо «сосредоточиться», начать строить институциональную систему, адекватную российским цивилизационным особенностям;

- необходимо начать национальный мегапроект (например, мегапроект по освоению инфраструктурно-бедных российских территорий с использованием технологий 6-го уклада), способный дать толчок национальному и мировому развитию;

- в политике необходимо форсировать сборку евразийского пространства (что уже начало реализовываться в виде ЕАЭС и ШОС), а также укреплять союз стран БРИКС;

- указанные задачи должны лечь в основу системы стратегического планирования и управления, создаваемой в России в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 года №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (см. Приложение А).

Вместо заключения. «Вектор России»

1.Подведем итоги.

Стратегическими ***задачами*** России являются следующие:

1) в краткосрочном периоде – не допустить реализации сценария «Крымская война – 2», *выдержать* мощное давление со стороны стран Запада (за счет мобилизации имеющихся ресурсов, консолидации властной и интеллектуальной элиты, эффективной внешней политики); сформировать оборонное сознание.

2) в среднесрочном периоде – *укрепиться* экономически (за счет развития высокотехнологичных производств и импортозамещения), идеологически (путем выработки общенациональной идеологической

платформы) и в военном отношении; сформировать новый модальный тип личности.

3) в долгосрочном периоде – *победить*, то есть выйти в лидеры нового миропорядка (для этого нужно обеспечить максимальные выгоды от перехода к шестому технологическому укладу и предложить концепцию миропорядка, которая будет привлекательна для большинства стран).

При этом в отношении сложившейся ситуации необходимо иметь в виду следующее:

- переход в ближайшие годы к конфронтационным методам решения проблем (включая экономические, финансовые, информационные и др. войны), по-видимому, неизбежен. Так было всегда в периоды смены технологических укладов и вряд ли нынешняя ситуация перехода от пятого к шестому технологическому укладу будет исключением из правила;

- в настоящее время, когда глобализация (ведущая к снижению суверенитета государств) претерпевает кризис, происходит смена парадигм и усиление тенденций изоляционизма и самодостаточности в политике многих стран мира (аналогичная ситуация была перед Первой мировой войной). В такие периоды в политике и экономике объективно возрастает роль государства и патернализма;

- в перспективе, после преодоления кризиса, будет сформирован новый миропорядок. Каким он будет – зависит от активной позиции стран-субъектов мировой политики. Этот миропорядок нужно готовить и проектировать. В этой проектной работе Россия обладает уникальным цивилизационным опытом и имеет шанс стать одним из лидеров;

- при выработке стратегии России в сложившейся ситуации надо исходить из принципа: неординарные условия требуют неординарных решений.

2. Для решения стратегических задач необходимо:

А. Овладеть четырьмя основными **ресурсами** действия:

- **«Мягкой силой»**, адекватной современному состоянию международных конфликтных взаимоотношений как внешнеполитическим ресурсом и специфическим инструментом «латентного» управления.
- **«Жесткой силой»** (включающей Вооруженные силы, экономику, обеспеченность ресурсами и др.), потенциал которой достаточен для обеспечения стратегической (и кризисной) стабильности, деэскалации всех типов военных конфликтов на границах России, обеспечения победы в локальной и региональной войне.
- **Деньгами** – особым видом энергии, используемой для организации управления как в материально – вещественной так и в ментальной сферах.
- **Временем –** важнейшим фактором конфликтного управления.

Б. Сформировать **новый модальный тип личности,** способный эффективно функционировать в условиях перенапряжений военного времени и адекватный задачам стратегического действия, обеспечения **безопасности** и долгосрочного **развития** России.

В. Провести институциональные решения, направленные на формирование «**концептуальной власти**», а также создание «**элитных команд» нового типа**, нацеленных на обеспечение интеллектуального превосходства над элитами противостоящих «акторов» внешнеполитических конфликтов.

2. Предлагается следующий перечень важнейших мер по парированию угроз и решению стратегических задач

1) В **КРАТКОСРОЧНОМ** периоде необходимо *выдержать* мощное давление со стороны стран Запада. Для этого необходимо:

1.1) в ***финансовой*** и ***экономической*** сферах с целью стабилизации ситуации и уменьшения последствий от западных санкций:

- установить жесткий контроль государства за валютными операциями с целью ограничения вывоза капитала и недопущения дестабилизации национальной валюты;

- ввести меры по контролю за ценами;

- добиться увеличения уровня инвестиций в экономику, в том числе, путем:

увеличения государственных инвестиций в приоритетные отрасли;

повышения уровня монетизации экономики за счёт адресной (безинфляционной) эмиссии и государственных валютных займов (с одновременным принятием мер по предотвращению валютных спекуляций);

- повысить доходы бюджета за счет перехода к прогрессивной шкале налогообложения;

- использовать возможности союзных и дружественных государств для обхода санкций и смягчения их последствий;

- установить персональную ответственность руководителей экономического блока правительства за реализацию антикризисной политики;

- законодательно установить ответственность Центрального банка за состояние экономики России и обеспечение экономического роста;

1.2) во ***внутриполитической*** и ***социальной*** сферах с целью недопущения дестабилизации ситуации:

- принять меры по повышению доверия общества к власти (включая систематическое публичное разъяснение действий власти, реальную борьбу с коррупцией, расширение показа в СМИ позитивных моментов в экономике и обществе);

- организовать общественно-информационное противодействие «пятой колонне» внутри страны, способствовать организации общественных движений типа «антимайдана»;

- усилить контроль за деятельностью местных властей, увеличить возможности обратной связи для получения информации на местах, своевременного устранения негативных явлений;

1.3) в ***геополитической*** и ***военной*** сферах с целью предотвращения развития событий по эскалационному сценарию:

- противостоять давлению США, тесно сотрудничать с дружественными странами (БРИКС, ШОС, ЕАЭС и др.), объяснять и твердо отстаивать свои национальные интересы;

- не допустить втягивания РФ в военные конфликты.

2) В **СРЕДНЕСРОЧНОМ** периоде необходимо *укрепиться* экономически, идеологически и в военной области. Для этого необходимо:

2.1) в ***финансовой*** и ***экономической*** сферах с целью перехода на траекторию устойчивого роста:

- национализировать рубль (снизить его зависимость от иностранных валют, ориентировать монетарную политику на задачи экономического развития);

- для преодоления санкций развивать импортозамещение (в том числе посредством введения квот на отечественную и импортную продукцию в торговых сетях), для преодоления экспортно-сырьевого характера экономики развивать обрабатывающие производства (пользуясь низким курсом рубля);

- формировать общественно-государственные механизмы содействия развитию спроса на отечественные инновации;

- всемерно поощрять инвестиции, включая создание особых льготных условий для крупных прямых инвесторов в импортозамещающие отрасли, увеличить объем государственных инвестиций в экономике при повышении ответственности за их эффективное использование;

- создать национальную и международную (в кооперации с дружественными странами) платёжные системы обслуживания банковских

карт для исключения критической зависимости от иностранных платежных систем;

- интенсифицировать (в том числе в союзе с КНР и другими странами БРИКС) развитие финансовых центров и институтов для снижения зависимости от доллара и евро;

- интенсифицировать торгово-экономические и инновационно-технологические связи со странами БРИКС и Евразийского экономического союза для снижения зависимости от западных экономик и реализации взаимовыгодного сотрудничества;

2.2) во ***внутриполитической*** и ***социальной*** сферах с целью укрепления единства общества и снижения внутренней конфликтности:

- не допустить существенного снижения уровня жизни, ухудшения положения основной части населения;

- жестко пресекать межэтнические конфликты;

- добиться обновления и консолидации элиты, ее ориентации на достижение национальных интересов;

- с целью роста эффективности и качества органов управления повысить персональную ответственность, оценивать работу по результатам, в том числе, по оценке работы населением;

- сформировать и распространять внутри страны и за ее пределами ценностные установки российского общества, понятные и притягательные для всего мира;

2.3) в ***геополитической*** и ***военной*** сферах с целью укрепления геополитических позиций России:

- развивать ОПК и производство новых современных видов вооружений, в том числе «умного» и «высокоточного» оружия для обеспечения необходимого уровня обороноспособности;

- укреплять кооперацию в рамках БРИКС, ШОС, ОДКБ, Евразийского Экономического Союза с целью выработки согласованной позиции по важнейшим международным вопросам;

- активно использовать «мягкую силу» для укрепления своих позиций..

3) В **ДОЛГОСРОЧНОМ** периоде необходимо *победить*, то есть выйти в лидеры нового миропорядка. Для этого необходимо:

3.1) в ***финансовой*** и ***экономической*** сферах для получения конкурентных преимуществ:

- интенсифицировать массовое введение новых технологий и спрос на инновации, целевым образом используя их возможности в интересах развития слабоосвоенных территорий Сибири и Дальнего Востока;

- интенсифицировать экономическое развитие страны через инфраструктурные мегапроекты;

- отработать систему стратегического планирования и управления в РФ, обеспечивающую эффективное государственное регулирование рыночной экономики в интересах всего общества;

- для обретения финансовой независимости постепенно вытеснять из внешнеэкономических расчетов доллар и евро, переходить на расчеты со странами БРИКС и Евразийского союза в рублях, юанях, рупиях и т.п. Активно развивать с этими странами финансовые системообразующие центры, банки, институты, а также систему рейтинговых агентств;

- эмиссионную политику Центрального банка ориентировать на задачи экономического роста;

3.2) во ***внутриполитической*** и ***социальной*** сферах с целью гармонизации общества:

- уменьшить в РФ социальное неравенство путем ограничения доходов сверхбогатых – крупных чиновников, менеджеров крупных компаний, банкиров и др.;

- добиваться роста человеческого капитала, повышать инвестиции в человеческий капитал, прежде всего - в образование и здравоохранение;

- сформировать национальную элиту нового, субъектного типа;

- стимулировать общественную активность населения, законодательно обязать местные власти регулярно публично отчитываться перед населением;

3.3) в ***геополитической*** и ***военной*** сферах с целью выхода на лидерские позиции:

- добиваться тесного союза развивающихся стран, стать его лидером на основе предложенной Россией и принятой участниками союза глобальной идеологической платформы;

- на основе цивилизационного российского опыта предложить мировому сообществу модель кооперативного развития и системы глобального управления, учитывающей интересы всех стран;

- предложить систему коллективной безопасности, снижающей риски военных конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Введение

1. Елена Ларина. Весна 2015: финансовый фронт нефтяной войны против России ИА REGNUM 10.03.2015 14:05

2. Пойа Д. Математика и правдоподобные рассуждения.-М.: ИЛ, 1957.

3. Фейнберг Е.Л. Кибернетика, логика, искусство. – М.: Радио и связь, 1981 – 144с.

4. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977;

5. Rescher N. The Coherence Theory of Truth. Oxf., 1973.

6. Струве П.Б. «Великая Россия». – М.: Вопросы философии №12, 1992

7. В.Аладьин, В.Ковалев, С.Малков, Г.Малинецкий Пределы

сокращения. Доклад российскому интеллектуальному клубу /Отв.ред. О.А.Платонов. – М.:Институт русской цивилизации, 3013.-496с.

8. Г. Тищенко Противоракетная тайна Пентагона. /*oborona.ru*, 2015

9. НАТО переходит к доктрине «умной обороны» http://voennovosti.ru/2012/06/nato-perexodit-k-doktrine-umnoj-oborony/

10. Концепция "умной обороны" и саммит НАТО http://rus.ruvr.ru/2012_05_23/75681914/

11. «Умная оборона» для НАТО http://old.actualcomment.ru/idea/669/

12. Умная оборона НАТО. Инициатива «smart defence». http://modernpolitics.ru/2012/05/agenda-yadernoe-usilenie-rossii-umnaya-oborona-nato-tragediya-v-sirii/

13. НАТО обороняется от кризиса http://nationalsafety.ru/n69129

14. Опасная реформа НАТО: альянс хочет выйти на новый уровень, дав России шанс хорошо заработать http://www.newsru.com/world/15may2012/natoreform.html

15. Неэкономная "Большая Восьмерка" и "умная оборона" НАТО Западная элита ищет новые рецепты выхода из кризиса. https://peoplefirst.org.ua/ru/articles/uneconomical-g8-and-natos-clever-defense

16. Умная оборона, или Оптимизация безопасности по-натовски ("Geopolitika", Литва) http://www.inosmi.ru/world/20130114/204599540.html

17. Ф.А. Лукьянов - Не очень умная оборона. http://globalaffairs.ru/redcol/Ne-ochen-umnaya-oborona-15552, 17 мая 2012

18. J.S.Goldstain Long Cycles: Prosperity and War in modern age, 1988

19. К.Криннендорф «36 стратегий для победы в эпоху конкуренции». – СПб.: Питер, 2005 - 256

20. Карл Бартц Трагедия Абвера. Немецкая военная разведка во Второй мировой войне. 1935 – 1945/ Пер. с нем. Е.Н.Захарова.-М.:ЗАО Центрполиграф, 2010

21. Денисов А.А. I. Подавление циклов Бойда: Опыт управления военными и политическими конфликтами 1999-2009 гг. // «Информационные войны», № 2 (14), 2010. С. 2-13.

22. Денисов А.А., Денисова Е.В. II. Подавление циклов Бойда: Новый принцип управления военными и политическими конфликтами. // «Информационные войны», № 3, 2010. С. 2-14.

23. Денисов А.А., Денисова Е.В. Переход к постиндустриализму и условия нового баланса сил в военной области. // «Информационные войны», № 3, 2010. С. 15-23.

24. Денисов А.А., Денисова Е.В. III. Подавление циклов Бойда: Полная схема управления постиндустриальным военным и политическим конфликтом. // «Информационные войны», № 4, 2010. С 26-37.

25. Денисов А.А. Основы метрологического обеспечения управления конфликтом на геоцентрическом ТВД. // «Информационные войны», № 3 (19), 2011. С. 33-44.

26. Денисов А.А. Основы метрологического обеспечения управления конфликтом на геоцентрическом ТВД («Призрачные субъекты»). // «Информационные войны», № 4 (20), 2011. С. 2-11.

27. Денисов А.А. Основы метрологического обеспечения управления конфликтом на геоцентрическом ТВД (Математическая теория Сказочника). // «Информационные войны», № 1(21), 2012.

28. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология. М.: Академический проект. 2007.

29. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект. 2007.

30. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационный менеджмент. . М.: Академический проект. 2009.

Главы 1…5

1. В.Аладьин, В.Ковалев, С.Малков, Г.Малинецкий Пределы сокращения. Доклад российскому интеллектуальному клубу /Отв.ред. О.А.Платонов. – М.:Институт русской цивилизации, 3013.-496с.
2. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. — М.: ИЛ, 1957. Оригинал: Liddel Hart B.H. Strategy The Indirect Approach. — N.-Y.,

1954.
3. А.И.Фурсов «Счет победителей. Невыученные уроки войн, проигранных Россией»/ http://www.km.ru/spetsproekty/2013/06/19/istoriya-khkh-veka
4. Чернавский Д. С., Чернавская Н. М., Малков С. Ю., Малков А. С. Математическое моделирование геополитических процессов.//Стратегическая стабильность №1: 60–66., 2002.
5. Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы / Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2011.-432с.
6. Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития/ Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 488с.
7. В.А.Садовничий, А.А.Акаев, А.В.Коротаев, С.Ю.Малков. Моделирование и прогнозирование мировой динамики / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 360с
8. Соков Н.Н. Многополюсный мир в зеркале теорий международных отношений. //США: экономика, политика, идеология. – 1998. – №7. – С. 19–27; №8. – С. 19–31.
9. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998.
10. Денисов А.А., Денисова Е.В. Переход к постиндустриализму и условия нового баланса сил в военной области. // «Информационные войны», № 3, 2010. С. 15-23.
11. Modelski G. 1988. Long Cycles in World Politics. London: Macmillan.
12. С.Б.Переслегин «Введение в теорию неаналитических операций». С.Пб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2000г
13. С.Б.Переслегин «Стратегия чуда. Введение в теорию неаналитических

операций». С.Пб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2002г

14. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков. С.Ю, Малков А.С Борьба условных информаций. История и синэргетика: Математическое моделирование социальной динамики /Отв. ред. Малков С.Ю., Коротаев А.В.-М.: КомКнига, 2005.-192с
15. Modelski, George. 1978. "The long cycle of global politics and the nation-state." COMPARATIVE STUDIES IN SOCIETY AND HISTORY 20,2:214-35.
16. С.С.Сулакшин «Мировые финансово-экономические кризисы и глобальное латентное управление миром». Материалы научного семинара. Вып№3. М.: Научный эксперт. 2011
17. Федотова В.Г., Кросс Ш. Российский социум на переломе. Православие, Вебер и новый русский капитализм // Общественные науки и современность. 2006. № 2.
18. Ковалев В.И., Ракитянский Н.М.. Зинченко М.С. О «большой войне на ближнем и Среднем Востоке. Как понимать и что делать? // Информационные войны . 2012. №4
19. Ракитянский Н.М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. 2012. № 5.
20. Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб.: ОВИЗО, 2002.
21. Панарин А.С. Реванш истории. – М., 2005. – С. 11-12.
22. Москва – Константинополь. Кто объединит Православный мир и Евразийское пространство? // Aurora Expertum. Москва – Париж. 2012. № 1. – С. 38-39
23. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М., 2000. – С. 179
24. Г.Винокуров, В.Ковалев, С.Малков «БОЛЬШАЯ ВОЙНА» НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ». М.: Вестник Академии

Военных наук, №1, 2012
25. США приняли решение о начале «горячей фазы»? URL: earth-chronicles.ru/news/2012-06-15-24840
26. Империя против Ирана и Сирии. URL: geopolitica.ru/Articles/1430/
27. «Арабскую весну» готовили не США или НАТО. URL: www.rosbalt.ru/main/2012/07/06/1007667.html. 06 июля 2012
28. Троицкий М. Внешнеполитические горизонты Митта Ромни. URL: russiancouncil.ru/inner/?id_4=582
29. Сергеев В.«Сирийская весна» и пределы прочности режима БашараАсада. URL: russiancouncil.ru/inner/?id_4=266
30. К чему может привести ослабление шиитов в Сирии и Ливане? URL: friendfeed.com/newsland/24d417ef
31. Супонина Е.Куда качнется сирийская чаша весов? URL: russiancouncil.ru/inner/?id_4=552
32. Ракитянский Н.М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Моск. ун-та. 2012. № 4.
33. Аватков В., Тюкаева Т. Турция – Саудовская Аравия: конфликтный союз вокруг Сирии. URL: регнум.рф/news/polit/1516993.html
34. Переформатирование политического пространства Ближнего Востока в неоколониальном контексте. URL: geopolitica.ru/Articles/1429/
35. Паника в Саудовском королевстве. URL: topwar.ru/16148-panika-v-saudovskom-korolevstve.html
36. Эр-Рияд в зоне риска. URL: newsland.ru›news/detail/id/992235/
37. Турция рвется в шерифы Ближнего Востока.URL: www.utro.ru/articles/2011/09/13/998111.shtml
38. Нож к горлу Евразии.URL: www.segodnia.ru/content/110383
39. СМИ: военные США готовятся к новой операции на Востоке.URL: www.newsland.ru/news/detail/id/989510/
40. Р.А.Исмаилов, С.Б.Переслегин «Учение о темпах операции». С.Пб.,

труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2002г.
41. С.Б.Переслегин «Введение в теорию неаналитических операций». С.Пб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2000г
42. С.Б.Переслегин «Стратегия чуда. Введение в теорию неаналитических операций». С.Пб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2002г
43. США: мы не позволим Ирану закрыть Ормузский пролив.URL: webground.su/topic/2011/12/28/t403/
44. Медведский Д. «Иллюминация» КРИЗИСА. URL: www.zavtra.ru/content/view/illyuminatsiya-krizisa/
45. Ракитянский Н.М.Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. 2012. № 4.
46. Разведка религиозных недр. Борьба за природные ресурсы в будущем примет форму войн за веру. URL: http://religion.ng.ru/politic/2009-04-01/6_razvedka.html
47. Kurth J. The Protestant Deformation and American Foreign Policy // Orbis. – 1998. Spring.Vol. 42.No. 2.
48. Цит. по: Turner, B. Social Cement / B. Turner, R. Bocock, K. Thoompson // Religion and Ideology, A reader. Ed. by, – Manchester: Manchester University Press, 1985.P. 236.
49. Негри А.,Хардт М. Империя. URL: http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Polit/hardt/01.php
50. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М., 2003.– С. 12.
51. Джемаль Г. Освобождение Ислама. – М., 2004.
52. Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность / Под ред. Д.Б. Малышевой. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2004. – С. 65.
53. Б.Борисов Многопроклятый мир.- М.:Русский обозреватель, 2009г.
54. Винокуров Г.Н., Ковалев В.И., Малков С.Ю. Геополитическая

траектория государства: моделирование и прогноз /«Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы» Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2013

55. Винокуров Г. Н., Ковалев В. И., Малков С. Ю. Геополитическая динамика и сокращение ядерных вооружений / Моделирование и прогнозирование мировой динамики / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 360с

56. Бухарин С.Н. Как и почему лгут «историки». Ю.: Издательство ПСТМ, 2008.

57. Ю.Пивоваров. «Должность царя у нас стала выборной». М.: журнал «Профиль», № 32, сентябрь 2008 г., стр. 18…26.

58. Али Хаменеи о сотрудничестве с США: «Не дождетесь!», Комментарий Iran.ru, *25 марта 2015*

59. Краткосрочные и долгосрочные угрозы и риски России в условиях обострения международных отношений и пути их минимизации: Стратегический анализ /Отв. ред. С.Ю.Малков, Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2015.

Главы 6, 7

1. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология. М.: Академический проект. 2007.

2. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект. 2007.

3. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационный менеджмент. ?. М.: Академический проект. 2009.

4. Бухарин С.Н. Как и почему лгут «историки». Ю.: Издательство ПСТМ, 2008.

5. Ю.Пивоваров. «Должность царя у нас стала выборной». М.: журнал «Профиль», № 32, сентябрь 2008 г., стр. 18…26.

6. http://nvo.ng.ru/armament/2010-04-09/1_dead_hand.html?mthree=4

7. http://spkurdyumov.narod.ru/agkurmal.htm

8. О. Леонова «мягкая сила – ресурс внешней политики государства // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER №4/2013

9. Nye J. Soft power: The Means to Success in World Politics. N.Y. Public Affairs Group, 2004 (изд. на рус. Най Дж. «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике». М.:Тренд, 2006).

10. М. Калашников, Е. Осинцев «Завтра была война». М. Издательство: АСТ; Астрель; 2010г.

11. .Modelski, George. 1978. "The long cycle of global politics and the nation-state." COMPARATIVE STUDIES IN SOCIETY AND HISTORY 20,2:214-35.

12. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. «Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена». М.:ЛКИ/URSS, 2009

13. В.А. Садовничий, А.А.Акаев, А.В.Коротаев, С.Ю.Малков «Моделирование и прогнозирование мировой динамики». М.:МСПИ РАН, 2012

14. С.С.Сулакшин «Мировые финансово-экономические кризисы и глобальное латентное управление миром». Материалы научного семинара. Вып№3. М.: Научный эксперт. 2011

15. «Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития» /отв.ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков.-М.:Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012

16. Ковалев В.И. Технологическая гонка вооружений и стратегическая стабильность.// Двойные технологии, №1, 1997

17. Г.Винокуров, В.Ковалев, С.Малков «БОЛЬШАЯ ВОЙНА» НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ». М.: Вестник Академии Военных наук, №1, 2012

18. В.БУРБАКИ «Умная оборона НАТО» - новые вызовы и угрозы

для России. Опубликована на сайте Фонда стратегической культуры. 2012г.

19. В. Бурбаки «Надо ли России вступать в НАТО?». Опубликована на сайте Фонда стратегической культуры. 2011г.

20. Ивлев А.А. Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации. М.:2008.

21. Денисов А.А., Денисова Е.В. Подавление циклов Бойда: Опыт управления военными и политическими конфликтами 1999-2009 гг. // Информационные войны, №2, 2010.

22. Денисов А.А., Денисова Е.В. Подавление циклов Бойда: Новый принцип управления военными и политическими конфликтами// Информационные войны, №3, 2010.

23. А.А.Акаев, В.А.Садовничий Глобальные демографические модели как основа для стратегического прогноза. / Проекты и риски будущего: концепции, модели, инструменты, прогнозы/ Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2011

24. Обретение будущего. (Стратегия 2012)./ ИНСОР.- М, 2011

25. А. Агеев, Б. Куроедов, О. Сандаров. Военный потенциал 100 ведущих стран мира / ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ № 1/2011

26. Винокуров Г.Н., Ковалев В.И., Малков С.Ю. Геополитическая траектория государства: моделирование и прогноз /«Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы» Отв. ред. А.А.Акаев, А.В.Коротаев, Г.Г.Малинецкий, С.Ю.Малков. - М.:КРАСАНД, 2013

27. Винокуров Г. Н., Ковалев В. И., Малков С. Ю. Геополитическая динамика и сокращение ядерных вооружений / Моделирование и прогнозирование мировой динамики / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 360с

28. В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г.Малинецкий Пределы сокращения. Доклад российскому интеллектуальному клубу. / Отв.ред. О.А.Платонов.- М.:Институт русской цивилизации, 2013.

29. Колин С,Грей «Возрождение стратегий сдерживания: пересмотр некоторых основополагающих принципов»/ В сб. Геополитика Информационно – аналитическое издание. Выпуск XX1. – Москва, 2013

30. А.Д.САХАРОВ «ОПАСНОСТЬ ТЕРМОЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ. Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу.»/ referats/materials…sakharov_atom.htm

31. А. В. Турчин «СТРУКТУРА ГЛОБАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ» Риски вымирания человечества в XXI веке/ Москва, УРСС, 2010

32. Павловский Ю.Н. О сохранении структуры вооруженных сил в процессе вооруженной борьбы. Дискретный анализ и исследование операций. Сер. 2. Т.5. №1. 1998. С.40-55.

33. Павловский Ю.Н. Математический и гуманитарный анализ механизма ядерного сдерживания. Вестник РАН. Т.70.№ 3.2000.С.195-202.

34. Павловский Ю.Н. Методологические вопросы разработки системы математических моделей, предназначенных для исследования проблем стратегической стабильности, национальной безопасности, строительства вооруженных сил. В кн. Стратегическая стабильность межгосударственных отношений и безопасность России. М.: ВАГШ. 1993. С. 22-29.

35. Павловский Ю.Н. О факторе Л.Н. Толстого в вооруженной борьбе// Математическое моделирование. Т 5. № 1. 1993.

36. Павловский Ю.Н. Метод имитационных игр в проблемах геополитики, безопасности, межгосударственных отношений. В кн. Материалы учредительной конференции Российского общества исследования операций.М.:ВЦ РАН 1997.С.44-56

37. В.Круглов, Д.Ловцов Концепция информационно-ударной операции в современной войне http://old.nasledie.ru/oboz/N12_99/12_14.HTM

38. Ионов М.Д Психологические аспекты управления противником в антагонистических конфликтах (рефлексивное управление) // Прикладная эргономика. Специальный выпуск. 1994. № 1.

39. Ionov M.D. On Reflexive control of the Enemy in Combat // Military thought (English edition) No.1 (January 1995), pp. 46,47.

40. Ionov M.D. Control of the Enemy // Морской сборник (Naval collection) No.7 (July1995), pp. 29-31, as reported in FBIS-UMA-95-172-S, 6 September 1995, pp. 24-27.

41. Е. Коротченко Н. Плотников. Информация - тоже оружие: о чем нельзя забывать в работе с личным составом / Красная звезда, 17 февраля, 1994, с.2.

42. Прохожев А.А., Турко Н.И. Основы информационной войны / Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21 Century: Theory and Practice,» Moscow, February 1996, p. 251.

43. Турко Н.И., Модестов С.А. Рефлексивное управление развитием стратегических сил, как механизм современной геополитики / Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21”’ Century: Theory and Practice,» Moscow, February 1996, p. 366.

44. Т.Л. Томас. Рефлексивное управление в России /Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума. 17-19 октября 2000 г., Москва. Институт психологии РАН, 2000. С.40.

45. Леоненко С. Рефлексивное управление противником // Армейский сборник. – 1995. - № 8 - С.28.;

46. Модестов С.А. Рефлексивное управление развитием стратегических сил, как механизм современной геополитики // Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21» Century: Theory and Practice,» Moscow, February 1996, p. 366.;

47. Чаусов Ф.С. Рефлексивный подход в управленческой деятельности. – СПб., 2008. – 286 с. и др.

48. Clifford Raid. Reflexive Control in Soviet Military Planning // Soviet Strategic Deception, edited by Brian Dailey and Patrick Patker, (Stanford, CA: The Hoover Institution Press), pp. 293-312.

49. Nozawa E.T. Similarities and Differences Between Reflexive Control

and Peircean Semiotic / Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума. 17-19 октября 2000 г., Москва. Институт психологии РАН, 2000. С.40.

50. Баранов Алексей, Парад подделок / Московский комсомолец, 8 мая 1999, с.6 (as transleted and entered on the FBIS web page, 11 May 1999).

51. Ловцов Д.А. Проблема обеспечения информационной безопасности России // Обозреватель - Observer. 1999. № 2. С. 44—50.

52. Круглов В.В. О вооруженной борьбе будущего // Военная мысль. 1998. № 5. С. 54—58.

53. Ковалев В.И., Ларина Е.С., Сергеев Н.А. Психологический фактор вооруженной борьбы / Информационные войны №2 (30) , 2014г.

54. Буданов В.Г. Ритмокаскады истории России. //Стратегии динамического развития России. Единство самоорганизации и управления. Международный симпозиум «Синергетика в решении проблем человечества XX1 века: диалог школ».Том.3. часть 2. М. Изд. «Проспект» 2004. с. 31-33

55. Буданов В.Г. Ритмокаскады в истории.// Труды Международной конференции «Математическое моделирование социальной и экономической динамики» М. РГСУ. 2004. с.71-74

56. А.И.Фурсов «Счет победителей. Невыученные уроки войн, проигранных Россией»/ http://www.km.ru/spetsproekty/2013/06/19/istoriya-khkh-veka

57. Андрей Фурсов. Гуманитарные аспекты модернизации. Выступление на Заседании Клуба Aurora Expertum по теме «Гуманитарные аспекты модернизации России», 1.04.2010

58. К.Х.Ипполитов, В.Е.Лепский О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти.// Рефлексивные процессы и управление.№1, 2003, январь – июнь, том 3

59. Р.А.Исмаилов, С.Б.Переслегин «Учение о темпах операции». С.Пб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2002г.

60. С.Б.Переслегин «Введение в теорию неаналитических

операций». С.Пб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2000г

61. С.Б.Переслегин «Стратегия чуда. Введение в теорию неаналитических операций». С.Пб., труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2002г

62. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков. С.Ю, Малков А.С Борьба условных информаций. История и синэргетика: Математическое моделирование социальной динамики /Отв. ред. Малков С.Ю., Коротаев А.В.-М.: КомКнига, 2005.-192с

63. Криппендорф К. 36 стратегий для победы в эпоху конкуренции / Перев. с англ. — СПб.: Питер. 2005.—256 е.: ил.

64. Лефевр В.А. Рефлексия.-М.: Когито-центр, 2003г.

65. Белолипецкий В.Г. Финансовая экономика: концептуальные основания и механизм реализации // Экономическая теория на пороге XXI века – 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. – С. 58-85.

66. А Олейников Социокультурные факторы геополитики России (к вопросу о том, как преодолеть «запирающие технологии» в сфере государственного управления). http://www.intelros.ru/pdf/Geopolitic/2014

67. .Глазьев, С.Батчиков, А.Кобяков Встать в полный рост. О необходимых мерах в экономической сфере в условиях опасности развертывания глобальной хаотической войны против России. // «Изборский клуб» №10(22), 2014г.

68. Малков С.Ю., Чернавский Д.С., Коссе Ю.В., Старков Н.И. Влияние военных расходов на макроэкономические показатели // Стратегическая стабильность, №2, с.27-39, 2008 г.

69. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В. К вопросу об определении оптимальной величины оборонных расходов государства // Стратегическая стабильность, №2, с.72-76, 2007 г.

70. Benoit, E (1973). Defense and Economic Growth in Developing Countries, Lexington Books, Boston).

71. Bernstein J and Nadiri, MI (1991). Product Demand, Cost of Production, Spillovers and the Social Rate of Return to R&D, NBER Working Paper No 3625, Cambridge MA, USA.

72. Benoit E (1978). Growth and defense in developing countries, Economic Development and Cultural Change, 26, 2, 271 – 80.

73. Bloom, N, Schankerman M and Reenen JV (2005). Identifying Technology Spillovers and Product Market Rivalry, CEPR, Paper 4912, London.

74. Buck, D, Hartley, K and Hooper, N (1993). Defence research and development, crowding-out and the peace dividend, Defence Economics, 4, 2, 161-178.

75. Deger, S and Smith, R (1983). Military expenditures and growth in less developed countries, Journal of Conflict Resolution, 27,2, 335-53.

76. DTI (2003). Prosperity for All: The Strategy: Analysis, DTI, London

77. Dunne P, Smith R and Wilenbockel D (2005). Models of military expenditure and growth: a critical review, Defence and Peace Economics, 16, 6, December, 449 – 462.

78. Guellic D and Potterie BP (2001). R&D and productivity growth: panel data analysis of 16 OECD countries, OECD Economic Studies, 33, II, 103 – 126.

79. Hughes, A (2003). Knowledge Transfer, Entrepreneurship and Economic Growth: Some Reflections and Implications for Policy in The Netherlands, ESRC Centre for Business Research, University of Cambridge, Working Paper No. 273.

80. Macnair, E, Murdoch, J, Pi, C, and Sandler, T (1995). Growth and Defense: Pooled Estimates for the NATO Alliance, 1951-1988, Southern Economic Journal, 61, 3, 846-60.

81. Mo D (1987). Statement on the Defence Estimates, 1987, Ministry of Defence, HMSO, London

82. Morales-Ramos (2002). Defence R&D expenditure: The crowding-out hypothesis, Defence and Peace Economics, 13, 5, 365-383.

83. Nadiri M (1993). Innovations and Technological Spillovers, NBER Working Paper No 4423, Cambridge, MA, USA.

84. Sandler, T and Hartley, K (1995). The Economics of Defense: Cambridge Surveys of Economic Literature, Cambridge University Press, Cambridge.

85. Smith, R (1980). Military expenditure and investment in OECD countries, 1954-1973, Journal of Comparative Economics, 4, 19-32.

86. Watkins, T (2005). Do workforce and organizational practices explain the manufacturing technology implementation advantages of small defense contractors over non-defense establishments? Lehigh University, Bethlehem, USA, mimeo.

87. Hartley K Defence Spending and its Impact on the National Economy: A review of the literature and research issuesCentre for Defence Economics University of York YORK, YO10 5DD

88. Гари С. Беккер (1968 год), «Преступление и наказание: экономический подход», Журнал о политической экономике, 78(2), с.169-217.

89. Басудеб Бисвас и Рати Рам (1986 год), «Военные расходы и экономический рост в менее развитых странах: расширенная модель и очевидные перспективы», Экономическое развитие и культурные изменения, 34(2), с.361-372.

90. Айзек Ехрлих (1973 год), «Участие в незаконной деятельности: теоретическое и эмпирическое исследования», Журнал о политической экономике, 81(3), с.521-565.

91. Кейт Хартли и Тодд Сэндлер (ред.) (1995 год), Руководство по военной экономике, том I, (Амстердам: Северная Голландия).

92. НАТО (1998 год), «Финансовые и экономические данные, касающиеся оборонного сектора НАТО», Пресс-коммюнике M-DPC-2(98)147, 17 декабря 1998, Брюссель: НАТО.

93. Льюис Ф. Ричардсон (1960 год), Оружие и небезопасность: математическое исследование причин и происхождения войны, (Питцбург,

штат Пенсильвания: Хоумвуд).

94. Тодд Сэндлер и Кейт Хартли (1995 год), Военная экономика, (Кембридж; пресс-служба Кембриджского университета).

95. Тодд Сэндлер и Кейт Хартли (1999 год), Политическая экономика НАТО: прошлое, настоящее и вступление в XXI-й век (Кембридж; пресс-служба Кембриджского университета).

96. Hartley K, Sandler T OVERVIEW AND INTRODUCTION toThe Economics of efence Department of Economics Iowa State UniversityAmes, IA 50011USA October 1999

97. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. // М.: «Радио и связь», 1993 г.

98. И.Сталин «О ЗАДАЧАХ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ» Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г,

99. М.-Г. М. Зульпукаров, Г. Г. Малинецкий, А. В. Подлазов, “Метод русел и джокеров на примере исследования системы Розенцвейга–Макартура”, Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша, 2006, 021, 32 с.

100. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. — М.: ИЛ, 1957. Оригинал: Liddel Hart B.H. Strategy The Indirect Approach. — N.-Y., 1954.

101. Д.С.Львов О социально – экономических аспектах новой оборонной доктрины.//Вестник Академии военных наук №1 (18) 2007, с76..81

102. http://www.rosbalt.ru/main/2012/12/03/1066268.html

103. Центробанк меняет систему управления рисками http://izvestia.ru/news/576076

104. Б.К.Кавчик Добыча россыпного золота в XXI в pandia.ru›text/78/188/48322.php

105. В.Е.Кисляков, Д.С.Опрышко // Сб. науч. тр.: "Современные технологии освоения минеральных ресурсов". Мат. 4-й Международной науч.-техн. конф. – Красноярск, 2006.

106. Концепция инновационного мегапроекта "Сокращение теневого

оборота драгоценностей в России" // Драгоценные металлы, драгоценные камни. – 2006. – № 12. – С.12-33.

107. Е.Ларина, В.Овчинский. Кибервойны 21 века. О чем умолчал Сноуден. – М.:Книжный мир, 2014. - 352с.

108. Лем С. Библиотека XXI века. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 602с. – (Philosophy).

109. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивойна: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 412с. – (Philosophy).

110. БАРАШЕВ«Американская модернизация украинских биолабораторий: разоружение, коррупция, халтура» //«2000», №4 (591) от 27 января — 2 февраля 2012 г.

111. Р. БАРАШЕВ «Американская модернизация украинских лабораторий-2: консолидация и ликвидация» // «2000», № 25(611), 22—28.06.12.

112. . Маслюженко «Украина – не место для создания американского бактериологического оружия» // Одна родина, информационно – аналитическое издание, 2013г.

113. А. СЕРГИЕНКО Модернизация украинских биолабораторий в «Новом американском столетии» //«2000», выпуск №9 (644) 1 – 7 марта 2013 г.

114. А. СЕРГИЕНКО Эксперимент по созданию генно-биологического оружия? //wallpapers.free-review.net

115. М. Архангельский “Бактериологическое оружие и защита от него”, Москва, 1971;

116. Ю. В. Боровский, Р. Ф. Галиев “Бактериологическое оружие вероятного противника и защита от него”, Москва, 1990;

117. Медицинская энциклопедия;

118. Советский энциклопедический словарь.

119. “ Гражданская оборона ” / Под редакцией генерала армии А. Т.

Алтунина -М.: Воениздат, 1982.

120. У Тан. Химическое и бактериологическое (биологическое) оружие и последствия его возможного применения. М., 1970

121. ХИМИЧЕСКОЕ И БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ//Энциклопедия Кольера Перевод

122. http://www.coolreferat.com

123. www.Grandars.ru » Безопасность жизнедеятельности » Чрезвычайные ситуации » Биологическое оружие

124. www.Grandars.ru » Безопасность жизнедеятельности » Чрезвычайные ситуации » Химическое оружие

125. http://otherreferats.allbest.ru/war/00162616_0.html

126. КОВАЛЕВ В. И., МИКЕРОВ В. И., ШЕНЦЕВ Н. И. ПРОМЫШЛЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК «ПАССИВНАЯ» ФОРМА ОРУЖИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ// Журнал «стратегическая стабильность» 1998, №3,стр.59-70

127. Алексей Анпилогов Пропагандистский миф о «ядерной зиме» http://www.km.ru/science-tech/2015/06/29/mikhail-gorbachev/760813-propagandistskii-mif-o-yadernoi-zime

128. В. Прохватилов. Siguler Guff & Company – щупальца спрута. http://vvprohvatilov.livejournal.com/16001.html

129. В. Прохватилов Что такое квантовый трейдинг и как с ним бороться? http://vvprohvatilov.livejournal.com/16001.html

130. В. Прохватилов. Си Цзиньпин против «Vanguard»: наука побеждать. «Доктор Зло» изгнан с китайского рынка. http://vvprohvatilov.livejournal.com/16001.html

Глава 8

1. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В., Малков А.С. Математическое моделирование социально-экономических процессов. Применение моделей к анализу перспектив российских реформ // Стратегическая стабильность, 1999, №1, с.34-46.

2. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В., Малков А.С. Российские модернизации последнего столетия в свете математического моделирования // Технико-экономическая динамика России: техника, экономика, промышленная политика. М.: ГЕО-Планета, 2000, с.215-238.

3. Малков С.Ю. Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели // Моделирование социально-политической и экономической динамики / Ред. М.Г.Дмитриев. - М.: РГСУ, 2004, с.76–188.

4. Малков С.Ю., Малков А.С. О влиянии природно-климатических факторов на особенности социально-психологического и экономического развития обществ // История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики. - М.: КомКнига, 2005, с.49-69.

5. Малков С.Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования. – М.: Либроком, 2009.

6. Кирдина С.Г. X и Y-экономики: Институциональный анализ. - М.: Наука, 2004.

7. Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. – М.: Издательский Дом «Наука», 2014.

8. Maddison A. The world economy: a millennial perspective, OECD, 2001; www.ggdc.net/maddison

9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Республика, 1994.

10. Коротаев А.В. Макродинамика урбанизации Мир-Системы: количественный анализ // История и математика: Макроисторическая динамика общества и государства. – М.: КомКнига, 2007.

11. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе // Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. - М.: ЛКИ/URSS, 2009.

12. Коротаев А.В. Периодизация истории Мир-Системы и математические макромодели социально-исторических процессов // История

и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов / Ред. Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев, С.Ю.Малков. - М.: УРСС, 2006, с.116–167.

13. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

14. Малков С.Ю. От Мир-системы к Мир-организму // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика, 2013, №1, с.76-84.

15. Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. – М.: ИСПИ РАН, 2012.

16. Wallerstein I. Economic Cycles and Socialist Policies // Futures, 1984, №16/6, p.579–585.

17. Чернавский Д. С., Чернавская Н. М., Малков С. Ю., Малков А. С. 2002.Математическое моделирование геополитических процессов. *Стратегическая стабильность*1: 60–66.

18. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков. С.Ю, Малков А.С Борьба условных информаций. История и синэргетика: Математическое моделирование социальной динамики /Отв. ред. Малков С.Ю., Коротаев А.В.-М.: КомКнига, 2005.-192с

Приложение А

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

1. Методическое обеспечение разработки стратегических документов

1.1. Исходные положения

Стратегическое планирование осуществляется в результате последовательного обоснования и формулирования:

ценностного целеполагания,

видения будущего,

стратегии,

программ и планов.

Данные компоненты составляют иерархическую систему уровней планирования, отражающую последовательность конкретизации и детализации процесса формирования плановых мероприятий. Суть этих уровней отражена в таблице 1.

Таблица 1 – Уровни стратегического планирования

Уровень планирования	**Результат планирования**
1. Целеполагание	Ценности и цели
2. Видение будущего	Образ возможного и желаемого состояния: - анализ внешней среды и перспектив развития (долгосрочный); - набор ключевых факторов, влияющих на долгосрочное развитие; - характеристики желаемого состояния; - комплексные показатели, описывающие желаемое состояние

3. Стратегии	Модели действий для достижения желаемого состояния: - прогноз изменения среды (среднесрочные сценарии); - набор ключевых факторов и приоритетов; - ключевые показатели эффективности; - перечень функционально-структурных мер по достижению целевых показателей и последовательность их реализации
4. Программы и планы	Система мер по реализации стратегии (по сферам деятельности): - совершенствование организационных и функциональных структур; - распределение ресурсов; - состав мероприятий и последовательность их выполнения

Разрабатываемые стратегии должны быть нацелены на реализацию стратегических приоритетов. Стратегические приоритеты содержатся в целеполагающих документах первого уровня стратегического планирования (уровень «целеполагания»). В явном виде они сформулированы в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537. Как уже упоминалось, к ним относятся:

- *национальная оборона;*
- *государственная и общественная безопасность;*
- *повышение качества жизни;*
- *экономический рост;*
- *наука, технологии, образование, здравоохранение и культура;*

- *экология живых систем и рациональное природопользование;*

- *стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство.*

Стратегические приоритеты - это наиболее важные направления деятельности, от которых в наибольшей степени зависит обеспечение устойчивого и безопасного развития общества и государства. Важная практическая задача стратегического планирования заключается в том, чтобы комплекс разрабатываемых стратегий позволял в полной мере и оптимальным образом реализовать стратегические приоритеты.

Однако здесь возникают методические и методологические трудности. Возникает вопрос: какой должна быть технология анализа и оценки полноты и оптимальности разрабатываемых стратегий?

В настоящее время в России такой анализ проводится, как правило, эвристически, экспертно и порой волюнтаристски. Причины такого состояния дел заключаются не только в политических интересах разработчиков стратегий, но и в определенном методологическом вакууме: советская система жесткого тотального планирования была признана не верной[23], а новая система еще не создана. На практике используется *ситуационная* система «ручного» управления, но для формирования долгосрочных стратегий она не годится.

В западных странах в практике для долгосрочного планирования и управления широко используются методы математического моделирования и проектирования сложных организационных систем. Использование этого подхода позволяет формализовать задачу анализа и оценки полноты и оптимальности разрабатываемых стратегий, поставить ее на научную основу.

---

[23] В СССР существовала жесткая система планирования и управления типа «субъект-объект», подобная той, которая применяется в технике, где исполняющие элементы пассивны: их задача сводится к тому, чтобы точно и в срок выполнять требования управляющих органов. Сейчас ситуация изменилась: необходимы системы управления типа «субъект-субъект» (где исполняющие элементы обладают творческим началом и проявляют инициативу, где важную роль играют процессы самоорганизации) и типа «субъект-среда» (где субъект управления воздействует на исполнительные элементы не прямо (директивно), а косвенно, изменяя среду функционирования таким образом, чтобы объекты управления сами, по собственной инициативе делали то, что надо субъекту управления).

В обобщенном виде моделирование сложной социальной системы можно изобразить следующим образом (рис.1):

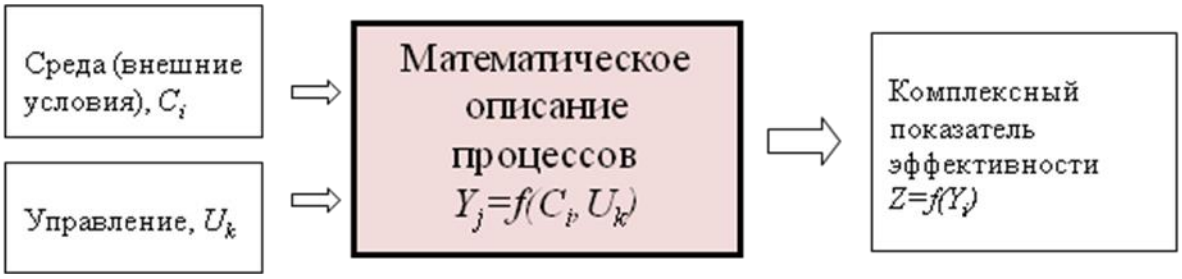


Рисунок 1 – Анализ сложной системы на основе математической модели ее функционирования

Целью логико-математической модели является описание процессов (организационных, производственных, экономических), происходящих в системе в ходе ее функционирования, а также влияния на эти процессы *внешних условий* C_i и *управляющих воздействий* U_k. Динамику процессов отражают *частные показатели* Y_j. Качество функционирования отражает *комплексный показатель эффективности* Z. Он отражает уровень реализации национальных приоритетов. Этот показатель зависит от показателей Y_j., а они в свою очередь – от управляющих воздействий U_k. Если подобного типа модель создана и ее достоверность подтверждена, с ее помощью в ходе моделирования можно путем варьирования U_k определить: при каких управляющих воздействиях достигается максимальное значение показателя эффективности Z с учетом имеющихся ограничений (материальных, финансовых, организационных и.т.п.). Этот набор управляющих воздействий будет оптимальным.

С этих позиций анализ полноты и оптимальности разрабатываемых стратегий становится ясным и технологичным: надо, чтобы в стратегиях предусматривался *полный* набор *оптимальных* управляющих воздействий, приводящих к максимизации показателей эффективности (качества)

социальной системы (то есть к наиболее полной реализации национальных интересов).

1.2. Определение состава показателей контролируемых процессов

Обратимся к проблеме определения состава показателей контролируемых процессов. Даная проблема имеет два аспекта:

1) формирование комплексных (агрегированных) показателей для интегральной оценки степени достижения целей управления;

2) определение состава частных показателей для текущего контроля социально-экономических процессов и оценки текущего значения вышеуказанных комплексных показателей.

1. Рассмотрим первый аспект проблемы: создание системы комплексных показателей (индикаторов) для описания *видения будущего* и для формирования целевых функций, используемых в процессе стратегического планирования. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» в качестве национальных приоритетов, с одной стороны, выделяет задачи укрепления положения страны среди других стран мира («внешние» задачи), с другой стороны, - задачи улучшения условий жизни населения («внутренние» задачи). Начнем с комплексных показателей (КП), относящихся к «внешним» задачам. Поскольку нас интересуют вопросы устойчивого развития Российской Федерации в мировой системе, то для описания *видения будущего* страны как элемента Мир-системы целесообразно использовать геополитические показатели. Общетеоретические основы моделирования обобщенной характеристики государства, называемой «силой», «мощью», «могуществом», были заложены А.Мэхеном, Н.Спайкмэном, представителем русской «военной географии» А.Е.Снесаревым и окончательно сформировались в период становления науки о международных отношениях в трудах Г.Моргентау, А.Органского, Р.Арона, К.Кнорра и др. Из этих и

подобных работ непосредственно родилась и развивалась в рамках количественной политологии математическая технология получения обобщенного скалярного показателя - «геополитического статуса» (ГПС), представленная, в частности, в моделях В.Фукса, К.Джермана, А.Шинна, Р.Клайна, Дж.Куглера, Т.Саати. В настоящее же время наиболее известной является модель корпорации RAND. Данный показатель, как правило, представляет собой обобщенную безразмерную «свертку» двух групп параметров, характеризующих страну как субъект системы межгосударственных отношений: а) собственно геополитических атрибутов государства (территориальных, демографических, экономических, военных), совокупность которых именуется «геополитическим потенциалом», и б) внешних и внутренних факторов, таких как качество государственного управления, степень независимости (политической, военной, экономической) страны, участие в военно-политических коалициях.

Например, согласно работе (Винокуров 2008), общая формула расчета статуса имеет вид: $S(t)= FA(t)\cdot G(t)$, где $S(t)$ – статус в момент времени t; FA – «функция влияния», определяющая совокупное влияние указанных выше факторов, не связанных явно с геополитическим потенциалом; $G(t)$ – геополитический потенциал, значение которого определяется по следующей формуле:

$$G(t) = 0{,}5\,(1 + X_M^{0.43})\, X_T^{0{,}11} X_D^{0{,}19} X_E^{0{,}27},$$

где X_i $(i = T, D, E, M)$ – доли государства в общемировых показателях в территориальной, демографической, экономической и военной сферах соответственно. На значение показателей X_i можно влиять различными мерами государственной политики. Если считать, что целью государства является повышение своего геополитического статуса, то величина $S(t)$ может быть использована в качестве целевой функции при стратегическом планировании.

Для описания *видения будущего* страны в аспекте решения «внутренних» задач целесообразно использовать геополитические

показатели, отражающие качество жизни населения. Среди показателей такого типа наибольшее распространение получил индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), измеряемый на протяжении продолжительного периода времени для большинства стран мира по методике ООН. На рисунке 2 показано, как изменялось состояние ряда стран в координатах (ГПС, ИРЧП) за последние 30 лет.

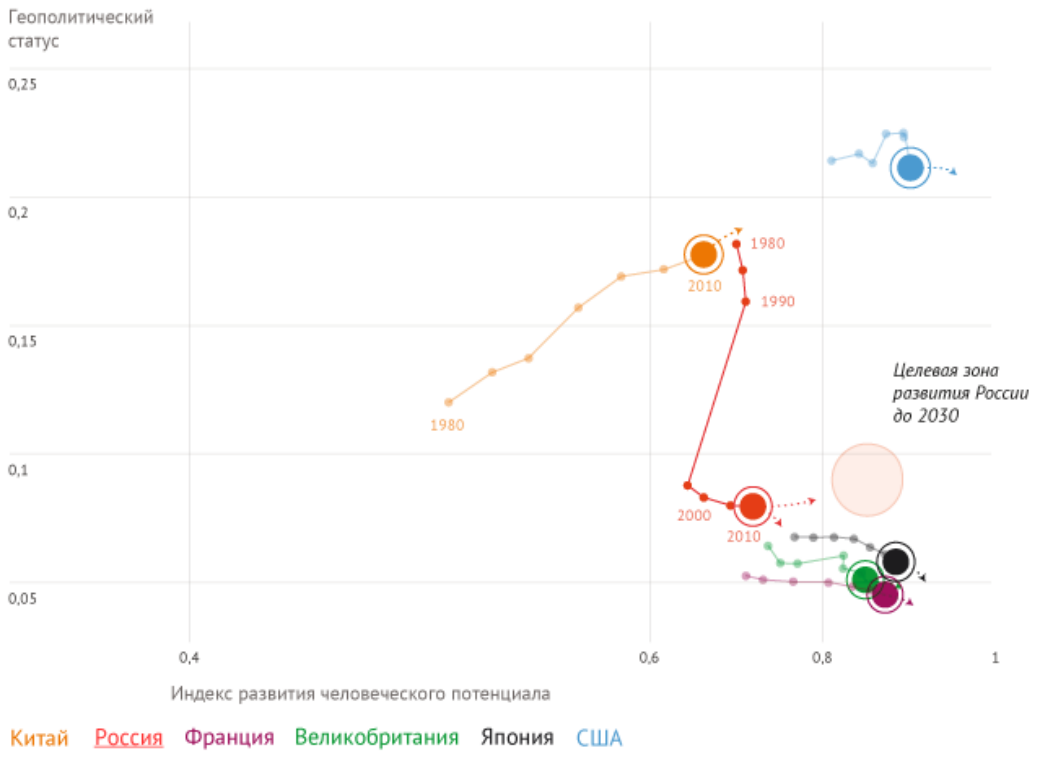


Рисунок 2 – Динамика изменения ГПС и ИРЧП США, России, Франции, Великобритании, Японии и Китая за последние 30 лет

С помощью такого графического представления можно в процессе стратегического планирования наглядным образом отображать целевые показатели, характеризующие *видение будущего* страны (на рисунке 2 отражена зона, в которой должны оказаться значения показателей ГПС и ИРЧП в 2030 году в соответствии с существующими стратегическими документами РФ).

Поскольку государственное управление в конечном итоге приводит к изменению тех или иных факторов, входящих в «дерево» факторов, влияющих на КП, то зная структуру этого «дерева», можно оценить, как повлияют данные изменения на состояние сущностных признаков государства, а значит и на состояние государства в целом.

Таким образом, введение комплексных показателей (КП) на основе агрегации факторов, характеризующих состояние государства и общества, позволяет формировать компактные целевые функции для решения задач стратегического управления.

2. Наличие «дерева факторов», на основе которого формируются комплексные (интегральные) показатели, позволяет решить второй аспект проблемы – определение состава частных показателей для текущего контроля функционирования социально-экономических систем и управления ими.

Алгоритм выбора таких показателей заключается в следующем:

- строится «дерево факторов», отражающее зависимость КП высокого уровня интеграции от частных факторов φ_i более низких уровней;

- на основе анализа «дерева факторов» уточняется характер взаимосвязей между отдельными его элементами, строится когнитивная схема базовых процессов в системе;

- проводится содержательный анализ когнитивной схемы, на основе которого выделяются ведущие параметры, характеризующие факторы модели, определяются особенности их взаимовлияния;

- проводится формализация выявленных взаимовлияний с помощью логических и математических формул (функционалов);

- полученные формулы (функционалы) используются для формального описания связи КП с частными факторами: $КП = F(\varphi_i)$;

- в дальнейшем функционалы используются для решения задач по выработке стратегий оптимального управления и задач по текущему контролю за состоянием социальной системы.

1.3. Оценка достижения целей и задач, изложенных в документах стратегического планирования и управления

Традиционно оценка степени достижения запланированных целей и выполнения поставленных задач проводится на основе анализа отклонений достигнутых значений контролируемых показателей от их запланированных величин. В случае близкого соответствия достигнутых и плановых значений считается, что стратегия выполняется, в случае существенного расхождения этих значений проводится анализ причин расхождения и принимаются соответствующие меры по исправлению ситуации.

Проблема использования данного подхода заключается в том, что для долговременных масштабных процессов (которые как раз и являются предметом стратегического планирования и управления) подобное «управление по текущим отклонениям» является неэффективным: как правило, когда критические отклонения удается зафиксировать, исправить ситуацию уже очень трудно (порою даже невозможно). В стратегической сфере управление должно вестись по схеме «*предиктор – корректор*», то есть должен постоянно вестись прогноз развития ситуации (даже если в текущем времени она представляется нормальной), выявление возможных угроз и упреждающее парирование данных угроз, не дожидаясь, когда они начнут представлять реальную опасность для системы.

Для реализации подобной системы стратегического управления необходима не только система *текущего мониторинга* значений контролируемых показателей, но и система *перманентного прогноза* возможных сценариев развития событий и возможного изменения значений показателей в будущем. Однако для создания системы прогноза необходим комплекс логико-математических моделей, позволяющих такой прогноз осуществлять (это стратегически важная задача, требующая своего решения).

Другой важной стороной рассматриваемой темы является следующее. Может выясниться, что в рамках утвержденных программ и планов расхождение между плановыми и реальными значениями показателей устранить невозможно, что установленные целевые ориентиры недостижимы. В этом случае необходима корректировка в цепочке действий, реализующих стратегическое планирование и управление. Причем эта корректировка должна вестись «снизу», то есть начиная с нижних звеньев управленческого цикла:

- сначала корректировке должны подвергнуться *программы* и *планы* (путем перераспределения ресурсов, уточнения мероприятий);
- если это не помогает, то должны быть скорректированы *стратегии* (то есть методы достижения целей);
- если и это не помогает, то тогда могут быть скорректированы стратегические ориентиры (*видение будущего*), значения комплексных показателей верхнего уровня.

Что касается *целеполагания*, то целевые установки социальной системы могут подвергаться корректировке лишь в самую последнюю очередь. По существу, такая корректировка означает глубокий кризис социальной системы, который с большой вероятностью может окончиться ее распадом. Такая ситуация произошла с СССР.

1.4. Использование статистических и экономико-математических моделей для стратегического планирования и управления

Переход от эвристического к научному подходу к стратегическому планированию и управлению предполагает использование логико-математического моделирования на всех его этапах и уровнях.

На уровне формирования ***видения будущего***, как отмечалось выше, необходимы прогнозные модели, позволяющие понять перспективы долгосрочного развития мира и страны, установить баланс желаемого и

возможного. Нужна также система комплексных показателей (индикаторов) для описания ориентиров развития, в терминах которых формируются целевые функции, используемые затем на следующих этапах стратегического планирования при оптимизации конкретных планов работ.

За последние годы были подготовлены и опубликованы десятки среднесрочных и долгосрочных прогнозов социально-экономического и технологического развития. Они различаются по целям, масштабам и методологии проведения исследований и, соответственно, имеют различные, часто не совпадающие выводы. Анализ методов и моделей долгосрочного прогнозирования показывает, что наиболее перспективной и гибкой методологией является компьютерное моделирование, которое не только позволяет получать прогнозы, но и, что важнее, решать задачу программирования, т.е. управления социально-экономическим развитием, чтобы реализовать оптимальный сценарий развития, установленный в ходе прогнозирования.

При обосновании федеральных, региональных, ведомственных ***стратегий*** достижения целевых показателей развития возникает сложная задача обеспечения согласованности и взаимной непротиворечивости стратегий, формируемых на разных уровнях управления, а также задача оптимизации реализующих мероприятий по достижению целевых показателей.

Продемонстрируем возможность решения указанной задачи с использованием статистических и экономико-математических моделей. Для определенности будем считать, что а) стратегическое планирование осуществляется с целью максимизация «коэффициента жизнеспособности страны» (то есть в качестве целевой функции используется КЖС (Национальная идея 2009), б) сформировано «дерево факторов», оказывающих влияние на КЖС. Тогда можно сказать, что задачей государственного управления является такое влияние на эти факторы, которое позволило бы в условиях ограниченности имеющихся в

распоряжении государства ресурсов обеспечить их сбалансированность и добиться максимизации «коэффициента жизнеспособности». По существу, речь идет об оптимальном управлении, которое является стандартной задачей, хорошо исследованной и широко используемой в различных областях технических и экономических наук. Суть решения задачи оптимального управления сложной системой заключается в выборе такого управления, которое позволило бы в условиях заданных ограничений добиться наилучших характеристик функционирования рассматриваемой системы. Решение данной задачи включает в себя следующие этапы:

1) формулировка задачи оптимального управления;

2) определение состава факторов, влияющих на функционирование сложной системы;

3) формирование набора ключевых показателей, характеризующих функционирование сложной системы;

4) формирование целевой функции, характеризующей требуемое качество функционирования;

5) определение параметров управления, с помощью которых можно влиять на изменение факторов;

6) создание модели функционирования сложной системы, позволяющей количественно оценивать влияние факторов на значение целевой функции для различных стратегий управления;

7) определение критерия оптимальности;

8) решение задачи оптимизации, в результате которой определяются оптимальные (рациональные) стратегии управления сложной системой, позволяющие добиться наилучших результатов с использованием принятого критерия оптимальности и с учетом ограниченности имеющихся ресурсов.

В этом классе задач возникают подклассы, в частности, - управление при единой целевой функции и при наличии нескольких явных целевых функций, соотношение между которыми также является фактором государственного управления. Например, соотношения ценности

человеческой жизни, стоимости ресурсов, экологических требований и т.п. в условиях мирного времени и в условиях военного времени могут существенным образом видоизменяться.

Использование известных методов оптимального управления применительно к задачам управления государством сталкивается с большим количеством трудностей, к основным из которых относятся следующие (соответственно для указанных выше этапов):

А1) недостаточное понимание того, что надо оптимизировать, для чего проводится оптимизация;

А2) многофакторность задачи, тесная взаимосвязь факторов различной природы (экономических, политических, социальных, технологических, идеологических и т.п.), сложность их сопоставления и выделения наиболее значимых;

А3) сложность описания факторов конкретными количественными показателями в силу слабой формализуемости большинства факторов, их обобщающего характера;

А4) сложность формирования целевой функции, имеющей объективный характер;

А5) сложность априорной оценки результативности различных мер государственного управления, их влияния на изменение факторов;

А6) сложность логико-математического описания функционирования социальных систем, отражающего многообразие связей между факторами и учитывающего влияние управляющих воздействий;

А7) формальная и содержательная сложность определения критерия оптимальности. Содержательная сложность обусловлена высокой степенью идеологизированности оценки различными политическими силами целей развития государств. Формальная сложность обусловлена трудностью количественного описания критерия оптимальности при наличии большого числа факторов, имеющих качественный характер;

А8) сложность формального применения методов решения задачи оптимизации в условиях множества неопределенностей и качественных показателей.

Кроме указанных трудностей имеется ряд усложняющих обстоятельств:

- отсутствие статистических данных по отдельным факторам, низкая точность данных по некоторым параметрам;

- нелинейный характер социально-экономических процессов, сложный характер связей между факторами, что затрудняет количественное описание их взаимовлияния;

- возможность (в силу объективного наличия нелинейностей и неоднозначностей) различных трактовок причинно-следственных связей в наблюдаемых социальных явлениях.

Для реализации такого объективизированного подхода необходимо предложить пути решения проблем А1)-А8), возникающих на этапах 1)-8) решения задачи оптимального управления. Представляется, что решение этих проблем может быть следующим:

Б1) формулирование задачи оптимального управления возможно лишь на основе четкого понимания ценностного целеполагания социальной системы и видения ее желаемого будущего (этот тезис уже обсуждался выше);

Б2) определение состава важнейших экономических, политических, социальных, технологических, идеологических факторов, влияющих на развитие России, является сложной задачей, требующей междисциплинарного анализа. Результатом такого анализа должно быть построение «дерева факторов», которое может быть использовано для постановки и решения задачи оптимального управления;

Б3) формирование количественных показателей, характеризующих факторы, входящие в состав иерархического «дерева», также является сложной задачей. Это обусловлено тем, что данные показатели должны

иметь интегральный, комплексный характер, отражающий различные аспекты проявления рассматриваемых факторов в социально-экономических процессах. Кроме того, многие факторы, особенно относящиеся к гуманитарной сфере, трудно формализовать и описать количественными показателями. В таких случаях целесообразно вводить индикаторы, отражающие «силу» факторов с использованием количественной или порядковой шкал, значение которых оценивается на основе экспертного анализа. В целом, данная проблема требует пристального внимания и серьезных исследований;

Б4) в качестве функции цели, предназначенной для решения задачи оптимизации государственного управления можно использовать выражение для комплексных показателей, например, выражение для «коэффициента жизнеспособности страны» (КЖС), отражающего сущностные характеристики государства. В этом случае индикатором качества государственного управления служит динамика изменения КЖС, а задачей государственного управления является максимизация КЖС при имеющихся ресурсных и иных ограничениях;

Б5) государство имеет в своем распоряжении большой арсенал инструментов влияния на экономические, демографические и др. процессы в обществе (через формирование нормативно-правовой базы, налоговую, бюджетную политику и т.п.), однако проблема их эффективного использования заключается в том, что априори сложно спрогнозировать, насколько результативными окажутся предпринимаемые меры. Прогнозирование последствий планируемых результатов является самостоятельной задачей в государственном управлении. Основой оценки результативности тех или иных мер государственного управления может служить, с одной стороны, исторический опыт (как отечественный, так и зарубежный, с учетом местной специфики), а с другой стороны, моделирование и прогнозирование, основанное на анализе исторического опыта и его интерпретации для современных условий. Количественно

эффективность различных мер государственного управления можно оценить по величине корреляции между интенсивностью управляющих воздействий и результирующим изменением социально-экономических параметров (примеры анализа таких корреляций приведены в предыдущих главах). Результаты данного корреляционного анализа могут быть использованы для проведения прогнозных оценок предполагаемой результативности предпринимаемых государством мер;

Б6) для корректного проведения процедуры оптимизации требуется наличие модели функционирования государства, позволяющей количественно оценивать влияние факторов на значение целевой функции для различных стратегий управления. Однако, несмотря на огромное количество социально-экономических моделей различного типа, модели, удовлетворяющей требованиям указанной задачи, в настоящее время еще не существует, ее еще только предстоит создать. Проблема заключается в сложности логико-математического описания многообразия связей между факторами с учетом слабой формализуемости многих из этих факторов. Здесь необходимо совместно использовать различные методы обработки данных и моделирования с учетом конкретных условий и ограничений. Примеры использования различных методов (статистических, логических, математических) анализа связей между факторами приведены ниже;

Б7) для оптимизации управления необходимо сформулировать критерий оптимальности, на основе которого должен выбираться комплекс мер, наилучшим образом приближающий общество к достижению поставленной цели. В соответствии с вышесказанным, в качестве критерия оптимальности целесообразно принять требование выбора таких управляющих воздействий, при реализации которых значение КЖС достигнет максимального из возможных значений на прогнозируемом периоде с учетом существующих ресурсных и других ограничений;

Б8) необходимо ясно понимать, что невозможно математически строго решить рассматриваемую задачу оптимизации управления в силу наличия

множества неопределенностей и качественного характера большинства показателей, характеризующих развитие государства и общества. Однако это не отрицает важности решения этой задачи, пусть даже в приближенном виде. Дело в том, что при выработке государственной политики наиболее важными являются не столько абсолютные величины бюджетных назначений (которые формально должны определяться в результате строгого математического решения оптимизационной задачи), сколько их базовые пропорции, структурные соотношения между различными мероприятиями, приоритеты, направления движения, повышающие устойчивость, снижающие риски. А такие задачи могут быть решены и на основе «мягких», полуколичественных методов, широко используемых в современной науке.

Ниже предложен путь, на основе которого возможно создание такой управленческой технологии. Итак, в формализованном виде задача оптимального управления может быть представлена следующим образом.

Пусть успешность государства характеризуется комплексным показателем, например, «коэффициентом жизнеспособности страны» (КЖС), отражающим состояние трех базовых сущностей - территории, народонаселения и публичной власти, на которые оказывают влияние различные факторы, составляющие иерархическое «дерево». Каждая из базовых сущностей на верхнем уровне агрегации характеризуется показателями-потенциалами Φ_i. Соответственно, КЖС может быть представлен в виде функции указанных агрегированных показателей Φ_i:

$$КЖС = f(\Phi_i), \qquad (1)$$

В свою очередь агрегированные показатели Φ_i являются функциями частных показателей φ_{ij}, характеризующих факторы, входящие в факторное «дерево»:

$$\Phi_i = \Phi_i(\varphi_{ij}), \qquad (2)$$

На частные факторы государство может оказывать воздействие, осуществляя государственную политику. Если s_k – параметры государственного влияния, то:

$$\varphi_{ij} = \varphi_{ij}(s_k), \qquad (3)$$

Таким образом,

$$КЖС = f(\Phi_i) = f(\Phi_i(\varphi_{ij})) = f(\Phi_i(\varphi_{ij}(s_k)) = F(s_k), \qquad (4)$$

то есть КЖС есть функция управляющих воздействий s_k.

Считается, что управляющие воздействия подчиняются определенным ограничениям (нормативно-правовым, бюджетным, международно-договорным и т.п.), что может быть выражено как $s_k \subset S$, где S - область допустимых управляющих воздействий.

Тогда задача оптимизации может быть сформулирована так:

требуется найти множество управляющих воздействий (программных мероприятий) s_k таких, чтобы достигалась максимизация КЖС:

$$s_k = arg\ max\ КЖС = arg\ max\ F(s_k), \qquad (5)$$

при ограничении: $s_k \subset S$. (6)

(При этом в условиях задачи может быть задано, что максимизация КЖС должна быть достигнута на определенном интервале времени.)

Алгоритм решения задачи включает в себя построение «поверхности успешности» $F(s_k)$ в многомерном пространстве управляющих воздействий s_k и нахождение таких значений s_k, при которых величина КЖС была бы максимальна с учетом имеющихся ограничений.

При такой формулировке задачи основной проблемой является построение «поверхности успешности» $F(s_k)$ на основе зависимостей (1) - (4) в условиях имеющихся неопределенностей и сложностей формализации связей между факторами. Для построения «поверхности успешности» могут использоваться:

а) статистические методы;

б) логико-статистические методы;

в) математическое моделирование;

г) комбинация указанных методов.

Использование указанных математических методов имеет свою специфику, выбор того или иного метода должен проводиться с учетом особенностей предметной области и решаемой задачи.

Еще одной задачей, которую нужно уметь решать при формировании *стратегий*, является учет *рисков*, связанных с неопределенностями планирования, неточностями прогноза изменений среды и т.п. Наличие неопределенностей и рисков усложняет решение задачи оптимизации (1) - (6), но они тем не менее должны обязательно учитываться, чтобы стратегическое планирование было реалистичным и реализуемым. Учет рисков – это вопрос безопасности развития, управление рисками должно быть встроено в процесс планирования (Управление риском 2000).

Каким образом могут быть объединены процессы оптимизации (1) - (6) и управления рисками? Алгоритм их сочетания может быть следующим:

1) сначала с помощью изложенных выше методов определяется «поверхность успешности» как функция факторов и управляющих воздействий;

2) затем определяются возможные пути движения к вершине «поверхности успешности» с помощью последовательности управляющих воздействий, выбираются лучшие из них по критерию «эффективность-стоимость-время»;

4) для этих путей определяются риски, определяются мероприятия по их парированию и проводится повторная оптимизация (1) - (6), в ходе которой учитывается наличие рисков и необходимости дополнительных затрат на их снижение. В результате определяется реалистичная программа действий по достижению целей развития.

На основе изложенного методического подхода можно решить упомянутые выше проблемы, которые возникают при разработке ***программ и планов*** в ходе стратегического планирования. К этим проблемам относятся обеспечение непротиворечивости, согласованности и взаимодополняемости различных программ и планов, а также оптимизация планируемых результатов по задачам, срокам, используемым ресурсам.

Действительно, реализация стратегического планирования на основе оптимизационной процедуры (1) - (6) делает процесс планирования взаимоувязанным по всем ветвям «дерева факторов». В данной процедуре от программ и их результатов зависит конкретный вид зависимостей (3): посредством государственных программ государство влияет на факторы развития и обеспечивает движение к намеченным стратегическим целям.

Использование процедуры (1) - (6) решает изложенную выше проблему определения связи между микроуровнем (то есть уровнем конкретных мероприятий, проводимых в соответствии с программами и планами) и макроуровнем (то есть уровнем макроэкономического развития страны). Действительно, в оптимизационной процедуре (1) - (6) функции (1) - (2) относятся к макроуровню, а функции (3) - к микроуровню. Связь между ними устанавливается соотношением (3). Если это соотношение может быть описано математически (например, с помощью математической модели), то тем самым будет установлена требуемая количественная связь между показателями микро- и макроуровня. Соответственно, появится возможность количественной оценки вклада конкретных программ в социально-экономическое развитие страны, что чрезвычайно важно учитывать при

формировании программных мероприятий и распределении государственных средств.

2. Предложения по процедуре стратегического планирования.

Из изложенных выше материалов следует, что процедура стратегического планирования и управления может быть описана следующим образом.

- На основе *ценностного целеполагания,* сформулированного в документах первого (высшего) уровня стратегического планирования, формируется представление о характеристиках желаемого состояния общества и государства с учетом имеющихся возможностей и ограничений (*видение будущего*). Эти характеристики отображаются вектором параметров $\vec{\tilde{X}}$, который фиксируется в документах второго уровня стратегического планирования.
- На третьем уровне стратегического планирования разрабатываются *стратегии* достижения параметров желаемого состояния, в привязке к конкретным сферам стратегического планирования. *Стратегии* должны определить пути и методы перехода из текущего состояния $\vec{X}_0$ в желаемое $\vec{\tilde{X}}$.
- На четвертом уровне стратегического планирования разрабатываются *программы* и *планы*, определяющие систему мероприятий по реализации утвержденных стратегий.
- Далее в ходе выполнения *программ* и *планов* отслеживается достижение контрольных показателей и в случае наличия расхождений между планом и фактом принимаются соответствующие решения (например, о выделении дополнительных ресурсов на реализацию планов, о необходимости корректировки каких-либо стратегических документов и т.п.).

Изложенная схема в обобщенном виде представлена на рисунке 3.

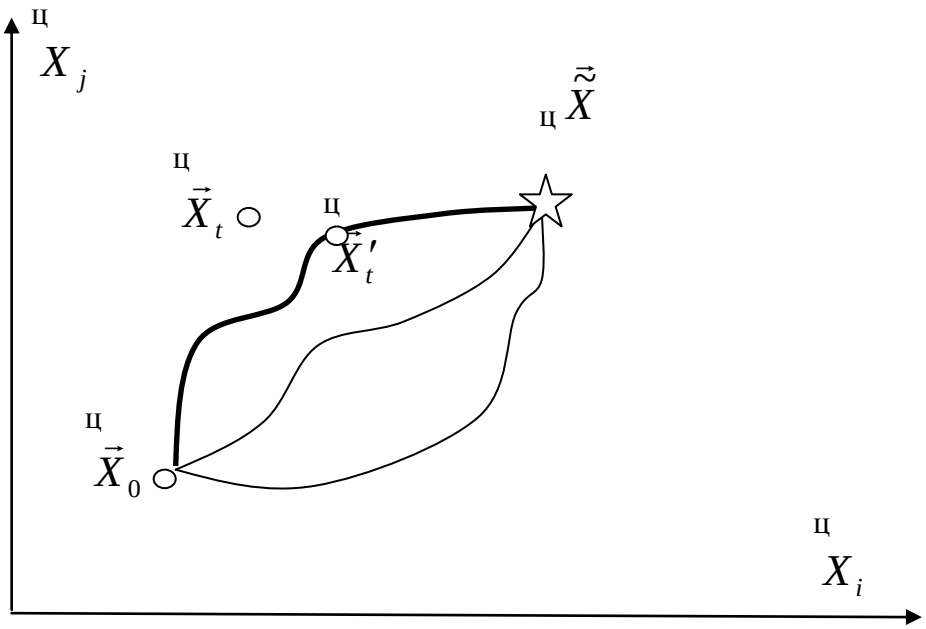


Рисунок 3 – Схема, отражающая изменение параметров социально-экономической системы в ходе стратегического планирования и управления

Рисунок отражает изменение состояния системы в многомерном фазовом пространстве его характеристик (аналогично рисунку 2). На рисунке приняты следующие обозначения:

$\vec{X}_0$ - вектор параметров исходного состояния социально-экономической системы;

$\vec{\tilde{X}}$ - вектор параметров желаемого состояния системы (характеризует *видение будущего*);

линии, соединяющие точку $\vec{X}_0$ с точкой $\vec{\tilde{X}}$ – возможные пути перехода из исходного в желаемое состояние (в соответствии с разными варианами *стратегий*);

толстая линия – траектория перехода из исходного в желаемое состояние в соответствии с принятой (утвержденной) *стратегией*;

$\vec{X}'_t$ - вектор параметров ожидаемого состояния системы в момент *t* в соответствии с принятыми (утвержденными) планами реализации стратегии;

$\vec{X}_t$ - вектор параметров фактического состояния системы в момент *t*, зафиксированный на основе текущего мониторинга.

На каждом из уровней стратегического планирования и управления принятие и реализация решений происходит в соответствии со следующими этапами:

1) формулирование частных целей исходя из целевых установок более высокого уровня стратегического планирования;

2) оценка текущей ситуации на основе мониторинга параметров системы, выявление и анализ текущих проблем;

3) прогноз возможного развития ситуации, выявление и анализ угроз;

4) определение возможных вариантов решений для достижения целей;

5) выбор оптимального варианта решения;

6) реализация принятых решений, контроль исполнения;

7) корректировка действий по результатам контроля реализации решений (при необходимости).

В ходе выполнения этих этапов возникают следующие ключевые вопросы.

По этапу 1):

(1а) как декомпозировать целевые установки высокого уровня иерархии в частные цели и задачи, чтобы системным и полным образом были реализованы национальные приоритеты;

(1б) какова должна быть система показателей, по которой должна оцениваться степень выполнения поставленных целей и задач.

По этапу 2):

(2а) что и как надо мониторить;

(2б) как определить норму/ненорму в конкретной ситуации, как диагностировать результаты мониторинга.

По этапу 3):

(3а) как прогнозировать;

(3б) как оценивать угрозы.

По этапу 4):

(4а) как оценивать последствия принимаемых решений.

По этапу 5):

(5а) как проводить оптимизацию решений (на основе какой процедуры выбирать наилучшее решение из возможных альтернатив).

По этапу 6):

(6а) что и как контролировать и диагностировать;

(6б) как оценивать достоверность и результаты контроля.

По этапу 7):

(7а) когда необходима корректировка (каковы критерии необходимости проводить корректировку);

(7б) что и как корректировать.

Как уже отмечалось, в настоящее время ответы на эти вопросы даются эвристическим, экспертным образом в результате борьбы групп влияния на принятие решений. Качественный скачок в повышении обоснованности стратегического планирования и управления будет совершен, если они будут основываться на научных методах моделирования и долгосрочного прогнозирования развития социально-экономических систем. В этом случае общий алгоритм стратегического планирования и управления будет выглядеть следующим образом.

А) Формируется иерархическая система динамических логико-математических моделей, позволяющих моделировать и прогнозировать социально-экономические процессы в России и в мире. В настоящее время имеется большое количество моделей такого типа. Задача заключается в том, чтобы сформировать систему моделей, целевым образом нацеленную на

решение задач стратегического планирования и управления. Для решения задач анализа развития России в контексте мировой динамики может быть использована трехуровневая система моделирования «мир – регионы – страны». Для решения внутренних задач развития России целесообразно сформировать систему моделей, приведенную в таблице 2.

Таблица 2 – Система иерархического моделирования развития страны

Уровень анализа и управления	**Объект моделирования**	**Предмет моделирования**	**Задачи моделирования**	**Вид и особенности моделей**	**Показатели**
Стратегический (Sb – среда)	Страна	Цели системы (вопрос «зачем?»)	Целеполагание, управление, изменение структур	Телеологические модели (выбор желательного аттрактора и способа параметрического управления системой), долгосрочные	Цели и интересы, управляющие параметры
		Эволюция системы (вопрос «почему?»)	Определение и анализ устойчивых структур (аттракторов, ловушек), особенностей их эволюции	Динамические модели самоорганизации (выявление аттракторов, особенностей формирования и эволюции устойчивых структур (институтов)), среднесрочные	Параметры порядка системы
		Функционирование системы (вопрос «как?»)	Определение особенностей функционирования и воспроизводства	Динамические (циклические) модели воспроизводства, жизненного цикла системы, краткосрочные	Показатели эффективности функционирования
Оперативный	Отрасли (регионы)	Материальные и информационные потоки (вопрос «что?»)	Определение особенностей формирования потоков в системе	Модели межотраслевого баланса	Характеристики потоков
Тактический (Sb – Sb)	Организации, фирмы	Поведение организаций, фирм	Определение поведения фирм и организаций	Оптимизационные модели	Показатели деятельности
		Условия функционирования	Моделирование условий функционирования	Сетевые, графовые модели	Характеристики сетей
Базовый (Sb – Ob)	Индивиды	Поведение индивидов	Определение поведения индивидов	Оптимизационные модели	Характеристики субъектов (функции поведения)
		Условия функционирования	Моделирование условий функционирования	Имитационные модели	Характеристики объектов

Модели должны описывать динамику социально-экономических, демографических, политических процессов с целью установления связи между управляющими воздействиями и показателями качества функционирования социально-экономической системы. Базовые модели такого типа существуют, некоторые из них представлены в (Садовничий, Акаев, Коротаев, Малков 2012).

Б) На основе *ценностного целеполагания,* сформулированного в документах первого (высшего) уровня стратегического планирования, формируется целевая функция государственного управления, а также система агрегированных комплексных показателей (КП), характеризующих качество ее достижения. Такими КП, например, могут служить «геополитический статус» (ГПС), «индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), «коэффициент жизнеспособности страны» (КЖС) и т.п. Эти комплексные показатели затем используются при выборе оптимальных стратегий и при интегральной оценке эффективности принимаемых решений.

В) Формируется «дерево факторов», наиболее значимым образом влияющих на изменение КП и относящихся к различным сферам стратегического планирования. Определяются частные показатели, характеризующие эти факторы, устанавливается их функциональная (формульная) связь друг с другом и с показателями верхнего уровня, включая КП.

Г) На основе прогнозного моделирования развития страны в контексте возможных сценариев мирового развития с учетом имеющихся ограничений (ресурсных, политических и.т.п.) определяются целевые значения комплексных показателей на планируемый период в качестве целевых ориентиров управления, определяются приоритеты развития страны.

Д) На основе анализа взаимовлияний в «дереве факторов» определяется ключевые (с точки зрения достижения целей развития) факторы, относящиеся к различным сферам стратегического планирования, и

формируется перечень стратегий, направленных на целевое изменение этих факторов.

Е) Производится согласованная разработка *стратегий* по изменению ключевых факторов в привязке к сферам стратегического планирования и с учетом имеющихся ограничений (результатом должно быть определение возможных траекторий перехода из исходного состояния $\vec{X}_0$ в желаемое состояние $\vec{\tilde{X}}$, обозначенных на рис.3 сплошными линиями). Производится процедура оптимизации по критерию «эффективность-стоимость-реализуемость», на основе которой определяется наиболее рациональная траектория (обозначена на рис.3 толстой линией). Окончательно формулируются и утверждаются стратегии для различных сфер стратегического планирования, обеспечивающие согласованное движение по выбранной траектории.

Ж) Для данных стратегий формируются *комплексные показатели эффективности* (позволяющие на агрегированном уровне отслеживать эффективность их выполнения) и определяются ориентиры для частных показателей.

З) Формируются *программы* и *планы* по реализации стратегий. Данные программы и планы включают в себя систему мер и управляющих воздействий на социально-экономические процессы. Производится прогнозное моделирование функционирования социально-экономической системы с учетом планируемых мер и управляющих воздействий на предмет оценки соответствия сформированных *программ* и *планов* их целям. Формируется перечень частных показателей, на основе которых должно контролироваться выполнение программ и планов. Эти показатели должны отражать изменения в «дереве факторов» и тем самым обеспечивать возможность оценки влияния конкретных программ на агрегированные показатели верхнего уровня вплоть до КП.

И) Указанные частные показатели $\vec{X}_t$ и комплексные показатели эффективности определяться в текущем режиме в ходе мониторинга на этапе реализации стратегий и сравниваются с плановыми значениями $\vec{X}'_t$ (см. рис.3). Одновременно в текущем режиме проводится прогнозное моделирование последствий наблюдаемых отклонений $\vec{X}_t$ от $\vec{X}'_t$ с тем, чтобы определиться с необходимостью внесения корректировок в стратегическое планирование и управление (тем самым реализуется управление по схеме «*предиктор – корректор*», позволяющее упреждать неблагоприятное развитие ситуации). Критерием необходимости корректировки стратегий являются не сами по себе отклонения фактических (или прогнозируемых) значений показателей от их плановых ориентиров (подобные отклонения неизбежны), а такие отклонения, которые приводят к качественным изменениям в долгосрочном периоде[24].

К) В силу большого количества частных показателей и их неизбежного отклонения от плановых значений текущий контроль за ходом реализации стратегий должен быть двухъярусным. В первую очередь оцениваются *комплексные показатели эффективности*, характеризующие выполнение стратегии в целом. Если их значения удовлетворительны, то ситуация признается «нормальной»; при этом частные показатели и их фактические отклонения от плановых значений фиксируются в базе данных и подвергаются статистической обработке. Если значения комплексных показателей эффективности неудовлетворительны, то ситуация признается «ненормальной»; производится тщательный анализ расхождений фактических и плановых значений частных показателей на предмет выявления критических аномалий и проведения соответствующей диагностики с целью выработки предложений по выправлению ситуации.

[24] Например, не просто возможное снижение величины ГПС по отношению к его желаемому значению, а такое снижение, которое приведет к опусканию страны на 2-3 пункта в геополитической иерархии стран мира.

Л) Если выясняется, что в рамках утвержденных программ и планов выправить ситуацию нельзя, и установленные целевые ориентиры недостижимы, возникает необходимость в корректировке стратегического управления. При этом корректировка должна вестись «снизу», то есть с нижних уровней планирования и управления:

- сначала корректировке должны подвергаться *программы* и *планы* (путем перераспределения ресурсов, уточнения мероприятий);

- если это не помогает, то должны скорректироваться *стратегии* (то есть методы достижения целей);

- если и это не помогает, то тогда могут быть скорректированы стратегические ориентиры (*видение будущего*), значения комплексных показателей верхнего уровня.